

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

БОРЬБА,

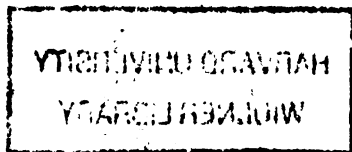
НЕ НА ЖИВОТЪ, А НА СМЕРТЬ.

СЪ НОВИМИ

ИСТОРИЧЕСКИМИ ЕРЕСЯМИ.

М. Погодина.

518.

МОСКВА.

Типографія Ф. Б. Миллера (Покровка, Машковъ пер. соб. д.).

1874.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	I—XVI
I. За Скопина-Шуйскаго.	4
II. За князя Пожарскаго.	27
III. За Минина	65
IV. За Сусанина	83
V. Два слова о статьѣ «Куликовская битва» помѣ- щенной въ календарѣ.	106
VI. Н. И. Костомарову	427
VII. О Литовскомъ началѣ Руси, письмо къ г. Ко- стомарову.	137
Второе письмо къ г. Костомарову.	158
VIII. О статьѣ: «Единодержавіе въ Россіи».	176
IX. О разсужденіи: Преданія первоначальной Рус- ской лѣтописи	194
X. О новомъ сочиненіи г. Костомарова. (Статья первая)	223
XI. Отвѣтъ г. Иловайскому	237
XII. О новомъ сочиненіи г. Костомарова. (Статья вторая).	241
XIII. Возраженіе на отвѣтъ г. Костомарова.	261
XIV. Повѣствованіе г. Иловайскаго.	272
XV. Вызовъ къ г. Иловайскому.	302
XVI. На замѣчаніе г. Иловайскаго.	305
XVII. Подстрочный разборъ второй статьи г. Иловай- скаго: «Еще о Норманизмѣ».	312
XVIII. Гостинецъ г. Костомарову.	381
Свѣдѣніе о лѣтописи Іоанна Діакона.	391

П О П Р А В К И .

- С. 321 стр. 10 **связу** **вм.** лучше **чит.** легче
- » 322 — 2 — » **славянскимъ** » **славянскихъ**
- » 336 — 16 — **послѣ** слова: **слѣдовательно** пропущены слова: **замѣтимъ** г-ну Костомарову, думающему, что **всѣ** наши **Славянскія** племена **искони** назывались **Русью**.
- » 337 — 4 — **пропущено** слово: **обитали**
- » 340 — 9 — **вм.** Тмутараканами **чит.** Тмутаракань
- » 341 — 10 — **вм.** **вотъ** до **какого** **чит.** **вотъ** до **чего** **соотвѣтствія**
- » 344 — 11 — **послѣ** слова: **давалась** — **пропущены** слова: **и** **гораздо** **послѣ**
- » 346 — 6 — **вм.** **не** можете **вы** **чит.** **не** можете **вы-**
разумѣть **разумѣть**
- » » — 8 — **вм.** **пута**етесь, **на-** **чит.** **пута**ется, **на-**
ходите **ходится**
- » 357 — 18 — **цифра** 3 **должна** **быть** **переставлена** **въ** **слѣдующую** **строку**.
- » 361 — 5 — **пропущено** **указаніе** **страницы** 132
- » » — 13 — **пропущено** **указаніе** **страницы** 134
- » 362 **Предъ** **последними** **двумя** **столбцами** **пропущены** **слова:** **Разсуждая** **о** **лѣтописи**, **г.** **Иловайскій**, **въ** **дока-**
зательство **ея** **недостовѣрности**, **повторяетъ** **нѣ-**
сколько **своихъ** **сомнѣній** **о** **подлинности** **первыхъ**
ея **извѣстій**.
- » 364 **Письмо** **А.** **З.** **Зиновьева** **о** **дружинѣ** **съ** **моимъ** **отвѣ-**
томъ **принадлежитъ** **къ** **стр.** 372 **предъ** **последними**
четырьмя **строками**.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Издавая нынѣ книгой свои разборы статей г. Костомарова о Русской Исторіи, считаю нужнымъ, особенно имѣя въ виду его послѣдній отвѣтъ на мою рецензію „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ главныхъ ея дѣятелей,“ (*) объясниться предъ читателями о моихъ отношеніяхъ къ автору.

Имя его я узналъ въ сороковыхъ годахъ прежде всего отъ покойнаго преосвященнаго Иннокентія, котораго спрашивалъ, почему онъ не одобрилъ магистерской диссертациі г. Костомарова. Прошло нѣсколько лѣтъ. Онъ напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Бюданъ Хмельницкій*, прочтенное мною съ удовольствіемъ, и я порадовался появленію новаго историческаго таланта. Потомъ, плывя на пароходѣ по Волгѣ, я прочелъ другое его сочиненіе: *Стенька Разинъ*, и первое благопріятное впечатлѣніе укрѣпилось. Въ пятидесятыхъ годахъ издалъ я разсужденіе о томъ, былъ ли Борисъ Годуновъ основателемъ у насъ крѣпостнаго права, на которое г. Костомаровъ напечаталъ свои замѣчанія, принятые мною съ благодарностію. (*)

Вскорѣ онъ занялъ кафедру Русской Исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, и во вступительной своей лекціи распространился о важности моихъ изслѣдованій такъ, что ректоръ тогдашній, добрый П. А.

(*) Вѣстникъ Европы, 1874, Февраль.

(*) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говорилъ обо мнѣ г. Костомаровъ въ этихъ замѣчаніяхъ:

«Странно, что такой глубокой знатокъ нашей старины, какъ г. Погодинъ, находитъ толковитость отличительнымъ качествомъ нашей администраціи и дѣлопроизводства».

II

Плетневъ, желая, разумѣется, доставить мнѣ удовольствіе, извѣстилъ меня, какими похвалами моихъ трудовъ огласились стѣны Петербургскаго университета, и пр.

Въ 1860 году г. Костомаровъ напечаталъ въ *Современникѣ* разсужденіе о Литовскомъ происхожденіи Руси (*). Сознвая великую важность вопроса о происхожденіи для нашей исторіи, дойдя до твердыхъ убѣжденій, я не могъ оставить Литовскаго мнѣнія безъ опроверженія, но считая его въ высшей степени неосновательнымъ, чтобы не придавать ему важности, написалъ статью объ немъ въ полупуштивомъ тонѣ, заключая вызовомъ на диспутъ. (*)

Диспутъ нашъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ любопытные могутъ прочесть въ современныхъ журналахъ и газетахъ, долженъ былъ принять особый характеръ и имѣть въ виду болѣе публику чѣмъ науку.

Мы сговорились предварительно: я сообщилъ г. Костомарову свои замѣчанія, а онъ мнѣ свои отвѣты. Мы уравнили взаимныя возраженія, сдѣлали нѣсколько репетицій, и на публичное преніе отправились въ одномъ экипажѣ.

Г. Костомарова я не считалъ причастнымъ къ разнымъ продѣлкамъ, на диспутѣ и послѣ въ журналахъ, и мы разстались въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

«Никто изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ нашей старины, и даже самъ г. Погодинъ, за которымъ признаемъ въ ряду ихъ почетное мѣсто первенства, не въ силахъ, единственно по внѣшности слога и выраженій, отличить подложную бумагу, составленную дьякомъ XVII в. отъ подлинной официальной того же времени».

Это было говорено въ пятидесятихъ годахъ, (употребляю эти слова г-на К. разумѣется какъ оружіе противъ него), а вѣдь съ тѣхъ поръ я не разучивался, а продолжалъ учиться безпрестанно: почему же теперь г. Костомаровъ не принимаетъ моихъ словъ во вниманіе?

(*) Онъ прислалъ мнѣ экземпляръ на велевой бумагѣ съ надписью: Въ знакъ глубочайшаго уваженія отъ автора. 1860 г., марта 10 го. С - Петербургъ.

(*) См. ниже с. 157.

Читатели могут прочесть въ тогдашней Бесѣдѣ обстоятельное описаніе всего этого эпизода.

Статья о Сусанинѣ, въ которой отвергалось его самопожертвованіе для спасенія вновь избраннаго царя Михаила Романова, напечатанная вскорѣ г. Костомаровымъ, мнѣ очень не понравилась: я увидѣлъ автора съ новой стороны, но промолчалъ о ней, потому что статья была основательно разобрана г. Соловьевымъ въ *Русскій Рѣчи*.

Въ 1864 году г. Костомаровъ напечаталъ въ академическомъ календарѣ статью: *Куликовская битва*, въ коей доказывалъ трусость и неблагородство Дмитрія Донскаго. Я написалъ ему отвѣтъ, и старался опровергнуть всё его разсужденія подлинными свидѣтельствами историческими, заключивъ свою статью слѣдующими словами: „Если правда что *le top fait la musique*, то скажу вамъ откровенно, что *вашъ тонъ вообще мнѣ не нравится*. Передавая часто даже сказочныя подробности, вы или опускаете обстоятельства, которыя служатъ къ характеристикѣ событія, или размѣщаете ихъ не такъ какъ слѣдуетъ, и насилуете въ худую сторону, а не въ хорошую.“ (*)

Вотъ еще когда я началъ указывать г. Костомарову на кривое направленіе его трудовъ!

Г. Костомаровъ не только не сознался, но продолжалъ настаивать: „Я думаю“, сказалъ онъ, между прочимъ, „что вовсе не обязанъ въ сужденіяхъ о Дмитріи Донскомъ наблюдать больше осторожности чѣмъ въ сужденіяхъ объ Ягайлѣ и Мамаѣ.“ Я отвѣчалъ: „Жалѣю о васъ и скорблю о такомъ настроеніи души. Съ такимъ настроеніемъ совѣтую вамъ писать только о Ягайлѣ и Мамаѣ, пожалуй о Виговскомъ и Мазепѣ, но оставить въ покоѣ нашего Дмитрія Донскаго, Александра Невскаго, Минина, Сусанина и прочія любезныя Русскія имена. Въ исцѣленіе отъ подобныхъ правилъ молодымъ людямъ совѣтую читать и перечитывать Карамзина, который надолго еще долженъ оставаться нашимъ учителемъ, какъ и идеаломъ Рус-

(*) Смотри ниже с. 107.

скаго гражданина. Не только историкъ, но всякій честный человѣкъ долженъ „гнушаться“ иныхъ понятій (*).

Состязаніе продолжалось въ пріязненныхъ отношеніяхъ, но образъ обхожденія г. Костомарова съ историческими памятниками становился мнѣ противнымъ, что я объяснилъ ему откровенно и заключилъ журнальную статью такъ: Но довольно, чувствую я что начинаю „сердиться ребячески“... (**) младенчески, и, пожалуй, хоть старчески, однимъ словомъ, всячески. До прохлажденія!... Вы сказали ваше мнѣніе, я сказалъ свое. Пускай судятъ читатели, а то вѣдь чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Слово за слово, мы, пожалуй, и поссоримся, а я ссориться ни съ кѣмъ, тѣмъ болѣе съ вами; не хочу, считая васъ предателемъ только въ смыслѣ италіанской по-словицы: traductore-traditore! (*)

Читатели видятъ здѣсь постепенность моихъ сужденій о трудахъ г. Костомарова.

Въ 1871 году онъ напечаталъ въ *Вѣстникъ Европы* статью: *Личности смутнаго времени*, гдѣ онъ смѣшалъ ихъ чуть не съ грязью, и я началъ разбирать его статью въ *Гражданинъ* слѣдующими словами, все еще не враждебными: „на долгомъ моемъ вѣку пришлось мнѣ вести, „тридцатилѣтнюю войну“ съ покойнымъ Каченовскимъ... А съ вами, почтенный Николай Ивановичъ, видно обреченъ я на семилѣтнюю... Я не считаю впрочемъ того *поля*, гдѣ бился по-пріятельски,

(*) Это слово употреблено въ отвѣтъ на слова г. Костомарова, который сказалъ о стихахъ Пушкина:

Тѣмы низкихъ истинъ мнѣ дороже

Насъ возвышающій обманъ.

«что не только историкъ, но всякій честный человѣкъ долженъ гнушаться такими понятіями».

Не мѣсто входить здѣсь въ разсужденіе объ этихъ понятіяхъ, но едва ли онъ не лучше, напрямѣръ, такихъ:

Тѣмы высшихъ истинъ мнѣ дороже,

Насъ унижающій обманъ.

(**) Выраженіе, употребленное г. Костомаровымъ: «Я не могу такъ ребячески обращаться съ исторіей», говорилъ онъ мнѣ, «чтобы сердаться на историческія лица!»

(†) См. ниже с. 136.

въ 1860 году, противъ Литовскаго происхожденія, потому что видѣль здѣсь съ вашей стороны только историческiй парадоксъ, къ какимъ подчасъ бываетъ склонна наша братія... Семилѣтняя война должна считаться собственно съ вашей статьи о *Димитрiи Донскомъ* (1864). Но вотъ вы хотите отнять у насъ теперь Скопина-Шуйскаго, смѣшиваете съ дужинною грязью Пожарскаго, набрасываете позорныя тѣни на Минина, и продолжаете доколачивать послѣ Поляковъ несчастнаго Сусанина! Оставлять на минуту безъ возраженія такія непостижимыя выходки съ *несчастной точки, вами въ недобрый часъ выбранной*, для насъ, Русскихъ, было бы стыдно! Съ кѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, мы останемся: съ Заруцкимъ, Котошихинымъ, Мазепою?

Я заключилъ эту статью словами: „Я уважаю талантъ (г. Костомарова), сравнительно съ другими, и глубоко сожалею о *той дурной, шаткой почкѣ, съ которой онъ производитъ свои критическiя наблюденiя, и которая подъ нимъ странно колеблется*“.

По оборонѣ Скопина, прежде нежели случилось мнѣ приняться за Пожарскаго, г. Забѣлинъ напечаталъ прекрасную статью противъ г. Костомарова о Пожарскомъ и Мининѣ, и я счелъ продолженіе своей статьи не нужнымъ, но г. Костомаровъ не унялся и продолжалъ настаивать на своемъ мнѣнiи. Тогда я написалъ опроверженіе, сперва за Пожарскаго, а потомъ и за Минина.

Разборы эти печатались вродолженіи двухъ лѣтъ, потому что, имѣя постоянныя занятія, я могъ посвящать имъ по нѣсколькимъ часамъ исподволь. Последняя статья за Сусанина совпала съ появленіемъ *Русской Исторiи* г. Костомарова, которая окончательно вооружила меня противъ него, и я написалъ о первомъ выпускѣ двѣ статьи, вызвавшія его отвѣтъ.

Г. Костомаровъ начинаетъ его слѣдующими словами: „г. Погодину угодно было избрать меня своею спеціальностію въ последнее время“ (стр. 465).

Спеціальность моя есть Русская Исторiя, и въ продолженіи всей моей ученой и литературной жизни я считалъ своею обязанностію подавать голосъ почти обо всѣхъ значительныхъ явленіяхъ въ исторической

литературѣ, значительныхъ по себѣ или по отноше-
ніямъ. Такъ воевалъ я съ Каченовскимъ, противъ его
козарства, за подлинность договоровъ Олега, Игоря
и Святослава, за Русскую Правду, за достовѣрность
древней Русской исторіи и пр. Такъ точно, безъ всякихъ
околичностей, ратовалъ я противъ родового быта
гг. Содорьева и Кавелина, противъ старшинства,
какъ причины междоусобныхъ войнъ, противъ раз-
дичія городовъ древнихъ и новыхъ, за значеніе удѣ-
ловъ, за важность Татарскаго вліянія, и пр., и мирясь
съ новой *Исторіей Россіи*, въ каждомъ томѣ которой
нахожу новыя, любопытныя, неизвѣстныя для меня
свѣдѣнія, остаюсь непримиримымъ врагомъ его древ-
ней и средней.

По тѣмъ же побужденіямъ разбиралъ я почтенный
трудъ г. Гедеонова, и говорилъ о разсужденіи пр.
Хвольсона.

Вотъ и теперь — я люблю, уважаю и считаю себя
даже одолженнымъ г. Иловайскому за его искреннее
расположеніе, доказанное мнѣ при разныхъ случаяхъ,
но протестую противъ его ереси. Polemiku въ этомъ
смыслѣ, по обстоятельствамъ нашего времени, я считаю
частью моей ученой службы.

Г. Костомаровъ приписываетъ моимъ разборамъ
особыя цѣли: смѣю увѣрить его, что цѣлями у меня
было только — оборонить Русскую Исторію, съ слав-
ными ея дѣятелями, для насъ любезными, отъ дерзкихъ
нападокъ моды и легкомыслія, указать на ея драго-
цѣнныя источники, вразумить читателей о несостоя-
тельности новыхъ толковъ; предохранить учащуюся
молодежь отъ ложнаго ученія, на основаніи подлин-
ныхъ историческихъ свидѣтельствъ, и напомнить не-
преложныя правила здоровой критики, о которой у насъ
теперь много говорятъ, и мало думаютъ.

Далѣе, г. Костомаровъ, сворачивая; — употреблю
его выраженіе, — съ прямой ученой дороги на кривую,
принимаетъ видъ угнетенной якобы невинности, про-
пускаетъ всѣ мои изслѣдованія и доказательства, какъ
будто бы ихъ не было (а они вотъ занимаютъ 20 слиш-
комъ печатныхъ листовъ), и утверждаетъ: „отвѣчая
г. Погодину, мнѣ приходилось бы говорить: я не го-

ворилъ этого, я не такъ сказалъ это, я не въ томъ смыслѣ выразился“.

Нѣтъ! какъ ни будете вы оборачиваться, никакъ не сможете затмить смыслъ, слишкомъ осязательный и очевидный, вашихъ положеній, противъ которыхъ только и обращена была моя полемика; никакъ не можете успѣшно отпереться отъ своихъ доказательствъ, что

Димитрій Донской былъ *трусъ* (побѣжалъ въ лѣсъ, запрятался подъ срубленное дерево, и тамъ улегся чуть не безъ чувствъ, стр. 21) и... и *человѣкъ неблагородный* (любимаго боярина не пожалѣлъ отдать на опасность за себя самого, стр. 23).

Скопинъ — лицо *тусклое* и *двусмысленное*. (*Вѣстникъ Европы*, 1871. Юнь, стр. 499, 500 и пр.).

Пожарскій — *человѣкъ совершенно рядовой, дюжинный*, одинъ изъ многихъ (*ibid*, стр. 515. 1872 г., Сентябрь, стр. 31).

Мишкинъ — какими гнусными чертами надѣляется *Мишина* г. Костомаровъ, выговорить противно (*).

Сусанинъ — *миѣнъ*. (*Историческія монографіи*, т. I, стр. 453; *Вѣстникъ Европы* 1871, стр. 527 и пр.).

Мономахъ — *себѣ на умѣ*. (*Исторія*, стр. 76).

Василько — *ослѣпленный* — никто не поручится, быдъ ли „на самомъ дѣлѣ лучше *ослѣпителей*“. (*Вѣстникъ Европы*, 1874, январь, стр. 427.).

Андрей Боголюбскій — „отягощаль народъ поборами чрезъ своихъ посадниковъ и тиуновъ, и по произволу казнилъ смертію всякаго кого хотѣлъ... Какъ видно, часъ отъ часу становился *больше и больше жестокимъ*“ (*Исторія*, стр. 89).

Всѣ первые князья до *Владимира* — *разбойники, грабители, атаманы разбойниковъ*. (*Вѣстникъ Европы*, 1870 г., январь, стр. 9, 10, 11 и пр. *Исторія*, стр. 3 и пр.).

Наконецъ вся Русская *Исторія* сравнена съ *Амиевой конюшнею*. (*Вѣстникъ Европы*, 1871 г., юнь, с. 527.).

Эти положенія составляютъ сущность разобранныхъ мною статей г. Костомарова.

Осужденія и осужденія, — одно другаго сильнѣе, тяжеле! Пятна и пятна, — одно другаго чернѣе!

(*) См. стр. 73, 81.

Правъ ли я былъ, говоря о его расположеніи толковать все въ худую сторону, искать черныхъ пятенъ и т. под.? Какъ же назвать разобранныя статьи и сочиненія? Воля г. Костомарова, а панегириками никто ихъ не назоветъ, пасквилями же имѣть право назвать всякій, имѣющій мало-мальское понятіе о Русской исторіи и ея источникахъ.

И между тѣмъ всѣ его доказательства не выдерживаютъ критики самой снисходительной, въ чемъ легко теперь убѣдиться безпристрастнымъ, нейтральнымъ читателямъ, изъ моихъ изслѣдованій, основанныхъ на лѣтописяхъ, грамотахъ, — на источникахъ своихъ и иностранныхъ.

Исторія моихъ отношеній къ г. Костомарову находится теперь сполна, такъ-сказать, предъ глазами читателей, и они увидятъ, что я съ самаго начала говорилъ съ нимъ однимъ языкомъ, указывалъ ему и осуждалъ ту точку на которую онъ становился, — подавалъ искренніе совѣты.

И я ли одинъ это дѣлалъ? Вотъ напримѣръ *Всемирная Иллюстрація*, ставя слишкомъ высоко г. Костомарова, и величая его знаменитымъ историкомъ, отзывается объ его направленіи (1871) такимъ образомъ: „Отрицательно-критическое направленіе положительно забѣдаетъ его могучій и прекрасный талантъ“.

„Отъ всѣхъ этихъ развѣнчиваній дѣятелей русской древней исторіи такъ и вѣетъ именно какою-то предвзятою мыслію“.

„Досадно думать что этотъ дѣланный отрицательный взглядъ мѣшаетъ ученому профессору“ и пр.

Тонъ мой возвышался постепенно, по мѣрѣ выходокъ г. Костомарова, и достигъ наконецъ до высшей точки негодованія при чтеніи *Русской Исторіи*, назначенной для чтенія юношеству, и прославленной Петербургскими журналами какъ нѣчто идеальное.

Г. Костомарову угодно назвать мои рецензіи полицейскими. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ вошло въ обычай, за неимѣніемъ лучшихъ доказательствъ, отдѣлываться отъ отвѣтовъ на предлагаемыя замѣчанія обвиненіемъ въ доносахъ. Если нечего отвѣчать, то уличаемые

начинають жаловаться на доносы, и объявляютъ, что не хотять изъ-за нихъ, не могутъ состязаться. Дѣйствительно, еслибы въ Управѣ Благочинія былъ департаментъ по дѣламъ историко-критическимъ, то ему исключительно принадлежала бы расправа съ подобными выходками, исполненными напраслины и клеветы на исторію. Но тамъ, слава Богу, нѣтъ такого департамента, и мы можемъ говорить и судить о Рюригѣ, Мономахѣ et tutti-quantі, какъ угодно. Это право ограничивается однакоже законами критики и требованіями здраваго смысла: голословныя или пристрастныя обвиненія терпимы быть не могутъ и безъ полиціи. Долгъ всякаго служителя исторіи обнаруживать невѣрныя положенія, и пресѣкать вредныя ихъ дѣйствія въ дѣлѣ изученія исторіи, что я и старался исполнить, основываясь на историческихъ документахъ, и потому напрасно укрывается г. Костомаровъ подъ защиту полицейскаго парадокса, будто въ статьяхъ моихъ я больше всего толкую о неблагонамѣренности его, о недостаткѣ патриотизма, о неуваженіи къ доблестямъ историческихъ лицъ и пр. Если же самъ г. Костомаровъ видитъ въ результатахъ моихъ изслѣдованій и замѣчаній на его статьи такіе приговоры, то это уже не моя вина.

Въ дополненіе предложенныхъ мною доказательствъ о духѣ и направленіи его изслѣдованій о первомъ періодѣ, — вотъ его характеристика древней дружины, которая, за излишкомъ матеріаловъ, не попала въ мои прежнія статьи, но въ которой всего осязательнѣе выразился авторъ.

Извѣстна сказка, помѣщенная въ лѣтописи, о мщеніи Ольги надъ Древлянами, убившими мучительски ея мужа Игоря. Какое же употребленіе дѣлаетъ изъ нея г. Костомаровъ? Никто этому не повѣрилъ бы, еслибы это не было напечатано. Онъ говоритъ:

«Это сказаніе имѣетъ для насъ особенную важность въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ вообще любимыя народомъ пѣснопѣнія, сказанія и воспоминанія отражаютъ и духовное состояніе этого народа. Ольга была лицо уважаемое въ воспоми-

нанія народа, «мудрѣйшая всѣхъ человѣкъ», какъ отозвались объ ней Кіевляне при ея внуку. И какъ же сложилось языческое представление объ этой идеальной личности? Это — типъ коварства и кровожадности. Мало того, что Ольга жестока и безжалостна; она съ особеннымъ злорадствомъ наслаждается мщеніемъ надъ безоружными, обреченными на погибель врагами. Ей доставляетъ утѣшеніе не только погубить ихъ, и при томъ самымъ мучительнымъ образомъ, живьемъ зарывая въ землю, или сожигая огнемъ,—она еще предъ ихъ погибелью ставитъ ихъ въ комическое положеніе и заставляетъ, (?) сидя въ лодѣ, всенародно кривляться и величаться (въ перегибѣхъ и сустугѣхъ)? на помяніе Кіевлянамъ, а потомъ, когда ихъ бросили въ яму, она сама подходитъ къ этой ямѣ и спрашиваетъ: хороша ли вамъ честь? Трупы и огонь, и опять огонь и трупы, и наконецъ порабощеніе цѣлаго края! Для Ольги не существуетъ ни великодушія, ни договора, ни обѣщанія! Идеалъ самый дикій, самый варварскій; и по этому идеалу мы можемъ себѣ вообразить, какова была та звѣрская разбойничья шайка, которая создавала себѣ такіе поэтическіе образы и наслаждалась ими.

На сказкѣ г. Костомаровъ основываетъ жесточайшій приговоръ цѣлому обществу, дружинѣ, интеллигенціи, какъ говорятъ нынѣ, среди коей слагались пѣсноишія: „какова была та звѣрская разбойничья шайка“, восклицаетъ онъ, „которая создавала себѣ такіа поэтическіе образы и наслаждалась ими!“ Г. Костомаровъ предполагаетъ такое сужденіе Современниковъ: Ольга самое мудрое, идеальное лице въ памяти народа. Какъ бы похвалить ее и прославить посильнѣе? Какія черты выбрать для изображенія идеала? И вотъ среди передовыхъ людей слагается объ ней преданіе, приписываются ей дѣла. Каковъ же этотъ народъ, который видитъ идеалъ свой въ подобныхъ дѣлахъ?

Кажется не нужно прибавлять ничего къ этимъ *изумительнымъ* сужденіямъ. Г. Костомаровъ какъ будто, не читалъ ни въ какихъ Европейскихъ лѣтописяхъ ничего подобнаго о дѣйствіяхъ мщенія. Почему же несчастная сказка объ Ольгѣ, которая даже, очевидно, есть происхожденія Норманскаго, и встрѣчается отчасти у Снорре-Стурлезона, возбуждаетъ въ немъ такое негодованіе? Почему извлекаетъ онъ изъ нея такіа страшныя, позорныя заключенія, когда онѣ могутъ выводиться изъ всякой стра-

ницы лѣтописей Европейскихъ, не только древнихъ, но и среднихъ, феодальныхъ, гдѣ описываютъ случаи еще пострашнѣе!

А вотъ кстати и вообще о нашемъ Великорусскомъ народѣ, кромѣ отзывовъ уже извѣстныхъ:

«Если только пѣсни вообще считать правдивыми выраженіями народной души, то омерзительная и грязная картина, въ которой великорусскій народъ самъ изображаетъ свою семейную жизнь, способна навести на самыя невыгодныя понятія о такомъ народѣ. Иное дѣло, еслибы подобныя черты составляли предметъ шуточныхъ пѣсенъ, въ минуты веселья и забавъ, часто человѣкъ, нравственный въ своихъ поступкахъ, дозволяетъ себѣ говорить, или, лучше сказать, болтать то, чего не скажетъ въ правду. Пѣсни, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, никакъ не шуточные; это именно такія пѣсни, въ которыхъ народъ выражаетъ свои задушевные чувства, свои нравственные взгляды. Иное дѣло было бы и тогда, когда бы черты, еще безнравственнѣе этихъ, мы встрѣтили въ пѣсняхъ былевыхъ, при описаніи какого-нибудь единичнаго событія; извѣстно что человѣческое воображеніе вообще тѣшится необычнымъ; спены пороковъ и злодѣяній могутъ нравиться тѣмъ которые вовсе не способны къ совершенію чего-нибудь преступнаго,—подобно тому какъ любители сценическихъ представленій тѣшатся пожарами на сценѣ театра: хотя никто изъ нихъ не способенъ самъ на поджигательство. (*) Но въ пѣсняхъ, о которыхъ мы говоримъ, совсѣмъ не исключительные случаи, не единичныя событія: здѣсь повсевневная жизнь, всегда присущее народу чувство... Однако»...

Остановимся на этихъ словахъ. Можно ли осудить народъ въ выраженіяхъ болѣе поносныхъ: *Грязную и омерзительную картину представляетъ вся семейная жизнь!*

Но что скажутъ читатели, если вслѣдъ за этимъ страннымъ приговоромъ г. Костомаровъ самъ не только ослабляетъ, но совершенно уничтожаетъ его дѣйствіе, и почти доказываетъ его неосновательность, продолжая:

«Однако мы еще не рѣшаемся сообщать этихъ чертъ, и на основаніи ихъ дозволять себѣ какія-либо сужденія о нравственномъ»

(*) Не осуждаете ли вы сами этими словами выше предложенныхъ разсужденій о народѣ по поводу Ольгиной сказки.

упадкѣ всего народа, именно по причинѣ тѣхъ недостатковъ въ способѣ собранія и изданія нашихъ народныхъ произведеній, отъ которыхъ не свободенъ еще не одинъ сборникъ. У насъ, во-первыхъ, мало вариантовъ тѣхъ пѣсенъ, на основаніи которыхъ мы бы рѣшались дѣлать приговоры; еслибъ у насъ вариантовъ было болѣе, мы бы узнали, вѣроятно, что содержаніе однихъ и тѣхъ же пѣсенъ не вездѣ одинаково понимается и выражается. И дѣйствительно,—пѣсня, которую мы приводили, какъ напечатанную въ сборникѣ г. Шейна подъ № 22, представляется намъ безнравственною: молодець, собираясь жениться, общается другой дѣвушкѣ, которая также выйдетъ замужъ за иного, быть съ нею въ любовной связи; эта пѣсня записана въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, но у насъ есть вариантъ той же самой пѣсни изъ Саратовской губерніи, въ которомъ уже не только нѣтъ такого безнравственнаго слысла, но дѣвушка, которой измѣняетъ молодець, показываетъ въ отношеніи къ нему даже великодушіе и благородство. Повторяемъ—для того, чтобы на основаніи пѣсенъ произносить сужденія о народныхъ свойствахъ, необходимо знать степень распространенности въ народѣ этихъ пѣсенъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ пѣсенъ, которыя изображали бы совсѣмъ иную сторону народной духовной жизни и составляли имъ, такъ сказать, противовѣсъ. Но этимъ-то недостаткамъ мы считаемъ до крайности легкомысленнымъ позволять себѣ произносить какіе-нибудь роковыя приговоры, тѣмъ болѣе что и подъ тою оболочкой грязи и цинизма, которою покрывается народная жизнь въ приведенныхъ нами пѣсняхъ, нельзя, однако, не замѣтить и чертъ свѣтлыхъ — поразительной бодрости и крѣпости духа, отваги, отсутствія всякаго отчаянія, боязни предъ горемъ, живой дѣятельной природы великорусскаго народа». (В. Евр., 1872, іюнь, стр. 572).

Спрашивается: для чего же г. Костомаровъ развернулъ свою *грязную и омерзительную картину*? Та пѣсня, которая доставляетъ для нея краски, имѣетъ смыслъ совершенно противоположный, по его собственнымъ словамъ, въ другомъ вариантѣ, и вмѣсто безнравственности показываетъ великодушіе и благородство! О другихъ такого рода пѣсняхъ неизвѣстно, въ какой степени онѣ распространены: можетъ-быть онѣ представляютъ мѣстные, единичные варианты.

Такъ разсуждаетъ самъ г. Костомаровъ, и очень основательно заключаетъ: „по этимъ недостаткамъ мы считаемъ до крайности легкомысленнымъ позволять себѣ произносить какіе либо роковыя приговоры»...

Этого мало: вслѣдъ за такимъ осужденіемъ г. Костомаровъ находитъ даже и подъ оболочкой грязнаго цинизма въ указанныхъ пѣсняхъ многія прекрасныя черты!

Вотъ какой образъ изложенія названъ мною іезуитскимъ: осудить самымъ жестокимъ образомъ и потомъ оговориться, что такое осужденіе не имѣетъ прочныхъ основаній! Зачѣмъ же вы осуждали? Чтобы произвести противное впечатлѣніе въ читателѣ, впечатлѣніе, отъ котораго остается всегда нѣчто въ его воображеніи, по замѣчанію дона-Базиля. Изъ вашего приговора много-много, по вашимъ собственнымъ словамъ, можно извлечь только краткое замѣчаніе: нѣкоторыя, де, пѣсни имѣютъ циническіе варианты. Это нимало не удивительно, ибо многія превосходныя стихотворенія во всѣхъ литературахъ подвергались насмѣшливымъ или даже злобнымъ пародіямъ. То ли бы впечатлѣніе произведено было подобнымъ замѣчаніемъ какое производится началомъ приговора, произнесеннаго г. Костомаровымъ Великорусскому народу!

Точно такими же оборотами, и на такихъ же основаніяхъ, отзывается г. Костомаровъ вообще о разныхъ лицахъ и дѣлахъ Русской Исторіи, какъ читатели удостовѣряются въ этой книгѣ.

Въ заключеніи моихъ замѣчаній на *Русскую Исторію* я сказалъ вообще объ его выходкахъ: „Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, если бы не имѣли въ наше время журнальной силы разные Ноздревы, которые своими продажными голосами развращаютъ юношество и морочатъ публику“.

Эти слова относились, очевидно, къ журнальнымъ и газетнымъ рецензентамъ, которые, не имѣя никакого понятія объ исторіи Русской, не принимая никакого участія въ судьбахъ ея, своими хвалебными возгласами приводятъ въ заблужденіе читателей, и въ особенности неопытную молодежь.

Доказательства ихъ невѣжества и мороченья предъ глазами: г. Костомаровъ объявилъ *Литовское* происхожденіе Руси—они превознесли его мнѣніе. Г. Иловайскій предложилъ вскорѣ *противоположное* мнѣніе о туземствѣ Руси, и они, позабывъ недавнія свои

восклицанія, рассыпались въ похвалахъ новому взгляду. Одинъ изъ такихъ муэциновъ говорить: „послѣ того какъ г. Иловайскій нанесъ свои рѣшительные удары легендѣ о призваніи князей, явленіе (о дружинѣ) стало требовать объясненія. Особенно это объясненіе сдѣлалось необходимымъ послѣ того, какъ г. Бѣляевъ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи — *Мининъ и Пожарскій* — съ такою поразительною ясностію указалъ, и пр. А г. Бѣляевъ ниже единою строкой не касался Минина и Пожарскаго, а писалъ о нихъ г. Забѣлинъ! Чего же ожидать отъ такихъ ученыхъ о Рюрикѣ и Олегѣ, когда они смѣшиваютъ современниковъ, и Иваново дѣло приписываютъ Ѳедору или Дмитрію? Такъ точно, вслѣдъ за г. Костомаровымъ, они осудили предъ своею публикой дорогихъ намъ дѣятелей 1612 года. Такъ точно теперь они преклонились предъ новою исторіей г. Костомарова, и нашли въ ней и эпопею, и драму, и какой-то прототипъ, и еще что-то.

Въ продолженіи всей моей полемики съ г. Костомаровымъ, я относился объ этихъ господахъ нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же смыслѣ; есть даже мѣста, гдѣ я именно противопоставлялъ ихъ г. Костомарову! Я назвалъ ихъ голоса продажными, потому что имъ дѣла нѣтъ до содержанія, до смысла ихъ словъ, а они говорятъ и пишутъ, что велятъ имъ ихъ хозяева и принцыпалы, по свидѣтельству, впрочемъ, ихъ самихъ: сами они утверждаютъ это, одни о другихъ, и можно бы привести въ доказательство множество ихъ подлинныхъ словъ. Имѣлъ ли я право, слѣдовательно, приравнять ихъ къ Ноздреву, котораго, знакомая ему почтенная публика, зная вдоль и поперекъ, все-таки хотѣла спросить: а что скажетъ Ноздревъ? (*)

Все, сказанное мною о рецензентахъ этого рода, г. Костомаровъ принялъ произвольно на свой счетъ,

(*) Считаю нужнымъ еще оговориться: о самыхъ фельетонистахъ я говорилъ безлично, и только въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ пишутъ они, не имѣя понятія, напримѣръ, о религіи и о русской исторіи, а что касается ихъ острыхъ, смѣлыхъ, забавныхъ или смѣшныхъ выходокъ, я читаю ихъ очень часто съ большимъ удовольствіемъ.

и смѣло объявилъ: вотъ де что, и вотъ въ какомъ тонѣ говорить обо мнѣ г. Погодинъ,—можно ли съ нимъ спорить? Какіе заклятые враги Рюрика, Олега и Игоря, у насъ или за границей, дадутъ деньги за то, чтобы не помѣщать ихъ біографіи въ ряду прочихъ дѣятелей, „и т. п.? Не правда ли, что я хорошо представленъ предъ читателями *Вѣстника Европы*? Они остались, вѣроятно, въ недоумѣніи, читая статью, подписанную полнымъ именемъ, безъ всякаго замѣчанія со стороны журналиста, какимъ образомъ я, на старости лѣтъ, могъ забыться до такой степени. Они получаютъ теперь объясненіе своего недоумѣнія, и вмѣстѣ разительный примѣръ, до чего авторъ можетъ договориться въ запальчивости, и что можетъ увидѣть въ ослѣпленіи! Правду говоритъ пословица: у страха глаза велики.

Вообще г. Костомаровъ, особенно въ концѣ своего отвѣта, нѣсколько замѣшался: приравнивая себя къ журнальнымъ рецензентамъ, меня приравнялъ онъ къ Матюшѣ Башкину, а Матюша вѣдь былъ прогрессистъ своего времени, (при Иванѣ Грозномъ), и весь Апостолъ излѣпилъ вощеными замѣтками, по свидѣтельству духовника своего, благовѣщенскаго попа Симеона, который донесъ о немъ и славному Сильвестру: приходилъ ко мнѣ сынъ духовный—необычный, спрашиваетъ, да и учитъ... „и то показалось мнѣ развратно“. За что же мнѣ такая честь отъ г. Костомарова? Вѣрно онъ обмолвился: не произвела ли на него моя рецензія такого дѣйствія, какъ на Матюшу „способы премудраго испытанія“ блаженныхъ памяти царя Ивана Васильевича Грознаго,—такъ что онъ „языкъ извѣся, *непотребная и нестройная* глаголаше на многіе часы?“

По единству предмета о происхожденіи Руси и началѣ Государства къ разбору разсужденій г. Костомарова, я долженъ былъ приложить и разборъ разсужденій г. Иловайскаго о тѣхъ же предметахъ,—хотя мнѣ очень хотѣлось издать его особо.

XVI

Р. S. Меня упрекали друзья, зачѣмъ я тратилъ время на эту полемику. Да, мнѣ самому жалко этого времени, слишкомъ для меня дорогаго, такъ какъ его остается уже мало; но проходить молчаніемъ историческіе софизмы послѣдняго времени было бы вредно для науки, для изученія исторіи: это знаю я по опыту. Давая себѣ неблагодарный для меня трудъ, я приношу жертву, и думаю тѣмъ дослуживать свою ученую и педагогическую службу.

М. Погодинъ.

25-го февраля, 1874 года.

I

ЗА СКОПИНА-ШУЙСКАГО.

(Бранное посланіе къ Н. И. Костомарову).

На долгомъ моемъ вѣку, пришлось мнѣ вести «тридцати лѣтнюю войну» съ покойнымъ Каченовскимъ за норманское происхожденіе Руси, противъ его козарства, за подлинность договоровъ Олега и Игоря, за Русскую Правду и проч.: а съ вами, почтенный Николай Ивановичъ, видно обреченъ я на «семилѣтнюю»! Я не считаю, впрочемъ, того *поля*, гдѣ бился съ вами, по пріятельски, въ 1860 году, противъ Литовскаго происхожденія Руси, потому что видѣлъ здѣсь съ вашей стороны только историческій парадоксъ, къ какому подъ часть бываетъ склонна наша братья! (Замѣчу, кстати, что нашлись польскіе изслѣдователи, которые приводятъ теперь Нормановъ не только въ Новгородъ, но и въ вашу Литву и въ Польшу, о чемъ вы нигдѣ, кажется, упомянуть не заблагоразсудили (*). Въ 1863, кажется, году, вы выступили противъ Сусанина: ваша неосновательная и пристрастная выходка произвела во мнѣ ужъ очень непріятное впечатлѣніе, вы представились мнѣ

(*) А теперь г. Пловайскій не выводитъ Варяговъ-Русь ни откуда, а считаетъ ее туземною и старожилую. Не дають мнѣ умереть спокойно, да и только!

• Позднѣйшее примѣчаніе.

съ новой стороны, но я не считъ нужнымъ возражать, потому что появившійся тогда отвѣтъ вамъ г. Соловьева въ «Русской рѣчи» показался мнѣ достаточнымъ. Семилѣтняя война должна считаться собственно съ вашей статьи о «Димитрій Донскомъ» (1864), котораго вы объявили не только трусомъ, но и подлецомъ; этого вытерпѣть было нельзя, тѣмъ болѣе, что статья напечатана была, въ казендарѣ академіи, расхлывшемся въ числѣ 30 тысячъ, кажется, экземпляровъ: я написалъ опроверженіе въ «Дибъ», а послѣ разобралъ вашу оборону (*). Замѣчу и здѣсь, кстати, что, послѣ этого спора, нашлось еще сильное доказательство храбрости и мужества Донскаго въ свидѣтельствѣ почти современника (знаменитаго Вассіана, который родился вскорѣ послѣ кончины Донскаго). Слѣдующія возраженія о Самозванцѣ, и вообще о смутномъ времени, остаются пока у меня въ сумкѣ, потому что я, за другими работами, не успѣлъ ихъ кончить. Но вотъ вы хотите отнять у насъ теперь Скопиня-Шуйскаго, смѣшиваете съ дюжиной грязи Пожарскаго набрасываете позорныя тѣни на Минина и продолжаете докочкачивать послѣ Поляковъ несчастнаго Сусанна! Оставлять на минуту безъ возраженія такія непостижимыя выходки съ несчастной точки, вами въ недобрый часъ выбранной, для насъ, Русскихъ, было бы стыдно! Съ кѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, мы останемся: съ Заруцкимъ, Котошицынымъ, Мазепою?

Жалкій мы, ничтожный народъ, и за что судьба предоставила ему играть такую важную роль въ исторіи!

Но обратимся къ дѣлу.

Г. Костомаровъ начинаетъ свое прокурорское дѣло (обвинить во что бы то ни стало) общими разсужде-

(*) См. ниже.

пїями, очень хорошо написанными и способными смутить и убѣднть не только гимназистовъ, но и взрослыхъ людей, находящихся, по своему образованію, въ одномъ съ ними классѣ. Напримѣръ, онъ говоритъ («Вѣстникъ Европы», іюнь 1871, стр. 498): «Чѣмъ народъ здоровѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ права уповать на свое будущее; чѣмъ общество, которое онъ изъ себя образуетъ, прочнѣе и благоустроениѣе, тѣмъ историки его способны стать выше предразсудковъ и смотрѣть безпристрастнѣе и трезвѣе на прошедшее своего отечества. Напротивъ, тамъ, гдѣ нація переживаетъ времена упадка, разслабленія или глубокаго застоя, ея историки, чувствуя, что у ихъ народа нѣтъ того, чего бы имъ хотѣлось, чтобъ онъ имѣлъ, не видя ничего, или мало видя въ будущемъ, какъ бы для утѣшенія, уходятъ всѣмъ сердцемъ въ свое прошедшее, и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ образомъ».

Г. Костомаровъ противопоставляетъ здѣсь западныя государства и Россію: онъ говоритъ, что западныя государства образованнѣе насъ (и это совершенно справедливо), и потому историки ихъ безпристрастнѣе и трезвѣе. Мы, нація, переживающая время упадка, разслабленія, или глубокаго застоя, мы обращаемся самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ образомъ съ своимъ прошедшимъ!

Но г. Костомаровъ, можетъ быть возразить, не говорить здѣсь прямо о Россіи.—Такъ о комъ же, отвѣчу, говоритъ онъ, если не о Россіи? Да и съ какой стати говорить ему здѣсь о другой странѣ? Только въ подтвержденіе этого общаго замѣчанія и представляются послѣдующія доказательства, что Скопинъ, Пожарскій, Мининъ и Сусанинъ, совсѣмъ не такія высокія личности, какими онѣ представляются въ народномъ нашемъ воображеніи и исторической литературѣ. Къ чему жь бы иначе предлагать такое введеніе о трезвости

образованія и пристрастіи невѣжества въ историческихъ оцѣнкахъ!

Возражать на характеристику Россіи и ея исторіи не считаю нужнымъ, а поговорю только о самой сущности положенія, выражаемаго г-мъ Костомаровымъ: чѣмъ народъ образованиѣе, разсуждаетъ онъ, тѣмъ безпристрастиѣе къ своимъ дѣятелямъ, и наоборотъ: чѣмъ необразованиѣе, тѣмъ пристрастиѣе.

Такое положеніе можно выдавать, только забывая всю литературу исторіи, и думая только о томъ, какъ бы оправдать будущія частныя обвиненія, и вмѣстѣ закинуть впередъ поголовное.

Переберите, милостивый государь Н. И., образованные европейскіе народы, и назовите мнѣ историковъ, которые относились бы къ своимъ народамъ съ прославленною вами трезвостію. Французы? Всѣ ихъ историки разсыпаются въ похвалахъ, безъ мѣры преувеличенныхъ, своимъ героямъ. Читая исторію Франціи, на всякой страницѣ почти вы встрѣчаетесь съ великими людьми: *grande nation*, *grande armée* и пр. и пр. А въ Германіи, отчизнѣ критической исторіи, развѣ больше найдется безпристрастія въ разсказахъ о подвигахъ сыновъ Арминія вплоть до войны за освобожденіе въ 1813 и 1814 году, гдѣ даже объ участіи русскихъ говорится только вскользь.

Англійскіе историки какъ судятъ, напримѣръ, свою Елизавету, Бакона, Питта или Каннинга?

Объ Итальянцахъ и Испанцахъ говорить нечего: самохвалство на каждомъ шагѣ!

Кто же остается изъ Европейскихъ народовъ, кому бы мы должны были воздать честь за безпристрастіе?

Надѣюсь, что любезныхъ Поляковъ вы не поставите намъ въ примѣръ скромности и смиренія. Что до меня, я не замѣчалъ этихъ добродѣтелей въ ихъ историчкахъ.

Что же слѣдуетъ заключить изъ этихъ безспорныхъ моихъ положеній? Вотъ что: чѣмъ народъ образованнѣе, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, тѣмъ онъ больше дорожитъ своею исторіею, тѣмъ съ бѣльшимъ уваженіемъ относится къ своему народу и его представителямъ. И наоборотъ: чѣмъ народъ необразованнѣе, тѣмъ онъ меньше заботится о своей чести, тѣмъ легкомысленнѣе судитъ о своихъ благодѣтеляхъ, о своихъ знаменитостяхъ, тѣмъ болѣе небрежетъ объ отданіи справедливости заслугамъ и достоинствамъ, что и доказывается побѣдоносно всею вашею статьею. Необразованность Русскаго народа вы доказываете его пристрастіемъ; а я, напротивъ, необразованность его вижу въ его небреженіи и легкомысленномъ отношеніи къ дѣяніямъ предковъ!

Г. Костомаровъ начинаетъ свое разсужденіе о Скопинѣ такимъ образомъ:

«Въ нашей отечественной исторіи эпоха смутнаго времени есть дѣйствительно великая эпоха. Держава наша разлагалась, народъ былъ на краю чужеземнаго покоренія—и однако послѣдовало спасеніе и избавленіе. Но лица, дѣйствовавшія въ эту славную и бѣдственную эпоху, облеклись сіяніемъ славы и воплотились для насъ въ такіе образы, которые, при строгомъ и трезвомъ изслѣдованіи, окажутся болѣе произведеніями нашего воображенія, чѣмъ историческаго изученія былой дѣйствительности».

Позвольте спросить васъ, милостивый государь, развѣ понятіе о Скопинѣ составлено новыми историками, или вообще людьми послѣ него жившими? Эти всѣ новые люди прибавили-ль хоть одно слово къ тѣмъ, которыя даны намъ современниками Скопина и очевидцами тогдашнихъ событій? На какомъ же основаніи вы говорите о воображеніи, которое здѣсь рѣшительно не играетъ

никакой роли? Согласитесь, что ваши слова — не только пустые звуки, но и фальшивые.

Держава разлагалась, говорите вы, народъ очутился на краю гибели, а между тѣмъ произошло спасеніе и избавленіе. Какимъ же образомъ?

Божіей милостію? но вѣдь новые историки не допускаютъ никакого виѣшняго участія.

Народомъ? Такъ, народомъ; но народу вѣдь нужны, предводители, возбудители, начальники способные! Безъ нихъ не видѣли ль мы, какъ передъ нашими глазами упало передовое государство въ Европѣ.

Такими начальниками въ смутное время и явились у насъ: Скопинъ, Мининъ, Пожарскій, патріархъ Гермогенъ, келарь Авраамій Палицынъ, архимандриты: Иосафъ и Діонисій, Ляпуновъ Шенинъ.

Вы считаете ихъ болѣе произведеніями нашего воображенія, чѣмъ историческаго изученія былой дѣйствительности. Прочитавъ вышеприведенныя строки объ историческомъ изученіи былой дѣйствительности, въ противоположность плодамъ воображенія, подумаешь, что вы нашли какія нибудь новыя свидѣтельства въ источникахъ Русскихъ или Польскихъ, въ лѣтописяхъ, грамотахъ, сказаніяхъ, запискахъ, — которыя разрушаютъ наши прежнія мнѣнія. Нѣтъ, вы не нашли и не сообщили намъ ничего новаго, до сихъ поръ неизвѣстнаго, и только подошли къ событіямъ и дѣйствовавшимъ лицамъ «съ холоднымъ анализомъ, — и встрѣтили лица очень тусклыя!»

Смотря на лицо въ темныя очки, увидишь его разумѣется, тусклымъ; но перемѣните очки, вы увидите лицо, самое свѣтлое, самое чистое, самое прекрасное, какое только можетъ представить исторія!

Смотря въ свои темныя очки, вы начинаете отыскивать еще побужденія, какими руководствовались Скопинъ для своихъ дѣйствій! Но чья побужденія знаетъ

исторія досконально, между всѣми дѣятелями человечества? Семирамиды? Цезаря? Генриха IV? Екатерины II? Наполеона?

«Прежде всего является вопросъ», говорите вы, «что это была за натура? Шылкій ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣятельности, у котораго энергія поступковъ зависѣла отъ сердечныхъ побужденій, или это — молодой, разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда расчетливый. Нѣкоторые признаки склоняютъ насъ видѣть въ немъ характеръ послѣдняго рода: во-первыхъ, намъ не представляются нигдѣ такіа черты, которыя бы указывали на господство сердечныхъ побужденій; во-вторыхъ—мы замѣчаемъ въ его дѣйствіяхъ хитрость, напр. онъ передъ Делагарди скрывалъ важность бѣдствій, посѣтившихъ Русь, и въ своихъ грамотахъ, рассылаемыхъ по Руси, преувеличивалъ свои успѣхи».

Въ этихъ строкахъ не знаешь, чему больше удивляться: забвенію-ли историкомъ всѣхъ свидѣтельствъ, злонамѣренности ли слѣдователя, или дерзости, опрометчивости судьи?

Скопинну предлагается вѣнецъ—онъ отвергаетъ вѣнецъ: что же это? побужденіе сердечное, или расчетъ?

Онъ не посылаетъ доноса—это что—расчетъ или побужденіе сердечное?

Войско разбито, всѣ воеводы бѣгутъ съ поля сраженія—Скопинъ остается одинъ, усовѣщиваетъ бѣглецевъ, возобновляетъ сраженіе—здѣсь что же дѣйствовало: побужденіе, или расчетъ?

Скопинъ одерживаетъ побѣду надъ Поляками и измѣнниками подъ Тверью. Шведы рвутся въ городъ, разумѣется для грабежа. Скопинъ не пускаетъ, не смотря на вредъ для себя, если не опасность—все это расчетъ?

И такъ: первое обвинительное предложеніе ваше объ отсутствіи сердечныхъ побужденій опровергается самими дѣйствіями, насколько они могутъ опровергать произвольныя догадки.

Онъ рвется на войну, и, отвергаемый остается спокойно на своемъ мѣстѣ—и здѣсь дѣйствовалъ только расчетъ? За которымъ слѣдовала, впрочемъ, отравка и смерть!

Второе доказательство ваше противъ Скопина, т. е. признаки, склоняющіе васъ видѣть въ Скопинѣ холодный, разсудительный умъ, чудный увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый, просто доходитъ, извините, до смѣшнаго. Вы доказываете эти положенія хитростію «Скопина, который и предъ Делагарди скрывалъ важность бѣдствій, посѣтившихъ Русь». Какъ вы думаете, Н. И., Тьеръ, ища у европейскихъ дворовъ благорасположеніе къ Франціи, старался увеличивать въ ихъ глазахъ ея безпомощность, или уменьшать? старался доказывать, что Франція можетъ возстать со временемъ, и не упадетъ совершенно подъ постигшимъ ее рокомъ, или нѣтъ? Или вы осудите Тьера такъ же, какъ и Скопина, зачѣмъ онъ не развертывалъ передъ дворами настоящей картины Франціи?

Вотъ еще ваше доказательство хитрости Скопина:

«Въ грамотахъ, рассылаемыхъ по Руси (Скопинымъ) преувеличивалъ (онъ) свои успѣхи». Да вѣдь онъ долженъ былъ думать о поднятіи духа во всей Руси; такъ чѣмъ же онъ могъ достигнуть лучше этой цѣли (ободрить народъ), какъ не удостовѣреніемъ, что дѣла уже направляются, и что спасеніе близко. Опять укажу на настоящее положеніе Франціи. Патриоты стараются отыскать во всякомъ благопріятномъ явленіи, напирѣмъ, успѣхъ займа, залогъ скорого облегченія тяжелыхъ обстоятельствъ. Да и можно-ль поступить иначе?

Укажите мнѣ въ грамотахъ Скопина слишкомъ преувеличенныя извѣстія!

Инквизиторъ продолжаетъ далѣе розыскъ: «насколько этотъ человѣкъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ или уразумѣнію, и насколько исполнялъ волю и совѣты другихъ?» Да вы примите къ соображенію хоть вотъ что: не стало этого человѣка, и положеніе совершенно перемѣнилось! Слѣдовательно, не было людей съ такою волею и такими совѣтами, которые могли бы вести дѣла такъ, какъ они шли при немъ. Никакихъ совѣтниковъ не указываютъ лѣтописи, да и не видать ихъ по событіямъ.

Вопросъ о совѣтахъ и объ участіи въ дѣйствіяхъ извѣстныхъ того или другого лица, принадлежитъ къ мудренымъ вопросамъ въ исторіи, и по большой части рѣшаемъ быть не можетъ удовлетворительно. Сколько, напримѣръ, изъ дѣйствій Петра, Екатерины, должно удѣлять ихъ сотrudникамъ—кто возьмется рѣшить.

Скопинъ, при первомъ вступленіи своемъ на поприще дѣйствій, показываетъ свои отмѣнные дарованія. За рѣшительную побѣду надъ мятежниками подъ Москвою получилъ онъ санъ боярина, бывъ двадцати лѣтъ съ небольшимъ отъ роду. Потомъ онъ имѣлъ случай отличиться еще нѣсколько разъ и устоялъ твердо при исполненіи долга, когда все почти вокругъ его измѣнило.

Онъ посланъ былъ Шуйскимъ въ Повгородъ обратиться къ вѣрности сѣверную страну и исходатайствовать помощь отъ Шведовъ. Не смотря на всѣ затрудненія, онъ исполнилъ это важное порученіе съ совершеннымъ успѣхомъ: возстановилъ порядокъ на сѣверѣ, отправился къ Москвѣ съ свѣжими силами, билъ по дорогѣ Поляковъ и измѣнниковъ; удерживая при себѣ Шведовъ, разбилъ соединенное войско Сапѣги, вышедшаго ему на встрѣчу изъ-подъ Троицы, снабдилъ

Москву припасами, и, наконецъ, освободилъ Лавру отъ продолжительной тяжелой осады.

Царь написалъ грамоту Скопину, отъ 2 го июня, 1609 года: «Вѣдомо намъ подлинно, какъ ты, будучи на нашей службѣ, и радѣнье къ намъ и ко всему нашему государству промыслы и дородство показалъ, и мы слыша о томъ... обрадовались, и всесильному въ Троицы славимому Богу и Преч. Богородицы и великимъ чудотворцамъ хвалу воздали со слезами... А только Божіею милостию и твоимъ промысломъ и радѣніемъ Московское Государство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей свободно учинится... и ты какой милости отъ Бога, и чести и похвалы отъ насъ и отъ всѣхъ людей нашего государства сподобленъ будещи, и всѣхъ людей великія радости исполнишь, и слава дородства твоего въ нашемъ государствѣ и въ окрестныхъ государствахъ будетъ памятна во вѣки, а мы на тебя надежны, какъ на свою душу».

Всѣ глаза устремились на этого счастливаго, талантливаго, мужественнаго юношу, увидѣли въ немъ надежду отечества въ это смутное время, и Ляпуновъ, передовой человекъ своего времени, пишетъ къ нему грамоту, въ коей предлагаетъ царскій вѣнецъ.

Что же сдѣлалъ Скопинъ?

Скопинъ изорвалъ грамоту. «Князь Михаилъ же, прочетши грамоты и издравъ ихъ, тѣхъ же посланниковъ повелѣлъ помати, хотя ихъ послати къ Москвѣ. Они же начаша плакати и бити челомъ, и повѣдаша Прокофьево насиліе. Онъ же, милостивый бояринъ, не хотя ихъ крови, отпустилъ ихъ опять на Рязань. Зли же человекъцы клеветники написаху о томъ царю».

Да, къ сожалѣнію, находятся всегда люди которые, видя благородное дѣйствіе, пытаются набросить на него тѣнь, и перетолковать въ худую сторону, стараясь,

разумѣтся, съ предательскою улыбкою занавѣситъ свое намѣреніе.

«Мы также находимся въ невѣдѣніи относительно его нравственныхъ побужденій», продолжаетъ г. Костомаровъ, «руководствовался-ли онъ безкорыстною любовію и преданностію дѣлу родины, или же онъ не былъ чуждъ честолюбивыхъ видовъ? Какъ относился онъ, въ самомъ дѣлѣ, къ намѣренію поставить его царемъ въ Московскомъ государствѣ, что могло совершиться только съ низложеніемъ Василія? Намъ это неизвѣстно. Когда Ляпуновъ заявилъ передъ нимъ желаніе Рязанской земли избрать его царемъ, Скопинъ, хотя не потакалъ открыто такому предложенію, однако не преслѣдовалъ Ляпунова, и даже, какъ говорятъ, не доложилъ объ его поступкѣ царю. Быть можетъ, онъ не принялъ предложенія, потому что не хотѣлъ допускать къ себѣ мысли о низверженіи царя, а царю не сказалъ, не желая подвергать опасности Ляпунова, котораго считалъ человѣкомъ полезнымъ для отечества. А можетъ быть онъ радовался этому, но, какъ умный человѣкъ, понималъ, что Рязанская земля не можетъ дѣлать того, что принадлежитъ Руси, и оставлялъ Ляпунова въ покоѣ, для того, чтобъ онъ привелъ дѣло къ тому, что подобное предположеніе послѣдуетъ отъ болѣе широкаго круга. Въ Москвѣ, куда онъ вступилъ побѣдителемъ, слышалось желаніе имѣть его царемъ, и кто знаетъ, какъ бы онъ поступилъ, когда бы это желаніе высказалось рѣшительнымъ заявленіемъ массы».

И такъ, по вашему собственному мнѣнію, нельзя сказать ничего рѣшительнаго: даже чрезъ темныя очки оба предположенія представляются равносильными! Вы дѣлаете ихъ съ цѣлію, ясною для читателя при воспоминаніи о предыдущихъ и послѣдующихъ приемахъ вашихъ.

Скопинъ отказался, можетъ быть, потому, говорить авторъ, что ожидалъ предложенія отъ всей Россіи, а Рязанскаго ему было недостаточно! Это предположеніе просто смѣшно. Какъ могъ онъ въ это смутное время, когда всякую минуту измѣнялись обстоятельства, взгляды и мысли, являлись новые люди, и между друзьями и между врагами, какъ могъ онъ думать и дожидаться какого нибудь общаго предложенія, предполагающаго сѣздъ, совѣтъ, еслибъ хотѣлъ дѣйствительно быть царемъ?

О другомъ предположеніи, совершенно произвольномъ, не стоитъ труда и говорить: кто знаетъ, какъ бы онъ поступилъ, когда бы это желаніе высказалось рѣшительнымъ заявленіемъ массы. Никто не знаетъ и знать не можетъ, даже самъ Скопинъ не зналъ и не могъ знать, ибо нельзя вообразить всѣхъ обстоятельствъ, которыя могли случиться и имѣть вліяніе на рѣшеніе.

Г. Костомаровъ, какъ будто, осуждаетъ Скопина, зачѣмъ онъ не донесъ Шуйскому о предложеніи Ляпунова! Столько жесткой и строгой къ Скопину, г. Костомаровъ готовъ, кажется, оправдать Шуйскаго въ отравленіи своего спасителя, въ знакъ благодарности за его благодѣянія и за его услуги отечеству! Вотъ куда увлекаетъ пристрастіе и предубѣжденіе!

По крайней мѣрѣ, это можно заключать изъ слѣдующихъ словъ его:

«Если обвиненіе (въ отравѣ) справедливо, то мы *все таки не знаемъ, по какому поводу* совершено злодѣяніе, участвовали ли въ немъ другіе члены царской фамиліи и самъ царь? не было ли это плодомъ какой нибудь личной злобы, или быть можетъ это была *вынужденная попытка крайняго самохраненія*, въ виду готовности народа провозгласить Михаила царемъ, въ виду того, что новый царь могъ поступить съ преж-

нимъ царемъ и съ его близкими родичами, такъ, какъ поступилъ въ Новгородѣ съ Татищевымъ».

Признаюсь — страшно читать такія строки! Какое ужасное предположеніе, и на какомъ основаніи?

Какъ поступилъ Скопинъ съ Татищевымъ? Читатели ожидаютъ услышать о жестокой казни, предательствѣ, услышать что нибудь выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій или преступленій!

Лѣтопись говорить: «приде вѣсть ко князю Михаилу Васильевичу, что изъ Тушина идетъ подъ Новгородъ полковникъ Корнозицкій со многими людьми литовскими и русскими воры. Князь Михайло жъ Васильевичъ нача строить рать и послати хотя противъ ихъ на Броницы. Михайло жъ Татищевъ нача у князя Михаила проситись. Онъ же *похоть его отпустить* съ ратными людьми. Придоша жъ ко князю Михаилу Васильевичу Новгородцы, и возвѣстиша ему на Михаила Татищева что онъ идетъ для того что хочетъ царю Василю измѣнити и Новгородъ сдать. Князь Михайло жъ Васильевичъ слыша такое дѣло, и собра всѣхъ ратныхъ людей, и возвѣстимъ про Михаила. Они же всѣ возопиша и *не распроща* убиша его *міромъ*. К. Михайло жъ Васильевичъ повелѣ его погresti въ Оптоньевѣ монастырѣ».

Скопинъ получилъ доносъ, отдалъ его на судъ всѣхъ ратныхъ людей. Я вижу здѣсь движеніе (какихъ ищетъ г. Костомаровъ) молодого челоуѣка, который въ общемъ дѣлѣ не хочетъ принимать на себя тяжелой судейской обязанности, а желаетъ слышать общее мнѣніе. Что Скопинъ не имѣлъ ничего противъ Татищева, то ясно видно изъ той же лѣтописи, ибо онъ хотѣлъ прежде исполнить просьбу Татищева и послать его съ передовымъ отрядомъ на встрѣчу Полякамъ. Онъ могъ самъ раздѣлаться съ Татищевымъ, еслибъ хотѣлъ. Но всѣмъ вѣроятностямъ, умерщвленіе Татищева произошло случайно, какъ это бываетъ въ подобныхъ обстоятель-

ствахъ, при возбужденіи страстей, при общемъ раздраженіи, что мы читаемъ теперь ежедневно въ газетахъ. Смерть Татищева ни въ какомъ отношеніи не была нужна Скопину, и нигдѣ, никто и никогда не обвинялъ его въ этомъ случаѣ, точно такъ и теперь нѣтъ никакого основанія, повода, причины приписывать ему злой умыселъ, совершенно для него безцѣльный, судя по всѣмъ даннымъ его времени.

А какъ разсуждаетъ о событіи г. Костомаровъ?

«Событіе съ Татищевымъ въ жизни Скопина представляется чѣмъ-то страннымъ, набрасываетъ какъ бы тѣнь на безупречность его поступковъ, но по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій, все таки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго чловѣка».

Не можетъ—такъ зачѣмъ же приводите вы всѣ эти пустыя разсужденія въ дополненіе къ выше разобранному объ отверженіи царскаго вѣнца Скопнымъ? Примѣчаютъ ли мои читатели все тотъ же приемъ изслѣдователя: обвинить нельзя, но и проч.

Въ чемъ же состоитъ это *но*?

Вотъ въ чемъ:

«Татищева, Новгородскаго воеводу, говоритъ г. Костомаровъ, обвинили въ намѣреніи передаться на сторону Тушинскаго вора и сдать Новгородъ. Скопинъ выдалъ его на растерзаніе, не подвергну, на сколько извѣстно, обвиненіе изслѣдованію». Нѣтъ, Скопинъ не предавалъ Татищева на растерзаніе. Этого нигдѣ не сказано. Скопинъ отдалъ доносъ на общее разсужденіе всему войску. «Они же» сказано именно въ лѣтописи «не распроща». Ясно-ли, что отъ нихъ ожидалось разсужденіе, изслѣдованіе: иначе этого важнаго слова *не распроща*, не распросиша, не было бы употреблено; было бы сказано: Скопинъ отдалъ на казнь людямъ—люди и казнили; вотъ и все. Замѣтимъ еще значительное выра-

женіе: міромъ. «Они же всё возопиша, и не росяроша, убиша его *міромъ*».

Обращаюсь къ здравому смыслу, къ строгому суду: можно-ли, и съ какою цѣлю, такъ искажать историческія свидѣтельства?

Г. Костомаровъ достойно окончиваетъ свою статью драгоценнымъ замѣчаніемъ: «изъ описи имущества убитаго мы видимъ, что многія вещи взяты были безъ денегъ шурпомъ Скопина Головиннымъ, а отчасти и самимъ Скопиннымъ—быть можетъ и не для своей корысти, а съ цѣлю обратити на общее дѣло. Какъ бы то ни было, это темное событіе нельзя объяснить положительно ни въ хорошую, ни въ дурную сторону для Скопина». Нельзя,—такъ зачѣмъ же вы предлагаете умствование, котораго никуда употребить нельзя. Только для смущенія, для возбужденія подозрѣній?

Дѣйствительно ли виноватъ былъ Татищевъ, или погребъ невинно оклеветанный? Нельзя сказать навѣрное. Мы знаемъ только, что Скопинъ велѣлъ погresti его въ Антоніевъ монастырь.

Карамзинъ, внимательно изучившій всё источникъ, не говорившій ничего на-обумъ, осторожный, такъ описываетъ происшествіе, и его слова имѣютъ и должны имѣть всегда значеніе для всякаго Русскаго, и читателя и писателя:

«Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовой отрядъ къ Бронницамъ; по князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а кн. Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать виновнаго. Въмѣсто суда народъ въ изступленіи ярости умертвилъ Татишева, не давъ ему сказать ни единого слова къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей,

можетъ быть скорѣе палачомъ нежели судьбою. Татишева, едва-ли вѣповнаго, схоронили съ честію въ обители Св. Антонія, и многіе дворяне, вѣроятно уstraшенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ не-возбранно».

Вотъ какое смутное было время, что даже вѣрные люди, вдругъ, нечаянно, противъ своего желанія, находили себя принужденными метаться изъ стороны въ сторону. Но оставимъ этотъ посторонній для насъ теперь вопросъ.

Мы видѣли всѣ дѣйствія Скопина и познакомились съ его свойствами: храбрость, мужество, дѣятельность, благородіе, искусство, вѣрность — ни одной черты нигдѣ отрицательной, напротивъ, всѣ лѣтописи, даже различныхъ оттѣнковъ, единодушно прославляютъ его доблести и его подвиги, согласно съ грамотами, документами официальными и свидѣтельствами иностранными, Шведами, Поляками и Нѣмцами. Обратилъ ли г. Костомаровъ вниманіе на это въ высшей степени примѣчательное согласіе? Приведемъ въ заключеніе отрывки изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ.

Лѣтопись Филаретова, сказавъ, что вскорѣ по вѣздѣ въ Москву «разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло, и умре глаголють бо иѣщыи, яко отравленъ бысть... и тако погребенъ честно... въ придѣлѣ архистратига Михаила. И рыдаху по немъ вси людіе царствующаго града, мужескъ полъ и женскъ, отъ мала и дажь и до велика. Сей жъ непобѣдимый воевода, многъ подвигъ показа и попеченіе великое о Россійскомъ государствѣ, и много Литвы побѣ, и на рати много храбрествовахъ; бѣаше бо красенъ лицомъ, нищелюбивъ бѣ и добродѣтеленъ; никто жъ оскорби и никого презрихъ, всѣхъ утѣшая и всѣмъ полезная подавая, такожь и блаженную память пріять (стр. 27).

«Король (Сигизмундъ) радъ былъ сему прошенію (сына на русскій престолъ), видя въ Россіи великое возметеніе, яко великаго воеводы и крѣпчайшаго поборника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго въ животѣ не стало».

Палицынъ повѣствуетъ, что, по прибытіи Скопина въ Москву, наушники «съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца, яко вся земля Россійская почитаетъ князя Михаила паче тебе, великій царю; еще еже скиптроносца хотятъ его видѣти. Грѣхъ же ради нашихъ по двою мѣсяцу пришествія его къ Москвѣ, мало поболѣвъ страшный юноша ко Господу отъиде. Но не вѣмы убо како реши: Божій ли судъ нанъ постыже, или злыхъ чловѣкъ умышеніе совершися? единъ создавый насъ се вѣсть. Но убо о таковѣмъ знаменитомъ чловѣцѣ проплака вся земля неутѣшно, и горкаго того рыданія не мощно изглаголати днесь».

Лѣтопись о мятежахъ: «Князь Михаилъ Васильевичъ... прииде подъ Москву... Московскіе же люди... воздаша ему велию честь, что онъ очиститъ Московское государство, и приде къ царю Василию. Царь же Василій его пожаловалъ, а мнѣніе на него поча держати по приѣздѣ Рязанскомъ. и видѣвъ то, что Московскіе люди воздали ему честь велию и били ему челомъ со слезами. Дядья его держаху на кн. Михаила злобу, чаяху бо, что онъ подыскиваетъ подъ ц. Васильемъ царства, а про то убо и всей землѣ вѣдано, всѣмъ людямъ, что у него того и въ умѣ не было... По приходѣ же нача наряжати итти подъ Смоленскъ, и Яковъ Понтусовъ говорилъ безпрестанно, чтобы онъ шелъ съ Москвы, видя на него въ Москвѣ ненависть».

Описавъ его смерть, лѣтописецъ говоритъ: «На Москвѣ-жъ бысть плачь и стenanіе велие, яко уподобися

тому плачу како .. по царѣ Феодорѣ Иоанцовичѣ плакаху... Много же на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка княгиня Катерина князь Дмитрева жена Шуйскова. А подлинно ль то, единому Богу свѣдомо... другъ другу завидоваху, видяще кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяща, силою же у Бога никому не взять... Такожъ и сему храброму князю М. В. дано отъ Бога бысть, а не отъ человѣкъ» (стр. 177).

Въ сборникѣ Никоновскомъ эти извѣстія повторены. Львовскій лѣтописецъ свидѣтельствуеть, что Скопинъ «сильно разумѣлъ, какъ съ пограничными чужестранными людьми чѣстное обхожденіе имѣть».

Хронографъ Ключаревскій: «Бысть воевода храбръ и мужественъ и добрымъ благопріятствомъ ко всему народу русскому себе показавъ, скоро аки молнія супостатныя полки обѣче, и вся овцохщныя волки люто устраши: настырь бо звѣрогонитель бысть... во браняхъ лють, на враги стремленіемъ зѣло искусенъ и ратнымъ непобѣдимъ».

Въ одномъ сказаніи, приложенномъ въ Псковской лѣтописи, сказано, что Москва избавлена «князя Михаила премудростію и храбрѣствомъ;» что дядья «позавидовали его славы, и чести, и храбрѣству, и мужеству... и вознегодоваша на него, яко побѣди поганыхъ, и бысть славенъ и честенъ паче братій своихъ».

«Сему же преудобрѣнному ничесо же не вѣдушу... хотящу ити на короля... подѣ Смоленскъ.—Онъ же незлобивый ни во умѣ сего помысли же о царствѣ, но токмо еже пострадати противу безбожныхъ за Божія церкви и за царя своего дялю; еже отгнати бы поганыхъ отъ Руси».

По смерти «мнози же народи вѣрнии и невѣрнии плакахуся его смиренія и любве и милости къ малымъ и великимъ».

Выписка изъ *панихидной* книжицы Архангельскаго собора: въ «прѣдѣлѣ Иоанна Предтечи опочиваетъ царя

и велик. кн. Василія Іоановича всея Руссіи племянникъ кн. Михайло Шуйскій-Скопинъ, по государеву указу, а по своему храброму разуму, Божією помощію надъ враги польскими и литовскими людьми и русскими измѣнники, которые хотѣли разорить государство московское и вѣру христіанскую поправить, явно показавъ преславную побѣду, прииде къ Москвѣ, Божиимъ судомъ преставися въ 7118 (1610), апрѣля въ 23-й день, на память великомученика Георгія, въ послѣдній часъ почи».

Переходимъ къ иностраннымъ свидѣтельствамъ.

Современный шведскій историкъ Видекиндъ говоритъ (Карамзинъ, XII, пр. 376): «Князь Михаилъ имѣлъ 23 года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ (*Erat hic Scopinus .. aetatis floridae, trium et viginti vix amplius annorum, eximiis ingenii corporisque dotibus praeditus, iudicii supra annos maturi, staturae formaque elegantis, fortitudinis animi praecellens, militarium rerum apprime gnarus et exteros milites scite tractare doctus*).

«12 Марта, (какъ) съ триумфомъ вступаетъ въ городъ, толпа высыпавшая изъ воротъ, всякаго возраста и пола подносятъ по обычаю предковъ хлѣбъ-соль, называетъ отцемъ отечества» и пр. (прим. 513).

Знаменитый гетманъ Жолкѣвскій, судья законный, свидѣтельствуесть, что Скопинъ наилучшимъ образомъ велъ дѣло, (стр. 63).

Въ другомъ мѣстѣ (с. 41): «Сей Скопинъ-Шуйскій, хоть былъ молодъ, но онъ былъ не болѣе какъ 22 лѣтъ, но, какъ говорятъ люди, которые его знали, онъ былъ надѣленъ отличными дарованіями души и тѣла, великимъ разсудкомъ не по возрасту, не имѣлъ недостатка въ мужественномъ духѣ, былъ прекрасной

наружности» и проч. (Замѣтимъ мимоходомъ, что Жолкѣвскій говоритъ почти слово въ слово съ Видекиндомъ. Дѣйствія Скопина у Жолкѣвскаго, какъ и у Видекинда, описаны согласно съ нашими лѣтописями).

Беръ, лютеранскій пасторъ, въ Москвѣ, не называетъ Скопина иначе, какъ героемъ, одного изъ всѣхъ Русскихъ, какъ замѣтилъ Устряловъ. О смерти его говоритъ: «вся Москва погрузилась въ печаль, узнавъ о кончинѣ великаго мужа» (*).

Къ предложеннымъ свидѣтельствамъ присоединимъ соображеніе: Ляпуновъ, безъ сомнѣнія, передовой чело-вѣкъ своего времени, предлагаетъ вѣнецъ Скопину. Ясно ли, что онъ видѣлъ въ Скопинѣ такія достоинства, съ какими онъ только могъ тогда спасти отечество?

Шуйскіе хотѣли избавиться отъ Скопина. Ясно ли, что они по его доблестямъ видѣли опасность въ немъ для себя, и боялись, чтобъ онъ мимо ихъ не былъ посаженъ народомъ на престолъ?

Не смотря на всѣ эти свидѣтельства, русскія и иностранныя, пріятельскія и враждебныя, не смотря на всѣ документы официальные, дѣла, отзывы, не смотря на общее мнѣніе, на голосъ народа и главныхъ его представителей, г. Костомаровъ, не нашедшій, повторямъ, никакого новаго источника, порѣшаетъ вопросъ тремя страницами своего холоднаго анализа и восклицаетъ, приступая къ источникамъ: мы увидимъ лице очень тусклое.

И вотъ, вслѣдъ за г. Костомаровымъ, Петербургскія Вѣдомости (№ 159), парафразируя его разсужденія, съ горестью восклицаютъ: «о событіяхъ самыхъ замѣчательныхъ, о дѣателяхъ, служившихъ крупными выраженіями этихъ событій въ отечественной исторіи,

(*). Замѣтимъ, что въ первомъ сраженіи Скопина съ Тушинскимъ вроемъ подъ Москвою, Беръ приписываетъ побѣду Полякамъ.

встрѣчается такъ мало подробностей, что личности этихъ дѣятелей являются или въ ложномъ, придуманномъ исторіографами, свѣтѣ, или же совершенно безцвѣтными, окутанными мутнымъ туманомъ произвольныхъ представлений объ ихъ характерѣ и исторической роли». — «Казалось-бы, что можетъ быть интереснѣе и значительнѣе въ судьбахъ русскаго народа, чѣмъ событія этой эпохи? Между тѣмъ, объ ея главнѣйшихъ дѣятеляхъ и значеніи ихъ дѣятельности имѣются самыя неопредѣленные, смутныя и искаженные представленія. Наиболѣе выразительныя и крупныя лица этой эпохи, вслѣдствіе скудости историческихъ свѣдѣній о нихъ, являются вовсе не въ истинномъ свѣтѣ, а воплощенными въ такіе образы, «которые», говоритъ г. Костомаровъ, «при строгомъ и трезвомъ изслѣдованіи оказываются болѣе произведеніями нашего воображенія, чѣмъ историческаго изученія былой дѣйствительности». «О Скопинѣ такъ мало положительныхъ историческихъ свѣдѣній, что его роль въ событіяхъ смутнаго времени и его личность являются совершенно неопредѣленными и темными!!!»

Заклучимъ нашу апологію стихами изъ былины, которою народъ воздалъ честь нашему славному витязю, въ продражаніе былинамъ о древнихъ витязяхъ времени Володимерова:

Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячѣ,
А и дѣялось, учинилось
Кругомъ сильна царства московскаго:
Латва облегла со всѣ четыре стороны.
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще-ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукши со Люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княжевецкіе,

Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильна царства Московскаго,
И велика государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ.
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель миру крещеному,
И всей вѣшей земли Святорусскія.
Что ясенъ соколъ вонъ вылеталъ,
Какъ-бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ.
Онъ похоть чинилъ ко Новгороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,

онъ написалъ посланіе къ королю Шведскому,

А отъ мудрости слово поставлено.

Король прислалъ помощь.

У ясна сокола крылья выросли,

У Скопина-князи думушки прибыло.

Скопинъ пошелъ въ восточную сторону и вырубилъ
Чудь бѣлоглазую; пошелъ въ полуденную, прекратилъ
Черкесь Пятигорскихъ; пошелъ въ сѣверную, и при-
рубилъ Калмыковъ съ Башкирцами; на западную—
Чушшу съ Люторами.

А кому будетъ Божья помочь —
Скопину князю Михаилу Васильичу,
Онъ очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское.
На Великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами

На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ.

Про весь православный міръ.
И велику славу до вѣку поють
Скопину князю Михаилу Васильевичу.

До вѣку... но, видно, не до г. Костомарова!

Іюня 15, 1871 г. Января 3, 1872 г.

Р. S. Статья эта написана была мною тотчасъ по выходѣ изслѣдованія г. Костомарова, но я не хотѣлъ печатать ее, въ ожиданіи, чтобъ трезвый историкъ раздѣлялся помощію своего холоднаго анализа съ прочими героями смутнаго времени: Гермогеномъ, Ляпуновымъ, Палицынымъ и Шенномъ, о которыхъ криво толковать легче, чѣмъ, напримѣръ, о Скопинѣ и Мишинѣ. Но, видно г. Костомаровъ остановился. Я уважаю талантъ его, сравнительно съ другими, и глубоко сожалью о той дурной, шаткой точкѣ, съ которой онъ производитъ свои критическія наблюденія,—и которая подъ нимъ странно колеблется.

ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЕ, НАПЕЧАТАННОЕ ВЪ ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ, № 2.

ЕЩЕ ДВА СЛОВА ЗА КНЯЗЯ СКОПИНА-ШУЙСКАГО.

Г. Костомаровъ, оканчивая свой отзывъ о Скопинѣ словами: «изъ описи имущества убитаго (Татищева, въ Новгородѣ), мы видимъ, что многія вещи взяты были безъ денегъ шуриномъ Скопина, Головинымъ, а отчасти и самимъ Скопинымъ—*быть можетъ* и не для своей корысти, а съ цѣлью обратить на общее дѣло. Какъ-бы то ни было—это темное событіе пельзя объяснить положительно ни въ хорошую, ни въ дурную сторону, для Скопина».

Въ замѣчаніяхъ упомянуто мною объ этомъ обвиненіи вскользь, но послѣ я разсмотрѣлъ опись Татищѣвскаго имѣнія (напечатанную во «Временникѣ московскаго общества исторіи» т. V, 1850), и что же я нашелъ тамъ?

Опись напечатана на 40 слишкомъ страницахъ, большаго формата, и заключаетъ въ себѣ тысячи или болѣе

разныхъ предметовъ, подробно описанныхъ и оцѣненныхъ, съ означеніемъ, за что взято больше оцѣнки, за что меньше, и по какой причинѣ; также что осталось за распродажею на лице. Изъ этой тысячи десятка два взято на земское дѣло для разныхъ служивыхъ лицъ, напримѣръ: Ивана Ржевскаго, Иваниса Оладурова, Володимера Татищева, Ивана Васильевича Головина молодого, а также Семена Васильевича Головина и самого князя Мпханла Васильевича, о которыхъ *исключительно* замѣтилъ г. Костомаровъ, бросая тѣнь подозрѣнія на нихъ въ корыстныхъ видахъ.

Почти при всякой подобной вещи объяснено, почему она отдана такому-то лицу, а именно:

«По приказу боярина и воеводы князя М. В. Шуйскаго взялъ тотъ кафтанъ, *побѣдичи въ Нѣмцы*, Семѣнь Васильевичъ Головинъ, безъ денегъ.

«Кушакъ червчатъ, по приказу...: взялъ для *Свѣйскіе посылки* безъ денегъ, доспѣхъ зобанецъ, шапка черкасская скольцы, лукъ, чоканъ, сѣдло, и проч.».

«По приказу боярина и воеводы... данъ жеребецъ С. В. Головину до Москвы, безъ денегъ... для того отпустилъ съ нѣмецкими ратными людьми, и Семѣнь сказалъ, что ратной лошади у него нѣтъ, при нѣмцахъ сѣсть не на что!»

Такъ точно... «по приказу... послать кафтанъ въ Ладогу Ивану Ржевскому съ разсылщикомъ съ Офон кою съ Окульскимъ, *для встрѣчи нѣмецкихъ людей*». Такъ точно послана еще шапка.

«Ошеекъ данъ Семену Головину *на съездъ до Москвы*».

«Ошеекъ данъ Ивану Оладурову *на съездъ для встрѣчи нѣмецкихъ людей*».

«По приказу князя М. В. дано казакамъ Семейкиной станицы Митрофанова, 2 сѣдла, безъ денегъ, *для выѣзда за городъ противъ воровъ*, и проч.

Нѣкоторымъ покупателямъ заплата отсрочена, однимъ до получения жалованья, другимъ до возвращенія въ Москву. Другія вещи эти же самыя лица покупали и деньги платили.

Княземъ Скоинымъ *взаты въ Москву* скатерти: 3 ветчаныхъ (2 браныхъ, одна шита). Дѣланы шатры къ *походу*... изъ Новгорода къ Москвѣ. Три остатка холста локоть въ 6, цѣна гривна, и два остатка холста взялъ Михайло холщевникъ, за 2 алтына, и тѣ деньги взяты.

Даль князь... Свѣйскаго короля Карла, большому воеводѣ Пунтусову... хонжаръ и узду.

Шатеръ суконный... взять въ походъ съ княземъ М. В. и тому под.».

Довольно-ли выписокъ для снятія подозрѣнія со Скопина, за шурниа его Семена Головина и за его самого? При такой ясности и гласности говорить о темнотѣ событій и о равенствѣ хорошей и дурной стороны, съ которыхъ можно смотрѣть на Скопина, относительно татишевскаго имѣнія, по малой мѣрѣ грѣшно!

Умъ изворотливъ, совѣсть лукава, а языкъ, слово эластичны: возражать и спорить обо всемъ можно безъ конца, но я спорить не буду, тѣмъ болѣе, что г. Костомаровъ отрекается собственно отъ своихъ обвиненій, и признаетъ всѣ свидѣтельства о Скопинѣ основательными и вѣрными, соглашался, что это была «безспорно знаменитая личность». Г. Костомарову представляется только эта личность «по скудности источниковъ недостаточно ясною, а напротивъ, довольно тусклою». Это уже зависитъ отъ личнаго воззрѣнія: враги, свои и чужіе, союзники, друзья, передовые люди, народъ, лѣтописи, грамоты, пѣсни—говорятъ одно и то же, и

отдаютъ Скопину полную справедливость, описывая случаи и качества разнообразныя. Ставить массу такихъ свидѣтельствъ почти ни во-что—это напоминаетъ одно выраженіе, которое Княжнинъ влагаетъ въ уста Чванкиной: хоть знаю, да не вѣрю; здѣсь надо уже предполагать не темныя очки, а полный катарактъ на глазахъ, историко-критическій.

Въ заключеніе, поблагодарю г. Костомарова за напоминаніе о Ламаншскомъ героѣ, и радъ, что могу послужить ему дополненіемъ его сравненія: Донъ-Кишоту вѣтренныя мельницы представились какими то рыцарями, а я, грѣшнень, многихъ рыцарей считаю вѣтренными мельницами.

8-го Февраля. Петербургъ.

II

ЗА КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО.

Въ 4 мѣ номерѣ «Гражданина» напечатано было начало моего разбора суждений г. Костомарова «о личностяхъ смутнаго времени», помѣщенныхъ въ IV-й книгѣ «Вѣстника Европы», 1871 года. Начало это относилось къ Скопину-Шуйскому. Вслѣдъ за тѣмъ явилась въ «Русскомъ Архивѣ», №№ 2, 3, 4 и 5—превосходная статья И. Е. Забѣлина, въ которой *Пожарскій* и *Мининъ* представлены въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и всѣмъ нарѣканіямъ г. Костомарова воздана должная справедливость. Я остановилъ было продолженіе своего разбора, какъ болѣе не нужное. Но г. Костомаровъ всталъ на своемъ, и отвѣчаетъ г. Забѣлину особеннымъ, впрочемъ, ему свойственнымъ образомъ: онъ пропускаетъ всѣ возраженія г. Забѣлина, а находитъ въ немъ Ахиллесову пятку, направляетъ въ нее свои стрѣлы, и самъ отходитъ къ сторонѣ, какъ будто цѣлый и невредимый, какъ будто ничего до него и не касалось. Дѣла въ такомъ положеніи оставить нельзя, и я постараюсь здѣсь представить вопросъ о Пожарскомъ въ такой же ясности, въ какой старался представить вопросъ о Скопинѣ, съ тою цѣлію, чтобъ г. Костомаровъ отказался также отъ смысла своихъ словъ о Пожарскомъ, какъ онъ отказался о Скопинѣ.

Я говорю отказаясь, ибо, въ анти-критикѣ своей г. Забѣлину, г. Костомаровъ прибавляетъ, что на мои замѣчанія о Скопинѣ отвѣчать ему нечего, потому что пришлось-бы только говорить: «не знаю, не говорилъ, это не такъ было сказано».

«... Тамъ, гдѣ нація переживаетъ времена упадка, разслабленія или глубокаго застоя, ея историки, чувствуя, что у ихъ народа нѣтъ того, чего бы имъ хотѣлось, чтобъ онъ имѣлъ, не видя ничего или очень мало видя въ будущемъ, какъ бы для утѣшенія, уходятъ всѣмъ сердцемъ въ свое прошлое и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ способомъ».

Говорилъ-ли г. Костомаровъ эти слова?

Говорилъ. Они напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы», 1871 года, въ июньской книжкѣ, стр. 498.

«Въ нашей отечественной исторіи эпоха смутнаго времени есть дѣйствительно великая эпоха. Держава наша разлагалась; народъ былъ на краю чужеземнаго покоренія — и однако послѣдовало спасеніе и избавленіе. Но лица, дѣйствовавшія въ эту славную и бѣдственную эпоху, облеклись сіяніемъ славы и воплотились для насъ въ такіе образы, которые, при строгомъ и трезвомъ изслѣдованіи, окажутся болѣе *произведеніями нашего воображенія*, чѣмъ историческаго изученія *былой дѣйствительности*».

Говорилъ-ли г. Костомаровъ эти слова?

Говорилъ. Они напечатаны тамъ-же, на стр. 499.

«Къ такимъ личностямъ принадлежитъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. По первому впечатлѣнію, эта личность представляется въ высшей степени поэтической и привлекательною. Молодость князя Михаила Васильевича, его быстрое возвышеніе на общественномъ поприщѣ, важныя успѣхи и ранняя смерть — все это придаетъ ему поэтическій отгѣнокъ; прибавимъ къ этому

и то, что народъ съ любовью внесъ его имя въ свои пѣсни, а этой чести въ великорусскомъ народѣ достигали немногіе. Но, какъ только мы приблизимся къ этой личности съ холоднымъ анализомъ, *мимо всякаго поэтическаго увлеченія*, предвзятыхъ понятій и заранѣе составленнаго образа—то встрѣтимъ *лицо очень тусклое*».

Это напечатано на стр. 499.

Г. Костомаровъ представилъ за симъ доказательства, почему онъ считаетъ лицо Скопина тусклымъ. Я разобралъ ихъ на основаніи источниковъ, русскихъ и иностранныхъ, лѣтописей, грамотъ, сказаній, пѣсенъ, и представилъ доказательства, почему лицо Скопина должно считать самымъ свѣтлымъ и яснымъ въ русской исторіи.

Если-бы г. Костомаровъ не говорилъ ничего, противнаго этимъ утвержденіямъ, и раздѣлялъ ихъ со мною, то мои возраженія были бы, разумѣется, излишними; но мы сей часъ увидимъ, разбирая сужденія г. Костомарова о Пожарскомъ, что напраслины на него съ нашей стороны, касательно миѣній его о Скопинѣ, взведено не было.

Въ слѣдующемъ разборѣ я употребляю однакожь другую методу, и прежде всего выищу съ точностію приговоры г. Костомарова о Пожарскомъ, чтобъ пресѣчь ему отступленіе со словамъ: «я не знаю, я не говорилъ, это не такъ было сказано».

«Къ такимъ же, какъ Скопинъ, тусклымъ личностямъ, принадлежитъ и кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій», такъ начинается г. Костомаровъ свою рѣчь о немъ.

«*Мы не знаемъ*, отчего Мининъ и бывшіе съ нимъ нижегородцы пригласили въ предводители собиравшагося противъ поляковъ ополченія — его, Пожарскаго, а не кого нибудь другого».

«*Мы не видимъ*, чтобъ князь Пожарскій прежде (избранія нижегородскаго) отличался какими нибудь способ-

ностями и успѣхами. При Шуйскомъ опъ дѣйствовалъ въ рязанской землѣ, но заурядъ съ другими, и не совершилъ ничего необыкновеннаго. Участвуя въ нападеніи русскихъ на поляковъ, овладѣвшихъ Москвою въ 1611 году, онъ былъ рабень близъ церкви Введенія на Лубянкѣ и, по выраженію лѣтописи, плакалъ о погибелѣ царствующаго града». «Вѣстн. Евр.», 1871, іюнь, с. 502.

«Великое и славное дѣло совершалъ русскій народъ подъ его начальствомъ. Но въ какой степени онъ самъ лично содѣйствовалъ этому дѣлу, и на сколько, въ качествѣ военачальника, давалъ ему ходъ? Это вопросъ, на который едва ли кто дастъ удовлетворительный отвѣтъ при существующихъ данныхъ. Во все время своей новой дѣятельности, Пожарской, на сколько извѣстно намъ по источникамъ, *не показалъ ничего, обличающаго умъ правителя и способности военачальника. Его не всѣ любили и не всѣ слушали. Онъ самъ сознавалъ за собою духовную скудость: «Былъ бы у насъ такой столпъ, говорилъ онъ, какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ—всѣ бы его держались, а я къ такому великому дѣлу не придался мимо его: меня нынѣ къ этому дѣлу сильно приневолили бояре и вся земля». Ст. 503.*

«Отбой воевъ (у Хоткевича) съ запасами (по прибитіи Пожарскаго подъ Москву) было самое крупное и важнѣйшее дѣло русскихъ. Но его совершили, главнымъ образомъ, казаки, находившіеся подъ начальствомъ князя Трубецкаго, *а не Пожарскій». Стр. 507.*

«Въ дѣлѣ побѣды, одержанной подъ Москвою, Пожарскій *почти не показалъ своей личности, по крайней мѣрѣ, на сколько сообщаютъ намъ источники. Но можетъ быть они укажутъ намъ, какъ много онъ сдѣлалъ для другой спасительной цѣли — для устроенія Руси, для соединенія русскихъ силъ воедино? Быть можетъ, не будучи особенно великимъ полководцемъ, онъ былъ великимъ гражданиномъ и государственнымъ чело-*

комъ? *Къ сожалѣнію, тогдашніе источники и въ этомъ отношеніи не сообщаютъ намъ ничего. Мы знаемъ только, что подъ его предводительствомъ происходили ссоры, несогласія, и онъ долго не могъ съ ними сладить. Быть можетъ, въ этотъ періодъ Пожарскій оказалъ какія нибудь важныя услуги отечеству, но мы объ нихъ не знаемъ, а чего мы не знаемъ, о томъ не въ силахъ разсуждать и дѣлать какія либо заключенія».* Стр. 508.

«Во все царствованіе Михаила Теодоровича мы не видимъ Пожарскаго ни особенно близкимъ къ царю совѣтникомъ, ни съ особенно важными государственными порученіями, ни главнымъ военачальникомъ: онъ исправляетъ болѣе второстепенныя порученія. Въ 1614 году онъ воюетъ съ Лисовскимъ и скоро оставляетъ службу по болѣзни. Въ 1618 году мы встрѣчаемъ его въ Боровскѣ противъ Владислава; онъ здѣсь не главное лицо; онъ пропускаетъ враговъ, не дѣлаетъ ничего выходящаго изъ ряда, хотя и не совершаетъ ничего такого, чтобы ему слѣдовало поставить особенно въ вину».

Ст 509.

«Какъ ни сильны были обычай мѣстничества, но все таки изъ этого (изъ выдачи Пожарскаго головою Салтыкову) видно, что царь не считалъ за Пожарскимъ особыя великія заслуги отечеству, которыя бы выводили его изъ ряда другихъ. Въ свое время не считали его подобно тому, какъ считаютъ въ наше время, главнымъ героемъ, освободителемъ и спасителемъ Руси. Въ глазахъ современниковъ это былъ человѣкъ «честный» въ томъ смыслѣ, какой это прилагательное имѣло въ то время, но одинъ изъ многихъ честныхъ. Никто не замѣтилъ и не передалъ года его кончины: только потому, что съ осени 1641 года имя Пожарскаго перестало являться въ дворцовыхъ разрядахъ, можно заключить, что около этого времени его не стало на свѣтѣ. Такимъ образомъ, держась строго источниковъ, мы должны представить себѣ Пожарскаго совсѣмъ не такимъ

лицомъ, какимъ мы привыкли представлять его себѣ; мы и не замѣчали, что *образъ его созданъ нашимъ воображеніемъ по скудости источникова...* Это не болѣе, какъ *нелюбая тѣнь*, подобная множеству другихъ тѣней, въ видѣ которыхъ наши источники передали потомству историческихъ дѣятелей прошлаго времени». Стр. 510.

«Если бы мы позволили себѣ дѣлать заключение объ отсутствіи того въ дѣйствительности, чего отсутствіе находимъ въ источникахъ, то, *не видя въ Пожарскомъ никакихъ признаковъ, возвышающихъ его личность надъ уровнемъ дюжинныхъ личностей*, мы пришли бы къ такому заключенію, что Мининъ умышленно пригласилъ предводителемъ *малоспособнаго князя*, чтобы удобнѣе было самому безусловно всемъ распоряжаться. Не признавая несомнѣннымъ фактомъ предположеніе о такого рода побужденіяхъ Минина, въ избраніи Пожарскаго, *при всей его вѣроятности*, мы считаемъ несообразнымъ съ осторожностію не обходимую, при составленіи историческихъ выводовъ». Стр. 516.

Въ отвѣтѣ г. Забѣлину, Пожарскій объявляется также: *«по своимъ способностямъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ»* «В. Е.». 1872, сентябрь, с. 31.

Не будемъ приводить къ одному знаменателю всѣхъ этихъ отзывовъ о неспособности, духовной скудости и дюжинности Пожарскаго: внимательные читатели легко сдѣлаютъ это самп, читая напечатанныя курсивомъ слова. Мы обратимся къ самымъ изслѣдованіямъ г. Костомарова и разберемъ доказательства, на которыхъ основанъ онъ свое низкое мнѣніе о такомъ дорогомъ для насъ лицѣ, какъ князь Пожарскій.

«Его важное значеніе», — говоритъ Костомаровъ, — «не подлежитъ сомнѣнію, но возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые не представляютъ отвѣта. Мы не знаемъ: отчего Мининъ и бывшіе съ нимъ нижегородцы пригласили въ предводители собиравшагося

противъ поляковъ ополченія его, Пожарскаго, а не кого нибудь другого». Стр. 502.

Отвѣчаемъ: Пожарскій извѣстенъ былъ своею храбростію, своею вѣрностію, своею честностію, своимъ благородствомъ, (на что сейчасъ представляется доказательства изъ источниковъ). Совокупность такихъ качествъ была рѣдкимъ явленіемъ въ это смутное время, въ эту эпоху, когда, по словамъ самого г. Костомарова, держава наша разлагалась и происходило общее шатаніе. Эти достоинства должны были обратить на себя народное вниманіе. Слухомъ земля полнится, говорить наша старая пословица, а тогда земля русская ни о чемъ столько не думала, ни о чемъ столько не говорила, какъ о томъ, что дѣлается въ Москвѣ. Пожарскій, прибывшій одинъ изъ первыхъ на помощь Москвѣ, въ самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ, былъ тамъ раненъ тяжело, въ горячей схваткѣ, и пріѣхалъ лѣчиться въ свое помѣстье, близъ Нижняго.

Довольно ли этихъ обстоятельствъ для избранія, тѣмъ болѣе, что по близости никого изъ воеводъ не было въ виду? да и въ дали были по большей части только двусмысленные и сомнительные.

Замѣтимъ при томъ, что вопросъ — почему нижегородцы избрали Пожарскаго, — вопросъ любопытный, но неважный, и нисколько не идущій къ объясненію дѣла! Но г. Костомаровъ на него особенно напираетъ, повторяя въ заключеніе параграфа:

«Между Пожарскимъ и нижегородцами было что-то связывающее, что-то такое, чего мы не знаемъ; видно, что Пожарскій для Мещина и нижегородцевъ, былъ болѣе свой, чѣмъ всякій другой. Когда пріѣхалъ къ нему печерскій архимандритъ и дворянинъ Жданъ Болтинъ, съ просьбою принять начальство надъ ополченіемъ, Пожарскій согласился, но пожелалъ, чтобъ выборнымъ человѣкомъ отъ посадскихъ былъ Козьма

Мининъ-Сухорукъ. Мининъ хотѣлъ Пожарскаго; Пожарскій хотѣлъ Минина. Мы не знаемъ, откуда возникла эта взаимность». Стр. 503.

Этимъ словами готовится догадка, представленная у г. Костомарова на стр. 515, и приведенная нами выше въ числѣ его отзывовъ, будто Мининъ указалъ на Пожарскаго, зная его малоспособность, *чтобъ самому безусловно встать распоряжаться*.

Скажемъ два слова объ этой догадкѣ.

Есть ли свидѣтельства, что Мининъ распоряжался и дѣйствовалъ мимо Пожарскаго?

Никакого извѣстія нѣтъ ни о какомъ распоряженіи, ни о какомъ вмѣшательствѣ, ни о какомъ дѣйствіи, кромѣ одного случая, что подъ Москвою Мининъ выпросилъ однажды отрядъ у Пожарскаго, чтобъ ударить на Поляковъ, и только.

Мининъ участвовалъ въ дѣлѣ своими мнѣніями, совѣтами, завѣдывалъ хозяйственною частію, и объ этомъ завѣдываніи нѣтъ нигдѣ ничего, кромѣ похвалъ, и въ лѣтописи, и въ грамотахъ. Объ его первенствѣ, и вообще вмѣшательствѣ, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго даже намека. Спрашиваю: на какомъ же основаніи можно предполагать, что, указывая на Пожарскаго, онъ искалъ первенства себѣ? Гдѣ же здѣсь большая «вѣроятность»? Напротивъ, мы видимъ здѣсь совершенную невѣроятность, и удивляемся опрометчивости и вмѣстѣ дерзости слѣдователя, который ищетъ *midî à quatorze heures*.

«Мы не видимъ», продолжаетъ г. Костомаровъ, «что князь Пожарскій прежде отличался какими нибудь способностями и успѣхами. При Шуйскомъ онъ дѣйствовалъ въ рязанской землѣ, но заурядъ съ другими, и не совершилъ ничего необыкновеннаго». Стр. 502.

Въ этомъ-то и бѣда, что г. Костомаровъ не видитъ или не хочетъ видѣть свидѣтельствъ, прямо противорѣчащихъ его заключеніямъ и его *системѣ*.

Онъ говоритъ, что Пожарскій дѣйствовалъ *заурядъ*, и не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго, а лѣтописи говорятъ вотъ что:

Ник. Лѣтопись VIII, стр. 106. У Кар. XII, пр. 336. «Ко царю—же Василю (1608) писали къ Москвѣ съ Коломны воеводы Ив. Пушкинъ да Сем. Глѣбовъ, что отъ Володимера идутъ подъ Коломну многие литовскіе люди и русскіе воры; царь—же Василій посла на Коломну воеводъ своихъ К. Дмитрія Мих. Пожарскаго съ ратными людьми. Онъ же приде на Коломну, и посла провѣдывать про тѣхъ литовскихъ людей; вѣстовщики, прѣхавъ, сказаху, что стоятъ литовскіе люди за тридцать верстъ Коломны въ селѣ Высоцкомъ. К. Дмитрій Михайловичъ понде съ Коломны на встрѣчу противъ литовскихъ людей, и приде на нихъ въ ту Высоцкую волость на утренней зарѣ, и ихъ *побилъ на толову*, и языки многіе поималъ, и многую у нихъ казну и запасы поималъ; достальныя жъ литовскіе люди побѣгоша въ Володимеръ».

Это былъ первый подвигъ Пожарскаго.

За сямъ послѣдовалъ второй: Разбойникъ Сальковъ (1609) явился въ 15 верстахъ отъ Москвы, подъ монастыремъ Николы Угрѣнскаго. Царь Василій послалъ противъ него воеводу Сукина со многими ратными людьми. Сукинъ не могъ ничего сдѣлать Салькову, который «приде на володимерскую дорогу и на инья дороги, и многую шкоту почини. Царь же Василій посла на него воеводъ своихъ по многимъ дорогамъ. И спидошася съ нимъ по володимерской дорогѣ, на рѣчкѣ на Пехоркѣ, воевода князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій съ ратными людьми, и *бывшу бою на многое время*, и по милости Божіи *тѣхъ воровъ побилша на толову*, той же Сальковъ утече съ *невеликими людьми*, и на четвертый день той же Сальковъ съ достальными людьми придоша ко царю Василью съ повинною; а

осталось всего съ нимъ послѣ того бою, съ коими утекъ, тридцать человекъ». Ник. с. 126. У Кар. пр. 436.

1610 года февраля 8, Пожарскій назначенъ воеводою въ Зарайскъ. По смерти Скопина, апрѣля 23, смятеніе усилилось. Ляпуновъ возсталъ. Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василя. Одинъ Зарайскъ остался вѣрнымъ, благодаря усиліямъ князя Пожарскаго.

Ник. 133. У Кар. пр. 532. «Слышавъ о семъ Прокофій Ляпуновъ, что князь Михаилъ Васильевичъ представился, и нача на царя Василя умышляти всякими умыслами, и по городомъ нача писати отъ себя, и въ Колугу къ вору посылаше, къ Николѣ Зараскому присла племянника своего Ѳедора Ляпунова, чтобъ съ ними были въ совѣтъ, и въ грамотѣ къ нимъ писаше, чтобъ ему мстити смерть царю Василю князь Михаила Васильевича. Въ тожь время былъ у Николы Зараскова воевода князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, *и не приста къ совѣту его*, и того Ѳедора отпустиша къ нему, а съ тою грамотою посла къ царю Василю наскоро, чтобъ къ нему на помощь прислалъ людей. Царь же Василей тотчасъ посла къ нему на помощь съ Москвы воеводу Семена Глѣбова съ ратными людьми, да голову стрѣлцково Михаила Рчинова со стрѣлцами. Прокофей слыша то, что пришли на помощь ратные люди въ Зараской городъ, и преста ссылатися со ворами».

Г. Костомаровъ осуждалъ Скопина, зачѣмъ онъ не увѣдомилъ Василя о предложеніи Ляпунова. Пожарской поступилъ въ подобномъ случаѣ наоборотъ, и отправилъ къ Шуйскому полученную грамоту. Кажется, надо-бы г. Костомарову похвалить его за то — нѣтъ, онъ даже совсѣмъ пропускаетъ это примѣчательное дѣйствіе, доказывающее вѣрность Пожарскаго присягѣ.

Подъ Клушинымъ, іюня 24, 1610 года, было разбито войско Василія знаменитымъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Поляки подступили къ Москвѣ. Тушинскій самозванецъ хотѣлъ предупредить ихъ и изъ Калуги двинулся къ Москвѣ. Воеводы и города оставляли Василія и предавались, кто полякамъ, кто самозванцу. Въ этомъ ужасномъ положеніи Пожарскій все-таки оставался вѣрнымъ несчастному государю:

Латухинская степенная книга, у Кар. XII, пр. 553. «Градъ Коломна, много въ немъ пребывающіе люди немятежно и непоколебими быша, а въ то время голова Мих. Бобынинъ съ сотнею своею измѣниша, и къ вору Тушинскому отѣхаша. Потомъ же и вси Коломенскіе жители тому же вору крестъ цѣловаша. Бояре же К. Михаилъ Сампс. Туренинъ, да К. Ѳедоръ Тим. Долго-рукой, къ нему же, вору, съ повинною послали. А въ Зараской и на Коширу о томъ же писали, и тамъ начаша вору цѣловати крестъ; Григорія же Петровича едва не убиша, и неволею ко кресту приведоша, и съ повинною къ вору его послаша. У Николая же въ Зараскомъ бысть тогда воевода К. Дм. Мих. Пожарской, къ *тому вору неприложился*, и отъ всенароднаго убійства съ *небольшими людьми* къ каменный городъ затворися; тогда граждане отъ волненія престаша, и на томъ крестъ цѣловаша, кто будетъ на Москвѣ и надъ всей Россіи царь, тому и служить и прямити».

Никон. 137 и 138. «Коломняне всѣ поцѣловаша крестъ, и къ вору послаша съ повинною, и послаша за грамотами на Коширу и къ Николѣ Зарайскому; посланникъ ихъ придоша на Коширу, Коширяне-жъ, слышавъ про Коломну, — начаша вору крестъ цѣловати. Бояринъ же Князь Григорей Петровичъ Ромодановской не хотѣ креста цѣловати, и стояше за правду: они жъ его немного неубиша, и приведоша его ко кресту, и къ вору послаша съ повинною. И придоша жъ

въ Зараской городъ съ Коломны посланницы, чтобъ также цѣловати крестъ вору. Въ Зараскомъ же городѣ въ то время былъ воевода князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, и придоша—жь на него всѣмъ градомъ, чтобъ поцѣловати крестъ вору, онъ же сталъ въ крѣпости *не съ великими людьми; они же приходяту, хотяху его убить, онъ же отнюдь ни на что не прельстился*; Никольской же протопопъ Дмитрей крѣпляше ево, и благословляше умерети за истинную православную вѣру, онъ же напаче крѣпляшеса. Видя же онъ свое неизможеніе, и заперся въ каменномъ городѣ съ тѣми, которые стояху въ правдѣ: въ городѣ же у тѣхъ мужиковъ животы и запасы всѣ, а въ острогѣ у нихъ нѣту ничево. Тѣже воры, видя свое неизможеніе, прислаша въ городъ, и о томъ винишася, и цѣловатибъ крестъ на томъ, кто будетъ на московскомъ государствѣ царь, тому и служить. Онъ же, помня крестное цѣлованіе царя Василен, и цѣловаша крестъ на томъ. *будеть на московскомъ государствѣ по старому царь Василей ему и послужити, а будетъ што иной и тому также послужити*, и на томъ укрѣпися крестнымъ цѣлованіемъ; и начаша быти въ Зараскомъ городѣ *безъ колебанія*, и утвердишася межъ себя, и на воровскихъ людей начаша ходить и побивати, и градъ Коломну *опять обратиша*».

Въ записи на пожертвованной Пожарскимъ книгѣ въ зарайскій соборъ, между прочимъ, точно также сказано:

«Съ тѣхъ поръ многіе грады смутилися: Серпуховъ, и Кошира, и Коломна, и во градъ Зараскомъ смута была великая!... И Божіею милостію и помощію вел. чуд. Николы Зараской городъ устоялъ... И въ тѣже лѣта 7119 (1610) году декабря въ 1-й день присылалъ врагъ богоотметникъ Исаакъ Сунбуловъ съ товарищи многихъ людей съ Михайлова города Черкасъ и

козаковъ и Татаръ подъ Зараской городъ, плѣнити правосл. христіанъ. И тѣ воры пришелъ къ острогу Зараскова города, и острогъ обманомъ взяли... Воевода К. Дм. Мих. Пожарской съ невеликими людьми противъ ихъ изъ города вылѣзъ, и помощію вел. чуд. Николы *воровъ побили, и языки поймали, и изъ острогу выбили вонъ*, и градъ и острогъ Никола чудотворецъ невидимо сохранилъ. И въ тѣ поры столникъ и воевода к. Дм. Мих. Пожарской обрелся дати къ вел. чуд. Николѣ вкладу, и далъ въ храмъ чуд. Николы протопопу Дмитрею съ братьею вкладу книгу, глаголемую *уставъ* печатной... и за ево Бога молити и родителей ево поминати, и въ синодикъ написати, а Богъ сошлетъ по ево душу, и ево тѣмъ же написати, дондеже и градъ св. Николы стоитъ». Кар. XII, пр. 532.

Примѣръ Зарайска подѣйствовалъ и на Коломну, которая возвратилась на сторону Василія.

Василій наградилъ заслуги Пожарскаго богатымъ помѣстьемъ и далъ грамоту, которая повторена въ подтвърдительнои грамотѣ царя Михаила Федоровича такими словами:

«Пожаловали есмы за его службу, что онъ при царѣ Васильѣ, памятуя Бога и пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ, будучи въ Московскомъ Государствѣ въ нужное и въ прискорбное время за вѣру крестьянскую и за святыя Божія церкви и за всѣхъ православныхъ крестьянъ, противъ враговъ нашихъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, которые Московское Государство до конца хотѣли разорить и вѣру крестьянскую попать: а онъ бояринъ нашъ князь Дмитрій Михайловичъ, будучи въ Москвѣ въ осадѣ, противъ тѣхъ враговъ нашихъ *стоялъ крѣпко и мужественно*, и къ царю Василью и къ Московскому государству многую службу и дородство показалъ, голодъ и во всемъ оскудѣніе и всякую особную пужу

терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо безъ всякаго шатости, и отъ тое ихъ великія службы и отъ крѣпкаго осаднаго сидѣнья польскіе и литовскіе люди и русскіе воры отъ Москвы отошли».

Всѣ эти дѣла г. Костомаровъ порѣшаетъ двумя строками: Пожарскій «дѣйствовалъ заурядъ», и «не совершилъ ничего необыкновеннаго». То есть онъ разбилъ Поляковъ въ 1608 г. подъ Коломною, разбилъ на владимирской дорогѣ, Салькова, съ которымъ прежній воевода не могъ справиться, разбилъ мятежниковъ, подступавшихъ къ Зарайску, отвергнулъ предложеніе Ляпунова измѣнить Василью, препроводилъ грамоту его къ царю, удержалъ Зарайскъ съ малыми силами и привлекъ Коломну, — здѣсь нѣтъ ничего необыкновеннаго, по словамъ г. Костомарова! Пропуская такія дѣла, г. Костомаровъ естественно видѣлъ Пожарскаго человѣкомъ дюжиннымъ.

Шуйскій былъ справедливѣе г. Костомарова, и не считалъ подвиговъ Пожарскаго въ это время обыкновенными!

Г. Костомаровъ *пропускаетъ* также прекрасный, благородный подвигъ Пожарскаго, послѣ отстраненія Шуйскаго, а именно выручку человѣка, ему, разумѣется, непріязненнаго, — Ляпунова:

Шуйскій сверженъ былъ 17-го іюля 1610 года.

Гетманъ Жолкѣвскій явился подъ Москвою, и утвердилъ своимъ согласіемъ избраніе королевича Владислава на престолъ московскій. Онъ обязался отвести свое войско къ Можайску, но вопреки договора 21-го сентября, занялъ Кремль, и отосмалъ русскіе вой въ Новгородъ, якобы для обороны отъ Шведовъ.

Видя такое вѣроломство, многіе рѣшались подняться. Ляпуновъ объявилъ себя прежде всѣхъ противъ

Поляковъ, и взявъ приступомъ Пронскъ; Гонсѣвскій, заступившій мѣсто Жолкѣвскаго, по его отъѣздѣ къ королю, послалъ Запорожцевъ противъ Ляпунова, къ которымъ присоединился измѣнникъ Сунбуловъ. Казаки осадили Пронскъ, и Ляпунову дѣлали «тѣсноту великую».

Узнавъ объ этомъ, Зарайскій воевода, князь Пожарскій, *поспѣшно* набралъ войско въ Коломнѣ и Рязанской области, и *пошелъ* на выручку Ляпунова. Запорожцы, услышавъ о его движеніи, отступили къ Михайлову, и потомъ къ Зарайску, который они осадили. Пожарскій успѣшилъ воротиться въ свой городъ, съ небольшимъ отрядомъ, сдѣлалъ вылазку и *разбилъ* Запорожцевъ. Встрѣчая всюду неудачи, казаки ушли въ свою Украину.

Это было въ январѣ 1611 года.

Ясно-ли изъ этихъ дѣлъ, что Пожарскій былъ одинъ изъ первыхъ Русскихъ людей, отвергнувшихъ избраніе Владислава, и не смотря на окружающія опасности, господство Поляковъ въ Москвѣ, подчиненіе имъ Думы и общее согласіе, онъ держался въ своемъ Зарайскѣ, не усомнился идти на помощь къ недругу, и не боялся дѣйствовать открыто! Неужели и это дѣло можно назвать обыкновеннымъ!

Послѣ общаго осужденія дѣйствию Пожарскаго при Шуйскомъ, г. Костомаровъ переходитъ прямо къ ранѣ Пожарскаго въ схваткѣ съ Поляками на Лубянкѣ, 19-го марта, 1611 года.

Русскіе начали сходить съ разныхъ сторонъ съ цѣлію выгнать Поляковъ изъ Москвы. Пожарскій пришелъ въ Москву изъ первыхъ, и началъ биться, несмотря на слабыя свои силы, среди пожара, объявшаго городъ.

Вотъ что говорятъ лѣтописи (Ник. 157).

«Бысть убо въ лѣто 7119 году, во святыи и великій постъ, во вторникъ, и начаша същи в Китае городе

в рядахъ; потомъ же придоша ко князь Андрею Васильевичу Голицину на дворъ, тово тутъ и убиша. Потомъ же вышедъ ис Китая по Тверской улице, и начаша побивати, в Тверскіе же ворота ихъ не пропустиша, что быша тутъ стрелецкіе. Потомъ же придоша на Устретенскую улицу, на Устретенской же улице совокупишась съ пушкари князь Дмитрей Михайловичъ Пожарскойи, нача с ними битися и ихъ отбиша и в городъ втопташа, а сами поставиша острогъ у Веденя пречистые Богородицы. «У Яузскихъ воротъ бился Иванъ Матѣевичъ Бутурлинъ, и за Москвою рѣкою Иванъ Колтовской.»

«Видя-же они, Литовскіе люди, множество и крѣпкостоятельство Московскихъ людей, начаша зажигати в Бѣломъ городе дворы. Той же начинатель злу Михаилу Салтыковъ первой нача дворъ жечь свои. В той же во вторникъ посекоша много множество людей, кои быша в тѣ поры тутъ, и сказываху, что по всѣмъ рядамъ и улицамъ выше человѣка трупъ человѣчъ лежаше. А Москвы в тотъ день пожгоша немного, отъ Кулижскихъ воротъ по Тверскую улицу. Прокофей же Ляпуновъ и иные воеводы сами вскоре не придоша, и на помощь не прислаша. Въ той же вторникъ в день и в ночь безпрестане бьющися; на утрие жъ в среду придоша отъ Прокофья Иванъ Васильевичъ сынъ Плещѣвъ. В тожъ время приде изъ Можайска полковникъ Струсь с Литовскими людьми и с ними бьющися; они же противу его не постояша, покиня щиты, побежаху все назадъ. Литовскіе-жъ люди, выѣхавъ изъ города, зажгоша за Олексѣвскою башнею Илью пророка и Зачатейской монастырь, потомъ же вышли ис Китая многие люди к Устретенской улице, и х Кулишкамъ; тамъ же с ними бился у Веденскаго острожку, и не пропустилъ ихъ за каменной городъ прежереченной князь Дм. Мих. Пожарской *черезъ весь день,*

и многое время тоѣ страны не далъ жечь, и изнеможи отъ великихъ ранъ паде на землю, и вземъ ево повезоша изъ города вонъ к живоначальной Тронце въ Сергіевъ монастырь».

Какоеъ былъ пожаръ въ Москвѣ, зажженной со всѣхъ сторонъ, читатели могутъ прочесть у Польскаго свидѣтеля, Маскѣвича.

Такія-то усилія, такіе-то труды, среди, такихъ-то опасностей, съ такими ничтожными силами, г. Костомаровъ порѣшаетъ двумя строками:

«Участвуя въ нападеніи Русскихъ на Поляковъ, овладѣвшихъ Москвою въ 1611 году, онъ былъ раненъ близъ церкви Введенія на Лубянкѣ и, по выраженію лѣтописи, плакалъ о потибели царствующаго вѣра».

Сражавшись цѣлый день, изнеможенный Пожарскій отъ «великихъ ранъ» упалъ на землю, а г. Костомаровъ, умалчивая о ранахъ, воспоминаетъ, разумѣется, съ ироніей только о слезахъ! (*),

Читатели! Что вы чувствуете, помимо исторіи, объ этихъ строкахъ, сравнивая ихъ съ вышеприведенными словами лѣтописи?

Что до меня, я не могу въ эту минуту продолжать болѣе, и, разобравъ только десять строкъ изъ статьи г. Костомарова, отлагаю до слѣдующаго нумера разборъ сужденій его о главномъ подвигѣ Пожарскаго, то есть объ избавленіи Москвы отъ Поляковъ, сужденій, совершенно тождественныхъ, и по духу, и по изложенію, съ разобранными.

(*) Г. Костомаровъ скажетъ, безъ сомнѣнія, что въ его словахъ нѣтъ ироніи: что-же въ нихъ есть?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Г. Костомаровъ, пропустивъ одни подвиги кн. Пожарскаго, не оцѣнивъ другихъ, перетолковавъ въ худую сторону третьи, заключаетъ, что не за что было избирать Пожарскаго предводителемъ:

«Все это были еще не такіе подвиги, которые давали бы русскимъ поводъ предпочесть его всѣмъ другимъ, и поручить ему важнѣйшее дѣло. — руководить спасеніемъ отечества».

Затѣмъ г. Костомаровъ выражаетъ свое недоумѣніе, почему нижегородцы съ Миннинымъ выбрали именно Пожарскаго, и предлагаетъ удивительную догадку, что Мининъ, зная неспособность Пожарскаго, указалъ на него, чтобы самому управлять дѣломъ изъ за него, — а нижегородцы и согласились!

Кого-же предложилъ-бы г. Костомаровъ? спросимъ кстати? Федоръ Шереметевъ оставался у Поляковъ съ членами думы, запертой въ Кремль; Шенъ, осажденный, сидѣлъ въ Смоленскѣ; князь Василій Голицынъ отправленъ посломъ къ Сигизмунду, Ляпуновъ убитъ. Остается Заруцкой! Не его ли желалъ-бы г. Костомаровъ?

Какъ бы то ни было, Пожарскій избранъ, и г. Костомаровъ, по прежней методѣ, продолжаетъ свои сомнѣнія и недоумѣнія, натяжки и придирки.

«Въ какой степени онъ самъ (Пожарскій) лично содѣйствовалъ этому дѣлу», спрашиваетъ нашъ слѣдователь, «и на сколько, въ качествѣ военачальника, давалъ ему ходъ? Это вопросъ, на который едва ли кто дастъ удовлетворительный отвѣтъ при существующихъ данныхъ. Во все время своей новой дѣятельности, Пожарскій, насколько извѣстно намъ по источникамъ, не показалъ ничего, обличающаго умъ правителя и способности

военачальника. Его не всѣ любили и не всѣ слушали». «Вѣстникъ Европы», июнь 1871 г., стр. 503.

Что сдѣлалъ самъ Пожарскій? спрашиваетъ г. Костомаровъ.

Отвѣчаемъ: Пожарскій сдѣлалъ свое дѣло, какъ, на примѣръ, Кутузовъ сдѣлалъ свое дѣло въ наше время. Онъ побѣдилъ враговъ и достигъ своей цѣли: избавилъ Москву отъ Поляковъ. Чего-же вамъ болѣе?

А всего противнѣе, чтобъ не выразиться по крѣпче, толкованіе г. Костомаровымъ прекрасныхъ словъ Пожарскаго нижегородцамъ, умолявшимъ его принять начальство надъ войскомъ: «Только-бъ нынѣ такой столпъ, какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, былъ здѣсь, и объ немъ всѣ держались, и я къ такому великому дѣлу мимо его не принялся, а то нынѣ меня къ такому дѣлу сильно приневолили бояре и вся земля».

Эти слова, рисующія всего яснѣе характеръ Пожарскаго, доказывающія его почтенную скромность, г. Костомаровъ представляетъ въ доказательство его «духовной скудости», въ которой-де онъ самъ сознается!!

Г. Костомаровъ обвиняетъ Пожарскаго въ медленности его похода къ Москвѣ. Здѣсь разсужденія его оказываются просто смѣшными. Онъ разводитъ по водѣ всѣ обстоятельства, какъ будто совершались онѣ вчера предъ его глазами. Но мнѣ кажется, что еслибъ Пожарскій руководствовался его разсужденіями, то едва ли Москва была бы избавлена отъ Поляковъ!

Г. Костомаровъ опирается больше всего на многократныя понужденія тронцкихъ властей. Отвѣчаемъ: монастырь подвергался безпрестаннымъ опасностямъ, и потому монахамъ естественно было желать скорѣйшей обороны, но Пожарскій долженъ былъ имѣть въ виду многія другія обстоятельства, и военныя, и гражданскія, отъ которыхъ и зависѣлъ его образъ дѣйствій. Онъ самъ

видѣлъ необходимость въ поспѣшности, и писалъ, на примѣръ, въ Вологду: «и вамъ бы, господа, вологодскимъ дворянамъ, нынѣ идти на литовскихъ людей всѣмъ *вскорь*, чтобы литовскіе люди московскому государству конечныя гибели не навели, а токмо надъ литовскими людьми поискъ чинити не учнемъ, и *вскорь* на нихъ не поидемъ, а нашимъ будетъ нерадѣньемъ учиниться конечное разоренье московскому государству, который отвѣтъ дадимъ въ страшный день суда Христова». Акты Э, II, № 201.

Заруцкой хотѣлъ помѣшать соединенію полковъ въ Ярославль, и послалъ туда казаковъ; съ другой стороны шелъ Просовѣцкій занять Ярославль. Пожарскій выслалъ отрядъ, который пришелъ въ Ярославль прежде, нежели Просовѣцкій успѣлъ соединиться тамъ съ казаками Заруцкаго, и, захвативъ ихъ, посадилъ въ тюрьму. Намѣренье Просовѣцкаго разрушилось, и онъ воротился съ дороги. Это г. Костомаровъ пропускаетъ, чтобъ послѣ поставить въ вину Пожарскому отсутствие распоряженій!

Въ Костромѣ Пожарскій спасъ отъ ярости народной воеводу Ивана Шереметева, который не хотѣлъ впустить его въ городъ съ войскомъ.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ самъ Пожарскій объясняетъ причины своей медленности, на примѣръ: «И собрався азъ, князь Дмитрій, со всѣми ратными людьми идти подъ Москву, и писали къ намъ изъ подъ Москвы бояре князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій и атаманы, и казаки, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе, и умысля воровствомъ, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ, именуя его Дмитріемъ... Мы же, видя злое начинаніе Ивана Заруцкаго и атамановъ и казаковъ подъ Москву *не пошли*» Ibid. стр. 281.

Въ Ярославлѣ Пожарскій простоялъ около полугода. Мы замѣтимъ здѣсь однакожъ вкратцѣ, что Пожарскому

было тамъ много дѣла, извѣстнаго по современнымъ грамотамъ, которое сполна пропускается г. Костомаровымъ, жалующимся между тѣмъ на скудость источниковъ, а именно: казаки, присягнувъ въ Москвѣ новому самозванцу, разсыпались по сосѣднимъ городамъ, подъ предлогомъ приводить народъ къ присягѣ. Жители обратились къ Пожарскому за помощью, и онъ долженъ былъ послать отъ себя отряды въ Суздаль, Угличъ, Кашинь, Владимиръ, Ростовъ, Устюжну, Тверь, Пошехонь и въ Троицкую лавру. На очищеніе всѣхъ этихъ мѣстъ потребовалось около трехъ мѣсяцевъ. Самъ лѣтописецъ выставляетъ такія обстоятельства причиною замедленія: «походъ-же ихъ замѣшкался, и приде уже въ то время рать черкасовъ, и ставъ въ Антоньевѣ монастырѣ, и казаки стояху на Угличѣ. Князь Д. М. и Козьма вздумаша на черкасовъ и на казаковъ послати рать».

Въ самомъ войскѣ Пожарскаго были приверженцы Заруцкаго, которые производили смуты. Надо было устроиться такъ, чтобъ не произошло вреда отъ нихъ при началѣ военныхъ дѣйствій.

Оказывался недостатокъ въ деньгахъ, и Пожарскій вздумалъ даже обратиться къ римскому Цезарю съ просьбою о ссудѣ, подавая надежду на избраніе его брата царемъ русскимъ.

Грозилъ опасность и со стороны Новгорода отъ шведовъ, куда Пожарскій съ Мининымъ придумалъ послать посольство для совѣщанія съ новгородцами, избравшими шведскаго принца. «Быть съ Новгородомъ въ соединеніи мы не прочь», писалъ Пожарскій, «но только мы уже искусились, что ненадежно полагаться на государей иноземныхъ».

Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Сѣкериинъ посланъ съ этою грамотою для того, «чтобы не помѣшали нѣмецкіе люди (шведы) идти на очищеніе Московскаго государства. А

того у нихъ и въ думѣ не было, чтобы взять на Московское государство иноземца, а избирали на всероссійское государство изъ московскихъ родовъ государя».

Такъ точно и впослѣдствіи Пожарскій писалъ къ новгородскому митрополиту: «а что ты, великій господинъ, писалъ къ намъ, боярамъ и воеводамъ и ко всей землѣ, чтобъ Московскому государству быти съ вами подъ единымъ кровомъ государя королевича Карлуса Филиппа Карлусовича, и намъ вышѣ такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, *не обослався и не учиня совѣту и договору съ Казанскимъ, и съ Астраханскимъ, и съ Симбирскимъ, и съ Нижегородскимъ государствами, и со всѣми городами Россійскаго Царствія со всякими людьми отъ мала до велика, однимъ учинити нельзя.*

Въ города же онъ писалъ, извѣщая объ избраніи новгородскомъ:

• И вамъ бы, господа, прислати къ намъ, для общаго земскаго совѣта, изъ всякихъ чиновъ челоуѣка по два и по три, какъ намъ противъ враговъ общихъ, польскихъ и литовскихъ людей, стоять, и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть, *и vybrати бы намъ государя всею землею, кого милосердый Богъ дастъ*».

Сношенія Пожарскаго съ Новгородомъ свидѣлствуютъ о государственныхъ соображеніяхъ Пожарскаго, а г. Костомаровъ пропускаетъ эти сношенія съ умысломъ или по невѣдѣнію, и осуждаетъ Пожарскаго за нераспорядительность, и отрицаетъ его способности!

Какъ обширна была дѣятельность Пожарскаго въ Ярославлѣ, замѣчаетъ г. Смирновъ, видно изъ грамотъ, имъ отсюда писанныхъ: см. Акты Экспед., т. I. № 203, 204, 205, 206, 209, 210. Акты Ист. 336, 337, 338. Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. II, № 281, 282.

Передъ отбытіемъ Пожарскаго изъ Ярославля, Заруцкой подослалъ къ нему убійць, отъ которыхъ онъ спасся, благодаря только случаю.

Дѣльно замѣчаетъ г. Забѣлинъ; «Неизвѣстно, для чего ему такъ нуженъ былъ этотъ дюжинный, по возрѣнію нашихъ историковъ, человекъ!»

Замѣтимъ, что Пожарскій не казнилъ уличенныхъ. а одного сослалъ, а другихъ взялъ съ собою для улики.

Убійство Ляпунова, присылка казаковъ въ Ярославль, походъ Просовѣцкаго, чтобъ помѣшать дѣйствіямъ Пожарскаго, присяга Трубецкаго и Заруцкаго псковскому вору Сидоркѣ, покушеніе на жизнь Пожарскаго, и многія другія противныя обстоятельства, заставляли его думать о всякомъ своемъ шагѣ. Все это время обработано отлично у г. Забѣлина, къ которому мы отсылаемъ читателей.

Наконецъ, 28 іюля, Пожарскій выступилъ изъ Ярославля. Г. Костомаровъ, иронически замѣтивъ прежде, что онъ плакалъ о бѣдствіяхъ Москвы, обвиняетъ и здѣсь Пожарскаго за его поѣздки въ Суздальскій монастырь: «Пожарскій, даже рѣшившись выступить изъ Ярославля, шелъ чрезвычайно медленно, сворачивалъ съ дороги, ѣздилъ въ Суздаль кланяться гробамъ своихъ отцевъ, а между тѣмъ не только троицкія власти, но и ратные земскіе люди, которые прежде него пришли къ Москвѣ, умоляли его идти скорѣе». «Вѣстн. Евр.» стр. 506.

Если Пожарскій заѣхалъ въ Суздаль, то вѣдь его войско за нимъ не слѣдовало, а шло своею дорогою, и Пожарскому догнать его было не трудно, такъ что благочестивая его поѣздка не причинила никакой задержки. Г. Костомаровъ не хочетъ объ этомъ думать: ему нужно было только обвинить Пожарскаго за благочестіе, какъ прежде за чувствительность.

Не смѣю присоединить, въ подражаніе г. Костомарову, къ числу проницательныхъ его замѣтокъ слѣдующую, въ отвѣтъ г. Забѣлну: «Избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписать скорѣе заступничеству святыхъ московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому». «В. Е.» 1872 г., сентябрь, стр. 31.

Офицеры англійскіе и голландскіе, самъ Маржеретъ, послѣ многихъ странствій явившійся опять въ Россію, предложили Пожарскому свои услуги, предъ вступленіемъ въ Москву. Пожарскій отказалъ, говоря: «мы справимся съ польскими и литовскими людьми сами, Россійскимъ государствомъ, и безъ наемныхъ людей». Г. Костомаровъ ничего этого не знаетъ, и видно знать не хочетъ, а судить и ридить на-обумъ, за отсутствіемъ, будто бы источниковъ!

20 августа Пожарскій вступилъ въ Москву, и не хотѣлъ, согласно съ прежними распоряженіями, стоять вмѣстѣ съ Трубецкимъ, а расположился у Арбатскихъ воротъ, понерекъ дороги Ходкѣвича. 21 августа явился подъ Москвою гетманъ, и сталъ станомъ на Поклонной горѣ. На другой день онъ перешелъ Москву-рѣку подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, и расположился у Пречистенскихъ воротъ. Пожарскій, не давъ ему времени отдохнуть, вывелъ противъ него свое войско, и далъ знать Трубецкому, который стоялъ у Крымскаго брода. Тотъ потребовалъ у него отрядъ конницы, чтобъ ударить съ тыла. Пожарскій отправилъ 500 отборныхъ ратниковъ, и бросился на непріятеля. Сраженіе началось съ 6 часовъ утра, и продолжалось до 2 часовъ по полудни, 8 часовъ сряду. Вонны Пожарскаго были утомлены, Трубецкой не двигался, казаки ругались: «богаты пришли изъ Ярославля, отстоятъ одинъ отъ гетмана». Поляки получили еще подкрѣпленіе изъ Кремля. Пожарскій велѣлъ спѣшиться и открытъ рукопашный бой.

Силы его ослабѣвали, какъ вдругъ двинулись къ нему на помощь 500 человекъ, посланныхъ къ Трубецкому: они, не послушавъ угрозъ Трубецкаго, бросились одни, говоря: «князь за вашей вражды погибать Московскому государству!» Эта помощь рѣшила дѣло, и етманъ бѣжалъ на Поклонную гору. Труповъ польскихъ поднято до тысячи.

Приведемъ подлинныя слова лѣтописца о мятежахъ: «Етманъ же пришедъ подъ Москву и ста на Поклонной горѣ. На утринде перелѣзя Москву рѣку подъ Новымъ Дѣвичьимъ монастыремъ, и приде близъ Чертольскихъ воротъ. Князь Дмитрей же со всѣми ратными людьми выиде противу ево: а князь Дмитрей Трубецкой стоялъ на другой сторонѣ Москвы рѣки у Крымсково двора и присла ко князь Дмитрею Михаиловичу, чтобы прислати къ нимъ конныхъ сотень, а имъ промыслати на нихъ со стороны. Они же чаяху, что правдою присладе онъ по люди, и, выбравъ лутчие пять сотень, посла къ нимъ. Съ етманомъ же *бывшу бою конному съ 1 го часа до осмаго*, отъ князь Дмитреяжъ Трубецково, нсъ полку и нсъ табарь, казаки помочи не учиниша ни мало, лише казаки даяху, глаголаху: богати пришли нзь Ярославля, и сами одни отстоятся отъ етмана. Етману же наступающу всѣми людьми, князю-жъ Дмитрею и всѣмъ воеводамъ, кои съ нимъ пришли съ ратными людьми, не могущу противу етмана стояти конными людьми, и повегѣ всей рати соити съ коней, и начаша битися пѣшие, *едва руками не имались межъ себя, едва противъ ихъ стояша*. Головы же тѣ, кои посланы ко князю Дмитрею Трубецкому, видя невозможение своимъ полкомъ, а отъ него ни которые помочи нету, и поидоша отъ него нсъ полку бесъ повегѣнїя скорымъ дѣломъ: онъ же не похотѣ ихъ пустить; они же ево не послушаша, поидоша въ свои полки, и многую помочи учиниша. Атаманы жъ Трубецково-

полку Филать Межаковъ, Аванасій Коломна, Дружина Романовъ. Макарь Козловъ, поидоша самоволствомъ на помощь, и глаголаху князю Дмитрею Трубецкому, что въ вашей нелюбови Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становитца. И придоша на помочь ко князю Дмитрею 6 полки, и, по милости всещедрого Бога, етмана отбиша и многихъ литовскихъ людей побиша. На утринже собраху трупы литовскаго болши тысячи человекъ, и повелѣша ихъ покопати въ ямы. Етманъ же, отшедь, ста на Поклонной горѣ, а съ Поклонной горы перешедъ, ста у пречистой Донской.

Повѣрятъ ли читатели, что г. Костомаровъ пропустилъ это первое дѣло Пожарскаго, которое произвело радостное впечатлѣніе на все войско, и вмѣстѣ показало, что Пожарскій не медлил тамъ, гдѣ возможна была успѣшность! Въ какой литературѣ бывають подобныя явленія,—и г. Костомаровъ говоритъ о наукѣ, о критикѣ, объ ученыхъ спорахъ, объ источникахъ, и ему вторять невѣжественные фельетонисты! Пропустивъ это первое дѣло, вотъ только что находятъ онъ сказать о дѣйствіяхъ Пожарскаго подъ Москвою:

«Столкновеніе съ Ходкѣвичемъ, однако, кончилось благопріятно для русскихъ. У Ходкѣвича отняли возы съ продовольствіемъ. Этимъ были погублены всѣ плоды его лѣтнихъ операций. Недоставивши гарнизону запасовъ, кромѣ небольшого количества, не имѣя ничего для прокормленія своего войска, Ходкѣвичъ долженъ былъ поневолѣ удалиться, тѣмъ болѣе, что его буйное и голодное жолнерство угрожало бунтомъ. Отбой воевъ съ запасами было самое крупное и важнѣйшее дѣло русскихъ (?). Но его совершили, главнымъ образомъ, казаки, находившіеся подъ начальствомъ князя Трубецкаго, а не Пожарскій». Стр. 506.

Эти слова разобраны подробно г. Забѣлинымъ; смутность и недоговорѣнность извѣстія о подвигѣ казаковъ

ясно у него показаны: ихъ насилу выманилъ изъ таборовъ Палицынъ, а дѣло порѣшилъ Мининъ, который выпросилъ у Пожарскаго отрядъ, и ударивъ на Поляковъ, смялъ ихъ, и заставилъ гетмана бѣжать во-свояси.

Приведемъ подлинныя слова лѣтописи:

«Августа въ 21 день, на память иже во святыхъ отца нашего Петра митрополита, поидоша етманъ съ запасомъ на проходъ въ Москву; князь Дмитрей же Тимоѣевичъ Трубецкой съ ратными людьми ста отъ Москвы рѣки отъ Лужниковъ; князь Дмитрей же Михайловичъ съ своей стороны ста у Москвы рѣки у Ильи пророка Обыденнаго; а воеводъ, конъ съ нимъ придоша изъ Ярославля, поставиша, гдѣ былъ древяной градъ, по рву; а противъ етмана послаша сотни многия, и бою бывшу великому съ утра до шестаго часу»...

Объ этомъ г. Костомаровъ ни слова.

«Етманъ же, видя противъ себя крѣпкое стояние московскихъ людей, и напусти на нихъ всѣми людьми сотни и полки, и всѣ смяша и втопташа въ Москву рѣку; едва самъ князь Дмитрей съ полкомъ своимъ стоялъ противъ ихъ. Князь Дмитрей же Трубецкой и казаки всѣ поидоша въ таборы».

И объ этомъ ни слова.

Поляки овладѣли укрѣпленіями у ц. Климента папы римскаго: «сидѣша въ немъ казаки, литовские люди взяша, и посадиша своихъ литовскихъ людей. Людпеше стаха въ великой ужасти, и посылаху къ казакомъ, чтобы сопча промышляти надъ етманомъ, ониже отнюдь не помогашу. Въ тоже время прилучися быти въ полкахъ у князь Дмитрея Михайловича Пожарсково троицкому келарю Аврамяю Палицыну, и поиде въ табары къ казакомъ, и моляше ихъ, и посули имъ многую монастырьскую казну; ониже ево послушавше поидоша, и придоша съ обѣихъ сторонъ отъ Трубецкова полку и

отъ Пожарсково, и совокупшася вмѣстѣ, острожокъ Клементьевской взяша, и Литву побиха, однихъ Венгорей побиха семь сотъ человекъ, и опять сѣдоша въ остроге, а нные пѣхота легоша по ямамъ и по кропивамъ на пути, чтобъ не пропустить етмана въ городъ. Всею же ратию начаша плакати и пѣти молебны, и обрекоша... поставити храмъ»... (Странно, что г. Костомаровъ пропустилъ эти слова безъ замѣчанія)!

«Дню же бывшу близко вечера, Богъ же положи храбрость въ немощнаго, приде бо Кузьма Мининъ ко князю Дмитрею Михайловичу и просяще у него людей. Князь Дмитрей же ему глаголаше, емли ково хочещи; онъ же взя рохмистра Хмелевскаго, да три сотни дворянская, и перешедъ за Москву рѣку, и ста противъ крымсково двора; тутъ же стояху у крымсково двора рота литовская конная да пѣшая. Кузьма же съ тѣми сотнями напустиша впрямъ на нихъ. Они же недождавсѣ ихъ побѣгоша къ табарамъ Хаткѣевымъ, рота роту смяху. Пѣхота же, видя то изъ ямъ и изъ кропивъ, поидоша тискомъ къ табарамъ, конные же всѣ напустиша; етманъ же, покинувъ многіе кони и шатры, побѣжа изъ табаръ: воеводы жъ и ратные люди сташа по рву деревяннаго города, кони же и шатры всѣ поимаша; многіе же люди хотяху битися, начальники же ихъ не пустиша за ровъ. глаголаху имъ, что не бываетъ на одинъ день двѣ радости»...

«Гетману же бывшу въ великой ужастн, и отойде къ пречистой Донской, и стояше во всю пощъ на конехъ, на утриже побѣгоша отъ Москвы, грама же ради своего прямо въ Литву поидоша». Стр. 259 — 262.

Повторю тоже, что сказалъ, разбирая кривотолки г. Костомарова о Донскомъ и Скопинѣ: можно ли такъ обращаться съ источниками, и каковъ же уровень историческаго образованія у насъ, если ни одинъ

учитель, ни одинъ профессоръ, не считаетъ обязанностію подать своего голоса противъ такихъ преступныхъ, въ критическомъ смыслѣ, искаженій, — и о комъ же? О первыхъ дѣятеляхъ! О чемъ? О важнѣйшемъ событіи въ исторіи отечества!

О взятіи Китая города, у г. Костомаровани слова. Ни слова объ извѣщеніи нижегородцевъ въ Вологду отъ 9 сентября, что злоумышленники «научаютъ атамановъ и казаковъ, чтобъ у насъ начальника кн. Дмитрія Михайловича убить»... Г. Забѣлинъ здѣсь также замѣтилъ вѣрно: «опять мы можемъ спросить, зачѣмъ такъ гадобень былъ всякимъ заводчикамъ смуты этотъ дюжинный человекъ Пожарскій».

Поляки, изнемогая въ Кремлѣ отъ голода, рѣшились выпустить боярскихъ женъ. Онѣ не хотѣли отдаваться никому, кромѣ Пожарскаго.

Объ этомъ доказательствѣ довѣренности къ Пожарскому г. Костомаровъ ни слова! Лѣтопись свидѣтельствуесть: «Князь же Дмитрій... поиде самъ принять женъ ихъ честно, и проводя ихъ каждую къ своему пріятелю, повелѣ имъ давать кормъ. Казаки всѣ за то князя Дмитрія хотѣша убити, что имъ грабить не далъ боярынь». Ibid. Стр. 264.

Наконецъ Поляки рѣшились сдаться.

«Литовскіе же люди, видя свое неизможение и гладь великой, и градъ Кремль здавати начаша, и начаша уговариватца, чтобы ихъ не побили, полковникомъ же и рохмистромъ и шляхтамъ, чтобы итти ко князю Дмитрею Михайловичу въ полкъ Пожарскому, а къ Трубецкому отнюдь не похотѣша итти въ полкъ». Стр. 196.

Мы видѣли, что русскіе бояре не хотѣли поручить женъ своихъ никому, кромѣ Пожарскаго, — ну, вотъ теперь видимъ, что и Поляки не хотятъ никому отдаться въ плѣнъ, кромѣ Пожарскаго. Неужели эти черты не

примѣчательны? но г. Костомаровъ пропускаетъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти!

«Казакижъ, видя то, что придоша на Каменной мость всѣ бояре, и собрашася всѣ съ знаменами и со оружиемъ придоша, и хотяху со князь Дмитриевымъ полкомъ битися, *едва у нихъ безъ бою проиде*; казакижъ поидоша къ себѣ въ табары, а бояре изъ города выидоша. Князь Дмитрий же Михайловичъ прия ихъ съ честію, и возда имъ честь велию. Ни утрие же Струсь полковникъ съ товарищи Кремль городъ здаша, и Струса взяша въ полкъ ко князь Дмитрею Тимоѣевичу Трубецкому со всѣмъ полкомъ его... Будиловъ же полкъ взяша князь Дмитрея Михайловича Пожарскаго полкъ и послаша по городамъ, *ни единого не убивъ, и не ограбивъ ихъ*».

Все это оставляется г. Костомаровымъ безъ вниманія, и всѣ подвиги Пожарскаго порѣшаются такимъ аттестатомъ:

«Въ дѣлѣ побѣды, одержанной подъ Москвою, Пожарскій почти не показалъ своей личности, по крайней мѣрѣ, на сколько сообщаютъ намъ источники».

Послушаемъ теперь самого скромнаго Пожарскаго въ грамотѣ на Вымъ о дѣйствіяхъ его подъ Москвою.

«Пришелъ я, Дмитрий Пожарской, подъ Москву, августа въ 20 день, и милостію Божіею и Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ молитвами, польскихъ и литовскихъ людей, которые сидятъ въ Москвѣ, осадили, и новаго царева каменнаго города ворота Никитскіе, и Чертолскіе, и Арбатскіе, и Олексѣевскую башню отняли. И августа въ 21 день пришелъ подъ Москву гетманъ литовской Карло Хаткѣевъ со многими польскими и литовскими людьми и съ венгры, да Наливайко со многими черкасы московскимъ сидѣльцомъ съ запасы; и мы противъ его выходили со всѣми людьми, и съ ними

бились четыре дни и четыре ночи, не сходя съ лошадей. И августа въ 24 день, на память великаго чудотворца Петра Митрополита, гетманъ Хаткѣвъ и Наливайко со всѣми людьми, по за Москвѣ рѣкѣ пошли прямо къ городу, жестокимъ обычаемъ, надѣясь на множество людей, снявъ съ Вышняго Владыки надежу; а хотѣли пройти въ городъ съ запасы къ московскимъ сидѣльцамъ; а московскіе сидѣльцы вышли изъ города на вылазку; и мы, болре и всякихъ чиновъ люди, видя такое ихъ свирѣпство и напрасное нашествіе польскихъ и литовскихъ людей, выходили противъ ихъ со всѣми людьми, и бились съ ними съ перваго часу дни до другаго часу ночи, и милостію Божіею и Пречистыя ея Богоматери и Петра митрополита и всѣхъ святыхъ молитвами, многихъ у нихъ побили и живыхъ взяли, и знамена и литавры поимали, и убили у нихъ болши пяти сотъ человекъ, а съ достальными людьми гетманъ пошелъ отъ Москвы къ Можайску» Стр. 272.

И послѣ освобожденія Москвы г. Костомаровъ не оказываетъ милосердія къ Пожарскому.

«Но можетъ быть», продолжаетъ г. Костомаровъ, они, (источники) покажутъ намъ, какъ много онъ сдѣлалъ для другой спасительной цѣли — для устроенія Руси, для соединенія русскихъ силъ воедино? Быть можетъ, не будучи особенно великимъ полководцемъ, онъ былъ великимъ гражданномъ и государственнымъ человекомъ? Къ сожалѣнію, тогдашніе источники и въ этомъ отношеніи не сообщаютъ намъ *ничего*. Быть можетъ въ этомъ періодѣ Пожарскій оказалъ какія-нибудь важныя услуги отечеству, но мы объ нихъ *не знаемъ*, а чего мы не знаемъ, о томъ не въ силахъ разсуждать и дѣлать какія-либо заключенія. «В. Е.» стр. 508.

Если г. Костомаровъ не знаетъ, то вотъ ему къ свѣдѣнію выписка изъ лѣтописи объ одномъ изъ подвиговъ Пожарскаго въ царствованіе Михайлово:

Пришедшимъ на сѣверу литовскимъ людямъ, (съ Лисовскимъ), поидоша отъ Брянска къ Корачеву и Корачевъ взяша, и воеводу князь Юрья Шеховскаго послаша въ Литву, а самъ сяде въ Корачевѣ. Государь же, слыша про то, и посла на него боярина своего князь Дмитрея Михайлова Пожарсково, да воеводу Степана Истлѣнѣва, да дьяка Семена Заборовскаго. Князь Дмитрий же приде въ Белевъ. Тутожъ придоша и достальные казаки воровские, и вину свою къ государю принесоша, и целоваху крестъ, и помдоша съ бояриномъ. Князь Дмитрий же Михайловичъ изъ Болхова приде къ Корачеву. Лисовской же, слышавъ то, что идетъ за нимъ бояринъ, Корачевъ выжегъ, и пошелъ верхнею дорогою къ Орлу. Князь Дмитрий же Михайловичъ, слышавъ про то, и поиде на спѣхъ, чтобы заняты напередъ литовскихъ людей Орловское городище. Въ воскресный бо день съ утра придоша же оба вдругъ. Передомъ же идущу въ ярътоуле Ивану Гавриловичу Пушкину, и начаша съ ними битися; людиежъ ратные, видя бой, и дрогнуша, и побѣжаху назадъ, яко убо и самому воеводѣ Степану Истлѣнѣву и дьяку Семену съ нимижъ бѣжашу. Бояринъ же князь Дмитрий Михайловичъ Пожарской *не съ великими людьми* съ ними бияшеса на многіе часы, мало руками не имаючися бились. И видя свое неизможение, обернушася телѣгами, и сядѣша въ обозѣ. Лисовской же съ литовскими людьми, видя ихъ крѣпость и дородство велие, а тово не видаше, что люди побѣжали отъ нихъ, отшедъ и ста въ дву верстахъ. Ратныежъ люди начаша говорити, что отоити къ Болхову, *онъ же имъ отказа, что помереть всѣмъ на семъ мѣсть*: такую убо въ той день храбрость московские люди показаша съ такими съ великими людьми малымъ людьми бьюшеся: литовскихъ людей было въ тѣ поры 2000; московскихъ людей съ бояриномъ есево осталось шесть сотъ челоуѣкъ, и многую

шкоту литовскимъ людемъ подѣлаша, иныхъ побиша и пораниша многихъ, и живыхъ взяли 20 человекъ шляхтовъ. Воеводажъ Степанъ Ислѣньевъ и дякъ воротися назадъ, и приѣхаша къ боярину въ вечеру, а ратные люди почали съѣзжати тоѣжъ ноши, тѣмъ же бѣглецомъ чпниша ту наказанне. Ратныежъ люди собрашася. Бояринъ князь Дмитрий Михайловичъ поиде на Лисовскаго; Лисовской же, видя то, что идуть на него, отоиде паскоро въ отходъ и ста поць Кромами. Въ лѣтописи с. 290 — 292.

А служба въ Калугѣ, которая просила у царя именно Пожарскаго къ себѣ на помощь? неужели это не подвиги и, вмѣстѣ, неужели это не доказательства храбрости, мужества, стойкости Пожарскаго, и относительно прошедшаго времени, которое г. Костомаровъ осудилъ такъ рѣшительно и вмѣстѣ такъ жестоко?

Почему Пожарскій не получилъ особыхъ наградъ соотвѣтственно нашимъ понятіямъ, что г. Костомаровъ считаетъ также доказательствомъ малыхъ заслугъ, см. изслѣдованіе г. Забѣлина.

Но довольно: мнѣ хотѣлось обличить г. Костомарова въ совершенномъ, умыленномъ или неумыленномъ, незнаніи источниковъ и искаженіи исторической истины, посредствомъ умолчаній, пропусковъ и пустыхъ, произвольныхъ вопросовъ, и надѣюсь, что безпристрастные читатели не посѣтуютъ на меня за многія выписки. Подробности читатели найдутъ, повторю, въ прекрасной (кромя нѣкоторыхъ парадоксовъ) статьѣ г. Забѣлина.

Заключаемъ: Пожарскій былъ человекъ въ высшей степени честный, вѣрный, скромный, осторожный, распорядительный, положительный, искусный, мужественный. Каждое изъ этихъ достоинствъ подтверждается историческими, неопровержимыми доказательствами, нами выше приведенными. О Пожарскомъ

неизвѣстно ничего блистательнаго, яркаго, поэтическаго, и въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на Скопина; но развѣ отсутствіе поэзіи, еслибъ оно и было, можно ставить въ укоръ историческому дѣятелю? И въ Вашингтонѣ, и въ Фабіѣ, и въ Иванѣ III какая находится поэзія, но кто же изъ за ея отсутствія сочтетъ ихъ дюжинными людьми, къ которымъ причислилъ Пожарскаго г. Костомаровъ, въ дюжинномъ своемъ памфлетѣ, который не стоило бы разбирать, еслибъ уровень историческаго образованія былъ у насъ хоть немного повыше. не только въ обществѣ, но и въ педагогическомъ сословіи.

Обратимъ вниманіе читателей на критическій методъ г. Костомарова и художническій его приѣмъ чернить избранныхъ имъ дѣятелей:

Во 1-хъ, онъ придумываетъ какое нибудь грязное объясненіе того или другаго ихъ дѣйствія, и потомъ, *умывая себѣ руки*, самъ же говоритъ, что такого объясненія принять нельзя.

Во 2-хъ, онъ придумываетъ вопросы съ хорошей стороны, и съ прискорбіемъ объясняетъ, что отвѣчать на нихъ нельзя, за неимѣніемъ данныхъ въ источникахъ.

Вотъ и доказательства изъ статьи г. Костомарова: въ сопоставленіи ихъ, замѣчаніе мое пойметъ лسهѣ.

О Скопинѣ. «Что это была за натура? Пылкій-ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣятельности, у котораго энергія поступковъ зависѣла отъ сердечныхъ побужденій, или это холодный разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проицательный, всегда расчетливый. Нѣкоторые признаки склоняютъ насъ видѣть въ немъ *характеръ послѣдняго рода*: во-первыхъ, намъ

не представляются нигдѣ такія черты, которыя указывали бы на господство сердечныхъ побужденій; вторыхъ, мы замѣчаемъ въ его дѣйствіяхъ хитрость, напр., онъ *предъ Деларди скрывалъ* важность бѣдствій, постигшихъ Русь, а въ своихъ грамотахъ, рассылаемыхъ по Руси, *преувеличивалъ* свои успѣхи. Но такихъ чертъ слишкомъ мало, чтобъ мы были *вправѣ* сдѣлать какое нибудь точное опредѣленіе о его характерѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ представляется намъ важнымъ другой вопросъ, на который мы *отвѣчать никакъ не въ состояніи*: насколько этотъ человекъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ или уразумѣнію, и насколько исполнялъ волю и совѣты другихъ? «В. Е.» 1871. VI, стр. 500.

«Мы также находимся въ *нездѣльчии* относительно его нравственныхъ побужденій: руководствовался ли онъ безкорыстною любовью и преданностію дѣлу родины, или же онъ не былъ чуждъ честолюбивыхъ видовъ? Какъ относился онъ въ самомъ дѣлѣ къ намѣренію поставить его царемъ въ Московскомъ государствѣ, что могло совершиться только съ низложеніемъ царя Василія? Намъ это неизвѣстно. ...Быть можетъ, онъ не принялъ предложенія, потому, что не хотѣлъ допускать къ себѣ и мысли о низверженіи царя, а царю не сказалъ, не желая подвергать опасности Ляпунова, котораго считалъ человекомъ полезнымъ для отечества. А *можетъ быть онъ радовался этому*, но какъ умный человекъ понималъ, что Рязанская земля не можетъ дѣлать того, что принадлежитъ Руси, и оставилъ Ляпунова въ покоѣ, для того, чтобъ онъ привелъ *дѣло къ тому*, что подобное предложеніе послѣдуетъ отъ болѣе широкаго круга (!?). Въ Москвѣ, куда онъ вступилъ побѣдителемъ, слышалось желаніе имѣть его царемъ, и *кто знаетъ: какъ бы онъ поступилъ, когда бы это желаніе высказалось рѣшительнымъ заявленіемъ массы.*» Пв.

«Не было ли это (смерть Скопина) плодомъ какой нибудь личной злобы, или, быть можетъ, это была вынужденная попытка крайняго самосохраненія въ виду готовности народа провозгласить Михаила царемъ въ виду того, что *новый царь могъ поступить съ прежнимъ царемъ и съ его близкими родичами такъ, какъ поступилъ въ Новгородъ съ Татищевымъ?* (По мнѣнію г. Костомарова, Скопинъ предалъ Татищева на растерзаніе!) *Ив.*, стр. 501.

«Событіе съ Татищевымъ въ жизни Скопина представляется чѣмъ то страннымъ, набрасываетъ какъ бы тѣнь на безупречность его поступковъ, *но по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій все-таки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго челоуька*».

«Изъ описи имущества убитаго мы видимъ, что многія вещи взяты были безъ денегъ шуриномъ Скопина, Головиннымъ, а отчасти и самимъ Скопинымъ—*быть можетъ и не для своей корысти, а съ цѣлю обратить на общее дѣло. Какъ бы то ни было,—это темное событіе нельзя объяснить положительно ни въ хорошую, ни въ дурную сторону для Скопина*». *Ив.* стр. 501.

О Пожарскомъ. «Въ продолженіе всей дѣятельности въ знаніи главноначальствующаго, мы видимъ поступки, которые современники считали *ошибками, но мы не можемъ рѣшить: кого и на сколько слѣдуетъ винить за нихъ*». *Ив.*, стр. 503.

«Мы знаемъ только, что, подѣ его предводительствомъ, происходили ссоры, несогласія и онъ долго *не могъ съ кими сладить. Прямо взводитъ на него вину мы не имѣемъ права, потому что ничего объ этомъ не дошло до насъ, кромѣ общихъ мѣствъ, возбуждающихъ вопросы, на которые мы не въ состояніи дать отвѣта. Быть можетъ, въ этотъ періодъ Пожарскій оказалъ какія нибудь важныя услуги отечеству, но мы объ нихъ*

не знаемъ, а чего мы не знаемъ, о томъ не въ силахъ разсуждать и дѣлать какія либо заключенія». Ъ , стр. 508.

«При такой неясности образа человѣка, безспорно, нѣкоторое время поставленнаго на челѣ народа, конечно, было бы драгоцѣнно всякое новое свидѣтельство, современниковъ, касающееся его біографіи. И вотъ, въ прошломъ 1870 г., въ 1 книгѣ «Чтеній Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей» мы съ жадностію бросились на статью подъ названіемъ: «Слѣдственное дѣло о князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ во время бытности его воеводою во Псковѣ». Въ предисловіи къ этому дѣлу, написанномъ дѣйствительнымъ членомъ общества, П. Ивановымъ, сказано: «Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, посланный въ 7136 (1628) воеводою во Псковъ, былъ обвиненъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, княземъ Даниломъ Гагаринымъ, во время своего управленія, въ разныхъ злоупотребленіяхъ власти».

«Но это несправедливо: «Дмитрій Михайловичъ Пожарскій не былъ тогда воеводою во Псковѣ», отвѣчаетъ и доказываетъ самъ г. Костомаровъ, «и не получалъ въ управленіе помѣстнаго приказа». Спрашивается, для чего жъ помѣщается эта длинная выписка, и читатель содержится въ недоумѣніи такъ долго касательно знаменитаго дѣятеля? Забудьте, какъ тянетъ ее г. Костомаровъ, прописывая всѣми буквами титулъ общества и титулъ автора!!

О Мининѣ. «Если бы мы позволили себѣ дѣлать заключеніе объ отсутствіи того въ дѣйствительности, чего отсутствіе находимъ въ источникахъ, то, не видя за Пожарскимъ никакихъ признаковъ, возвышающихъ его личность надъ уровнемъ дюжинныхъ личностей, мы пришли бы къ такому заключенію, что Мининъ умышленно пригласилъ предводителемъ малоспособнаго

князя, чтобы удобнѣе было самому безусловно всѣмъ распоряжаться, тѣмъ болѣе, что этотъ говядарь, нѣсколько прежде ознакомившись съ военнымъ дѣломъ, показывалъ способности военного человѣка... Но признавать несомнѣннымъ фактомъ предположеніе о такого рода побужденіяхъ Минина въ избраніи Пожарскаго, при всей его вѣроятности, мы считаемъ несообразнымъ съ осторожностію, необходимою при составленіи историческихъ выводовъ!!» Ів., стр. 515

«Кромѣ этого извѣстія (о кривосудіи и посуловзимательности Минина), мы не знаемъ ничего о его (Минина) прежней, ни о его послѣдующей жизни, не знаемъ, какъ онъ относился къ медленности Пожарскаго, на которую жаловались троицкія власти, неизвѣстны намъ способы обращенія его съ казною, которая была ему ввѣрена, — хотя толоконцевское дѣло подаетъ намъ намекъ на то: каковъ (!?) долженъ былъ быть этотъ способъ». Ів., стр. 516.

Какая же можетъ быть цѣль, спросить читатель, предлагать догадки, которыя тотчасъ же и опровергаются самимъ предлагателемъ?

Отвѣтъ находится въ наставленіи Допа-Базилля:

Calomniez, calomniez .. il en restera toujours quelque chose!

III

ЗА МИНИНА

Въ чемъ, казалось бы, можно заподозрить или обвинить Минина? Образъ дѣйствиій его такъ простъ, заслуги его такъ ясны, успѣхъ такъ очевиденъ, свидѣтельства такъ согласны между собою!

Нѣтъ, г. Костомаровъ, вѣрный своему методу, умѣлъ набросить и на него тѣнь, — чего бы вы думали, читателя? — Плутинства, взяточничества, жестокости, чуть не звѣрства.

Я сказалъ — тѣнь; нѣтъ, не тѣнь только набрасываетъ онъ, а почти... но пусть читатели судятъ сами:

«Нѣсколько яснѣе», такъ начинается онъ свой обвинительный актъ, «представляется намъ образъ другаго знаменитаго дѣятеля конца смутной эпохи, неразлучнаго въ нашей исторіи съ Пожарскимъ, Козьмы-Минича Сухорукаго, извѣстнаго подъ сокращеннымъ прозвищемъ Минина. *Благодаря* нѣкоторымъ, хотя короткимъ и отрывочнымъ, но *рѣзкимъ* и *характернымъ* признакамъ, мы можемъ хотя приблизительно, отчасти, составить себѣ представленіе объ этой личности, какъ о живомъ человѣкѣ». («Вѣстникъ Европы» 1871. Іюль, стр. 15).

Читая эти строки, невольно вспоминаешь знаменитую рѣчь Минина на Нижегородской площади, блистательный подвигъ его въ Москвѣ, когда онъ, выпросивъ

у Пожарскаго людей, ударилъ на гетманскій отрядъ, и подвигнулъ прочихъ къ нападенію на Поляковъ, которое кончилось полною побѣдою... Въдъ вотъ признаки, самые рѣзкіе и характерные, по которымъ можно составить себѣ представленіе объ этой личности, какъ о живомъ человѣкѣ!

Нѣтъ, г. Костомаровъ считаетъ, съ благодарностію, рѣзкими и характерными признаки другаго рода. « Намъ прежде всего *помогаетъ*», начинается онъ, «извѣстіе о томъ, какъ во время перваго собранія Нижегородскаго по случаю чтенія грамоты, присланной троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, Мининъ заявилъ народу, что ему были видѣнія, являлся св. Сергій»...

Чувствуете-ли; предусматриваете-ли вы, читатель, въ чемъ видитъ заѣсъ себѣ *помощь* г. Костомаровъ, за что онъ выражаетъ *благодарность* извѣстію, какой пріятный для себя *признакъ* видитъ въ немъ, которому и посвящаетъ почти половину(!) своего изслѣдованія(?).

Продолжаемъ изложеніе извѣстія:

«Не было тебѣ никакого видѣнія, сказалъ соперникъ его Биркинъ, какъ бы холодною водою окатившій восторженное заявленіе Козьмы Минина. Молчи! сказалъ ему Козьма Мининъ, и тихо пригрозилъ объявить православному то, что знаетъ за Биркинымъ, и Биркинъ долженъ былъ замолчать».

Передавъ извѣстіе, г. Костомаровъ приступаетъ къ его разбору, и въ доказательство своего безпристрастія выражаетъ сомнѣніе въ его достовѣрности: «доставѣрность этого извѣстія», говоритъ онъ, «съ перваго взгляда не безъ основанія можно подвергнуть сомнѣнію».

Что-же производитъ сомнѣніе?

«Если Мининъ произнесъ свои слова Биркину тихо», говоритъ онъ, «то кто же слышалъ ихъ, и какимъ

образомъ они сдѣлались извѣстными и попали въ историческій(?) источникъ?»

Не правда-ли, что это очень тонкое и важное замѣчаніе, предъ которымъ нельзя не задуматься, но г. Костомаровъ еще съ бѣльшею проникательностью находитъ средство разрѣшить его въ пользу достовѣрности. «Съ другой стороны», говоритъ онъ, «разсмотрѣвши обстоятельства дѣла, мы должны будемъ признать, что это было возможно». То есть возможно было тихо произнесеннымъ словамъ сдѣлаться извѣстными и попасть въ историческій источникъ! Г. Костомаровъ придумываетъ вотъ какую хитрую догадку:

«Биркинъ», говоритъ онъ, «заявилъ свое сомнѣніе въ справедливости чудесныхъ видѣній Минина гласно; всѣ это слышали; но вслѣдъ за тѣмъ, послѣ короткаго тихаго изреченія, сказаннаго ему Мининымъ, можетъ быть даже послѣ одного слова, сопровождаемаго *взглядомъ*, который Биркинъ долженъ былъ понять, это сомнѣніе уже не раздавалось. Знавшіе — кто такой Биркинъ, или считавшіе его человѣкомъ съ предосудительными поступками, сейчасъ поняли, въ чемъ тутъ дѣло; наконецъ и самъ Мининъ своимъ пріятелямъ могъ впоследствии сказать, что заставилъ Биркина замолчать».

Доказавъ такимъ образомъ возможность событія, г. Костомаровъ успокоивается, но не совсѣмъ: «*остается необъяснимымъ* одно, почему Мининъ не обличилъ Биркина тогда же, если зналъ за нимъ дурное».

Ободримъ г. Костомарова: умолчаніе или воздержаніе не должно беспокоить его нисколько. Минину не нужно было обличать Биркина ни въ какихъ грѣхахъ или преступленіяхъ, еслибъ они и были ему извѣстны: зачѣмъ было ему заводить новый споръ или ссору, и отвлекать вниманіе отъ главнаго дѣла, которое занимало его и народъ? Онъ заставилъ какъ бы то ни было

замолчать Биркина и довольно. Скажу для большого успокоенія г. Костомарова: еслибъ даже Мининъ не сказалъ ничего и тихо, и не бросилъ даже предположеннаго г. Костомаровымъ угрожающаго взгляда, что ещё могъ сказать Биркинъ? Какія доказательства могъ привести, что Мининъ не видалъ во снѣ Сергія? Онъ могъ только повторить голословно: ты не видалъ, ты не видалъ, вотъ и все! Биркинъ, слѣдовательно, и безъ остановки, долженъ былъ замолчать по неволѣ, по той простой причинѣ, что ему нечего было говорить.

«Но тутъ могло быть», утѣшаетъ себя безъ всякой нужды г. Костомаровъ, встрѣтясь съ своей необъяснимостью «нѣсколько причинъ и соображеній одинаково вѣроятныхъ», и заключаетъ: «какъ бы то ни было, мы не видимъ необходимости отрицать фактическую вѣрность этого извѣстія, тѣмъ болѣе, что и выдумывать его не было причины и повода. Оно не служило ни къ пользѣ, ни ко вреду Минина. Тотъ, кто сообщилъ о сомнѣніи Биркина, не подозревалъ чрезъ то добросовѣстности заявленій Минина о видѣнныхъ имъ знаменіяхъ».

Не походитъ ли это, хоть глубокомысленное, но очень скучное и пустословное разсужденіе, съ аппаратомъ тяжеловѣсныхъ словъ о необходимости, возможности, основательности, сомнительности и всѣхъ вѣроятныхъ соображеній, на смѣшныя толки *de lapa-sargina*? Эпизодъ о Биркинѣ нисколько не возбуждаетъ лишняго сомнѣнія къ разсказу, и если не увеличиваетъ его невѣроятности, то не увеличиваетъ также и вѣроятности, такъ что объ немъ собственно не стоитъ труда и говорить. Мы вѣримъ вашему объяснительному переводу: Мининъ сказалъ, что видалъ во снѣ св. Сергія, Биркинъ возразилъ: нѣтъ, ты не видалъ во снѣ св. Сергія. Мининъ замѣтилъ ему что то потихоньку, и тотъ замолчалъ.

Сущность сказанія, доставляющая здѣсь г. Костомарову рѣзкій и характерный признакъ для сужденія о Мининѣ, состоитъ въ томъ, что Мининъ сообщилъ Нижегородцамъ объявленіе ему св. Сергія. Вотъ вѣрность какого извѣстія слѣдовало доказать, то есть, точно-ли Мининъ говорилъ Нижегородцамъ о своемъ видѣніи, а г. Костомаровъ, увлеченный Биркинымъ, до него и не коснулся, а вывелъ изъ него прямо, какъ изъ вѣрнаго и несомнѣннаго историческаго свидѣтельства, свои заключенія:

«Мы видимъ въ Козьмѣ Мининѣ человѣка тонкаго и хитраго, сознававшего, что онъ по уму стоитъ выше той толпы, на которую вознамѣрился дѣйствовать. Онъ избралъ вѣрный путь овладѣть этою толпою: надобно было ухватиться за ея благочестивое легковѣріе, надобно было показать себя человѣкомъ, осѣненнымъ благодатію религиозныхъ видѣній, навести на слушателей обаяніе чудесности и такимъ образомъ внушить уваженіе къ своимъ рѣчамъ и совѣтамъ и заставить покоряться своей волѣ...» «Умные люди стараго времени не считали безирравственнымъ дѣломъ подчасъ *обманывать* людей чудесами для хорошей цѣли. Такъ поступилъ и Мининъ съ цѣлю двинуть и повести народъ на великое благое дѣло спасенія земли Русской. Не онъ былъ первый. Чудесныя видѣнія были тогда въ большомъ ходу, не смотря на то, что о вымышленности нѣкоторыхъ тогда же узнавали. Измученный народъ уже не довѣрялъ человѣческимъ силамъ, ожидалъ помощи только свыше, и не сталъ бы слушать никакого умнаго совѣта и увѣщанія, если не видѣлъ на немъ печати чудесности. Минину для успѣха непремѣнно было нужно начать съ того, съ чего онъ началъ. Мининъ, какъ видно, хорошо и въ разныхъ видахъ понималъ человѣческую природу, и сообразно этому взвѣшивалъ шаги свои. Онъ зналъ, что значитъ расположеніе толпы. Она

двигнется его рѣчами, повѣритъ его видѣнiямъ, слѣпо отдастся ему на волю и послѣдуетъ за нимъ; но потомъ, когда почувствуетъ неизбежную тяжесть отъ его руководства, тогда, по наущенiю какаго нибудь Биркина, отстанетъ отъ него, измѣнитъ общему дѣлу». (стр. 512).

Нѣтъ, г. Костомаровъ, мнѣнiе ваше о благокозненномъ плутовствѣ Минина основано на пескѣ. Извольте выслушать:

Во 1-хъ, ни въ лѣтописяхъ, ни въ хронографахъ, нѣтъ извѣстiя о видѣнiи.

Во 2-хъ, это извѣстiе имѣетъ легендарный характеръ, и кто знакомъ съ сказанiями этого рода, тотъ можетъ указать на множество подобныхъ образчиковъ. Выраженiя въ родѣ «сумняшеся», «аще хощеша исповѣдую тя православнымъ», повелѣнiе возбудить спящихъ, очень ясно изображаютъ характеръ сказанiя. Г. Забѣлинъ въ своихъ замѣчанiяхъ представилъ наглядно происхождение и развитiе какъ этого, такъ и подобныхъ сказанiй. Прибавимъ, что къ смутному времени относится много извѣстiй о видѣнiяхъ въ разныхъ мѣстахъ независимо отъ хода дѣлъ: не мудрено, что и Минину приписано такое. Прибавимъ, что въ легендѣ, наоборотъ, нѣтъ того, что есть въ лѣтописяхъ: ясно, что источникъ былъ у нея иной — по слухамъ, по памяти, а не съ природы.

Въ 3-хъ, само сказанiе не говоритъ, чтобъ слова Минина о видѣнiи имѣли непосредственное дѣйствiе на народъ. Дѣйствiе, даже по легендѣ, произведено на другой день чтенiемъ грамоты въ соборѣ, проповѣдью священника, рѣчью Минина; слѣдовательно, о видѣнiи, было ли оно или нѣтъ, какъ о событiи безъ непосредственнаго слѣдствiя для хода дѣлъ, и говорить нечего. Грамоты же должны были быть прочтены и безъ участiя Минина.

Въ 4-хъ, возстаніе въ 1612 году произошло не въ одномъ Нижнемъ, а во всѣхъ городахъ Русскихъ, которые встали, какъ одинъ человекъ, вслѣдствіе грамотъ Гермогеновыхъ, Ляпуновыхъ, Смоленскихъ, Троицкихъ о бѣдствіяхъ Москвы. Никакому городу не нужно было особеннаго видѣнія, чтобъ одушевиться на спасеніе отечества. Почему же въ Нижнемъ только нужно было придуманное вами благочестивое легковѣріе?

Теперь положимъ, что сказаніе вѣрно: Мининъ видѣлъ во снѣ св. Сергія и сказалъ о томъ на площади. Что же здѣсь мудренаго, невѣроятнаго? О чемъ мы думаемъ, на что бываетъ сосредоточено наше вниманіе, то, очень естественно, мы видимъ иногда во снѣ. Это случается со всѣми нами, и это подтвердить г-ну Костомарову и психологъ г. Кавелинъ, и физиологъ г. Сѣченовъ, Да еслибъ самъ г. Костомаровъ, собираясь писать о Мининѣ, или, еще вѣроятнѣе, прежде, о Дмитріѣ Донскомъ, увидѣлъ во снѣ св. Сергія, то я нисколько не остановился бы повѣрить ему. Вотъ еслибъ онъ сталъ рассказывать, что св. Сергій погладилъ его тогда по головкѣ, то признаюсь, я, грѣшный человекъ, усомнился бы, яко Биркинъ. Но видѣлъ ли что г. Костомаровъ во снѣ, до этого намъ нѣтъ дѣла, а вотъ что на яву онъ видитъ главныхъ дѣятелей Русской исторіи, и судить о нихъ какъ во снѣ, я считаю долгомъ доказывать предъ его послушными читателями, которыхъ скликають ему «Петербургскія Вѣдомости» съ «Вѣстникомъ Европы».

Начало возстанія вотъ какъ описывается въ лѣтописяхъ.

Сказаніе о самозванцахъ. «Грамотамъ отъ обители живоначальныя Троицы, дошедшимъ во вся грады Росейскія державы, и паки начаша быти во единомысліа, паче же

въ Нижнемъ Новѣгородѣ, крѣпце яшась за сіе писаніе, и множество народа внимающе ему по вся дни. Во единъ же отъ дней сошедшея и глаголаше *каждо ко ближнему своему: яко уище намъ умрети*, нежели православныя христіанскія вѣры въ поруганіи видѣти, и избраша... воеводу князя Д. М. Пожарскаго, да для собору земскія казны изъ посадскихъ людей выбрали Козму Миннина и тако совѣтъ ихъ и начинаніе благо дѣло бысть» (см. «Временникъ О. И. и Др. Р.» 1853 г. кн. XVI с. 122).

Новый Лѣтописецъ по списку князя Оболенскаго. «Въ Нижнемъ Новѣгородѣ *людіе* тамо сущіи отъ Бога вразумишася, *сошедшея бо начаша совѣтовати*, глаголяще: что сотворимъ?... И по многы дни сіе совѣщаша, како имуть творити. Единъ же въ нихъ, нижеградскій житель, ремесломъ говядарь, имени Кузма, Мининъ сынъ, Сухорукъ. Сей ста посреде собранія и возопи велегласно: о мужіе! слышите и внушите глаголемое, сіе бо дѣло велие хочете начати, аще Богъ поможетъ...—Азъ убо добръ вѣмъ, яко аще точію мы на сіе дѣло коснемся, мнози грады сотворятъ намъ помощь, но намъ должно православія ради... прежде себя не пощадити и женъ и дѣтей своихъ, а не точію пожитковъ своихъ»... ів.с. 144.

Лѣтопись о мятежахъ. «Слышаху такое душевредное надъ Москвою (занятіе Поляками), и о томъ скорбяше и плакахуся, и креста не цѣловаху ни въ которомъ городѣ, а помощи никто не можаху содѣяти. Ото всѣхъ же городовъ во единомъ градѣ рекомомъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, тѣ же *Нижегородцы*, поревновавъ православной христіанской вѣрѣ, не хотяху видѣти православной христіанской вѣры въ латинствѣ, *начаша мыслити како бы помочь Московскому Государству*. Единъ же изъ нихъ, Нижегородецъ, имѣяше торговлю мясную, Козьма Мининъ, рекомый Сухорукій, возопи во всѣ люди: буде намъ похотѣтъ помощи Московскому Государству,

и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, да не токмо животовъ своихъ, и дворы свои продавати, и жены и дѣтей закладывать, и бити челомъ, чтобъ кто вступится за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ» (с. 234).

Драгоценныя слова, сіяющія брилліантами въ русской исторіи, и въ нихъ-то г. Костомаровъ находитъ,—кто могъ бы вообразить,—доказательство для втораго своего болѣе чѣмъ нравственно-уголовнаго обвинительнаго пункта.

«Нѣкоторые», говоритъ онъ, «считаютъ ихъ риторствомъ»... Остановимся:

Кто же эти нѣкоторые, непонимающіе вдохновенія, непонимающіе, что такихъ словъ на площади придумать нельзя, что они не сочиняются, а могутъ только излиться изъ сердца?

Г. Костомаровъ не считаетъ, впрочемъ, этихъ словъ риторствомъ, а чѣмъ то по гнусиѣ. Ему кажется, что «эти слова имѣли дѣйствительный, буквальный и притомъ тяжелый смыслъ; они объясняются тѣмъ, что высказалъ Мининъ послѣ того, какъ Пожарскій согласился принять начальство надъ предполагаемымъ ополченіемъ, а Мининъ былъ избранъ выборнымъ человекомъ. Онъ потребовалъ рукоприкладства въ томъ, чтобы слушаться во всемъ его и кн. Пожарскаго, ни въ чемъ не противиться, давать деньги на жалованье ратнымъ людямъ, а если денегъ не будетъ, то силою братьivotы и приводить даже женъ и дѣтей закладывать» («Вѣстн. Евр.» 1871. іюнь, стр. 514).

Спрашивается: могъ ли Мининъ, произнося эти слова въ первый разъ на площади, предполагать, что все сдѣлается по его мысли, и онъ будетъ выбранъ начальникомъ земскаго дѣла? Могъ ли онъ, произнося въ минуту общаго народнаго одушевленія эти святыя

слова, разсчитывать и соображать, что они понадобятся ему для внесенія въ общее обязательство, и онъ, ссылаясь на эти слова, утвердить за собою право насильно продавать женъ и дѣтей?

Разсужденія г. Костомарова сколько возмутительны съ одной стороны, столько смѣшны съ другой.

«Здѣсь открывается намъ», говоритъ онъ, «еще новая сторона характера Минина». (Первая сторона, о которой было говорено выше: онъ готовъ былъ обманывать для достиженія своей цѣли). «Онъ былъ человѣкъ съ крѣпкою волею, крутаго нрава, человѣкъ въ полномъ значеніи слова практичный». Онъ понималъ-де, что для войны нужны деньги. У кого же есть деньги? У богатыхъ. Но богатые прятали деньги обыкновенно, а въ смутное время и поготово. Какъ же «*вытлупить*» у нихъ деньги? «Добровольно они не отдадутъ (?!), насильно взять нельзя, потому что онъ у нихъ зарыты гдѣ нибудь въ землѣ». (Ну, не смѣшно ли это рассужденіе?). «Раздражать богачей было бы бесполезно, да притомъ и самъ Мининъ, очевидно, принадлежалъ къ ихъ средѣ». (Къ чему тутъ догадка о богатствѣ Минина и связи съ богачами—понять трудно) «Мининъ обложилъ всѣхъ пятою или третью деньгою». (Вотъ наша *in some tax*). Это не помогло бы, потому что богачи не скажутъ, что у кого есть. «*И вотъ Мининъ для приобрѣтенія денегъ пустилъ въ торгъ бѣдняковъ*»...

Читатели! переведите духъ, остановитесь на минуту...

«За неимѣніемъ у нихъ (бѣдныхъ) денегъ, оцѣнивали и продавали ихъ имущества, и отдавали ихъ семьи и ихъ самихъ въ кабалу. Кто же могъ покупать дворъ и животы? Кто могъ брать людей въ кабалу? Конечно, богатые люди. Этимъ путемъ можно было вытянуть отъ нихъ спрятанныя деньги. Само собою разумѣется, имущество и люди шли *за безцѣнокъ*, потому что въ деньгахъ

была нужда, а выставленнаго *товара* было много. Конечно, нужно было, чтобъ покупать и брать въ кабалу было для богачей очень выгодно; только тогда они рѣшатся пустить въ обращеніе свои деньги!»

Какой длинный рядъ предположеній, одно другаго ужасяще! Какой длинный процессъ историческаго изслѣдованія! А что подумаютъ читатели, если имъ сказать, что весь этотъ процессъ состоитъ изъ однихъ выдумокъ, что нѣтъ прямыхъ историческихъ подтвержденій ни на одну изъ составныхъ его частей? Нѣтъ извѣстій о продажахъ, ни о покупкахъ, ни о залогахъ, ни о кабалахъ. Все это сочинено для доказательства, что Мининъ... предоставляю самимъ читателямъ сдѣлать заключеніе, какъ опредѣлился бы характеръ Минина по этимъ приписаннымъ ему г. Костомаровымъ дѣйствіямъ, если бы онѣ были истинны.

Представимъ подлинныя свидѣтельства современниковъ изъ лѣтописей, грамотъ и прочихъ источниковъ, въ противоположность измышленнымъ г. Костомаровымъ, какъ велось дѣло.

Приходная книга Нижегородскаго уѣзда на жалованье ратнымъ людямъ. «Да въ приходѣ жъ неокладныхъ доходовъ, которые взяты по приговору околничево и воеводы Князя Василья Андреевича Звенигородскаго, Ондreja Олябьева, да Ивана Ивановича Биркина, да діака Василья Семенова, да выборнаго человѣка Козмы Минина, да нижегородскихъ земскихъ старостъ и всѣхъ нижегородскихъ посадскихъ людей, ратнымъ людямъ на жалованье, которые пошли изъ Нижняго съ стольникомъ и воеводою съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, да съ выборнымъ человѣкомъ съ Кузьмою Мининымъ для московскаго очищенія у всякихъ людей, покажутъ Нижегородскіе денежные доходы въ зборѣ будутъ:

«У Никитиныхъ да у Максимовыхъ людей Строгоновыхъ, у Юшки да у Митюшки Петровыхъ, взято три тысячи сто шестнадцать рублей».

«У Григорія Микитникова, что былъ у Ѳедора Родяева, — пѣсоть рублей. — У Ярославцева у Василя да у Степана Лыткиныхъ триста пѣтдесятъ рублей. — У Максимовыхъ людей Строгонова, у Матвея Петрова съ товарищи сто рублей. — У Сергѣя Патрушина сто рублей. — У Ярослава у Второва Чистого сто рублей. — У Москвича у Онисѣя Порывкина да у Ѳилипа Звонарева сорокъ рублей. Справилъ подъячій Васка Ураковъ».

Извѣстенъ ли былъ вамъ этотъ непререкаемый источникъ, г. Костомаровъ, при вашей жалобѣ на скудость современныхъ извѣстій?

Грамота князя Пожарскаго. «Въ Нижнемъ Новгородѣ гости и всѣ земскіе посадскіе люди, ревнуи по Бозѣ... не пощада своего имѣнія, дворянъ и дѣтей боярскихъ, Смоленянъ и иныхъ многихъ городовъ, сподобили неоскуднымъ денежнымъ жалованіемъ». («Акты Истор.» т. 11. с. 25).

Лѣтопись такъ называемая *Филаретова*. «Въ то же время мужъ ибкій въ Нижнемъ Новгородѣ убогою куплею питаетца, сирѣчь продавецъ мясу и рыбы, въ требованіе людямъ, имя ему Козма сынъ Мининъ. Той жъ Козма отложаше своей вещи дѣло и *воспріемлетъ велемудрое разумнїе и смыслъ и на всѣхъ людехъ страны тоя силу и власть воспріемлетъ*, уроки многіе собираетъ и изыскуетъ во градѣ людей воинскихъ, которые избыша отъ посященія иноплемненныхъ и сихъ изыскуетъ, жаждущая сердца ихъ утоляетъ, наготу ихъ прикрываетъ, и на кони ихъ восаждаетъ, и сими дѣлы собираетъ воинство не мало». (стр. 55).

Лѣтопись о мятежахъ. «Богу же прозрѣвшу на ту рать, и давшу между ими *совѣтъ велий и любовь*, такъ что отнюдь межъ ими не быше вражды никакія; кон убо покупаху лошадей меньшею цѣною. тѣхъ же лошади побыша мѣсяць, тѣ же продавцы не познаху; тако бо Богу поспоряюще во всемъ». (стр. 237).

Въ Нижнемъ, по мнѣнію г. Костомарова, нужно было употребить ухищреніе, чтобъ «вытянуть» у богачей деньги, нужно было продавать имъ живыхъ людей съ женами и дѣтьми, отдавать въ кабалу, все за безцѣнокъ, а въ прочихъ то городахъ какъ вытягивали деньги для избавленія Москвы отъ Поляковъ, для спасенія отечества? Сборъ Нижегородскій, разумѣется, не значилъ ничего въ сравненіи съ суммами, получавшимися изъ всѣхъ городовъ!

И общія пожертвованія засвидѣтельствованы актами. Князь Пожарскій писалъ изъ Нижняго:

«А которые, господа, деньги были въ Нижнемъ въ сборѣ всякихъ доходовъ, и тѣ деньги розданы... и нынѣ, господа, изъ всѣхъ городовъ пріѣзжаютъ къ намъ стольники и стряпчіе, и дворяне, и дѣти боярскія, и всякихъ чиновъ люди, и бьютъ челомъ всей землѣ о денежномъ жалованьѣ, а дати имъ нечего... Да и поревновать бы, господа, пожаловати вамъ гостемъ и посадскимъ людемъ, чтобъ вамъ промезъ себя обложить, что кому съ себя дать на подмогу ратнымъ людемъ: тѣмъ бы вамъ ко всей земли совершенную правду и радѣніе, показали и, собравъ съ себя, тѣ деньги прислати къ намъ въ Ярославль тотчасъ». (Стр. 257).

И сборъ произошелъ во всѣхъ городахъ русскихъ, безъ видѣній, безъ обязательствъ, безъ продажи людей за безцѣнокъ!

Лѣтопись о мятежахъ. «Въ Нижнемъ же казны становишася мало. Онъ же нача писати по городамъ въ по-

морскіе и во всѣ понизовые, чтобъ они помогали итти на очищеніе Московскаго Государства. Въ городахъ же слышавъ въ Нижнемъ собраніе, ради быша и послаша къ нему на совѣтъ, и многу казну къ нему посылаху, и сvezоша къ нему изъ городовъ многу казну».

«Всюду же сіе промчеса собраніе (Нижегородское), и отъ многихъ городовъ привезоша многу казну въ Нижній».

Ополченіе Нижегородское выступило въ походъ...

«Придоша на Балахну... и даша имъ въ подмогу казны, оттуда же придоша въ Юрьевецъ, и тамо... казну многу даша». Тоже было въ Кинешмѣ и проч.

Филаретова летопись: «Той же Кузма о своемъ дѣлѣ непрестанно попеченіе имѣеть, во всѣ грады Россійскаго Царства грамоты посылаетъ, и серебра множество собираетъ, и раздаде воинству съ требованіемъ, и тако поидоша съ воинствомъ подъ царствующій градъ». (С. 58).

Нѣтъ, г. Костомаровъ, сколько вы ни будете дѣйствовать съ вашимъ безошаднымъ ножомъ критическаго анализа, вы будете только опорѣзываться, и вмѣстѣ оказывать его тупость, и священныя лица Скопина, Минина, Пожарскаго, Сусанина, останутся навсегда чистыми, священными для всякаго русскаго безпристрастнаго историка, и славное спасеніе Москвы, освобожденіе Россіи отъ владычества Польскаго, не померкнетъ въ нашей памяти никакою мыслію о «зловредныхъ послѣдствіяхъ» подобныхъ сочиненнымъ вами, въ дополненіе къ бездоказательнымъ отзывамъ о лицахъ.

Набравъ съ вѣтру, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ, извѣстія о покупкахъ и кабалахъ, г. Костомаровъ смѣло дѣлаетъ еще общее заключеніе. «Такая (небывалая)

мѣра влекла за собой зловредныя послѣдствія: изгнавши чужеземныхъ враговъ, Русь должна была накатить на себя внутреннее зло—порабощеніе и угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатыхъ».!! (стр. 515).

Г. Костомаровъ забываетъ, что даже сочиненное имъ положеніе бѣдняковъ и образъ взиманія пожертвованій относятся только къ Нижнему; а прочіе города не давали вѣдь на себя никому никакихъ обязательствъ, между тѣмъ бѣдныхъ кабальныхъ людей было по его положенію много вездѣ! Слѣдовательно, это явленіе—если-бы даже оно и было, не могло бы имѣть связи съ сборомъ денегъ Минина въ Нижнемъ.

И г. Костомаровъ говоритъ о критикѣ, объ ученыхъ доказательствахъ, о требованіяхъ пауки, объ источникахъ исторіи!

Какъ ни противно общее заключеніе, которымъ онъ хочетъ увѣнчать народное возстаніе 1612 года, это прекрасное, святое время въ жизни русскаго народа, приписывая ему такія ужасныя слѣдствія: «порабощеніе и угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатымъ», но слѣдующее оправданіе, почерпнутое изъ правилъ Игнатія Лойолы въ доказательство безпристрастія, еще хуже:

«Круты и жестоки были мѣры Козьмы Минина, но неизбѣжны: время было черезъ-чуръ крутое и ужасное: нужно было спасать существованіе народа и державы на грядущія времена». («Вѣстн. Евр.» Іюль, стр. 515).

Третье обвиненіе Минина состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на Пожарскаго, зная его малоспособность, «вѣроятно для того, чтобъ самому безусловно всѣмъ распоряжаться».

Мы разобрали это обвиненіе въ статьѣ за Пожарскаго, и повторить его здѣсь должны только для полноты.

«Есть-ли свидѣтельство, что Мининъ распорядился и дѣйствовалъ мимо Пожарскаго?»

Никакого извѣстія нѣтъ, ни о какомъ распоряженіи, ни о какомъ вмѣшательствѣ, ни о какомъ дѣйстви, кромѣ одного случая, что подлѣ Москвою Мининъ выпросилъ отрядъ у Пожарскаго, чтобъ ударить на Поляковъ, и только.

Мининъ участвовалъ въ дѣлѣ своими мнѣніями, совѣтами, завѣдывалъ хозяйственною частію, и объ этомъ завѣдываніи нѣтъ нигдѣ ничего кромѣ похвалъ и въ лѣтописи, и въ грамотахъ. Объ его первенствѣ и вообще вмѣшательствѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго даже намека. Спрашиваю: на какомъ основаніи можно предполагать, что, указывая на Пожарскаго, онъ искалъ первенства себѣ? Гдѣ же здѣсь большая «вѣроятность»? Напротивъ, мы видимъ здѣсь совершенную невѣроятность и удивляемся опрометчивости и вмѣстѣ дерзости изслѣдователя, который ищетъ *midi à quatorze heures*.

Представивъ эти три обвиненія на такихъ зыбкихъ основаніяхъ, вывели изъ нихъ такія дерзкія заключенія, г. Костомаровъ подводитъ имъ итогъ въ слѣдующихъ неожиданныхъ выраженіяхъ:

«Уже указанныхъ нами чертъ достаточно, чтобъ признать въ Мининѣ человѣка большаго ума и крѣпкой воли, человѣка необыкновеннаго». «Но этимъ почти и ограничиваются наши свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ», заключаетъ г. Костомаровъ.

Въ чемъ же состоятъ эти свѣдѣнія—припомните, читатели. Въ томъ, что Мининъ для достиженія цѣли не разбиралъ средствъ, что онъ указалъ на Пожарскаго потому только, что зналъ его неспособность и хотѣлъ самъ во всемъ распорядиться, и наконецъ, что отдалъ за деньги богачамъ на жертву бѣдняковъ, желая вытянуть у нихъ деньги!

Вотъ за какія свойства и дѣйствія безпристрастный г. Костомаровъ считаетъ Минина человѣкомъ необыкновеннымъ и приписываетъ ему большой умъ и крѣпкую волю.

Не поздоровится отъ такихъ похвалъ! О сборѣ рати, о походѣ изъ Нижняго, о дѣйствіяхъ въ Ярославлѣ, о сношеніяхъ съ городами, съ Новгородцами, Шведами, Нѣмцами, о переговорахъ съ Трубецкимъ и казаками, о сраженіяхъ съ Поляками, объ осадѣ Китая и Кремля, объ освобожденіи Москвы, о послѣдующихъ распоряженіяхъ, въ которыхъ сначала до конца участвовалъ Мининъ, выборный человѣкъ отъ всего Московскаго Государства, такъ названный даже въ грамотѣ объ избраніи на престолъ царя Михаила Феодоровича, говядарь, награжденный саномъ думнаго дворянина и получившій въ знакъ общей признательности помѣстье — нѣтъ ни слова!

Пожарскій ничего не дѣлалъ, по изслѣдованію г. Костомарова, о Мининѣ неизвѣстно ничего. Кто-же прогналъ Поляковъ, освободилъ Москву и спасъ отечество?

Не смѣшны-ли разсужденія г. Костомарова, если бѣ они не были такъ грустны!

Въ заключеніе г. Костомаровъ извѣщаетъ, что ему недавно досталось любопытное свѣдѣніе, касающееся біографіи Минина.

Былъ противъ Нижняго за Волгою въ нынѣшнемъ Семеновскомъ уѣздѣ Толоконцевскій монастырь, которымъ въ царствованіе Феодора Ивановича завладѣлъ противузаконно Печерскій монастырь.

Толоконовцы жаловались; по обыску февраля 22 1612 г. оказалось, что они были правы, но Нижегородскіе посадскіе старосты Андрей Марковъ и Кузьма

Мининъ Сухорукъ, «наровя Θεодосію, архимандриту Печерскому, по дружбѣ и по суламъ опять отдали Толоконцевскій монастырь Печерскому».

«Если вѣрять этому документу, то Мининъ, какъ русскій человѣкъ того времени, не изъять былъ отъ пороковъ, кривосудія и посуловзимательства».

«Если вѣрять»... говорите вы, ну такъ разберите, въ чемъ состоятъ права Печерскаго монастыря, на чемъ основывались жалобы Толоконцевскаго, почему производившій обыскъ московскій чиновникъ оправдалъ его, а послѣ Нижегородскіе старосты посудили иначе; разберите, какое участіе могли имѣть здѣсь они же и проч.

Нѣтъ, г. Костомаровъ не принимаетъ на себя этого труда; ему всего пріятнѣе находка, потому что онъ можетъ дополнить новую прекрасною чертою начерченный имъ портретъ Минина, которую и пускаетъ въ свѣтъ подъ охраною доросаго для него слова *если*, и распространяетъ ее и на всю дѣятельность Минина!

«Кромѣ этого извѣстія, мы не знаемъ ничего о его прежней, ни о его послѣдующей жизни, не знаемъ, какъ онъ относился къ медленности Пожарскаго, на которую жаловались тропцкія власти, *неизвѣстны намъ способы обращенія его съ казной, которая была ему въпрена, — хотя толоконецкое дѣло подаетъ намъ намекъ на то, каковъ долженъ былъ быть тотъ способъ...*

Довольно!

Предоставляю читателямъ окончательный судъ надъ прокуроромъ и надъ адвокатомъ, и обращаюсь къ Сусанину.

IV

ЗА СУСАНИНА.

Въ разборѣ статьи г. Костомарова: «Личности смутнаго времени», (Вѣстникъ Европы, 1871 г. іюнь), мнѣ остается, послѣ Скопина, Пожарскаго и Минина, говорить о Сусанинѣ.

Казалось, смиренный обитатель костромскихъ лѣсовъ, на долю котораго выпалъ славный жребій спасти жизнь вновь избраннаго царя, въ тяжелую эпоху русской исторіи, былъ, послѣ своей мученической кончины отъ руки поляковъ, совершенно уже безопасенъ отъ всякаго навѣта вражія. Нѣтъ, въ наше анархическое время потревожены и его кости.

Какъ могло это случиться? Подвигъ Сусанина засвидѣтельствованъ государственною грамотою, которая, данная чрезъ шесть лѣтъ послѣ событія, дошла до нашего времени въ цѣлости!

Приведемъ ее въ подлинникѣ.

«Божією милостію, мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Феодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, по нашему Царскому милосердію, а по совѣту и прошенію матери нашей, Государыни великія старицы инокини Марфы Ивановны, пожаловали есмь Костромскаго уѣзда нашего села Домнипа крестьянина Богдашка Сабинина, за службу къ намъ и за кровь и за

терпѣніе тестя его Ивана Сусанина. Какъ мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи въ прошломъ во 121 году были на Костромѣ, и в тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди, а тестя его Богдашкова Ивана Сусанина в тѣ поры Литовскіе люди изымали, и его пытали великими немѣрными пытками; а пытали у него, гдѣ в тѣ поры мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи были. И онъ Иванъ, вѣдая про насъ, Великаго Государя, гдѣ мы в тѣ поры были, *терпя* отъ тѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей *немѣрныя пытки*, про насъ Великаго Государя тѣмъ Польскимъ и Литовскимъ людямъ, гдѣ мы въ тѣ поры были, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди *замучили его до смерти*. И мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи пожаловали его Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина къ намъ *службу* и за *кровь*, въ Костромскомъ уѣздѣ нашего дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ Богдашка нынѣ живетъ, полторы чети выти земли велѣли обѣлить: съ тое полудеревни съ полторы чети выти на немъ на Богдашкѣ и на дѣтяхъ его и на внучатахъ, и на правнучатахъ, нашихъ никакихъ податей, и кормовъ, и подводъ, и наметныхъ всякихъ столовыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину и въ иныя ни въ какія подати имать съ нихъ не велѣли, велѣли имъ тое полдеревни во всемъ обѣлить и дѣтямъ имъ и внучатамъ и во весь родъ ихъ неподвижно. А будетъ то наше село Домнино въ которой монастырь и въ отдачѣ будетъ, и тое полдеревни Деревнищъ полторы чети выти земли и ни въ которой монастырь съ тѣмъ селомъ отдавать не велѣли, велѣли по нашему Царскому жалованью, владѣть ему Богдашкѣ Сабинину и дѣтямъ его и внучатамъ и правнучатамъ и въ родъ

ихъ во вѣки недвижно. Дана сія на́ша Царская жалованная грамота на Москвѣ, лѣта 7129 ноября въ 30 день».

Ясно ли сказано въ грамотѣ, что крестьянинъ Иванъ Сусанинъ въ 1613 году, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ находился «на Костромѣ», былъ захваченъ Польскими и Литовскими людьми, приходившими «въ Костромской уѣздъ»; что они пытали его великими немѣрными пытками, выспрашивая у него, «гдѣ въ тѣ поры былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ»; что онъ, зная о мѣстопробываніи, вытерпѣлъ немѣрныя пытки, и не открылъ его, за что и былъ замученъ до смерти; наконецъ, что «за эту службу и кровь» обѣлена была половина деревни Деревнищъ, на коей жилъ его зять, Богданъ Сабининъ, женатый на его дочери Антонидѣ, въ пользу его дѣтей, внучатъ и правнучатъ «въ родѣ ихъ во вѣки вѣковъ недвижно».

Какое свидѣтельство можетъ быть точнѣе и обстоятельнѣе?

Но нѣтъ ли какого нибудь повода сомнѣваться въ подлинности этой грамоты?

Нѣтъ никакого, и данная чрезъ шесть лѣтъ послѣ событія самимъ спасеннымъ молодымъ царемъ, по просьбѣ его матери, съ которой онъ вмѣстѣ скитался, грамота подтверждена была чрезъ 15 лѣтъ тѣмъ же царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который отдалъ тогда деревню Деревнищи Новоспасскому монастырю на поминъ души его матери, а въ замѣну отходившей отъ Сабининыхъ земель, пожаловалъ имъ пустошь Коробово въ Костромскомъ уѣздѣ, съ прописаніемъ опять обстоятельствъ своего спасенія и въ новой подтвердительной грамотѣ.

Къ 1641 году относится еще другая подтвердительная грамота, которая, по свидѣтельству самого г. Костомарова, хранится въ родѣ Сусанина.

Въ 1692 году послѣдовало подтвержденіе отъ имени царей Ивана и Петра Алексѣевичей.

Императрица Екатерина возобновила грамоту 1767 г. декабря 8.

Императоръ Николай Павловичъ—въ 1837 г. (*).

Потомки Сусанина чрезъ дочь его Антониду Сабинину ведутся до сихъ поръ, и пользуются землею, пожалованною имъ за подвигъ ихъ предка.

Такъ въ чемъ же можетъ быть сомнѣніе? Можно ли отвергать событіе, засвидѣтельствованное такъ торжественно и многократно?

Признавая существованіе и подлинность грамоты, г. Костомаровъ не вѣритъ ея содержанію: грамота есть, а событія не было: Сусанинъ не спасалъ Михаила!

Въ этомъ смыслѣ онъ сказалъ и въ первомъ своемъ изслѣдованіи, которое мы и разберемъ сначала по связи его съ параграфомъ о Сусанинѣ въ статьѣ «Личности смутнаго времени». «Въ исторіи Сусанина», говоритъ г. Костомаровъ, «достоверно только то, что этотъ крестьянинъ былъ одною изъ безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ отъ разбойниковъ, бродившихъ въ Россіи въ смутное время: дѣйствительно ли онъ погибъ за то, что не хотѣлъ сказать, гдѣ находился новоизбранный Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ,—это остается подъ сомнѣніемъ» (**).

Такъ какъ же онъ попалъ въ грамоту, и почему изъ безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ отъ разбойниковъ,

(*) Замѣчательно что г. Костомаровъ объ этой грамотѣ отзывается вотъ какъ: «наконецъ и въ послѣдней изъ жалованныхъ грамотъ Сабининымъ, 1837 г., отъ Императора Николая Павловича нѣтъ ничего новаго противъ прежняго. Чего же ожидалъ онъ найти здѣсь новаго?

(**) Истор. монографіи, Т. I, с. 453.

только одна удостоилась такой чести? По какому поводу могла быть оказана ей такая необыкновенная милость? Вѣдь это кажется бессмыслицею! Спрашивается, вѣроятно ли, чтобъ подобная грамота была выдана безъ основаній? Въ ней сказано именно, что выдана она по совѣту и прошенію матери царской, инокини Марѣы Ивановны, которая, извѣстно, скрывалась вмѣстѣ съ сыномъ, предъ его избраніемъ, «на Костромѣ». Могъ ли какойнибудь крестьянинъ изъ глуши костромскихъ лѣсовъ дойти до нея съ какоюнибудь несбыточною просьбою и выдумать предъ всѣми земляками своими небывалое происшествіе? Какъ могла подобная мысль придти ему въ голову? Вѣдь онъ могъ заплатить за то слишкомъ больно? Могла ли царская мать принять такую странную просьбу безъ необходимыхъ справокъ, повѣрокъ, безъ тщательнаго изслѣдованія, и ходатайствовать предъ своимъ сыномъ или мужемъ о наградѣ за вымышленный подвигъ? Могло ли московское правительство, костромское ближайшее начальство, наконецъ односельчане съ Богдашкою Сабининымъ, оставить безъ протеста неосновательное притязаніе?

Это все такіе вопросы, которые представляются всякому читателю безъ малѣйшей ученой подготовки, и которые однакожь для г. Костомарова какъ будто не существуютъ.

Кто знакомъ съ порядками тогдашняго нашего дѣлопроизводства, въ высшей степени толковаго, осмотрительнаго, осторожнаго, тотъ ни на минуту не остановится утверждать, что подобная напраслина была невозможна въ то время, когда всѣ сословія слѣдили за собою съ строгимъ вниманіемъ, и не допускали ни до какой неправильности.

Вотъ, напримѣръ, приведу я кстати двѣ просьбы именно изъ того времени, изъ которыхъ въ одной

Угличане — дворяне и барскіе дѣти всѣмъ городомъ просить Царя Михаила Ѳеодоровича, чтобы онъ велѣлъ выписать Угличанина Ивана Юрьева Шубинскаго изъ двороваго списка, куда онъ записанъ не по отчеству своему и не по службѣ; въ другой,—чтобъ онъ велѣлъ выписать изъ выбору двухъ человекъ, чтобъ имъ отъ нихъ «безчестнымъ, въ позорѣ не быть».

I. Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи быють челомъ холопи твои Угличаня, дворяне и дѣти боярскіе всѣмъ городомъ, на Угличанина жъ сына боярскаго, на Ивана Юрьева сына Шубинскаго. Верстанъ тотъ Иванъ твоимъ царскимъ жалованьемъ, помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ въ прошломъ 136 году. Версталъ его бояринъ Князь Юрій Енишевичъ Сулешевъ; и тотъ Иванъ послѣ того, не служа тебѣ государю и не по отчеству, написанъ въ нашемъ городѣ по дворовому списку въ прошломъ въ 146 году. А роду, Государь, ихъ Шубинскихъ въ нашемъ городѣ въ дворовомъ спискѣ не бывалъ никто при прежнихъ государяхъ и при тебѣ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всеа Русіи. А были Государь родъ ихъ Шубинскихъ въ нашемъ городѣ въ денщикахъ, а дядя ево Ивановъ родной Михайло Шубинской былъ въ нашемъ городѣ въ нарядчикахъ, Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи пожалуй насъ холопей своихъ, и вели, Государь, ево Ивана изъ двороваго списка выписать, чтобъ намъ холопомъ твоимъ отъ тово Ивана безчестнымъ не быть, что онъ пущенъ въ дворовый списокъ не по отчеству своему и не по службѣ. Царь Государь смилуйся пожалуй».

II. «Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Руси быють челомъ холопи твои Угличане дворяне и дѣти боярскіе всемъ городомъ, на

Угледанъ же: на Бориса Маракушева дана Богдана Третьякова. Написались, Государь, тотъ Борисъ да Богданъ — по выбору, не за службу, и въ осадѣ подъ Смоленскимъ не сидѣли ни ранены ни бывали, а мы холопи твои служимъ тебѣ Государю лѣтъ по 30 и по 40, а ложно тебѣ Государю о выборѣ не бивали челомъ. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй насъ, холопей своихъ, вели Государь ихъ Бориса да Богдана изъ выбору выписать, чтобы намъ предъ ними въ позорѣ не быть. Царь Государь смилуйся пожалуй».

Повторяю: могла ли быть пожалована земля и дана грамота Сабнину безъ сношенія съ костромскими властями, и могли ли эти власти свидѣтельствовать облыжно, не учинивъ справокъ, не допросивъ свидѣтелей, не произведя слѣдствія?

Г. Костомарову дѣла нѣтъ до такихъ естественныхъ разсужденій. Онъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ, и для возбужденія сомнѣнія объ исторіи Сусанина принимается разбирать, сравнивать и опровергать одно за другимъ, рассказы новѣйшихъ писателей, — такихъ историковъ, какъ С. Н. Глинка и Щекатовъ, сочинитель географическаго словаря въ началѣ нынѣшняго столѣтія, да еще «передовой», по его мнѣнію, «дѣятель по русской исторіи», (вѣроятно трудящійся въ одномъ съ нимъ ряду, incognito. — «Пл. Вас. Павловъ») (*).

Что намъ за дѣло до этихъ разсказовъ и догадокъ, положимъ, невѣроятныхъ? Развѣ они принимаются въ исторіи? За подробностями, выдуманнными и выдумываемыми, никто не стоитъ, а стоятъ только за сущность событія, засвидѣтельствованнаго грамотою,

(* Ужь прибавить бы ему для разбора и либретто изъ оперы «Жизнь за Царя», которое не уступаетъ ни Щекатову, ни Глинкѣ!

что Сусанинъ былъ допрашиваемъ гдѣ-то на Костромѣ объ извѣстномъ ему мѣстопробываніи Михаила, не сказалъ, былъ питанъ и замученъ. Вотъ и все!

Доказавъ и подкрѣпивъ аналогическими примѣрами, что грамота не могла быть дана безъ событія, мы могли бы здѣсь и остановиться, принося въ жертву г. Костомарову всѣ подробности прошедшія и будущія, вѣроятныя и невѣроятныя, но считаемъ нужнымъ разобратъ разсужденія г. Костомарова; въ которыхъ онъ набрасываетъ тѣнь на событіе, избирая эпитафю слѣдующія слова изъ одного стариннаго документа: «въ житіи семъ не мало, но много писано неправды, и того ради, аще бы отчасти нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ».

Въ первой статьѣ своей, на которую здѣсь ссылается, онъ говоритъ: «когда мы захотимъ обратиться къ современнымъ первоначальнымъ извѣстіямъ о такомъ безмѣрно важномъ событіи, то прежде всего поразитъ насъ то, что ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ тогдашнихъ сочиненіяхъ, не смотря на множество подробностей, хорошо очерчивающихъ эту эпоху, нѣтъ ни слова объ этомъ происшествіи» (*).

Отвѣчаемъ: происшествіе случилось гдѣ-то въ глуши, среди повсемѣстной смуты: кому и гдѣ было благовѣстить о немъ? Впослѣдствіи только, по воцареніи Михайловомъ, по общемъ успокоеніи въ семействѣ, потерявшемъ своего отца, было понято, какую услугу оказалъ покойный вновь избранному царю. Тогда естественно могла представиться мысль, что такая услуга имѣетъ право на награду. Подобную награду за заслуги матери Михайловой, во время ея заточенія,

(*) Т. I, стр. 434.

получили уже крестьяне Тарутины, жители Обонежской пятины, Егорьевскаго погоста, Толгуйской волости. Зять покойнаго Сусанина рѣшилъ ходатайствовать. Онъ успѣлъ добратся до Москвы, найти доступъ къ царицѣ, своей помѣщицѣ, можетъ быть знавшей его лично, и подать просьбу. Царица, изъ просьбы или разказа Сабинина, видно убѣдилась въ опасности, какой подвергалась вмѣстѣ съ сыномъ, во время пребыванія въ Костромскомъ уѣздѣ, и вмѣстѣ удостовѣрилась, что опасность миновала благодаря вѣрности крестьянина Сусанина. Она довела просьбу до свѣдѣнія царя, который по порядку передалъ ее, разумѣется, въ приказъ, а приказъ, по надлежащей справкѣ и повѣркѣ, присудилъ ему награду, значущуюся въ жалованной грамотѣ (*). Такъ по крайней мѣрѣ обыкновенно рѣшались дѣла подобнаго рода. Тѣмъ это дѣло и кончилось. Некому было знать о Сусанинѣ кромѣ своей деревни съ околоткомъ, и некуда записывать, кромѣ приказа, откуда дана грамота.

Развѣ можно требовать, чтобы такое происшествіе сдѣлалось предметомъ прославленія, въ родѣ нынѣшнихъ газетныхъ и журнальныхъ возгласовъ, тѣмъ болѣе, что главнаго дѣйствовавшаго лица не было на лицо, и никому не было дѣла до его деревенскихъ потомковъ?

«До XIX вѣка, сколько извѣстно, никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя царской особы, и подвигъ

(*) Въ прекрасномъ вступленіи г. Дорогобужина къ статьѣ «Справда о Сусанинѣ» священника села Домнина, о. Алексѣя, есть извѣстіе, (не знаю откуда заимствованное), о путешествіи на богомолье великой старицы съ сыномъ своимъ царемъ Михаиломъ Федоровичемъ къ преподобному Макарію Желтоводскому, и посѣщеніи села Домнина въ 1619 году. Не въ это-ли время Богданъ Сабининъ нашелъ случай довести до свѣденія дѣло своего теста, и получить въ награжденіе грамоту?

его считать событіемъ исторической важности, выходящимъ изъ обычнаго уровня» (*).

Какъ никто? Да во всѣхъ грамотахъ XVII и XVIII вѣка, Михаила, Алексѣя, Иоанна, Петра, Екатерины II, даже и Николая Павловича, развѣ Сусанинъ не является «спасителемъ царской особы»?

«Никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя царской особы». Да никто и не зналъ его, не знавши грамоты, а какъ узнали грамоту, гдѣ именно сказано: «онъ Иванъ, вѣдая про насъ, гдѣ мы въ тѣ поры были, терпя отъ нихъ немѣрныя муки, про насъ не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти», то и сочли поступокъ Сусанина подвигомъ, выходящимъ изъ «обычнаго уровня».

И мало ли есть важныхъ происшествій, которыя оставались погребенными въ лѣтописяхъ и грамотахъ? Такъ была погребена и сусанинская исторія до открытія грамоты.

Разбирая показаніе Щекатова, г. Костомаровъ указываетъ на противорѣчія и прибавленія его къ грамотѣ: «такимъ образомъ въ грамотѣ царской говорится, что Царь былъ тогда на Костромѣ, а у Щекатова онъ не въ Костромѣ, а въ Домнинѣ. Поводъ къ такому искаженію дѣйствительно очевиденъ: Кострома былъ городъ укрѣпленный: Михаилъ Ѳедоровичъ былъ въ немъ безопасенъ; если приходили на него Польскіе и Литовскіе люди, то надобно допустить, что они являлись не въ такомъ числѣ, чтобъ могли предпринять осаду и приступъ къ Костромѣ, и въ такомъ случаѣ событие ужъ не могло бы пройти незамѣченнымъ въ исторіи. А если Михаилъ Ѳедоровичъ былъ безопасенъ на

(*) Т. I, стр. 436.

Костромѣ (собственно онъ находился въ Ипатьевскомъ монастырѣ), то Сусанину не изъ-за чего было подвергать себя мученіямъ и не объявлять полякамъ, гдѣ Царь» (*).

Благоволятъ читатели вникнуть въ слова г. Костомарова: что онъ хочетъ сказать ими?

«Михаилъ былъ въ Костромѣ, по показанію грамоты, единственнаго источника объ этомъ событіи».

«Кострома былъ городъ укрѣпленный. Михаилъ былъ тамъ безопасенъ».

«Поляковъ и литовцевъ было немного, не столько, чтобы они могли предпринять осаду и приступъ къ Костромѣ. Ибо, еслибъ ихъ было много, то событіе не могло бы остаться незамѣченнымъ въ исторіи».

«Если Михаилъ былъ безопасенъ на Костромѣ, то Сусанину не для чего было подвергать себя мученіямъ и скрывать мѣстопребываніе его».

Не прямое ли заключеніе изъ всѣхъ этихъ посылокъ слѣдуетъ слѣзать, что все, рассказанное о Сусанинѣ, по мнѣнію изслѣдователя, есть сказка? Онъ такъ и думаетъ, что ясно и изъ многихъ другихъ мѣстъ его изслѣдованія, какъ мы увидимъ ниже, хотя и не осмѣливается сказать этого прямо и положительно (**).

Все это софистическое зданіе г. Костомарова основано на неправильномъ пониманіи имъ выраженія «на Костромѣ». Оно отнюдь не значитъ въ Костромѣ, а только—въ Костромской сторонѣ. В. И. Дрогобужинновъ, въ дѣльной статьѣ своей «Правда о Сусанинѣ», помѣщенной въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 г. № 3, с. 07, очень справедливо замѣчаетъ: «На стр. 486 своей статьи

(*) Т. I, стр. 438.

(**) См. доказательства такой манеры изложенія, á la don Basil, въ статьяхъ за Минина и проч.

г. Костомаровъ говорить: «въ грамотѣ царской говорится, что царь былъ тогда въ Костромѣ, а у Щекатова онъ не въ Костромѣ, а въ Домнинѣ»; между тѣмъ какъ въ приводимомъ имъ же, на стр. 483, подлинной грамотѣ сказано: «какъ мы, Великій Государь, въ 121 году, были «на Костромѣ». Предлоги «въ» и «на» не могутъ быть безпристрастнымъ изслѣдователемъ приводимы безразлично: смыслъ предлога «въ» при опредѣленіи мѣстности несравненно тѣснѣе и точнѣе предлога «на»: идетъ ли рѣчь о Костромѣ, слова «въ Костромѣ» ясно выражаютъ пребываніе только *въ городѣ* Костромѣ; между тѣмъ какъ выраженіе «на Костромѣ» гораздо неопредѣлительнѣе и шире: Костромою называется не городъ только, но и рѣка и вся область орошенная ея притоками, на одномъ изъ которыхъ лежитъ и Домнино».

Въ грамотѣ объ избраніи на царство Михаила Федоровича сказано о немъ: «въ то время бысть въ Костромскомъ уѣздѣ у себя въ отчинѣ», что замѣтилъ баронъ фонъ-Нольде въ его разборѣ перваго разсужденія г. Костомарова, который давалъ онъ мнѣ читать въ рукописи года три тому назадъ (*).

Бывъ въ Костромской сторонѣ, въ Домнинѣ или около, семейство подвергалось видно опасностямъ во время шатанія польскихъ и литовскихъ людей, и могло быть найдено ими. Въ Ипатьевскій монастырь, въ сосѣдствѣ съ Костромою, Михаилъ съ матерью попалъ видно позднѣе, когда польскіе и литовскіе люди отошли уже, послѣ напрасныхъ поисковъ, изъ Костромской стороны.

Замѣчательно, что при этомъ случаѣ вступается г. Костомаровъ за поляковъ: «наконецъ самое намѣреніе

(*) Не знаю, что сдѣлалось съ этой статьею.

поляковъ и литовцевъ погубить Михаила есть уже произвольная догадка, ибо въ грамотѣ не говорится, зачѣмъ поляки спрашивали о немъ Сусанина (*).

Въ грамотѣ, видите, не сказано, зачѣмъ поляки спрашивали о Михаилѣ, пытали и мучили Сусанина! Не найдетъ ли г. Костомаровъ въ доступныхъ для него источникахъ (см. ниже) извѣстія, что поляки пытали и мучили Сусанина, желая узнать мѣстопробываніе вновь избраннаго Царя Русскаго, для того чтобъ поцѣловаться съ нимъ?

Отъ Щекатова г. Костомаровъ переходитъ къ Глинкѣ, и начинаетъ такъ:

«Разсказъ Глинки несравненно правдоподобнѣе Щекатовскаго, но за то еще произвольнѣе. Необходимо было произвести Сусанина въ званіе спасителя Царской особы, въ идеалъ народной доблести» (**).

Изъ этихъ словъ ясно видно, какъ и изъ прежнихъ, что г. Костомаровъ отвергаетъ спасеніе Михаила Сусанинымъ; еслибъ признавалъ его, то не могъ бы приписывать Глинкѣ необходимости *произвести* Сусанина въ спасителя Михаила и въ идеалы народной доблести.

Натѣшившись надъ Щекатовымъ и Глинкою, г. Костомаровъ приступаетъ къ своему изслѣдованію, и опять настаиваетъ на томъ, что событіе не описано нигдѣ. «Я имѣлъ», говоритъ онъ, «подъ рукою много лѣтописныхъ списковъ, писанныхъ въ половинѣ XVII столѣтія, и ни въ одномъ нѣтъ и помину о Сусанинѣ». «Стало быть», продолжаетъ онъ, «даже чрезъ 30, 50 или 60 лѣтъ занимавшіеся исторіей своего отечества или вовсе не знали о сусанинскомъ подвигѣ, или не

(*) Т. I, стр. 438.

(**) Т. I, стр. 440.

считали его достойнымъ того, чтобъ объ немъ упоминать. Очевидно, въ XVII вѣкѣ ничего не представлялось такого, что представляется глазамъ XIX вѣка, глазамъ нашего времени» (*).

Мы отвѣчали выше на это возраженіе, а теперь скажемъ только два слова о поставленномъ въ примѣръ противодѣйствию Никанора Шульгина избранію Михаила въ Арзамасъ и Казани, которое попало въ лѣтописи. Странно сравнивать его съ случаемъ сусанинскимъ. Тому свидѣтелями были города, и сопротивленіе сдѣлалось гласнымъ, примѣчательнымъ, даже по своему одиночеству, а здѣсь рѣчь идетъ о крестьянинѣ, который убить гдѣ-то, въ захолустьѣ, и объ его наслѣдникахъ, которые получили за то чрезъ нѣсколько лѣтъ грамоту на землю, чѣмъ все дѣло и кончилось.

Замѣчательно, что, разбирая Глинку и Шекатова, и представляя общія разсужденія, г. Костомаровъ употребляетъ своимъ оружіемъ грамоту, и чувствуетъ ее единственнымъ источникомъ. Если вы отвергаете событіе, описанное въ грамотѣ, то по какому же праву вы употребляете грамоту? Она для васъ существовать не должна.

«Покушеніе, *еслибы оно было*», продолжаетъ г. Костомаровъ, «должно происходить до 13 марта; а если бы такъ было на самомъ дѣлѣ, то мать Михаила, и самъ Михаилъ, отказываясь отъ предлагаемаго престола, и приводя между прочимъ что «быти ему на государствѣ ей государынѣ благословитъ сына своего а нашего

(*) Тамъ же с. 444. Какіе же списки видѣлъ г. Костомаровъ, которыхъ другіе не видали? Мы попросили бы его показать намъ эти списки, какъ онъ съ насмѣшкою (с. 443) просилъ показать ему «древнюю лѣтопись П. П. Свинына, въ которой разсказывается о спасеніи Михаила».

государя лише на погубленье». (Собр. госуд. грамотъ, т. III, 41 с. 72), и указывая на свою небезопасность, на то, что отецъ его въ плѣну въ Польшѣ, и можетъ отъ поляковъ подвергнуться опасности, — кажется, могли бы кстати указать на свѣжее покушеніе враговъ на жизнь Михаила» (*). «Если тогда они не знали еще о подвигѣ Сусанина, то могли бы», продолжаетъ г. Костомаровъ, «кстати» указать на недавнее покушеніе въ грамотахъ изъ Ярославля» (III, 50—54).

Разсужденія совершенно неосновательныя: не только до 13 марта, но и въ слѣдующее время мать безъ всякаго сомнѣнія не знала, да и не могла знать, въ переѣздахъ, заботахъ и попыхахъ того времени, о происходившемъ въ сосѣдствѣ относительно Михаила. Она не знала, кому отчасти они были обязаны спасеніемъ. Дочь и зять Сусанина очень естественно могли разсуждать, что, въ ближайшее время, нельзя имъ было поминать о себѣ; они могли долго совѣтоваться между собою, пока наконецъ рѣшились разсказать дѣло и просить о наградѣ, или пока представился къ тому удобный случай.

За симъ г. Костомаровъ обращается къ мнѣнію г. Соловьева, и вотъ какъ отзывается о немъ:

«Еще Соловьевъ, съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, справедливо замѣтилъ, что въ то время, въ краю Костромскомъ, не было ни поляковъ, ни литовцевъ, и что Сусанина поймали, вѣроятно, свои воровскіе люди, казацкія шайки, бродившія вездѣ по Руси» (**).

Эта догадка г. Соловьева принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ: на что воровскимъ людямъ, бродягамъ, казацкимъ шайкамъ, искать Михаила и убить Сусанина? Какую пользу могла принести имъ смерть Михаила? Какъ могли они надѣяться на успѣхъ въ люд-

(*) Т. I, с. 445. (**) Т. I, с. 449.

ных мѣстахъ? Могли они убить всякаго, и убивали съ цѣлю ограбить, наказать, отмстить, въ ссорѣ, даже безъ причины, но такія убійства не имѣютъ никакого отношенія къ Михаилу, ни къ грамотѣ сусанинской.

Г. Костомаровъ, также по странному логическому приему, пускается въ доказательство, что въ грамотѣ (здѣсь онъ опять принимаетъ грамоту) стоятъ польскіе и литовскіе люди, и на двухъ страницахъ распространяется о томъ что польскихъ и литовскихъ людей никакъ нельзя было смѣшать съ русскими воровскими людьми!! «Нарѣчіе и приемы ихъ рѣзко и тогда отличали», восклицаетъ онъ торжественно. «и теперь отличаютъ другъ отъ друга уроженцевъ края, бывшаго подъ Московскою, отъ уроженцевъ края, бывшаго подъ литовскою державою»... (*) «Однимъ словомъ, здѣсь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное» (**).

Что долженъ заключить читатель изъ всѣхъ этихъ разсужденій? Что Сусанинъ, по мнѣнію г. Костомарова, убить не русскими воровскими людьми, а польскими и литовскими.

Доказавъ это, кажется, рѣшительно, вопреки догадкѣ г. Соловьева, хоть и очень скучно и запутанно, г. Костомаровъ,—кто бы могъ подумать,—обращается къ этому странному предположенію и говоритъ:

«Страданіе Сусанина есть происшествіе, само по себѣ очень обыкновенное въ то время. Тогда казаки бродили по деревнямъ. и жгли, и мучили крестьянъ» (***)... «Могло быть, разбойники, напавшіе на Сусанина, были такого же рода воришки, и событіе, столь громко прославленное впоследствии, было однимъ изъ многихъ въ тотъ годъ. Черезъ нѣсколько времени зять Сусанина воспользовался имъ и выпросилъ себѣ обильную грамоту» (****).

(*) Т. I, с. 430. (**) Т. I, с. 451. (***) Т. I, с. 451. (****) Т. I, с. 452.

И такъ, на одной страницѣ оказывается невозможнымъ, чтобъ Сусанинъ былъ убитъ русскими ворами: а на другой—это убійство ими поставляется внѣ всякаго сомнѣнія, и зять Сусанина, убитаго безъ всякаго отношенія къ Михаилу, получаетъ объѣдную грамоту, якобы за претерпѣніе пытки и за кровь пролитую для его спасенія!

«Путь избранный имъ», говоритъ г. Костомаровъ, «видимъ. Онъ обращается къ мягкому сердцу старушки, а она попросила сына. Сынъ, разумѣется, не отказалъ заступничеству матери» (*).

Какъ съ одной стороны какому нибудь крестьянину, жившему въ глуши лѣсной, не могла придти въ голову мысль приписать смерть своего тестя, убитаго къмъ нибудь случайно, какъ бывали убиваемы многіе и пренмногіе въ это смутное время, мукамъ и пыткамъ за отказъ объявить, кому бы то ни было, царское пребываніе, такъ и съ другой стороны невозможно допустить чтобъ такая наглая ложь, основанная на небывальщинѣ, могла увѣнчаться успѣхомъ, проходя чрезъ множество правительственныхъ инстанцій, внимательныхъ, осторожныхъ, щепетильныхъ.

За сямъ г. Костомаровъ пускается въ разсужденіе о томъ, какъ «въ томъ вѣкѣ всѣ, кто только могъ, выискивали случай увернуться отъ тягла» (**). Злоупотребленія умножились и началось уничтоженіе грамотъ «у имѣвшихъ льготныя грамоты».

Читатель ожидаетъ что и сусанинское дѣло подвергнется опасности, что безъ основаній выданная грамота будетъ уничтожена, а плуты наказаны. Ничуть не бывало. Г. Костомаровъ, паче чаянія, говоритъ вотъ что: «по тѣмъ, которые получили ихъ за особыя услуги, предоставлено ими пользоваться до позднихъ временъ.

(*) Тамъ же. (**) Т. I, с. 452.

Тоже было и съ потомками Сусаннина». Слѣдовательно грамота при повѣркѣ оказалась правильною!

Слѣдовательно подвигъ Сусаннина признанъ и по новому изслѣдованію? Чего же болѣе?

Нѣтъ, г. Костомаровъ не трогается собственнымъ заключеніемъ, и поворачиваетъ опять въ сторону, повторяя чуть не въ сотый разъ: «Долгое время *однако* (однако) не придавали важнаго значенія судьбѣ Домнинскаго крестьянина. Лѣтописцы не вносили его подвига въ свои рассказы, цари не придавали никакого значенія, иначе велѣли бы записать о немъ въ лѣтописи; вѣдь они читали лѣтописи!!»

Какъ же согласить отрицаніе подвига съ принятіемъ грамоты, оказавшейся вѣрною и по наряженномъ слѣдствіи.

А вотъ и заключеніе въ продолженіи приведенныхъ словъ. «Не ранѣе какъ въ близкое къ намъ время, уже въ XIX вѣкѣ, сусаннинскій эпизодъ былъ раскрашенъ цвѣтами воображенія и поднятъ на ходули; но это— *лишь* литературный, книжный, а отнюдь не народный» (*).

За симъ слѣдуетъ заключеніе, приведенное нами въ началѣ статьи, и указаніе на подобное, дѣйствительное событіе въ Украинѣ, въ противоположность нашей якобы сказкѣ о Сусанинѣ.

Отвергнувъ общепринятое извѣстіе, засвидѣтельствованное грамотами, г. Костомаровъ принимаетъ безусловно подобное извѣстіе, гдѣ-то, кѣмъ то записанное и говоритъ съ увѣренностію:

«По случайному сближенію, *то, что выдумали* книжники наши въ XIX вѣкѣ, почти въ такомъ видѣ, въ XVII вѣкѣ, *случилось* на противоположномъ концѣ русскаго міра, въ Украинѣ. Когда въ маѣ 1648 года,

(*) Т. I, стр. 453.

тетманъ Богданъ Хмѣльницкій гнался за польскими войсками подъ начальствомъ Потоцкаго и Калиновскаго, одинъ южно-русскій крестьянинъ, Никита Галаганъ, взялся быть вожатымъ польскаго войска, умышленно завелъ его въ болота и лѣсныя трущобы, и далъ возможность казакамъ разбить враговъ своихъ» (*).

«То что выдумали наши книжники въ XIX столѣтїи, то случилось дѣйствительно въ Украинѣ въ XVII!» Ясно что г. Костомаровъ не принимаетъ исторїи о Сусанинѣ, если противопоставляетъ къ выдумѣ другую дѣйствительность.

Послѣ изслѣдованїя помѣщеннаго въ «Вѣстникѣ Европы», г. Костомаровъ, въ примѣчанїи къ сочиненїю своему о смутномъ времени, сказалъ: (***) «въ статьѣ «Иванъ Сусанинъ», напечатанной въ первомъ томѣ «Историческихъ монографїй и изслѣдованїй», показана несостоятельность позднѣйшихъ подробностей объ этой личности, и именно, несообразность съ обстоятельствами извѣстїя о приходѣ польскихъ и литовскихъ людей въ Костромской уѣздѣ, а равно и невозможность, если-бы они въ самомъ дѣлѣ, туда приходили, ограничиться спросомъ и пытками одного только лица. Правдоподобно было бы допустить, что это происшествїе случилось не въ Костромскомъ уѣздѣ, а гдѣ нибудь поближе къ Волоку, гдѣ стояли тогда польскїе и литовскїе люди. Они должны были знать о желанїи русскаго народа избрать Романова, и очень естественно было дать какому нибудь развѣзду, который отправлялся за продовольствїемъ, порученїе развѣдать, гдѣ находится Михаилъ Романовъ. Отправленные въ развѣздъ могли схватить крестьянина изъ вотчины Михаила и допрашивать его, а другихъ русскихъ, которые могли

(*) Т. I, стр. 453. (***) «Вѣст. Евр.» III, стр. 36.

быть при этомъ, не трогать, если они были изъ другихъ мѣстностей, не принадлежали Романовымъ, и, слѣдовательно, не возбуждали подозрѣнія, что они знаютъ о мѣстопробываніи Михаила. Эти послѣдніе и могли принести объ этомъ событіи вѣсть въ Кострому. Зять Сусанина, просившій чрезъ семь лѣтъ себѣ вознагражденія за смерть тестя, могъ не знать въ точности, гдѣ убійство совершилось, а подъячіе, не всегда наблюдая точность выраженій въ грамотахъ, могли поставить извѣстіе о приходѣ польскихъ и литовскихъ людей въ Костромскомъ уѣздѣ въ томъ смыслѣ, что они еще намѣревались идти въ Костромской уѣздъ. Впрочемъ это только предположеніе».

Разумѣется, это предположеніе. Предположенія можетъ дѣлать всякій, какія хочетъ. Объ этомъ можно сказать только, что оно слишкомъ натянуто, произвольно, и не заключаетъ въ себѣ ничего правдоподобнаго. Съ какой стати полякамъ «гдѣ нибудь поближе къ Волоку» спрашивать о мѣстопробываніи Михаила Федоровича, которое предполагалось ими въ Костромской сторонѣ? Если-бъ поляки тамъ и узнали, то онъ десять разъ могъ бы между тѣмъ перемѣнить его до ихъ прибытія. Какимъ образомъ могли они тамъ наткнуться на костромскаго крестьянина, и узнать что онъ изъ деревни Романовыхъ? Какъ онъ попалъ «поближе къ Волоку», и зачѣмъ ему было скрывать мѣстопробываніе, которое могъ впрочемъ показать безопасно, въ какомъ угодно ему мѣстѣ? Множество вопросовъ представляется противъ такого несбыточнаго предположенія!

Изъ этого предположенія все-таки заключить можно, что г. Костомаровъ, вопреки разобранному первому разсужденію своему, принималъ на ту пору допросъ, пытку, молчаніе и смерть Сусанина, а въ этомъ-то весь вопросъ и состоитъ!

За то въ новой статьѣ «О личностяхъ смутнаго времени», которая подала намъ поводъ къ настоящему разбору, г. Костомаровъ принимается снова за Сусанина, и представляетъ противоположное заключеніе.

Въ этой статьѣ онъ разбираетъ любопытныя свѣденія о Сусанинѣ, доставленныя г. Дорогобужиннымъ изъ мѣстныхъ преданій.

Не стану входить въ разсмотрѣніе его сомнѣній.— это нейдетъ къ моей цѣли,—а скажу только что въ этихъ свѣденіяхъ для насъ всего важнѣе существованіе преданія, а изъ какихъ подробностей оно теперь состоитъ, какими цвѣтами воображенія усыпается,—это вопросъ второстепенный. Гораздо важнѣе вопросъ о времени, съ котораго начинается преданіе, и до него г. Костомаровъ не касается. Изъ извѣстій г. Дорогобужинова ясно, что оно ведется изстари, слѣдовательно служить вообще подтвержденіемъ къ извѣстію грамоты.

Г. Костомаровъ заключаетъ это свое разсужденіе слѣдующимъ образомъ: «И такъ послѣ напечатанной во 2 книгѣ «Русскаго Архива» (1871 г.) статьи «Правда о Сусанинѣ», мы знаемъ объ этомъ лицѣ не больше того сколько прежде знали,—а именно, что въ 1619 г. Богданъ Сабининъ получилъ отъ царя Михаила Ѳедоровича обѣльную грамоту за своего тестя Ивана Сусанина, котораго польскіе и литовскіе люди пытали, желая дознаться отъ него, гдѣ находился Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, и, не допытавшись, замучили до смерти».

Замѣтте, не скажу махіавеллизмъ, а іезуитизмъ разсужденій. Грамота была дана, а было-ли событіе, г. Костомаровъ умалчиваетъ. Понимайте какъ хотите. Вы скажете: онъ отрицаетъ событіе; нѣтъ, онъ отвѣтитъ, я этого не говорилъ. Что-же вы говорили? Спасъ-ли Сусанинъ Михаила отъ опасности, скрывъ мѣсто его пребыванія, или нѣтъ? Если вы скажете—спасъ, то и толковать нечего. О подробностяхъ можетъ

судить всякій, какъ ему угодно, а важна только сущность событія.

Нѣтъ, не можетъ онъ этого сказать, потому что вся статья его была направлена къ отрицанію событія, которое онъ опровергалъ, приводя въ доказательство, что оно нигдѣ не записано; не было упоминаемо ни Михаиломъ, ни его матерью, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должно бы быть упомянуто, если-бъ было дѣйствительно; что Михаилъ въ Костромѣ былъ въ совершенной безопасности, и никакіе поляки не могли думать о нападеніи на него въ такомъ крѣпкомъ городѣ, что Глинкѣ нужно было произвести Сусанина въ спасители; что выдуманное у насъ о Сусанинѣ случилось дѣйствительно въ Малороссіи однимъ словомъ, что это мнѣе литературный. Заключаетъ онъ слѣдующими словами, подтверждающими какъ нельзя болѣе смыслъ, нами статьѣ его приданный: «затѣмъ (за выдачею грамоты) всякія подробности, выдуманныя и, какъ оказывается, выдумываемыя, слѣдуетъ выбросить изъ исторіи— подобно тому, какъ и многое придется еще выбросить изъ отечественной исторіи, если дружно приняться чистить Авгіеву конюшню».

Остановимся еще на этихъ словахъ. Какъ бы ни были онѣ парафразируемы, смыслъ останется тотъ, что г. Костомаровъ сравниваетъ отечественную исторію съ Авгіевой конюшней.

Часть ея, то есть эпоху 1612 года, которую мы считаемъ блистательною въ нашей исторіи, очистилъ г. Костомаровъ: личности, самыя для насъ дорогія, Скопина, Пожарскаго, Минина, Сусанина, уже сняты имъ съ ихъ пьедесталовъ. Какую же часть Авгіевой конюшни остается ему очищать дружно съ его товарищами-передовыми дѣятелями?

1812 годъ, гдѣ можно сказать многое и противъ Кутузова, и противъ Барклая, Ермолова, Бенигсена,

Ростопчина? Или севастопольскій періодъ,—ну здѣсь Меньшиковъ, Горчаковъ, Сакенъ, Липранди, самъ Корниловъ и Нахимовъ, представляютъ матеріала спорнаго еще болѣе, чѣмъ Скошинъ и Манинъ!

Несчастное расположеніе! Жалкое направленіе! Близорукая наука! Низкій уровень историческаго образованія, гдѣ подобныя эксцентричности могутъ имѣть мѣсто и даже получать одобреніе!

Нѣтъ, не Авгіеву конюшню представляетъ отечественная исторія, а преданный въ наше время поруганію храмъ, куда забрались кушующіе и продающіе, сквернословящіе и... и дурно дѣйствующіе.

Мы совѣтуемъ г. Костомарову оставить этотъ несчастный, преданный поруганію, храмъ, и не присоединяться къ невѣжественной сволочи, не писать о свѣтлыхъ личностяхъ Русской Исторіи, къ которымъ онъ не чувствуетъ симпатіи, (насильно милъ не будешь!), а изобразить намъ не свѣтлыя личности смутнаго времени, и темныя личности—несмутнаго, а нашего въ литературномъ отношеніи безпутнаго времени. Матеріала для него здѣсь больше, обработка сподручнѣе, а благодарность за вѣрное изображеніе—несомнѣнная.

Юля 16. Октября 28. 1873.

Р. С. Г. Забѣлинъ, одинъ изъ немногихъ дѣльныхъ дѣятелей Русской Исторіи, въ прекрасной статьѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. № 2, 3, 4, разобралъ основательно всѣ навѣты г. Костомарова противъ Пожарскаго и Минина, но увлекаемый предубѣжденіемъ, обвинилъ въ смутномъ времени тогдашнее боярство, (о чемъ я поговорю еще когда нибудь, если успѣю). Г. Костомаровъ вотъ какъ опровергаетъ его мнѣніе.

«Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то: напротивъ, *смуту распространялъ тотъ самый сирота народъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеаль,*

а служилые только отчасти примыкали къ нему» (*). Черный народъ, именно тотъ сирота-народъ, который г. Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смуты, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіею тогдашней смуты. Онъ-то приста-валъ къ Тушинскому вору, онъ наполнялъ его казацкія шайки; именовъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости; этотъ же сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворами той же эпохи».

Ну, что, читатели, хорошо аттестованъ русскій народъ въ славную эпоху 1612 года? Помнить ли авторъ что онъ пишетъ!

Героевъ въ 1612 году не было: Скопинъ человекъ двусмысленный, Пожарскій — дюжинный, Мининъ — взяточникъ, Сусанинъ — мнѣ. Народъ «распространялъ смуту», «былъ главнѣйшею стихіею тогдашней смуты».

Такъ кто же дѣйствовалъ? Кто прогналъ поляковъ? Кто спасъ Москву и отечество?

Негодование переходитъ уже въ смѣхъ, когда видишь, до чего умнаго человека, талантливаго писателя, можетъ довести предвзятая идея!

Къ написанному мною въ четырехъ статьяхъ о времени 1612 года я напомнимъ теперь г. Костомарову одно мѣсто о народѣ въ опроверженіе его отвѣта г. Забѣлину: «Богъ же вложи мысль добрую во *всѣхъ черныхъ людей*, и начаша собиратися по городомъ и по волостемъ: въ Юрьевцѣ въ Повольскомъ собралася съ сотникомъ Федоромъ Краснымъ, на Решѣ съ крестьяниномъ съ Гришкою съ Лапшею, на Балахнѣ съ Ивашкомъ съ Кувшинниковымъ, въ Городкѣ съ Федькою Нагавицынымъ, на Холую Илейка Денгинъ, и совокупилася всѣ въ единомысліе, поидоша въ Лухъ и въ Луху литовскихъ людей побилша», и проч.

(* «Вѣстн. Евр.» 1872. Сент. с. 16.

V

ДВА СЛОВА О СТАТЬЕ «КУЛИКОВСКАЯ БИТВА» ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ КАЛЕНДАРЬ.

(къ Н. И. Костомарову).

Во время оно, *цеспроясь броду*, я сунулся въ воду, и вступилъ съ вами въ споръ въ Петербургскомъ университетѣ о происхожденіи Руси, которую вы хотѣли было приводить изъ Лявы. Я думалъ объ ученоемъ вопросѣ, не принимая въ расчетъ ни *времени*, ни *мѣста*, ни *побочныхъ обстоятельствъ*, но объ этомъ толковать больше уже нечего, тѣмъ болѣе, что я долженъ обороняться отъ другаго ученаго съ артиллеріею вышшаго калибра. Съ вами хочу я поговорить теперь о вашей послѣдней статьѣ, и призвать арбитрами (!), не избранныхъ экспертовъ (!), а всѣхъ читателей.

Куликовская битва есть такое событіе, и Димитрій Донской такое лицо, о которомъ всякому надо говорить, если уже не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ большою осторожностію: вѣдь это сокровище Русской исторіи!

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ,

сказалъ поэтъ. Историкъ не можетъ такъ говорить, но онъ долженъ по крайней мѣрѣ съ поинимъ уваженіемъ относиться къ народнымъ вѣрованіямъ, и безъ сильныхъ причинъ и доказательствъ не колебать оныхъ.

Вы не такъ поступили въ вашей статьѣ: слѣдуя за лѣтописями и преданіями шагъ за шагомъ, передавая часто даже сказочныя подробности, вы или опускаете обстоятельства, которыя служатъ къ характеристикѣ событія, или размѣщаете ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и насилиуете въ худую сторону, а не хорошую. Если правда, что *le ton fait la musique*, то скажу вамъ откровенно, что вашъ тонъ вообще мнѣ не нравится. Представляю доказательства моихъ положеній и вмѣстѣ причину моего неудовольствія.

Димитрій сообщилъ игумену Сергію извѣстіе о грозѣ Мамаевой.

— Постарайся умиловаться его дарами, отвѣчалъ Сергій.

— Я поступилъ такъ, но это не помогаетъ.

Вы останавливаетесь здѣсь и обращаетесь къ эпизоду о Пересвѣтѣ и Ослябѣ, а въ лѣтописи сказано, что Сергій, выслушавъ объясненіе Димитріево, тотчасъ благословилъ его на войну, и даже ободрилъ, сказавъ: «аще убо тако есть, то убо ждетъ его (Мамаея) конечное погубленіе и заустѣніе, тебѣ же отъ Господа Бога, и пречистыя Богородицы, и святыхъ его, помощь, и милость, и слава».

Зачѣмъ же пропустили это заключеніе? Съ этимъ заключеніемъ видъ дѣла измѣняется, и Сергій является совѣтникомъ не на просьбу только, а вмѣстѣ, въ случаѣ нужды, и на войну.

Да и прежде вы сказали:

«Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше золотомъ и серебромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отваживаться на кровопролитіе, за столомъ Сергій сказалъ великому князю: почти дарами», и проч. Нѣтъ, прежде еще трапезы, Сергій не только благословилъ его на войну, но и предрекъ ему побѣду;

«восхотѣ Димитрій паки возвратитись (изъ монастыря), понеже мнози начаша ускоряти вѣстницы, повѣдующе Мамаево нашествие. Преподобныи жъ игумень Сергій умоли его вѣсти у него хлѣбъ въ трапезе, да дастъ ти рече Господъ Богъ и пречистая Богородица помощь, и не у еще сие побѣды вѣнецъ съ вѣчнымъ сномъ носити тебѣ есть; прочимъ же мнземъ безъ числа готовятся вѣнцы съ вѣчною памятью».

Этотъ разговоръ съ пророчествомъ, повторяю, былъ до трапезы.

Такъ точно и отпуская Пересвѣта и Ослябю, св. Сергій сказалъ: «Миръ вамъ, возлюбленные братья Пересвѣтъ и Ослябя, пострадайте какъ доблестные воины Христовы». Да и передъ самымъ сраженіемъ прислалъ еще утѣшительное посланіе, которое одушевило князя и всѣхъ воиновъ, Преподобный Сергій въ Куликовской побѣдѣ, по моему мнѣнію, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Передавая извѣстіе о бесѣдѣ Димитрія съ митрополитомъ Кипріяномъ, явно несправедливое, потому что Кипріянь по другимъ извѣстіямъ пріѣхалъ позднѣе назначаемаго для бесѣды времени, вы говорите: «если это извѣстіе совершенно выдуманное, и тогда оно имѣетъ важное значеніе, какъ образчикъ духовной мудрости вѣка, какъ взглядъ, который дѣйствительно имѣли и могли имѣть тогда православные духовные, когда они заботились о вѣрѣ и объ исполненіи ея уставовъ болѣе, чѣмъ о земномъ отечествѣ, входившемъ въ кругъ мірскихъ дѣлъ» (с. 12).

Послушайте—что вы говорите? Вы позабываете Васіана, который гналъ Іоанна III почти съ бранью на борьбу съ Ахматомъ, вы позабываете Гермогена, Іоасафа, Діонисія, Аврамія Палицына, которые стремились защищать отечество, не уступая никакимъ мірянамъ

полководцамъ. Примѣровъ можно набрать множество. Таковъ былъ и святой Сергій. Вотъ чѣмъ отличается древнее Русское духовенство, и что историкъ долженъ имѣть въ виду.

Самъ Кипріянь въ этомъ, не вполне достовѣрномъ извѣстїи, заключилъ послѣ первыхъ совѣтовъ: «аще ли не смирится (Мамай), то Господь гордымъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ» (с. 11). И въ другой разъ: «ты же именемъ Господнимъ противися имъ, и Господь правдивъ будетъ ти помощникъ; еще ли ни, то отъ всевидящаго ока его гдѣ можеша укрытиса и отъ крѣпкія руки его?» (с. 13).

Послѣ св. Сергія и митрополита Кипріяна, вы представляете Богъ знаетъ въ какомъ свѣтѣ нашего любезнаго Дмитрія.

«Димитрій (по полученіи извѣстїа о грозѣ Мамаевъ) оскорбѣлъ и опечалился зѣло—говоритъ лѣтопись—и началъ прежде всего молиться». (с. 11).

Молиться всегда хорошо и всегда приноситъ пользу. Безъ молитвы въ древней Руси точно ничего не начиналось, а если начинается теперь, такъ вѣдь это очень не хорошо, и всякому порядочному человѣку слѣдуетъ объ этомъ и скорбѣть и печалиться зѣло.

«Димитрій», утверждаете вы, «какъ показываютъ всѣ дѣла его, не отличался пылкой отвагой».

Нѣтъ, всѣ дѣла его показываютъ, что онъ отличался и мужествомъ, и храбростію, и неустрашимостію. Въ Куликовской битвѣ онъ непремѣнно хотѣлъ биться, не смотря ни на какія возраженія, и бился до изнеможенія: какъ же вы назовете это не пылкой отвагою, а трусостію? Такъ и прежде, Димитрій давно уже рѣшался на войну съ Ордою, и предпринималъ нѣсколько походовъ на Татаръ:

Въ 1376 онъ ходилъ на Казань.

Въ 1377 посылалъ войско въ помощь къ своему тестю въ Нижній.

Въ 1378 году вышелъ на встрѣчу противъ посланнаго Мамаемъ на него войска, и въ Рязанской землѣ, на берегахъ Вожи, разбилъ совершенно Татаръ.

Неужели всѣ эти событія доказываютъ отсутствіе пылкой отваги?

Послѣ такихъ событій не могъ Дмитрій надѣяться, чтобъ Мамай не оставилъ его безъ наказаній и отмщенія, и потому вѣрно не ограничился одною молитвою, а началъ приготовленія, которыя и увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Вспомните его слова, мѣры, грамоты и другія обстоятельства, приведенныя вами, въ противорѣчіе съ самими собою.

«Лѣпо намъ братія, *положить* *головы* за правовѣрную вѣру христіанскою, чтобъ не взяли поганые городовъ нашихъ, чтобъ не запусѣли церкви наши, да не будемъ разсѣяны по лицу земли, а жоны наши и дѣти не отведутся въ плѣнъ на томленіе отъ поганыхъ» (с. 15).

По полученіи извѣстія о приближеніи Мамаея къ Дону, былъ военный совѣтъ. Олгердовичи сказали: «Если хочешь крѣпкаго бою, вели сегодня же перевозиться, чтобъ ни у кого мысли не было назадъ ворочаться; пусть всякій безъ хитрости бьется, пусть не думаетъ о спасеніи, а съ часу на часъ себѣ смерти ждетъ»... Дмитрій принялъ этотъ отважный совѣтъ и согласился съ ними. Прочитавъ грамоту Сергія, полученную предъ началомъ сраженія, онъ воскликнулъ съ псалмопѣвцемъ: «си на колесницѣхъ и на конехъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ!»

«Находились многіе, продолжаетъ г. Костомаровъ, у которыхъ осторожность брала верхъ надъ отвагою; они все еще настаивали, чтобъ оставаться. Димитрій сказалъ имъ: честная смерть лучше злаго живота. Ужь лучше было вовсе не идти противъ безбожныхъ Татаръ, чѣмъ пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, назадъ возвращаться. И присталъ великій князь къ совету Олгердовичей, и рѣшились переправляться на Донъ, отважиться на крѣпкій бой, на смертный бой, побѣдить враговъ, или безъ поворота всѣмъ пропасть. Въ первый разъ со времени Батыева ига, Русь, собранная въ лицѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству», (с. 17).

Предъ битвою Димитрій сказалъ: «Отцы и братья! ради Господа, подвизайтесь за вѣру христіанскую и за святыя церкви. Смерть тогда — не въ смерть, а въ животъ вѣчный».

Въ сраженіи Димитрій бился какъ простой воинъ.

Приведемъ всѣ свидѣтельства:

Никон. летопись:... «Прежде всѣхъ сталъ на бой на первомъ ступѣ, и въ лице съ Татары много бился. И много ему глаголаше князи и воеводы его: господине княже, не ставись напередѣ битись, но ставись назадн, или на крылѣ, или гдѣ индѣ на опришеномъ мѣстѣ. Онъ же отвѣщеваше имъ, глаголя: да како азъ возглаголю кому что: подвизаемса, братія, крѣпко на враги, а самъ стоя назадн и лице свое крыя. Не могу азъ сіе сотворити, еже танти и скривати себя, но *хощу* якоже словомъ, тако и дѣломъ *прежде всплхъ самъ начати, и прежде всплхъ главу свою положити* за имя Христова и пречистыя Его Матери, и за вѣру Христіанскую, и за все православное Христіанство, да и прочи, видѣвшѣ мое дерзновение, и ти такожъ да сотворятъ со многимъ усердіемъ».

«Да якоже рече, тако и сотвори, прежде всѣхъ нача битись съ Татари, да одесную его и ошую его вступиша Татарове аки вода, и много по главѣ его и по плещима его, и по утробѣ его бьуще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостию своею и молитвами причистия Его Матери, и великаго чюдотворца Петра, и всѣхъ святыхъ молитвами соблюде его отъ смерти; утруденъ же бысть и утомленъ отъ великаго буяннiя Татарскаго толико яко близъ смерти» (с. 119).

И вотъ какъ Димитрій исполнилъ свои слова по показанiю очевидцевъ, засвидѣтельствованныхъ:

Въ Синод. лѣтописи. «Рекоша князи Литовскiя (по окончанiи сраженiя): мнимъ, яко живъ есть, но уязвленъ. Иной рече: азъ пятого часу видѣхъ его крѣпко бьущеса съ четырма Татарины. Юрьевской же уноша, Степанъ Новосильской: азъ видѣхъ его *предъ самымъ твоимъ* (князя Володимира Андреевича) *приходомъ* пѣша идуща съ побояща, но уязвлена; того бо дѣля не дахъ ему коня, зане гонимъ бѣхъ трема Татарины... Кар. V, пр. 80.

Въ Ростовской лѣтописи: «Нѣкто отъ благородныхъ воинъ... наидоша великаго князя въ дубровѣ велми язвена лежаща. Доспѣхъ его весь баше избить, но на тѣлѣ его не бысть язвы» (ib. 7).

Замѣтимъ, что Карамзинъ отдастъ преимущество, касательно вѣрности показанiй, Ростовской и Синодальной лѣтописямъ, какъ современнымъ.

Какихъ же вамъ доказательствъ больше объ его мужествѣ и неустрашимости?

И братъ Димитрiевъ, Владимиръ Андреевичъ Храбрый привѣтствовалъ его послѣ сраженiя вотъ какъ: «древнiй еси Ярославъ, новый еси Александръ» (117).

Во всѣхъ прочихъ памятникахъ распространяются и украшаются эти извѣстія, напримѣръ:

Собійская летопись: «Самому же В. К. Д. И. бѣше видѣти доидѣхъ весь битъ на немъ и язвѣнъ, но на тѣлеси его не бысть раны ни коея же, а бился съ Татары въ лице, ставъ напереди, на первомъ суймѣ. О семь убо мнози князи и воеводы глаголаху ему: «княже господине! Не ставися напереди битися, но назади, или на крилѣ, или индѣ въ опришнемъ мѣстѣ.» Онъ же отвѣща имъ: «да како азъ възглаголю: братіе моя, потягнемъ вкупѣ съ одного, а самъ лице свое почну крыти, или хоронитися назаду? Но якоже хощу словомъ, тако и дѣломъ, напередъ всѣхъ и передъ всѣми главу свою положити за свою братію и за вся Христіаны, да прочіи то видѣвше примуть съ усердіемъ дерзновеніе». Да яко же рече, тако и сътвори: бѣше бо ся съ Татары тогда ставъ напередъ всѣхъ, а елико одесную его и ошуюю его множество вой егобитыхъ, самого же въкругъ оступиша, акы вода многа оба полы, и много ударенія по главѣ его ударишася и по плещема его, но отъ всѣхъ сихъ Богъ заступилъ его въ день брани, и щитомъ истины и оружіемъ благоволенія оцѣнилъ есть надъ главою его, и десницею своею защитилъ есть его, тако промежы многими ратными цѣль съхраненъ бысть» (с. 96).

Никон. летопись: «И начаша ему (князю В. А.) глаголати нѣщын: «Мы видихомъ его язвена зѣло, еда въ трупѣ мертвыхъ будетъ; инъ же рече: азъ видѣхъ его крѣпко бьюшася и бѣжаша, и паки видѣхъ его съ четырьмя Татарины бьюшася, и бѣжаша отъ нихъ, и не вѣмъ, что сотворися ему. Глагола князь Стеванъ Новосильскій: азъ видѣхъ его пѣша съ побойша еда идуща, язвѣнъ бо бысть вельми зѣло, и не могъ помощи ему, понеже самъ гонимъ бѣхъ тремъ Татарины».

Сказаніе: «Рекоша литовскія князи: Мы чаемъ, яко живъ есть, но уязвленъ велми, егда въ трупѣ будетъ; а иной рече: азъ видѣхъ его въ пятый часъ бьющеся крѣпко; а иной рече: азъ видѣхъ его еще поздѣе того бьющеся, но четыре Татарины належатъ ему. Нѣкто же Юрьевской юноша князь Стефанъ Новосельской ту стол, рече: Азъ видѣхъ его предъ самымъ твоимъ прїѣздомъ, пѣша по побойшу идуща, и уязвлена велми, и еще ему стужаютъ 4 Татарины, азъ же бился съ Татариномъ, и помощію Божіею борзъ побѣдихъ его и погнался за тѣми, иже стужаютъ великому князю, не мощно бо бѣ борзо гонитися, не може конь итти въ трупу чловѣчю борзо. Но угонивъ Татарины, убилъ; три же ихъ на мя нападоша, много ми стужаху, и по милости Божіи, два отъ нихъ убихъ, третей же побѣжа. Азъ же гнахся и за тѣмъ, узрѣвъ же иные Татарове, наѣхаша на мя, и многими стужаши и раны многи нанесоша ми; крѣпко отъ нихъ пострадахъ, едва избыхъ отъ нихъ, и въ трупу пребыхъ, дойдеже ты приспѣ» (с. 62).

Синописъ: «Литовскіе князя Олгердовичи: мы чаемъ, яко живъ есть, но уязвленъ вельми, еда межи мертвыми трупы обрящется. Иный же нѣкто рече: азъ пятого часа видѣвъ его крѣпко біюшагося съ Татарами палицею своею. Иный рече: азъ видѣхъ его поздѣе того біюющагося съ четырма Печенѣги, иже належаху на него зѣло. Потомъ юноша князь Юрьевскій Стефанъ Новосильскій рече: азъ видѣвъ его предъ самымъ твоимъ, княже, приходомъ, пѣша идуща съ побойша вельми уязвленнаго: но помощи ему не возмогахъ, яко и самъ гонимъ бѣхъ трема Татарины, и едва отъ нихъ спасохся» (с. 122).

А г. Костомаровъ вотъ какъ описываетъ участіе Дмитрія въ Куликовской битвѣ:

«Великаго князя между простыми воинами сбали съ коня; онъ сѣлъ на другаго коня; но бросились на него четыре Татарина, сбали съ коня, погнались за нимъ. Князь Новосильскій оборонялъ его, Дмитрій почувствовалъ на своихъ доспѣхахъ нѣсколько ударовъ, побѣжалъ въ лѣсъ, запрятался подъ срубленное дерево, и тамъ улегся чуть не безъ чувствъ» (с. 21).

Побѣжалъ, запрятался, улегся.— Послушайте, вѣдь это ни начто не похоже! О комъ вы говорите такъ? На какомъ основаніи?

Г. Костомаровъ переводить этими словами слѣдующія слова изъ *Никоновской лѣтописи*:

«И уже много отъ сановныхъ великихъ князей и бояръ и воеводъ аки дресеса кланяхуся на землю, и уже и у самого великаго князя Дмитрея Ивановича съ коня збиша. Онъ же взыде паки на другій конь, Татарове же паки и съ того коня збиша его и узвиша зѣло. Онъ же притруденъ велми изыде съ побоища едва въ дубраву (въ сказаніи: уклонися съ коня и соидя съ побоища едва мѣгій). (с. 57), и вниде подъ новосѣчено древо многовѣтвено и ливственно, и ту скривъ себя лежаще на землѣ» (Ник. с. 114).

Гдѣ же даже тутъ побѣжалъ, запрятался, улегся? Если «улегся,» то значить былъ въ памяти, и съ такимъ случаѣмъ «чуть не безъ чувствъ» можетъ относиться только къ нравственному состоянію!! Можно ли, позволительно ли переводить такъ, какъ г. Костомаровъ, особенно когда въ той же лѣтописи были сказаны о дѣйствіяхъ Дмитрія, слова, приведенныя самимъ г. Костомаровымъ (см. выше).

Представивъ въ такомъ видѣ храбрость Дмитрія, г. Костомаровъ изображаетъ намъ его и съ нравственной стороны не въ лучшемъ, не въ привлекательнѣйшемъ видѣ:

«Кажется, что Димитрій нарядилъ своего боярина Великимъ Княземъ съ тою именно цѣлю, чтобы сохранить себя отъ гибели и еще болѣе отъ плѣна, потому что враги Татары, узнавши Великаго Князя по знамени и по приволокѣ, употребляли бы всѣ усилія, чтобы схватить его. Инаго побужденія быть не могло.»

Согласно съ этимъ разсужденіемъ, г. Костомаровъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ при обзорѣни поля сраженія (с. 23), что «стало жалко Великому Князю своего боярина, котораго, какъ увѣряютъ современники, онъ любилъ, а между тѣмъ не пожалѣлъ отдать на опасность за себя самого»

Обвинить или подозрѣвать такъ дерзко одно изъ самыхъ дорогихъ лицъ, и съ такимъ малымъ правомъ, неприлично степенному изслѣдователю. Пусть разсудятъ безпристрастно: гдѣ и кому больше опасности, въ первомъ ряду бьющемуся воину, или военачальнику, стоящему вдали, подобно Мамаю, хоть и въ княжескомъ одѣянніи? Слѣдовательно, для какой бы причины ни поступилъ такъ Димитрій, но это не была трусость, еще менѣе это не было обреченіе на гибель любимаго человѣка. Каковъ бы онъ былъ, еслибъ это было такъ? Вы говорите: «другой причины быть не могло.» Нѣтъ, могло: можетъ быть нужно было всему Русскому войску видѣть князя, присутствующаго, а Димитрій хотѣлъ биться: биться же онъ не могъ въ великокняжескомъ одѣянніи, не подвергая себя даромъ лишней опасности! Бренку случилось быть убиту, а Мамай, въ его обстоятельствахъ, успѣлъ спастись, убѣжать. Такъ и Димитрій бился въ первыхъ рядахъ, не получилъ даже раны, хотя dospѣхъ его и былъ избить.

Это счастье возбуждаетъ кажется подозрѣніе въ г. Костомаровѣ, передаваемое и читателю малосвѣдущему его разсказомъ, что Димитрій почти и не принималъ участія въ сраженіи, что онъ, обрѣкши на гибель

Бренка, и надѣвъ на него великокняжескую одежду, убѣжалъ съ поля сраженія, при самомъ началѣ, почувствовалъ только нѣсколько ударовъ, спрятался, улегся и притворился... Когда ему сказали уже о побѣдѣ, и «онъ понялъ въ чемъ дѣло,» то есть что нечего бояться, то онъ очутился и проч. Неужели такое впечатлѣніе хотѣлъ произвести авторъ?

Нѣтъ, положительныя свидѣтельства говорятъ другое: очевидцы видѣли Дмитрія, и въ началѣ сраженія, и въ срединѣ, и въ концѣ, предъ самымъ прибытіемъ князя Владимира Андреевича. Если на него, уходящаго отъ истощенія силъ съ поля сраженія, напали четверо Татаръ, то очень естественно было и спастись отъ нихъ.

Такъ и князь Новосильской въ это же время бѣжалъ отъ трехъ Татаръ, какъ самъ о томъ рассказываетъ.

А что Дмитрій не былъ раненъ, хотя dospѣхъ его былъ избить, то это не должно еще возбуждать подозрѣнія при многихъ другихъ положительныхъ свидѣтельствахъ.

Я знаю офицера, который восемь мѣсяцевъ стоялъ на переднемъ бастионѣ въ Севастополѣ, и не получилъ ни одной раны, а прислуга перемѣнилась три раза.

Тонъ, повторяю, дѣлаетъ музыку.

При такомъ тонѣ нельзя давать и прочимъ словамъ г. Костомарова другаго смысла, кромѣ проническаго. Мы привели выше отзывъ о молитвѣ Дмитріевой, — вотъ еще примѣры:

«Въ ожиданіи вѣстей отъ своихъ гонцовъ, Дмитрій, согласно обычаю, творилъ милостыни по монастырямъ и раздавалъ нищимъ, надѣлялъ прохожихъ-странныхъ, которые въ тѣ времена сновались изъ страны въ страну полъ предлогомъ благочестія. *Богомольное настроеніе не мѣшало одлако князю и пировать.* Когда сходились

князя и бояре и дружины, первое дѣло—нужно было угощать прѣзжихъ, а потомъ прѣзжіе дѣлали отъ себя пиры; такимъ образомъ, пиры и попойки шли безпрестанно» (с. 13).

«Прежде Мамай далъ тому же Тверскому князю ярлыкъ; Димитрій *тотчасъ побѣжалъ* въ Орду, просилъ, кланялся и склонилъ Татарскую власть въ свою пользу поклонами и подарками; а теперь, по такому же точно поводу, Димитрій не кланялся, не благодарилъ, а расправился самъ и отстаивалъ свои права собственными силами» (с. 8).

«Побѣжалъ въ Орду!»

Ну не страшно-ли слышать безпрестанно такіа выраженія бранныя или поносныя о Димитріѣ? За что вы сердитесь на него такъ, почтенный Николай Ивановичъ. За то, что онъ возвысилъ Москву? За это мы благословляемъ его память, и вамъ совѣтуемъ дѣлать тоже.

Г. Костомаровъ не любитъ Москвы. Мы допускаемъ эту антипатію. Другіе имѣютъ антипатію къ Петербургу, и проч. Не мѣсто толковать объ этихъ антипатіяхъ и ихъ источникахъ или основаніяхъ, но мы замѣтимъ только, что антипатіи не должны мѣшать справедливости, особенно въ вопросѣ не-сложномъ, какъ Петербургскій, гдѣ замѣшалась національность, и естественъ, благовиденъ раздоръ, а въ вопросѣ простомъ и ясномъ о Москвѣ. Москва есть собирательница, спасительница Русской земли, основательница государства въ настоящемъ смыслѣ слова. Здѣсь мѣста нѣтъ сомнѣніямъ! Москва—это Россія. Въ этомъ трудѣ спасенія, избавленія, основанія, Москва должна была прибѣгать иногда къ несправедливостямъ, поступать жестоко, все это правда, мы можемъ сожалѣть о нѣкоторыхъ жертвахъ и обстоятельствахъ, и вмѣстѣ благословлять счастливое окончаніе. Злоупотребленія и

насилія, въ порядкѣ человѣческихъ вещей, были вездѣ. Мономахъ или Мстиславъ изъ Кіева, Андрей и Всеволодъ изъ Владимира, были также тяжелы для прочихъ князей, Полоцкихъ, Рязанскихъ, какъ и Москва для своихъ сосѣдей. Какое государство Европейское, не только Азіатское, основано иначе, гуманнѣе, говоря по модѣ!

Любопытны, чтобъ не сказать болѣе, и оправданія Олега, взявшаго Татарскую сторону противъ Димитрія:

«Расчетъ у Олега былъ таковъ; съ помощію Мамаю и Ягейла ниспровергнуть Московское государство, пресѣчь ходъ Московскому самовластію, Москву отдать Литвѣ, а Рязанская земля увеличится частію тѣхъ владѣній, которыя прежде у другихъ захвачены Москвою. Олегъ думалъ съ Мамаемъ раздѣлаться сначала дружески за помощь, оказанную ему противъ Москвы. Онъ надѣялся, что Мамай дастъ ярлыки свои Ягейлу и ему; тогда, съ сильнымъ союзникомъ Ягейломъ, владѣвшимъ уже независимыми отъ Орды землями, можно было имѣть болѣе безопасности отъ самой Орды. Литва успѣла уже высвободить изъ Татарской неволи часть Русскихъ земель; Москвѣ это еще не удалось. Москва, напротивъ, давила другія земли и получила надъ ними господство съ помощію Орды. Такимъ образомъ, даже съ желаніемъ освободить отечество и всю Русь отъ Татарскаго ига, Олегу былъ расчетъ пристать къ Мамаю. Рано или поздно, Орда, начавшая уже разлагаться, не могла устоять, и было гораздо болѣе ручательства скорѣйшему ея паденію тогда, когда на Руси возьметъ верхъ *предпріимчивая рыцарская Литва*, а не мѣдлительная Москва. Въ настоящее же время во всякомъ случаѣ не казалось вѣроятнымъ, чтобы въ войнѣ успѣхъ былъ на сторонѣ Москвы. Если бы Ягейло сталъ дѣйствовать или за одно, или въ одно время съ Мамаемъ,

а къ Москвѣ пристала Рязань, то Рязанская земля, еще не оправившись отъ разореній, погнѣла бы въ конецъ. Такимъ образомъ, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, естественно было Олегу, дѣйствуя вмѣстѣ съ Мамаемъ, искать сколько возможно болѣе враждебныхъ Москвѣ силъ, чтобъ ниспровергнуть это могущество, начинавшее уже тяготѣть надъ Русью, подобно Татарскому» (с. 11).

Съ Татарскимъ могуществомъ не можетъ быть ни въ какомъ смыслѣ сравниваемо Московское, равно какъ и Кіевское, Владимирское.

Естественно ли было Олегу надѣяться болѣе на сосѣдную Литву, чѣмъ на Москву, даже по низверженіи ею Татаръ, при всей ея предприимчивости и рыцарствѣ, послѣ дѣйствія Гедимина и Олгерда? Разсчитъ очень плохой, скажемъ мы вопреки г. Костомарову. Развѣ разореніе Рязани послѣ Вожи, гдѣ Олегъ не участвовалъ, не научило его понимать яснѣе Орду и не надѣяться также на ея справедливость?

Другимъ Русскимъ князьямъ было еще опаснѣе помогать Димитрію, и положеніе ихъ было затруднительнѣе, однако они рѣшились, и самъ г. Костомаровъ говорить: «въ Москву приходили ополченія за ополченіями уже не только по призыву, но и добровольно, услыхавъ, что идетъ туча на Русь». Или выше: теперь же подходила пора стоять за всю Русь.»

Если Москва могла состязаться съ Ордою, то въ соединеніи съ сильною Рязанскою страной колыми паче успѣхъ былъ благонадежнѣе, и Олегъ могъ выговорить себѣ выгодныя условія, какъ и поступилъ послѣ. Олега можно, по слабости или по малодушію, себялюбію, извинить, но не оправдывать. Нельзя никакъ оправдывать подобнаго письма къ Ягайлу: «Ты давно

хотѣлъ прогнать Московскаго князя и овладѣть Москвою; теперь пришло время; Мамай идетъ на него, соединимся съ нимъ; посылай своихъ пословъ къ нему съ дарами. Самъ лучше меня знаешь, какъ поступить.»

Согласимся лучше съ словами древняго Сказанія, с. 13: *Бысть же у Олыа князя Рязачскаго скудость ума во главь, и сатана ухищреніе вложи въ сердце его.*

У г. Костомарова есть благопріятныя выраженія для всѣхъ, кромѣ только Москвы. Вотъ какъ онъ отзывается о Литвѣ;

«Димитрій сталъ покровителемъ и сторонникомъ князей противныхъ Ягайлу. Братъ Ягейла, Андрей, Полоцкій князь, нашель пріютъ въ Москвѣ. вмѣстѣ съ Московскими войсками онъ ходилъ на Трубчевскъ; тамъ и другой братъ Ягейла, Димитрій Олгердовичъ, призналъ надъ собою главенство Московскаго князя. Такъ Московскій великій князь распространялъ Московское государство, и уже *посягалъ* на то, что успѣло прежде захватить себѣ государство Литовское» (с. 11).

Посягалъ! Посягаютъ на чужое, а отнять свое Русское, что *захвачено*, по собственному выраженію, хоть бы и государствомъ Литовскимъ, на это есть право. Не посягаемъ ли мы теперь, въ смыслѣ г. Костомарова, и на Западную Русь, на Малороссію!

Русскіе князья приняли сторону Димитрія противъ Твери. Г. Костомаровъ объясняетъ по своему; «ясно, что Московская политика умѣла представить князьямъ и вообще Русской землѣ предосудительнымъ въ другихъ то, что оправдывала за собой» (с. 8).

А почему же не предположить, что видно были обстоятельства, по коимъ князья предпочитали Москву, и соглашались на ту пору болѣе съ нею, чѣмъ съ Тверью?

Но довольно порицаній и осужденій. Похвалимъ изображение Орды предъ ея разложеніемъ, похвалимъ описаніе начальной борьбы между Литвою и Москвою, удачное употребленіе Сказанія о канунѣ Куликовской битвы, о томъ, какъ найденъ былъ подъ деревомъ Дмитрій, и отдадимъ полную справедливость заключенію статьи, которому указанныя нами выраженія и обороты представляются яркими и непопнтными протворѣчіями.

16 Января 1864 г.

Р. С. Замѣтимъ мимоходомъ: г. Костомаровъ затрудняется опредѣлить мѣсто селенія Котель, на которое шелъ Дмитрій изъ Москвы. — До сихъ поръ извѣстны по Серпуховской дорогѣ Котлы большіе и малые, верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ Москвы. Напомнимъ еще, что на Котлахъ развѣянъ былъ осужденный трупъ Дмитрія Самозванца.

СВИДѢТЕЛЬСТВО АРХІЕПИСКОПА ВАССИАНА О ДИМИТРИИ.

Послѣ полемики мнѣ встрѣтилось сильнѣйшее свидѣтельство о храбрости и мужествѣ Дмитрія Донскаго. Оно принадлежитъ знаменитому Ростовскому Архіепископу Вассіану, близкому къ современникамъ Куликовской битвы. Ханъ Ахматъ грозилъ уничтожить Москву. Іоаннъ III вышелъ къ нему на встрѣчу. Войска сошлись на берегахъ Угры. Около Московскаго князя явились совѣтники, которые совѣтовали бѣжать. Слухъ дошелъ до Москвы. Вассіанъ написалъ грозное посланіе къ Іоанну, — славнѣйшій памятникъ Русской Исторіи:

Благовѣрному и христілюбивому... наипаче въ царѣхъ пресвѣтлѣйшему Г. В. К. Ивану Вассіанъ... богомолецъ твой... челомъ бью.... Приде же убо въ слухи наша, яко прежніи твоя развратници непрестають шепчуще въ ухо твое льстивая словеса и совѣщаютъ ти непротивитися супостатамъ.... яко бѣгуномъ скитатися по инымъ странамъ.—... Непослушай убо, государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе преложити, и бѣгуну явитися, и предателю Хрестьянскому именоватися; но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженеть тысящу, а два двигнута тму. Достойный хваламъ великій князь Димитрій, праждѣ твой, каково мужество и храбрость показа за Дономъ надъ тѣмиже сыроядци окаянными, еже самому ему напредѣ битися, не пощадя живота своего, избавленія ради хрестьянскаго. И видѣвъ мудрый, челолюбивый Богъ непреложную его мысль, како хоцетъ не токмо до крове, но и до смерти страдати за вѣру и за святаа церкви, и за врученное ему отъ Бога словесное стадо Христовыхъ овецъ, яко истинный пастырь, подобяся преждебывшимъ мученикомъ.—... Тако и сей боголюбивый и крѣпкій смерть яко приобрѣтеніе вмѣняше, не усомнѣся и не убоясь Татарскаго множества, не обратился вспять.... вскочи въ подвигъ и напередъ выѣха и въ лице вставъ противу окаянному разумному волку Мамаю... тѣмъ же и всемілостивый Богъ дерзости ради его не покосно... Такъ же убо и нынѣ аще поревнуеши своему прородителю, великому Князю и достойному хваламъ Дмитрею, и тако же потщнися избавити стадо Христова отъ мысленаго волка, и Господь Богъ видѣвъ твое дръзновеніе тако же поможетъ ти и покорити враги твоя и пр.»

Іоаннъ не послушался и возвратился въ Москву.

«И яко бысть на посадѣ у града Москвы, ту же гражане ношахуся въ градъ въ осаду, узрѣша Князя великаго и стужиша, начаша Князю великому обестуживая глаголами и извѣты класти, ркуше: егда ты Государь князь велики надъ нами княжишь въ кротости и въ тихости, тогда насъ много въ безлѣпницѣ продаешь; а нынѣча разгнѣвивъ Царя самъ, выхода ему не плативъ, насъ выдаешь Царю и Татаромъ. Приѣха же князь велики во градъ Москву и срѣте его Митрополитъ, а съ нимъ Владыка Вассіанъ Ростовскій. Нача же Владыка Вассіанъ злѣ глаголати Князю великому, бѣгуномъ его называа; сице глаголаше: вся кровь на тебѣ падеть Христьянскаа, что ты выдавъ ихъ бѣжишь прочь, а бою не поставя съ Татары и не бився съ ними; а чему боишися смерти, не безсмертенъ еси человекъ, смертенъ? а безъ року смерти нѣту ни человеку, ни птицѣ, ни звѣрю; а дай сѣмо вои въ руку мою, коли азъ стары утулю лице противъ Татаръ, и много сице глаголаше ему.»

Вотъ каковъ былъ Вассіанъ! Такому свидѣтелю, отличающему въ глаза сильнаго государя, повѣрить можно, и всѣ слова его принимать за несомнѣнныя: какъ бы онъ могъ ставить Іоанну въ примѣръ Димитрія, еслибъ тотъ былъ ему подобенъ въ трусости, еслибъ неизвѣстны были во всемъ народѣ храбрость и мужество Димитрія.

Припомнимъ, что Вассіанъ могъ застать современниковъ Димитрія, и слышать отъ нихъ вѣрное описаніе Куликовской битвы.

VI

Н. И. КОСТОМАРОВУ.

(По поводу его ответа на мою статью, напечатанную
въ 4 № *Дня* о Куликовской, битвѣ).

Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ; стараго воровья на мякинѣ не проведешь. Позвольте мнѣ говорить теперь съ вами безъ обиняковъ, и вывести на чистую воду всякое ваше прикровенное слово.

Вы пишете ко мнѣ: «увѣрю васъ, что я люблю вашу Москву, и признаю за нею званіе собирательницы земель Русскихъ и основательницы государства. Я не могу не признать этого, потому что это — совершившійся фактъ».

Вы признаете это! Я вѣрю вамъ, что признаете. Да нравится ли вамъ это? Съ удовольствіемъ ли, съ радостію ли вы это признаете? Вотъ въ чемъ дѣло! И я вамъ скажу откровенно, что вамъ это не нравится, что для васъ желательнѣе было бы вмѣсто Москвы видѣть X, или Y, или Z. Потому-то говорите вы даже мнѣ: «вашу Москву», и не называете ее своею, нашею!

«Но если что мнѣ дѣйствительно антипатично, про-
должаете вы, «такъ это — тотъ патріотизмъ, который
можетъ, не краснѣя, говорить о себѣ:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ».

Да развѣ эти стихи произнесъ патріотизмъ? Эти стихи были выраженіемъ общаго человѣческаго чувства. Я вижу, что вы не знаете этихъ стиховъ, ни ихъ цѣли, ни содержанія...

Да, слава въ прихотяхъ вольна:
Какъ огненный языкъ она,
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сего-дня исчезаетъ
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.

Не патріотизмъ, а общее человѣческое чувство, повторяю, выразилось этими стихами: Пушкинъ сказалъ ихъ въ отношеніи къ преданію о посѣщеніи Наполеономъ чумныхъ ранешыхъ въ Яффѣ, преданію, которое «историкъ строгій» Бурьенъ въ его время опровергалъ.

«Пошлые стишонки», какъ вы ихъ честите, принадлежатъ Пушкину. Пожалѣешь вновь и вновь, что его нѣтъ на свѣтѣ: О, какую смертоносную эпиграмою хватилъ бы онъ въ високъ инаго оратора за подобныя общія мѣста о грошевомъ безпристрастіи, алтынной честности и пятикопеечномъ благородствѣ, о которыхъ насвистано намъ столько въ послѣднее время!

Вы говорите, что у васъ нѣтъ «такихъ дорогихъ сердцу лицъ, съ которыми должны вы обращаться съ большею осторожностью, чѣмъ съ другими. Я думаю,» заключаете вы, «что вовсе не обязанъ въ сужденіяхъ о Дмитріѣ Донскомъ наблюдать болѣе осторожности, чѣмъ въ сужденіяхъ о Ягайлѣ или Мамаѣ».

Жалѣю я объ васъ, почтенный Николай Ивановичъ, и скорблю о такомъ настроеніи души. Съ такимъ настроеніемъ совѣтую вамъ писать только объ Ягайлѣ и Мамаѣ, пожалуй о Виговскомъ и Мазепѣ, но оставить

въ покоѣ нашего Дмитрія Донскаго, Александра Невскаго, Минина, Сусанина и прочія любезныя Русскія имена. Въ исцѣленіе отъ подобныхъ правилъ молодымъ людямъ совѣтую читать и перечитывать Карамзина, который долго еще долженъ остаться нашимъ учителемъ, какъ и идеаломъ Русскаго гражданина: во всякой его строкѣ, не только страницѣ, найдется больше истиннаго понятія о чистотѣ и благородствѣ, чѣмъ во всемъ бумагомараніи послѣдней анархіи. Вотъ чему училъ насъ Карамзинъ, и что я отъ души исповѣдую:

« Въ Эукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими и вѣримъ имъ; чувство: *мы, наше*, оживляетъ повѣствованіе — и какъ *грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабого или души слабой, несносно въ историкъ*: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души ».

Не только историкъ, но всякій честный челоѣкъ долженъ гнушаться противоположными понятіями.

Эти слова должно произносить и повторять передъ молодымъ поколѣніемъ, которое заразилось не Русскою болѣзнію, благодаря...

Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ, Мамай есть дикій звѣрь, сыродецъ, по выраженію нашихъ лѣтописей, Ягайло — нашъ лютой врагъ, виновникъ несчастной судьбы миллионовъ Русскихъ людей, въ продолженіи столѣтій: приравнять ихъ къ Дмитрію Донскому, который, первый, поднялъ Русскій духъ, и положилъ основаніе вождеденному освобожденію отечества отъ Татарскаго ига, — оборони Боже! Точно также я желаю всякаго благополучія Берлину и Парижу, Мексикѣ и Рио-Жанейро, но больше ихъ люблю Москву! Все хорошее и доброе въ Русской Исторіи и Русской жизни приноситъ мнѣ удовольствіе и наслажденіе, все дурное и отрицательное причиняетъ скорбь. Скрывать

или оправдывать нехорошее я не стану, но и осуждать хорошее; безъ строгой критики, считаю ученымъ преступленіемъ.

Примѣръ Хама по гласу, дошедшему до насъ изъ глубокой древности, долженъ служить историкамъ и поучительнымъ урокомъ, и грознымъ предостереженіемъ.

Вы занимаетесь теперь, какъ вижу изъ газетъ, Ливонскою войною. Вы найдете тамъ, на примѣръ, приказаніе Іоанна Грознаго посламъ терпѣть побой отъ Баторія. О, произнесите вашъ строгій приговоръ, осудите, какъ угодно, недостойнаго труса, который, имѣя тысячи храбраго, сильнаго, преданнаго войска, подвергалъ Русское имя такому сраму въ очарованіи своего страха, и нашелъ въ нынѣшнее литературно-анархическое время не только защитниковъ, но даже панегиристовъ. Мой патріотизмъ не скажетъ ни слова противъ справедливыхъ вашихъ филиппикъ, и готовъ присоединить къ нимъ свой голосъ.

Нѣтъ, исторія не обязана разбивать кумиры, но обязана воздавать каждому свое, по закону справедливости, а не въ угоду системъ, *sine ira et studio*.

Я почелъ нужнымъ распространиться о тѣхъ понятіяхъ, которыми вы гнушаетесь, и которыя, виноваты, я считаю основаніями гражданскаго воспитанія, къ несчастію у насъ пренебреженными, и даже поколебленными отъ легкомысленныхъ и опрометчивыхъ космополитовъ, и отъ несвѣдущихъ ихъ покровителей. (*)

Теперь возвратимся къ любезному Дмитрію Донскому, и постараемся разъяснить наше о немъ разногласіе.

(*) Къ великому моему удовольствію я нашелъ недавно совершенно соответствующія слова знаменитаго Штейна, въ его программѣ, что нужно для спасенія Пруссіи и Германіи, во время Наполеонова владычества, См. ниже.

Въ отвѣтъ своемъ вы не только настаиваете на прежнемъ своемъ утвержденіи объ отсутствіи у него пылкой отваги, но прямо называете его трусомъ.

Удивляюсь силѣ предубѣжденій!

Димитрій рѣшился идти противъ Татаръ, когда никто о томъ прежде не смѣлъ и думать. Какую же отвагу болѣе пылкую можно было показать на Руси въ то время? Это рѣшеніе, одно, есть уже актъ отваги, самой пылкой, неустрашимости, смѣлости, храбрости, и тѣхъ доблестей, безъ которыхъ этотъ актъ и не мыслимъ, Подумайте о силѣ Татаръ, присоедините къ ней силу Литвы, и помощь сосѣдняго Рязанскаго княжества, съ его политически-вѣрными, по вашему, соображеніями! Идти противъ такихъ силъ трусъ не могъ!

Далѣе—войско отправилось въ походъ, и приблизилось къ Дону. Мнѣнія военныхъ людей раздѣлились: одни хотѣли остановиться и дожидаться непріятеля на мѣстѣ; другіе совѣтовали перейти чрезъ рѣку, чтобъ лишить себя средствъ къ отступленію, и сразиться какъ Богъ приведетъ. Димитрій рѣшился послѣдовать совѣту храбрѣйшихъ, и поспѣшилъ чрезъ Допъ. Что же — и это не есть доказательство личной его храбрости и неустрашимости? Вы, пропуская безъ вниманія эти обстоятельства въ своемъ отвѣтъ, даете мнѣ, въ мою очередь, полное право «гнушаться» такимъ очевиднымъ пристрастіемъ; но я остерегусь произнести такое тяжелое слово, приписывая подобныя выходки ученой фантазіи, расположенію говорить новости, расположенію, которое я вижу и въ вашемъ мнѣніи о происхожденіи Руси изъ Литвы, объ исторіи Сусанна, о Куликовской битвѣ.

Я хочу сражаться въ первыхъ рядахъ, говоритъ Димитрій Донской, и снимаетъ съ себя великокняжеское одѣяніе; напрасно удерживаютъ его ближніе. Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, мнѣ должно начать, подать примѣръ.

Что же? Неужели и это есть доказательство трусости? И онъ подаетъ этотъ примѣръ. Очевидцы многіе свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ, что онъ бился; всѣ прочіе согласно утверждаютъ, что досиѣхъ его былъ весь избитъ.

Благоговѣніе вамъ противно, осторожности вы не признаете, но справедливость—то, гдѣ же справедливость, гдѣ же безпристрастіе? Какъ же «изъ всего этого» о личной его храбрости ничего вывести нельзя! Помилуйте! Досиѣхъ его былъ весь избитъ, а вы не останавливаетесь сказать, что онъ и не бился, а какъ пришло къ дѣлу, то побѣждалъ въ лѣсъ.

Но вѣдь свидѣтели сами говорятъ, что они видѣли его бившагося и въ началѣ сраженія, и въ срединѣ, и въ концѣ, и уже послѣ пятого часа; сбитый съ коня, едва могшій ступать, онъ скрылся въ лѣсу, и найденъ тамъ безъ чувства и безъ памяти.

Димитрій не могъ биться въ великокняжескомъ одѣяніи, не подвергая себя лишней опасности, я сказалъ. Вы возражаете: «въ этомъ вся и суть». Нѣтъ, не въ этомъ вся суть! А суть вся въ томъ, что онъ хотѣлъ биться, и бился въ первомъ ряду. Биться тамъ въ великокняжескомъ одѣяніи было бы сумасшествіемъ. Это значило бы предать себя смерти въ первую минуту безъ всякой пользы. А онъ хотѣлъ биться наравнѣ со всѣми, и иначе не могъ! Вы приводите мой вопросъ: гдѣ и кому больше опасности—воину быющемуся въ первыхъ рядахъ, или военачальнику, и отвѣчаете: «конечно военачальнику». Куда увлекаетъ васъ, повторяю, сила предубѣжденія? Да если вы, оспаривая мои слова, не хотите ни сколько разсудить сами, то спросите, по крайней мѣрѣ, военныхъ людей: чье положеніе лучше — Кутузова, Наполеона, Пелисье, или передовыхъ солдатъ и охотниковъ? А что Димитрій остался цѣль, а Бренокъ убить,

это принадлежит къ числу военныхъ случайностей, очень обыкновенныхъ. (*)

Почему я не упомянулъ въ своемъ отвѣтѣ о происшествіяхъ въ Москвѣ во время нашествія Тохтамыша, упрекаете вы меня? Я отвѣчаю вамъ; потому что вы сами до него не касались. Коснулись вы теперь, и я не оставлю васъ безъ отвѣта. Начать съ того, что вы увлеклись здѣсь, какъ и въ первой статьѣ, словомъ: *любжа*. Бѣгать на старомъ языкѣ нашемъ имѣло еще другое значеніе: удаляться, отходить, ходить. Это значеніе указано у меня въ изслѣдованіи о происхожденіи крѣпостнаго права и въ удѣльномъ періодѣ. Вотъ вамъ еще нѣсколько примѣровъ изъ періода, коимъ въ эту самую минуту занимаюсь.

(*) По напечатаніи этой статьи я получилъ отъ сенатора Н. П. Колюбакина слѣдующее письмо:

Господинъ Костомаровъ приписываетъ переодѣваніе Дмитрія Донскаго передъ Куликовской битвою трусости его или малодушію.

Вотъ аргументъ противъ подобнаго толкованія.

François Guise, прозванный le Grand, былъ признанъ всею Европою храбрѣйшимъ витяземъ XVI вѣка, а тогда ихъ было не мало. Онъ переодѣлся передъ сраженіемъ подъ Dreux.

Вотъ что говорить объ этомъ исторія:

Il paraît, que dans le premier moment, le bruit se répandit, parmi les ennemis, que Guise lui-même venait de succomber. On attribue la cause de cette erreur au dévouement de Varicavillés, écuyer du duc. d'une taille à peu près semblable à la sienne, et qui, informé que la vie de son maître était particulièrement menacée, avait obtenu de lui la permission de se revêtir de ses armes et de monter son cheval de bataille (*);

(*) Sachant que c'était contre luy que les huguenots jettoient principalement leur visée, et ne faisant nulle doute que son armée ne fust pleine d'espions, le soir de devant la bataille, il déclara en plein souper sur quel cheval il voulait monter et de quelles armes et quel appareil il seroit le lendemain. Toute fois, avant que de venir au joindre, il resigna le cheval et l'accoustrement dont il avait parlé, à son écuyer. Donc, bien luy prit, car son écuyer fut tué, et quant à lui il reschappa pour ce coup. (Etienne Pasquier, lettre 20 du livre IV).

1252. Сдума Андрей князь Ярославичъ съ своими бояры *бьяти*, нежели царемъ служити, и *побъже* на невѣдому землю со княгинею своею и съ бояры своими... Это значить просто, что Андрей хотѣлъ удалиться и удалился.

1284. Рече Олегъ (союзнику своему Святославу): то се ты со мною цѣловалъ крестъ, ходити намъ по одной думѣ объма, то ты, коли рать была, со мною еси ко царю *не бѣжалъ*... Здѣсь *бѣжалъ* употреблено вмѣсто *ходилъ*.

Димитрій побѣжа съ княгинею и дѣтьми на Кострому, значить просто: удалился въ Кострому. «Вотъ это—то событіе». говорите вы, «въ особенности подало мнѣ поводъ понимать черты Куликовской битвы такимъ способомъ, какъ вамъ не нравится.»

Quoi qu'il en soit, aussi étonné que Condé, en voyant apparaitre Guise sur la fin de l'action, l'amiral s'écria: «Voicy ce matois dont nous avons poursuivy l'ombre. Nous sommes perdus; la victoire nous va tomber des mains». (Hist. des ducs de Guise. René de Bouillé).

Въ первую минуту, у неприятелей, кажется, распространился слухъ, что самъ Гизъ былъ убитъ. Причину этой ошибки приписываютъ самоотверженности конюшаго Герцога, Варикарвила, который, узнавъ, что жизни его господина угрожаетъ особенная опасность, и будучи почти одного съ нимъ роста, выпросила у него позволеніе облечься его доспѣхами и сѣсть на его лошадь. (*) Адмиралъ, удивленный, точно какъ и Конде, появленіемъ Гизъ подъ конецъ битвы, вскричалъ: вотъ хитрецъ, — мы гонялись за его тѣнью. Мы погибли; побѣда ускользнетъ изъ нашихъ рукъ. (Исторія герцоговъ Гизовъ, Рене де Булье).—

(*) Зная, что въ него будутъ цѣлиться Гугеноты, и не сомнѣваясь, что въ его войскѣ есть множество шпионовъ, онъ вечеромъ, наканунѣ битвы, за ужиномъ, объявилъ гласно, на какой лошади побѣдетъ, въ какомъ вооруженіи и убранствѣ появится завтра. Между тѣмъ, не присоединясь еще къ войску, онъ передалъ своему конюшему лошадь и одѣяніе, о которомъ говорилъ наканунѣ. Ему посчастливилось, конюшій былъ убитъ, а онъ самъ избѣжалъ этого удара. (Этьенъ Паскье, письмо 20-е книга IV).—

Принимаю ваше объясненіе, отдаю ему справедливость, и въ судѣ надъ вами причисляю къ *circostances atténuantes*. Поступокъ Димитріевъ могъ васъ озадачить, а такъ какъ у васъ было предубѣжденіе, то вы обрадовались ему, не вникли по глубже, а тотчасъ обратились къ прочимъ, прежнимъ дѣйствіямъ Димитрія, и взглянули на нихъ съ попавшейся, очень зыбкой, точки зрѣнія. Вы сказали въ другомъ мѣстѣ, что не можете такъ ребячески обращаться съ исторіей, чтобы сердиться на историческія лица. Я вижу теперь, что можно обращаться ребячески, даже и не сердясь.

Если бы вы не были предубѣждены, а безпристрастны, если бы вы не имѣли правила относиться къ Димитрію Донскому, наравнѣ съ Мамаемъ и Ягайлой, а считали себя обязанными соблюдать къ нему большую осторожность, если бы вы вникли *sine ira et studio* въ это несчастное событіе, то увидѣли бы его въ другомъ свѣтѣ, не только что не получили бы изъ него права смотрѣть иначе на Куликовскую битву. Тѣмъ удивительнѣе ваша поспѣшность осудить Димитрія, что лѣтопись, вамъ приводимая, ясно и удовлетворительно объясняетъ его положеніе и удаленіе въ Кострому:

«Уразумѣхъ бо въ князехъ и боярахъ своихъ, и во всѣхъ воинствахъ своихъ разньство и распрю, еще же и оскудѣніе воинства; оскудѣ бо вся Русская земля отъ Мамаева побоища за Дonomъ, и вси Рустин-людіе въ велице страсе и трепетѣ быша за оскуденіе людей.»

Эти слова изображаютъ вѣрно положеніе. А вы, не принимая ихъ въ соображеніе, не останавливаясь на нихъ, идете дальше по пути обвиненія и спрашиваете: что же сдѣлалъ Димитрій? Распустилъ вой. «Какъ же это? Оскудѣніе воинства, а было что распускать?»

Да, если нужно было, положимъ, десять тысячъ, а у Димитрія было въ распоряженіи одна, то что же ему было дѣлать съ нею болѣе, какъ не распустить?

«Почему же съ этою силою онъ не бился,» продолжаете вы напирать на Дмитрія. «Мало ея было. Нѣтъ! Далѣе таже лѣтопись рассказываетъ, что когда В. К. Дмитрій находился въ Костромѣ съ немпогими (не во мнозѣ), въ Москвѣ защищался Литовскій князь Остей со множествомъ народа».

Отвѣчать вамъ на это обвиненіе не позволяетъ мнѣ уваженіе къ читателямъ. Они увидятъ сами, даже такіе, которые согласно съ вами не дѣлаютъ разницы между Дмитріемъ и Мамаемъ съ Ягайлою, безъ малѣйшаго съ моей стороны поясненія, всю nepозволительную придирчивость вашу и ослѣпленіе: какъ иначе можно понять ваше толкованіе словъ лѣтописи о «множествѣ народа» въ Москвѣ? Дмитрій могъ идти противъ Тохтамыша со множествомъ народа Московскаго!! Не прибавить ли къ нему множество народа изъ Котловъ, нижнихъ и верхнихъ, которыхъ вы напрасно ищете?

Послушайте: можно ли такъ разсуждать объ историческихъ событіяхъ? Гдѣ же пресловутое безпристрастіе? Гдѣ простая справедливость, даже здравый смыслъ? Не время и не мѣсто рѣспространяться здѣсь о Тохтамышевомъ нашествіи. Я замѣчу вамъ только, что оно было нечаянное, неожиданное, быстрое, совершилось изгономъ, что даже тестъ Дмитріевъ съ сыновьями встрѣтилъ уже Тохтамыша съ поклономъ, что Олегъ Рязанскій принялъ его еще радушнѣе, и указалъ броды по Окѣ... Съ какою надеждою на успѣхъ могъ сопротивляться Дмитрій? Мудрено рѣшить положительно черезъ пять-сотъ лѣтъ, какъ онъ долженъ былъ поступить, и могъ ли поступить иначе? Никоновскій сборникъ говоритъ, напимѣръ, что Дмитрій уѣхалъ въ Кострому, оставивъ въ Москвѣ свою жену, которую увезъ уже оттуда Кипріанъ митрополитъ. Можетъ быть онъ хотѣлъ въ Костромѣ приготовиться къ отраженію, какъ Юрій, оставивъ Владимиръ, при Батыевомъ нашествіи.

Вы осудите, пожалуй, и Александра Невского, за-
чѣмъ онъ, разбивъ и побѣдивъ Шведовъ, принялъ вскорѣ
сторону Татаръ, даже противъ своего сына, который
не хотѣлъ допустить ихъ до исчисленія Новгородскаго.

И откуда берете вы извѣстie о *быствѣ* Дмитрія
въ Кострому? Изъ враждебной ему краткой Нового-
родской лѣтописи, а въ прочихъ его нѣтъ. Такъ и
вообще поступаете вы, разсуждая о Куликовской битвѣ.
Карамзинъ, сравнивъ всѣ показанія, сказалъ, что есть
два описанія этого событія: одно современное, сохра-
нившееся въ лѣтописяхъ Ростовской и Синодальной,
другое—позднѣйшее, сказочное, внесенное съ украше-
ніями въ прочія лѣтописи. Вы оставляете безъ вниманія
современныя извѣстія, и стараетесь набрать всякаго
хвороста изъ всѣхъ позднѣйшихъ сказокъ, наваливаете
его на Дмитрія... несчастный, онъ точно долженъ былъ
задохнуться подъ вашимъ бременемъ, а вы съ торже-
ствомъ спрашиваете... Но довольно, редакторъ не даетъ
мнѣ нынѣ болѣе мѣста, да и чувствую я, что начинаю
«сердиться» «ребячески», младенчески, и, пожалуй, хоти
старчески, однимъ словомъ: всячески. До прохлажденія!
Впрочемъ едва ли и нужно дальнѣйшее состязаніе. Вы
сказали ваше мнѣніе, я сказалъ свое. Пускай судятъ
читатели, а то вѣдь чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше
дровъ. Слово за слово, — мы, пожалуй, и поссоримся,
а я ссориться ни съ кѣмъ, тѣмъ болѣе съ вами, не
хочу, считая васъ предателемъ только въ смыслѣ Ита-
ліанской пословицы: *traduttore—traditore!*

Февраля 10.

VII.

О ЛИТОВСКОМЪ НАЧАЛѢ РУСИ.

(письмо къ Н. П. Костомарову).

Не думалъ я, чтобъ мнѣ пришлось начинать докучную сказку о норманнахъ, которымъ въ концѣ второго тома «Изслѣдованій о Русской Исторіи», въ 1848 году, пропѣлъ я: *quiescant in pace*; но вашей статьи нельзя оставить безъ отвѣта.

Пушкинъ сказалъ:

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ.

Чего добраго—толпа закричитъ, подпрыгивая подъ пѣсню литовской Свистопляски, вслѣдъ за ученой редакціей «Современника»: мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Вотъ мы откуда, вотъ мы каковы! Мы изъ Жмуди!

Rusnės kėmelij,
Aug man zėdelis
Ten rimst mano szirdele.

(О Русь, село, тамъ растетъ цвѣточикъ, туда мое сердце стремится.)

Разложимъ статью г. Костомарова на составныя ея части.

Начнемъ съ его мнѣнія.

На чемъ вы основываете новое или старое мнѣніе о происхожденіи Руси?»

Я говорю—старое, потому что еще Карамзинъ изложилъ и объяснилъ его, съ свойственною ему одному

лностию: «въ Степенной книгѣ XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями своими вышелъ изъ Пруссіи, гдѣ издавна назывался Курскій заливъ Русною, сѣверный рукавъ Нѣмана или Мемеля Руссою, окрестности же ихъ Порусьемъ, и проч. Т. I, стр. 50.

Вы основываете свое мнѣніе на одномъ географическомъ имени:

«Слѣдуя за рассказомъ нашей лѣтописи въ точности, придется остановиться на словѣ Русь, и поискать на балтійскомъ побережьи такого народа. Отыскать его не мудрено: Русь дѣйствительно находилась на балтійскомъ поморьи въ низовьи рѣки Немана, которое называется по-литовски Русь. На множествѣ картъ XVI, XVII и XVIII вѣка, можно найти эти названія. Такъ въ большомъ атласѣ Янсона, истокъ Нѣмана названъ Русь, а изъ тридцати устьевъ его третье носитъ названіе Alt Russe, а шестое Russe Sive Holm. Вообще Нѣманъ, по раздѣленіи своемъ на два рукава, перестаетъ называться Нѣманомъ: лѣвый называется Гильге, а правый Русь. Существовалъ городъ при устьѣ Руси, также съ этимъ именемъ. Встарину, сторона около праваго рукава, и въ особенности на правомъ его берегу называлась Русью, и народъ Руссами, или Руссіенами» (стр. 9).

Но неужели вы позабыли, что было время, и очень недавно, когда, основываясь на *такомъ же географическомъ имени*, Каченовскій, вслѣдъ за Эверсомъ и Нейманомъ, находилъ Русь на Черномъ морѣ, и его слушатели кричали во весь голосъ, писали диссертации и доказывали, что Русь пришла съ Чернаго моря? Долгое время ходило въ оборотѣ выраженіе Черноморская Русь; даже недавно какой-то изслѣдователь, какъ будто желая уколоть меня, намекнулъ: «да вѣдъ

но совсѣмъ еще вѣрно, что Русь пришла съ Балтійскаго моря, — нѣтъ, есть мнѣніе, приводящее ее съ Чернаго!»

Позволяю себѣ отступление; всѣ эти господа, точно такъ, какъ теперь «Современникъ», думаютъ уличить меня въ уголовномъ преступленіи, нанести личное оскорбленіе, приводя Русь откуда нибудь, лишь бы вопреки моему мнѣнію. Да помилуйте, господа, я не получалъ наслѣдства не только отъ Рюрика, который передалъ все свое вмѣстѣ съ сыномъ Олегу, но даже и отъ Синеуса и Трувора, которые умерли бездѣтными; право для меня все равно, откуда бы ни доказалось происхожденіе Руси, лишь бы повѣриѣ. Я считаю Русь Норманиами, а вы приводите ее изъ Жмуди. Съ Богомъ, счастливый путь имъ и вамъ: да я-то чѣмъ виноватъ, что искалъ или думалъ найти ее въ другомъ мѣстѣ? «Мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Что взялъ, что взялъ?!» Ничего, ничего, я васъ только поздравляю, и готовъ, читая вашу рецензію, согласиться даже на происхожденіе отъ эскимосовъ, готенотовъ, — согласиться съ вами, но не съ г. Костомаровымъ, къ которому теперь возвращаюсь.

Вы говорите, или повторяете, что рукавъ Нѣмана назывался Русскимъ, а Эверсъ, Каченовскій, Скроненко — говорили, что Черное море называлось Русскимъ. «Вѣроятно», думаетъ Эверсъ, «Славяне дали ему сіе названіе потому, что по берегамъ онаго жили Руссы, а гораздо естественнѣе искать Русь при Русскомъ морѣ, чѣмъ при Балтійскомъ.» По свидѣтельству Степенной книги, «роди. нарицаеміи Русп.... живяху при Ексипопонтѣ» и проч. Эдриси называетъ Волгу Русскою рѣкою. Димешкѣ упоминаетъ о рѣкѣ Славянь и Руссовъ; между Волгою, Куромъ и Еррассомъ. О народѣ Русь говорится въ коранѣ, и проч.

Прочтите, сколько всякой всячины, начиная отъ Іезекіилева Роса, прибирають Нейманъ, Фатеръ, Надеждинъ, чтобъ доказать пребываніе Руси на югѣ!

Другіе, основываясь на подобныхъ сказаніяхъ, ведутъ Русь совсѣмъ съ другихъ сторонъ—*Швеціи*, гдѣ одна приморская гавань издавна называлась русскою. Roslagen.

Татищевъ и Болтинъ — изъ *Финляндіи*, гдѣ, при Абовѣ, въ самомъ почти городѣ зовется Русская гора, потому что здѣсь сказываютъ, издавна жили Русы.

По мнѣнію Венелина, Несторъ, дошедши до Вислы, такъ и машеть рукою на *Померианію*.

Бутковъ находитъ Русь въ Rusaland, (часть Вестерботніи и Остерботніи). Въ предѣлахъ Руссоганда онъ указываетъ даже на заливъ Варяговъ, Варягъ-fiord и проч.

Крузе видитъ Русь въ *Роземау*, около *Эйдера*, и собираетъ нѣсколько подобно-звучныхъ именъ изъ окрестностей: Rusdorf, Riesborg, Rossenfeld и проч.

Гольманъ ищетъ Русь между *Русстринами* (племя, владѣвшее приморскою странюю *отъ Эйдера до Мааса и Шельды*).

Максимовичъ, и потомъ Счастный, поселяютъ ихъ на островъ *Рюгенъ*.

Морошкинъ—въ верховьяхъ Одера, въ Гориціи, *близь Франкфурта*.

Каченовскій и Скромненко (Сергѣй Строевъ) приводятъ Русь *изъ Азии*, Эверсъ — изъ *Козарій*, — всѣ на основаніи собственныхъ именъ.

Неужели вы не согласитесь, что основанія Эверса, Неймана, Надеждина, Фатера, Буткова, Крузе, Гольмана, е tutti quanti *равносильны*, то есть, одинаково бессильны съ вашими, передъ судомъ критики, состоя изъ однихъ географическихъ созвучій или недоразумѣній, что всѣ онѣ уничтожаются одно другимъ.

Они даже берутъ преимущество передъ вашею Жмудью, потому что ихъ можно хоть какъ нибудь связать, стянуть съ нашими Варягами Русью, а ваша Жмудь остается особнякомъ.

Я представляю вамъ еще Пургасову Русь въ нѣдрахъ Заволжскихъ степей, и еще сотню Русей, собранныхъ П. А. Мухановымъ, изъ какой угодно Европейской страны: напримѣръ Руссильонъ въ южной Франціи, графство Россъ въ Шотландіи, городъ Россъ въ Англіи, Росс-ауландъ, Россиморъ съ иристанью и рѣка Россъ въ Ирландіи, Иль-россъ на островѣ Корсикѣ, заливъ Росъ въ Испаніи, слобода Россо въ Италіи и проч. и проч.

Морошкинъ на имени Русь, которому вы придаете силу, основалъ вотъ что:

«Что касается до меня, то, признавая и *Варяговъ*, и *Руссовъ* за *Славянъ*, я утверждаю, что кромѣ:

- 1) Руссовъ кievскихъ, еще были славянскіе же:
- 2) Руссы германскіе прибалтійскіе,
- 3) Руссы германскіе при Нѣмецкомъ морѣ,
- 4) Руссы моравскіе и богемскіе,
- 5) Руссы сербскіе,
- 6) Руссы болгарскіе на Дунаѣ,
- 7) Руссы на Адриатическомъ морѣ,
- 8) Руссы базельскіе въ землѣ Ровраковъ, или въ верховьѣ рѣки Дуная,
- 9) Руссы хвалынскіе, на Каспійскомъ морѣ (с. 19)».

Этого мало—всѣ почти народы древности были по его мнѣнію Руссы же:

«Скионы, Будины, Гелоны и Агатирсы Геродота, Роксоланы и Аорсы Страбона, Плинія и Птолемея, Агазиры, Хазары и Анты суть предки нынѣшнихъ Россіянъ, и самыя имена сихъ народовъ значатъ то же, что Руссы, то есть *жители льсовъ, Славы, съ льсомъ ровные* (322).

«Я пройду», говорить онъ, «отъ Рагузы черезъ Ианнонію, Чехію, Вагрію, балтійскую Поморію, Ляхію, кіевскую Полянню до Чернаго и Каспійскаго морей. и надѣюсь доказать, что все это великое пространство, съ нѣкоторыми промежутками, у древнихъ географовъ Греціи и Рима и на языкѣ варварскихъ народовъ называлось Россія, то есть великая земля рѣсовъ, роца (Roscia), руца (Rutzia), рѣсная или древлянская земля» (323).

Но довольно: ясно ли, что первое ваше доказательство основанное на имени, не имѣетъ равно никакой силы?

А дюжина вашихъ подтвержденій значить еще менѣе, ибо къ каждой изъ вышепоменнованныхъ мною Русей: Рослагену, Рустригию, Рисаланду, Рюгену, можно прибрать точно также по дюжинѣ, по двѣ, по три, *ad libitum!*

Они все доказываютъ только, что имя, похожее на Русь, принадлежало указанной вами мѣстности; но гдѣ же доказательство, гдѣ свидѣтельство, что оттуда пришла наша Русь? Его нѣтъ. Ваше утвержденіе совершенно произвольно, какъ произвольны Рослагенъ, Рисалацъ, Рюгенъ. Вы говорите что въ IX вѣкѣ жила здѣсь Русь. Но куда же она дѣвалась. Никогда нигдѣ не говорится и послѣдствіи, чтобъ здѣсь жила когда нибудь Русь.

Обращаюсь ко второму вашему доказательству:

«Для повѣрки этого вывода» (что Русь есть Жмудь), говорите вы, «у насъ есть имена князей, пословъ Олега и Игоря и нѣкоторыя другія слова, заимствованныя изъ языка того народа, который прибылъ къ намъ съ князьями. Какъ ни испорчены изъ нихъ многія (а порча ихъ доказывается неодинаковостью способа написанія въ различныхъ лѣтописныхъ спискахъ), но въ большей части, литовское происхожденіе явно, безъ всякихъ натяжекъ высказывается само собою» (с. 15).

Помилуйте—вы ли это говорите? Вы ли доказываете, что въ Игорѣ корень литовскій *ig* значить далеко, глаголь *igiu, igit*, значить стремиться, что корень Олега заключается, можетъ быть, или въ словѣ *ilgis*, длинный, или въ словѣ *alga*, награда, что Синеусъ = *senejus*, старина, старость?

Помилуйте—на такихъ правилахъ словопроизводства почему же Игоря не производить отъ игры, игоръ, или горя, горы, а Синеусъ безъ спора уже есть тогда синій усъ!

Чѣмъ ваши такъ называемые корни лучше и благонадежнѣе моихъ?

Вараги — ну, это вораги, воры, а Кругъ производилъ ихъ отъ варяю, предупреждаю: что толку въ этихъ созвучіяхъ?

Новое словопроизводство даже по кореннымъ звукамъ представляетъ много опасностей, и всякій степенный изслѣдователь долженъ употреблять его съ осторожностію.

Словопроизводство на такихъ основаніяхъ осмѣяно уже сто лѣтъ тому назадъ здравою критикою со Шлецеромъ во главѣ.

Вы выбираете изъ русскихъ=норманскихъ именъ Днѣпровскихъ пороговъ два менѣе ясныя или испорченныя, для объясненія изъ литовскаго языка: зачѣмъ же вы пропускаете Геландри=*gaillandi*=Звонецъ, Варуфорось=*varufors*, волнистый прагъ, Ульворси=*holmfors*, порогъ острова, совершенно соотвѣтственныя славянскимъ названіямъ Константина Багрянороднаго.

Точно какъ вы русскія названія производите изъ литовскаго языка, точно такъ Болтинъ производитъ ихъ изъ венгерскаго. Ульворси: *ulo-vaz*, наковальня; *ulo* сѣдящій, *veges* утѣсенный и проч. Варуфорось;

var ущелье, узкій проходъ; varas чайніе, надѣяніе; forgos крутящійся. Геландри: helo мѣсто, урочище; draga пріятный, любезный.

Названіе Леанти очень близко, говоритъ онъ, къ слову leany, значащему дочь и дѣвуху.

Дуричь производилъ и русскія названія изъ славянскаго, кромѣ собственно славянскихъ названій!! (см. Эверса, въ моемъ переводѣ, 1826 г. с. 141, и проч.)

Имена боговъ Перкуна, Корша, Мокоша, (литовское слово pokius, знаніе, ученіе!!), Симарглы, приводимыя г. Костомаровымъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, представляютъ тѣ же созвучія, нисколько не подтверждающія «выводъ, что упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варяги-Русь пришли изъ литовской Руси» (с. 17).

«Но Варяги-Русь», продолжаете вы (ib.), «представляются мореходнымъ народомъ. Слѣдуетъ разсмотрѣть, были ли знакомы съ мореплаваніемъ приморскіе народы литовскаго племени въ то время», и собираете доказательства въ пользу этого положенія, представленнаго еще Ломоносовымъ: но эти доказательства (весьма впрочемъ мелкія и слабыя) опять-таки ничего не доказываютъ, потому что всѣ жители береговъ Балтійскаго и Нѣмецкихъ морей были знакомы съ мореплаваніемъ — и Литовцы, и Финны, и Славяне, и Нѣмцы, и колыми паче скандинавы.

Вы ссылаетесь на свидѣтельства XVI вѣка, (въ Степенной книгѣ и хронографахъ), въ коихъ «говорится единогласно, что князья пришли изъ Прусской страны». Имѣю честь напомнить вамъ противъ этого единогласія, что во многихъ спискахъ лѣтописей этого времени князья приводятся ясно изъ Нѣмцевъ!

«Такъ какъ въ одно и то же время, свергли съ себя одно иго скандинавовъ — и литовскіе народы, и славянскіе, и финскіе, то отсюда уясняется самый поводъ

призванія Славянами и Чудскими народами себѣ князей отъ приморскихъ Литовцевъ. Ихъ соединила взаимная вражда къ Скандинавамъ» (с. 19).

Это не доказательство, а поясненіе событія, *еслибы* оно было доказано.

Вотъ и всѣ ваши доказательства: я не могъ найти ничего у васъ болѣе: я разобралъ ихъ порознь. — предлагаю мнѣніе объ ихъ совокупности.

Географическихъ созвучій съ Русью разсыпано не только по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, но и по всей Европѣ множество. Чтобъ доказать происхожденіе нашей Руси откуда бы то ни было, надо представить *ея связь, связь историческую*, по документамъ, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ предполагаются ея родина. А этой связи представить вы не можете и не представляете, точно какъ не представляютъ ее приводящіе Русь изъ Рослагена, Ріустри, Рюгена и проч.

Князья были призваны, и съ странкою ихъ уничтожилось всякое сношеніе: съ чѣмъ это сообразно? А у насъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминенія ни о Рюгенѣ, ни о Вагирахъ-Славянахъ, никакого слѣда сношеній, знакомства. Точно такъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминенія о насъ въ памятникахъ Рюгенцевъ, Вагировъ, хотя они въ то время получили уже лѣтописателей, напримѣръ, Гельмольда. Это я говорилъ Максимовичу, Каченовскому и проч., и точно тоже можно сказать вамъ о вашей Жмуди или Литвѣ съ Петромъ Дунсбургскимъ, на котораго вы опираетесь столько!

Положимъ съ Каченовскимъ и Скромненкомъ, что Варяги были Вагиры, положимъ съ Венелинымъ, что они были Померанцы, положимъ съ Мороскинымъ, что они были Славяне Франкфуртскіе, положимъ съ Максимовичемъ, что Русь были Рюгенцы», — положимъ

теперь съ г. Костомаровымъ, что Русь была Жмудь: «подъ какимъ же именемъ приходили къ намъ и чрезъ нашу землю Норманны? Подумали ль всѣ эти толковники, что дѣя Норманновъ не останется уже никакого имени?»

«Или Норманны не были у насъ?»

То есть, Норманы ѣздили и селись въ Голландіи, Франціи, Ирландіи, Испаніи, Сициліи, на островахъ Оркадскихъ, Ферерскихъ, на отдаленной и холодной Исландіи, въ Америкѣ, — и не были у насъ, ближайшихъ своихъ сосѣдей!

Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, призваны изъ Жмуди, и ни въ Литвѣ, ни у насъ, не сохранилось ни малѣйшаго о томъ преданія, не встрѣчается въ лѣтописяхъ ни малѣйшаго намека о родствѣ. Изъ позднѣйшихъ даже писателей никому не приходило въ голову объ этомъ единствѣ, вплоть до новыхъ уже грамотѣевъ.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли изъ Литвы со всѣмъ своимъ племенемъ, и вы не встрѣчаете ни малѣйшаго Литовскаго вліянія на наши Славянскія нарѣчія.

Сравните же теперь ваши доказательства, со всѣхъ сторонъ для пораженія открытыя, съ нашею Норманскою крѣпостію.

Норманны являются въ связи съ основанными государствами въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ: къ Аскольду и Диру чрезъ два-три года послѣ прибытія Рюрика являются они и идутъ вмѣстѣ на Константинополь. Олегъ присоединяетъ ихъ къ прочимъ своимъ воямъ и заставляетъ трепетать имперію. Игорь посылаетъ за ними за-море и нападаетъ на Грековъ. Другія ватаги отправляются по Волгѣ на Каспійское море. Володимѣръ скрывается у нихъ и собирается съ силами. Ярославъ навнимаетъ ихъ для войны съ отцомъ и потомъ съ Святополкомъ. Послѣдніе помощники называются

по именамъ: Якунъ, Рагинвальдъ, Эймундъ, Рагваръ, вслѣдъ за Ингигердою, дочерью Шведскаго короля Олава, и именами своими показываютъ происхождение первыхъ пришельцевъ при Рюрикѣ, при Олегѣ и при Игорѣ. Вотъ связь безпрерывная, живая Норманновъ съ Варягами-Русью.

Дѣйствуютъ наши Варяги-Русь тождественно съ Норманнами въ Англіи, Франціи, Италіи, на морѣ Нѣмецкомъ, Средиземномъ, Черномъ: одни и тѣ же приемы. Руссы служатъ одинаково въ Греческомъ флотѣ: неужели это были Жмудь?

Языкъ свой оставили они во всѣхъ распоряженіяхъ, и распоряженія мы видимъ одинакія съ Норманскими. Тіунъ, гридень, вира, вервь, скоть, губа, ябедники, олекъ, запа и проч. и проч. Слѣдовательно, напрасно говорить г. Костомаровъ, что «мы ни чего подобнаго не видимъ и слѣда» (с. 27).

Г. Костомаровъ, излагая свое мнѣніе, предлагаетъ вмѣстѣ и возраженія на мнѣніе о происхожденіи Руси отъ Норманновъ. Разберемъ ихъ.

«Подъ Варягами разумѣли, — говоритъ онъ: — не одинъ какой нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ, которое у Русскихъ получило названіе Варяжскаго» (с. 7). Далѣе онъ говоритъ о «широкомъ значеніи слова: Варягъ».

Обращу его вниманіе на слова Нестора: «Ляхове же и Пруси, Чюдь, присѣдять къ морю Варяжскому; по семуже морю сѣдять Варязи...»

Видите ли, что масса народовъ Варяжскихъ не слишкомъ неопредѣленна, и значеніе имени Варягъ не слишкомъ широко? Всѣ Славянскія племена (Ляхове), Латышскія (Пруси) и Финскія (Чюдь) изъ него исключаются. Кто же остается—Норманскія племена, Нѣмецкія.

Здѣсь и возраженіе на ваше мнѣніе: Пруси не Варяги, а Русь — Варяги; слѣдовательно Русь не Пруси, не Литва, не Жмудь.

Напрасно прилагаете вы особую силу слову: друзи, и говорите: «что касается до попытки находить ихъ у Скандинавовъ... мы должны прямо отвергнуть его, становясь на точку зрѣнія нашего лѣтописца, сказавшаго: друзи (Варяги) зовутся Свее, друзи же Урмане. Англяне, друзи Готи, — *друзи*, а не тѣ, которыхъ Славяне и Финны призвали; тѣ же, которыхъ они призвали, назывались Русь». Это слишкомъ слабая подпора мнѣнію. На вашихъ «другихъ» я высылаю цѣлую тройку, которая разобьетъ ихъ въ прахъ: сиче, яко и тако. *Такъ* назывались, говоритъ Несторъ, эти Варяги Русью, какъ другіе назывались Свееми, другіе Готами.... *такъ* и эти. Слѣдовательно, Русь не исключается изъ Варяговъ, а напротивъ, положительно помѣщается въ ихъ совокупности; это племена родственныя.

Потому и напрасно вы говорите, что въ «договорахъ Олега и Игоря нѣтъ слова Варяги, да и быть не могло, потому что люди, составлявшіе этотъ договоръ, не были Варягами» (*Waeringiar*).

Въ договорѣ значитя: мы отъ рода Русскаго, потому что Олегъ и Игорь были Русскіе. Русскіе, отъ племени Варяжскаго, пришли къ намъ. «Отъ Варягъ бо прозвашеся Русью», говоритъ именно Несторъ, что вы на эту пору позабыли. Передъ Русью не ставитъ Несторъ объясненія Варяговъ, точно какъ не ставитъ и передъ Свееми, которыхъ причисляетъ къ Варягамъ.

«Въ чемъ же состоятъ главныя доказательства мнимаго происхожденія Руси отъ Норманновъ?» говоритъ г. Костомаровъ (с. 29).

«Говорятъ намъ, что Финскіе народы называютъ Шведовъ—Роутсалайенъ».

Нѣтъ, это отноудь не принимается главнымъ доказательствомъ, и опровергнуто 25 лѣтъ назадъ.

Объ извѣстїи изъ Бертинскихъ лѣтописей г. Костомаровъ выражается вотъ какъ:

«Еще говорятъ, что въ IX вѣкѣ императору Людовику Благочестивому императоръ Византїйскїй послалъ какихъ-то бродягъ, называвшихъ себя Россами, но императоръ Людовикъ по тщательному излѣдованію (*diligentius investigans*) открылъ, что эти люди были Шведы и почелъ ихъ по этому шпионами (*exploratores potius regni illius nostrique, quem amittitiae petitores*); изъ этого явствуетъ, что Россы—Шведы» (с. 29), и при этомъ ссылается на мои «Изслѣдованія». Но я именно доказывалъ *противное*, и даже въ моей диссертациі о происхожденіи Руси первымъ тезисомъ было: Варяги-Русь не Шведы. Странно указывать такъ. Еслибъ г. Костомаровъ хотѣлъ указать только мѣсто изъ Бертинскихъ лѣтописей, а не мое мнѣніе, то на мои «Изслѣдованія» не для чего бъ было ссылаться въ этомъ случаѣ, ибо класическое мѣсто Бертинскихъ лѣтописей помѣщается вездѣ — и у Байера, и у Шлецера, и у Карамзина. Я же употребилъ его совершенно не такъ, какъ эти излѣдователи.

Россы, оказываясь принадлежащими къ роду Свеновъ, никакъ не похожи на Ивана съ Волги, оказавшагося, по тщательномъ изслѣдованіи, изъ Воронежа, и произведшаго достаточное основаніе для гг. ученыхъ написать: «Воронежъ городъ на рѣкѣ Волгѣ». Вотъ вамъ примѣръ возражающій: въ Москвѣ пойманъ Гессенецъ или Баденецъ. Квартальный усомнился, услышавъ такое странное для него названіе, но канцелярія

оберъ-полиціи-мейстера. *diligentius investigans*, нашла, что Гессенецъ принадлежитъ къ нѣмецкой націи. Такъ именно и случилось въ Ингельгеймѣ: люди, называвшіе себя Руссами, оказались принадлежащими народу Свеновъ.

«Еще говорятъ, что въ первой половинѣ X вѣка, Ліутпрандъ, Кремонскій епископъ, упомянувъ о походѣ Игоря на Грековъ съ Руссами, говорятъ, что послѣдніе были народъ, который Греки по качеству тѣла называютъ Руссами, а они (западники) Норманнами, отъ мѣстоположенія ихъ отечества» (с. 29). Епископъ объяснилъ, что этихъ людей можно называть Норманнами по мѣстоположенію, потому что они сѣверные люди, но все же не думалъ словомъ Норманъ означать принадлежность Руссовъ какой нибудь народности» (ст. 30).

Г. Костомаровъ позабылъ другое классическое мѣсто изъ Ліутпранда, въ коемъ исчисляются многія сѣверныя племена, и только одно изъ нихъ, именно Руссы, называются Норманнами, въ смыслѣ западномъ. Вотъ это мѣсто: *Constantinopolitana urbs.... inter ferocissimas gentes est constituta. Habet quippe ab aquilone Hurgaros, Pizenacos, Chazaros, Russios, quos alio nomine nos Normannos appellamus, atque Bulgaros, nimium sibi vicinos.*

Ліутпрандъ, повторю прежнее свое объясненіе, зналъ очень хорошо Норманновъ, нападавшихъ на его отечественные берега, узналъ въ Византіи о такомъ же нападеніи на сей послѣдній городъ, видѣлъ и слышалъ объ нихъ отъ ихъ соотечественниковъ въ лейбъ-гвардіи императорской; — это былъ одинъ, по языку, образу жизни и проч., народъ съ извѣстнымъ ему по домашнимъ событіямъ. Естественно ли, чтобъ онъ не сдѣлалъ тутъ отношенія и сравненія, столь очевидно ему представлявшагося? Онъ назвалъ ихъ Норманнами, и разумѣется въ смыслѣ своихъ соотчичей, которые знали

хорошо Норманновъ. Далѣе, онъ слышитъ, что сихъ Норманновъ называютъ въ Константинополѣ Руссами;— отчего? Такой вопросъ долженъ былъ представиться ему, и первое похожее на правду извѣстiе, имъ услышанное, онъ употребляетъ вмѣсто отвѣта: Греки называютъ ихъ по тѣлесному свойству Руссами, а мы по положенiю Норманнами. Можетъ быть и самъ онъ, желавшій показать свою ученость, — что въ немъ замѣтно, какъ говорить Шлецеръ,—сдѣлалъ такое словопроизводство.

Наконецъ—сильнѣйшее возраженiе:

«Говорятъ еще, что нѣкоторыя собственныя имена звучатъ по Нормански... Сравнивъ созвучiе этихъ именъ съ Скандинавскими, съ тѣмъ сходствомъ, какое представляютъ они съ словами Литовскаго языка, само собою откроется, гдѣ натяжка» (с. 30).

Выше мы показали не слабость, а совершенную нестойтельность Литовскаго словопроизводства, но относительно норманства собственныхъ именъ, дѣло идетъ не о словопроизводствѣ, а объ распространенiи нашихъ Русскихъ именъ живьемъ, цѣликомъ, между Норманнами, въ ихъ лѣтописяхъ, сагахъ, на камняхъ: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ (Rörik, Sune, Thorgvard), Аскольдъ и Диръ (Hoskuld в Dyr), Игорь, Ингваръ, Олегъ, Ольга. (Igvag, Ingvar, Halge или Helge: Holga или Helga); (Karl, Grialaf, Vermund. Rolf, Roald, Vigfast.

Этого мало: дѣйствiя Рюриковъ, Игорей, Аскольдовъ, Дировъ,—совершенно одинакия съ нашими: вотъ доказательство ихъ тождества, то есть доказательство Норманскаго происхожденiя Варяговъ-Руси, а не натянутое, вымученное на дыбѣ звукоподобiе.

Съ Арабскими писателями г. Костомаровъ церемонится еще менѣе. «Дѣло въ томъ, — говорятъ онъ: — что собственно у нихъ нѣтъ постоянной Руси, а есть

Р и С, куда (по вкусу) вставляются и О, и А, и У, а чаще А, и это значить рѣку Рась, или Русь, и по ней называются тѣмъ же именемъ народы, живущіе по берегу этой рѣки. По мѣстоположенію видно, что эта рѣка—Волга въ ея низовьяхъ. Мордва до сихъ поръ зоветъ Волгу на своемъ языкѣ Равъ или Рась. Слѣдовательно Арабы узнали тутъ не болѣе, какъ Мордовское имя Волги» (с. 31).

Русскіе походы на берега Каспійскаго моря, описанные у Арабскихъ путешественниковъ почти тѣми же словами, какъ у Нестора, у Византійцевъ, съ одинаковыми подробностями, поворачиваются двумя строками: «Здѣсь случайное сходство словъ и собственныхъ именъ съ буквами Р и С. Такимъ образомъ можно отыскать Русь повсюду на земномъ шарѣ». (с. 32).

Такимъ образомъ можно, скажемъ и мы, справляться легко со всѣми историческими свидѣтельствами и мнѣніями! Явилась Мордва, ни съ того, ни съ сего, разорилась Булгарь, приморскіе города Каспійскіе, и пропала! Точно какъ на сѣверѣ явилась Жмудь и пропала! Одинокія явленія, безъ начала и конца! Такъ не случается въ исторіи!

Г. Костомаровъ обвиняетъ Нѣмцевъ, выдумавшихъ якобы Норманское происхожденіе Руси.

«Извѣстно, что у насъ Нѣмцы, отъ мала до велика, въ ученые и неученые, болѣе или менѣе исполнены вѣрованія о превосходствѣ своей породы предъ Славянскою, и думаютъ, что живучи среди насъ, ихъ задача — разливать свѣтъ цивилизаціи между нами, варварами; для подтвержденія этой задушевной мысли. ученые Нѣмцы выдумали призваніе князей изъ Скандинавіи; этимъ хотятъ указать, что Славяне неспособны, безъ вліянія Нѣмецкаго элемента, къ устройству государственной и гражданской жизни (с. 28)»,

Нѣтъ; можетъ быть Нѣмцы дѣйствительно виноваты въ томъ, въ чемъ обвиняетъ ихъ г. Костомаровъ, хотя прежде оказали ей и много услугъ, но лишней вины вскладывать на нихъ несправедливо: Байеръ положилъ первое основаніе мнѣнія; Шлецеръ утвердилъ его, Карамзинъ принялъ,—прочіе распространили, укрѣпили, привели въ порядокъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, имѣя въ виду одну историческую истину.

Посоветуемъ отъ души г. Костомарову оставить въ покоѣ Норманновъ, Литву и Мордву, и заняться изложеніемъ событій, совершившихся во времена болѣе близкія и ясныя.

Для успокоенія его критической совѣсти, для содѣяствія уступкѣ, я скажу ему здѣсь нѣсколько словъ еще объ основаніи его мнѣнія: «правый рукавъ Нѣмана называется Русью, страна около него называлась Русью и народъ Руссами (с. 9).»

Но къ которому времени принадлежать эти названія? Вотъ вѣдь что здѣсь важнѣе всего—древность имени. А на этотъ существенный вопросъ отвѣта нѣтъ. Всѣ извѣстныя упоминовенія очень молоды.

Поведемъ теперь разсужденіе далѣе: въ 9 столѣтіи Новгородъ назывался уже Русью, Кіевъ назывался Русью, въ Галичѣ имя Руси встрѣчаемъ мы позднѣе, но такъ крѣпко привязаннымъ, что многимъ кажется оно не наноснымъ, а туземнымъ. Это общія названія, но и частныхъ множество: близъ Новгорода² находимъ мы Русу, да еще старую, за Кіевомъ рѣку Рось, и множество въ другихъ мѣстахъ. Точно также и устье Нѣмана могло получить это имя отъ той же причины, и вотъ опять является Карамзинъ, къ прискорбію истинныхъ друзей науки забываемый въ настоящемъ

повѣтріи. Послушаемъ его: «Варяги» русь могли переселиться туда (къ устью Нѣмана) изъ Скандинавіи, Швеціи, самого Рослагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы Скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать».

Лишь только дописывалъ я свой отвѣтъ г. Костомарову, какъ получаю нынѣшнюю Виленскую памятную книжку, развертываю, и читаю:

«... Перевороту положили основаніе Скандинавскіе витязи въ концѣ X столѣтія. Въ числѣ 500 человекъ, подъ начальствомъ вождя своего Бальмунда, который сохранился въ преданіи подъ именемъ Палемона, они приплыли на ладьяхъ вверхъ по Нѣману къ устью Дубиссы, и на вершинѣ горы, именуемой понынѣ Палемоновой горою, основали крѣпость на Литовской землѣ, названную Биссены (с. 4)... «Палемонъ избралъ это мѣсто средоточіемъ своихъ силъ и дѣйствій. Сколько бы древніе Литовскіе историки ни старались увѣрять насъ въ мирныхъ намѣреніяхъ этого богатыря, производя его отъ Геруловъ, повѣствуя, что онъ только возвратился въ отечество своихъ предковъ, не подлечь никакому сомнѣнію, что онъ прибылъ не съ другою цѣлю, какъ для завоеваній и утвержденія въ Литвѣ своей верховной власти. Онъ дѣйствительно утвердилъ на Литовскомъ престолѣ свою династію, а три сына его имѣли уже въ разныхъ мѣстахъ Литвы обширныя владѣнія, и построили укрѣпленные города для своего мѣстопребыванія, опезпеченія завоеваній и защиты отъ непріятелей (с. 5)».

Вотъ вамъ и опять Норманны, въ замѣну высланной сполна Жмуди! Норманны также поселились въ устьѣ Нѣмана, какъ и въ устьѣ Невы!

Я разобралъ главные ваши положенія и доказательства. О прочихъ вы позвольте мнѣ пока умолчать, напримѣръ о вѣроятномъ, по вашему мнѣнiю, посольствѣ Гостомысла изъ Новагорода къ Литовскимъ колдунамъ и знахарямъ, и о совѣтѣ колдуновъ и знахарей призвать князей изъ Литовской Руси. Боюсь, чтобъ при задуманномъ памятникѣ тысячелѣтiю, какой нибудь замысловатый художникъ не помѣстилъ этихъ ворожей съ ихъ живописными костюмами въ какомъ-нибудь горельефѣ—за что! Точно также позвольте умолчать и объ аналогiи Гедимины съ Рюрикомъ, которой подобныхъ набрать я могъ бы вамъ множество.

Но вотъ что въ вашемъ разсужденiи мнѣ понравилось, и что можетъ быть отложено въ корвану: вы остроумно подобрали свидѣтельства объ изгнанiи Варяговъ Чудью, Литвою и Славянами, предъ избранiемъ князей. Можетъ быть дѣйствительно указанная свидѣтельства относятся къ опредѣленному нашимъ лѣтописателемъ времени.

Мнѣнiе ваше о большинствѣ, или даже болѣе, Славянъ въ числѣ призывателей — заманчиво. Вы говорите: «Призывавшіе Варяговъ-Русь народы были всѣ наголд Славяне; этимъ отстраняются неразрѣшимые вопросы: какъ могли появляться въ союзѣ разноязычныя племена, тогда какъ въ послѣдствiи мы не видимъ отношенiй равноправности между ними, напротивъ, одно постоянно играетъ роль господствующаго, а другое находится или въ зависимости, или въ безуспѣшномъ сопротивленiи (с. 23).» Вы думаете, что Славяне могли скрываться подъ чужимъ именемъ, какъ напримѣръ, теперь подъ именемъ Сибири скрывается Русское населенiе.

Это заманчиво, говорю я, но не вполне позволительно по закону строгой критики. Относительно вѣси съ Бѣлозерскомъ, Мери съ Ростовомъ, принять можно,

но Чудь слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ Славянъ, послѣдовательно отъ IX и даже до XII столѣтія. Вражда и война между ними продолжалась: нѣтъ возможности допустить среди ихъ большинство Славянъ въ IX столѣтіи.

Вотъ еще какую мысль возбудила во мнѣ ваша статья: мнѣнія имѣютъ жизнь. Это какіе-то гномы, которые имѣютъ свой метемпсихозисъ. Они пропадаютъ, скрываются, и опять возникаютъ, помолодѣлые, принаряженные. Такъ и ломоносовское мнѣніе явилось теперь уже въ новомъ костюмѣ, во фракѣ и перчаткахъ, но оно все таки не значитъ ничего въ сравненіи съ мнѣніемъ о Норманскомъ происхожденіи Руси. Надѣюсь, что вы знаете послѣднюю мою модификацію, вслѣдствіе новыхъ изслѣдованій о населеніи Дани и извѣстнаго мѣста Гельмольдова (*): не заселены ли были первоначально Датскіе острова Славянами, точно такъ же, какъ сосѣдній островъ Рюгенъ и все Поморье балтійское, Померанія,—а впослѣдствіи уже переселилось къ нимъ изъ Норвегіи племя Скандинавское или Готское, которое совершенно покрыло первыхъ поселенцевъ? »Взаимное вліяніе нарѣчій и знакомство Норманновъ и Славянъ между собою облегчаетъ уразумѣніе и сношеній Новгородскихъ Славянъ съ Варягами. Здѣсь могутъ, кажется, примириться все мнѣнія о происхожденіи Руси.»

Я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдователемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, присвоили себѣ на минуту

(*) Маркоманнами называются обыкновенно люди, отсюда собранные, которые населяютъ Марку. Въ Славянской землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ.

авторитетъ въ дѣлѣ науки, и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь: вотъ почему я требую отъ васъ во имя этой науки, полной сатисфакціи, то есть торжественнаго отступленія изъ Жмуди, или полнаго отраженія приведенныхъ мною краткихъ доказательствъ, за коими я готовъ выдвинуть и тяжелую артиллерію. Иначе — бросаю вамъ перчатку и вызываю на дуэль, хоть въ пассажѣ. Секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлепера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ, а вы, для потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопляски. Сборъ, въ доказательство моего безпристрастія, я готовъ уступить въ пользу неимущей Жмуди.

Безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе, въ университетѣ, географическомъ обществѣ, или академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ. Хоть я лѣтъ двадцать уже оставилъ его, но, посвятивъ ему десять лучшихъ лѣтъ въ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ, и готовъ отстаивать его *unguibus et rostris*.

Февраля 19.
1860.

ВТОРОЕ ПИСЬМО КЪ Г. КОСТОМАРОВУ.

Возражая и отвѣчая, на диспутѣ, мы выбирали въ вопросѣ, согласно съ предположенною цѣлю, стороны занимательныя для большинства публики. Поговоримъ теперь объ немъ обстоятельнѣе и подробнѣе, все-таки стараясь представить дѣло какъ можно простѣе и яснѣе, чтобъимъ могли воспользоваться многіе.

Вы говорите, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли изъ Жмуди. Позвольте васъ спросить: есть извѣстіе о томъ въ Русскихъ лѣтописяхъ?

Нѣтъ.

Ну—въ лѣтописяхъ Литовскихъ?

Нѣтъ.

Нѣтъ ли въ лѣтописяхъ сосѣднихъ?

Нѣтъ.

По крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ преданіяхъ Русскихъ, Литовскихъ?

Нѣтъ нигдѣ: ни въ Русскихъ, ни въ Литовскихъ преданіяхъ.

Нѣтъ ли какихъ нибудь пѣсенъ Русскихъ, Литовскихъ?

Никакихъ.

Ну хоть какихъ-нибудь намековъ, позднѣйшихъ указаній?

Ничего.

Такъ на чемъ же вы основываете свое мнѣніе о Литовскомъ происхожденіи Руси?

На томъ, что одинъ изъ рукавовъ Нѣмана назывался Русскимъ.

А позвольте узнать, какъ древне это проименованіе? Въ XI вѣкѣ оно встрѣчается.

А прежде?

Прежде не встрѣчается.

Такъ по какому же праву вы можете выводить отсюда Русь IX вѣка? Кто вамъ сказалъ, что Нѣманъ не началъ такъ называться гораздо позднѣе.

Ну вотъ все ваше мнѣніе и подкопано подъ корень!

Русь въ IX-мъ вѣкѣ мы видимъ въ Новѣгородѣ, около Новгорода, въ Кіевѣ, за Кіевомъ, на Черномъ морѣ: такъ скорѣе бы изъ этихъ мѣстъ можно бы, и, по законамъ исторической критики, должно бы предполагать выселеніе ея на Нѣманъ, какъ въ Карпаты, нежели съ Нѣмана въ Новгородъ.

Словене, Кривичи, Чудь, Вель, послѣ изгнанія Варяговъ=Норманновъ, какъ соглашается г. Костомаровъ, призвали къ себѣ Русь=Жмудь—защищать ихъ, княжить и владѣть ими, водворить между ними порядокъ.

По какому праву, на какомъ основаніи, вы можете принять эту Жмудь въ состояніи удовлетворить ихъ желаніямъ порядка и безопасности? Гдѣ свидѣтельства о такомъ ея превосходствѣ передъ Славянами? Ихъ опять-таки нѣтъ нигдѣ. А есть совершенно противоположныя: мы находимъ Литву, по свидѣтельству ея собственныхъ лѣтописей, платящую дань Славянамъ лыками и вѣшниками въ гораздо позднѣйшее время! Мы находимъ князей Литовскихъ въ состояніи дикости и язычества въ XIII столѣтіи, и даже въ XIV, слышите въ XIV, черезъ пятьсотъ лѣтъ. Какъ же вы хотите увѣрить насъ, что въ IX стол. нашлись между ними вожделѣнные правители, охранители и распорядители для пространнаго владѣнія, если не для государства.

Ну нѣтъ ли какихъ-нибудь отдѣльныхъ доказательствъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ Жмудь была особенно

значительна, сильна, могущественна, могла безъ дерзости принять на себя обязанность защищать Славянъ и Финновъ отъ Норманновъ, могла бороться съ сильнѣйшимъ племенемъ Европейскаго міра?

Нѣтъ свидѣтельства изъ того времени, и даже нѣтъ изъ никакого. Такъ какъ же вы хотите увѣрить насъ, въ 1860 году, чтобъ все это было иначе?

Гдѣ свидѣтельства о какой-нибудь связи, знакомствѣ, сношеніяхъ, у Словенъ Новгородскихъ съ Жмудью, въ предшествовавшее IX вѣку время? Почему Словенамъ могла вспастъ на умъ именно Жмудь, жившая въ верховьяхъ Нѣмана, для того, чтобъ вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія?

Нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго не только свидѣтельства, но даже намека, указанія, о знакомствѣ и сношеніяхъ. Такъ почему же Новгородцамъ могла придти въ голову мысль обратиться къ Жмуди?

Новгородъ обладалъ огромными пространствами. Послы сказали Руси: земля наша велика и обильна. Развѣ Жмудь была сильнѣе Новагорода, Жмудь, которую крестоносцы, сами вы говорите, прошли въ одинъ день, даже черезъ триста лѣтъ послѣ этого времени?

Несторъ, котораго вы принимаете, и которому строго хотите слѣдовать, говорить: Словене... пошли за море къ Варягамъ Руси. Такъ назывались эти Варяги Русью, какъ другіе Шведами, Англичанами, Готами, Мурманами. Принимая ваше мнѣніе о Литовскомъ происхожденіи Руси, надо вѣдь понимать это мѣсто вотъ какъ: Словене... пошли за море къ Литвѣ-Руси; такъ называлась эта Литва Русью, какъ другая называлась Шведами.

третья Англичанами, Готами, Мурманами. То есть: Англичане, Шведы, Готы, принадлежали къ числу Литовскихъ племенъ. Видите ли, какой выйдет *non-sens* изъ этого яснаго Несторова мѣста, вслѣдствіе вашего толкованія? Не могъ же вѣдь онъ въ этомъ сравнительномъ предложеніи помѣстить племена разнородныя!

Чтобъ ваше мнѣніе имѣло какую-нибудь вѣроятность, надо бы, чтобъ Несторъ вотъ какъ выразился: пошли за море (даже не за море, а по сухому пути!?) къ Литвѣ къ Руси. Такъ называлась эта Литва Русью, какъ другая Зимеголою, Корсю, Летголою, Прусамп, такъ и сіи. Ясно ли?

Тогда я согласился бы, что въ этихъ словахъ видно Литовское происхождение; а такъ какъ здѣсь стоятъ Шведы, Англичане, Готы, то я смѣло и причисляю Русь къ Норманнамъ, что и вамъ совѣтую, послѣ экскурсіи въ Литовскія пуши, сосѣднія съ Морошкинскими лѣсами, гдѣ такъ легко и опасно заблудиться.

И по тѣмъ городамъ! (Новгородъ, Полоцкъ, Белоозеро, Ростовъ, Муромъ) говорить лѣтопись, находници усть Варяги. Что же, по всѣмъ этимъ городамъ рассыпались Литовцы? Или: пришли Рюрикъ, Сянеусъ и Труворъ, Литовцы, а разошлись по городамъ Варяги-Норманны? Опять *non-sens*: Литовцы Варягами никогда не назывались.

Какое же значеніе дадите вы Варягамъ, 60 разъ употребленнымъ въ лѣтописи? Ни одного мѣста въ древности вы не найдете, которое противорѣчило бы Норманскому происхожденію. Ни одного, о которомъ могли бы вы сказать навѣрное: вотъ это Жмудь!

Литва не Варяги, повторяю я вамъ, а Русь, пришедшая къ намъ, была Варяги. Литва отдѣляется

Несторомъ отъ Варяговъ именно и въ этихъ словахъ: Ляхове же, Пруси и Чудь присѣдаютъ морю Варяжскому, по тому же морю сѣдаютъ Варяги до земли Агнянской и Волошской.

Также: а се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь... Литва, Зимгола, Корсь, Норова, Либь.

Что же? Литвь Руси давала дань Литва, какая же? Опять non sens!

Вотъ вамъ и еще мѣсто изъ Нестора противъ васъ: въ Афетовѣ же части сѣдаютъ: Русь, Чудь и вси языци... Литва, Зимгола, Корсь, Сѣтьгола, Либь...

Пришли Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Двое изъ ихъ спутниковъ, Аскольдъ и Диръ, отправились въ Грецію. Что же: это были Жмудины? Есть ли извѣстiе, чтобъ Жмудь, Литва, ходила въ Грецію, была знакома съ Греціей, надѣялась найти себѣ дѣло въ Греціи?

Эти Жмудины остановились въ Кіевѣ, и тотчасъ «многи Варяги» совокупили. Какихъ же Варяговъ они соединили у себя, чтобъ идти морскимъ походомъ на Грецію? Еще Литовцевъ что ли? Не вѣроятнѣе ли Норманновъ?

Эти Варяги были опять-таки Русь, потому что Фотій, въ грамотѣ, именно говорить о Руси, новомъ славномъ народѣ между сосѣдями, и проч.

Русь въ это же время служила на жалованьѣ въ Греческомъ флотѣ: что же—и это была Жмудь? Умило-сердитесь!

Несторъ исчисляетъ и знаетъ, такъ или иначе, разные племена Латышскія и Литовскія, и вездѣ противопоставляетъ ихъ Руси. Племена Жмуди онъ не упоминаетъ: ну вотъ къ ней-то, говорить г. Костомаровъ,

и пошли Словене звать къ себѣ князей.—Странный и новый способъ разсужденія: чего нѣтъ, то то и есть. Это почти, по Гегелю, тождество бытія съ небытіемъ. Если бѣ Жмудь была Русью, то здѣсь-то именно кстати и было бы сказать ему, что эта Жмудь такъ называлась Русью, какъ другіе Корсь, Ливь и т. п.

Если Жмудь есть Русь, то какъ же ихъ раздѣлить или соединить? Безвыходность положенія! Если Жмудь въ то время называлась Русью, какъ слѣдуетъ заключить изъ словъ г. Костомарова (*): то какъ же называть ее въ то же время Жмудью? Да еще и Варягами? Non-sens и non-sens, а вотъ еще и третій non-sens:

Руси здѣсь нѣтъ между Литовскими племенами, но она есть у Нестора между Норманскими племенами, а именно—между Готами и Англичанами. Афетово бо и то колѣно: Варяги—Свеи, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне и проч.

Варяги—имя общее, родовое, а Русь, Свеи, Агняне—видовое: это понятно; но Русь, Жмудь, Литва, Варяги—это не мыслимо!

Согласно съ этимъ пребываніемъ Руси между Готами и Агнянами, и Литовцы называютъ ихъ Gudas, то есть, Готами, именемъ Нѣмецкаго и Германскаго племени, а не своимъ собственнымъ!

Сами Литовцы называютъ Русь Готами = Норманнами, а г. Костомаровъ настаиваетъ, чтобъ считать ее Литвою!

(*) «Въ тождествѣ лѣтописной Руси съ Русью Литовскою удостоверяетъ насъ еще и слѣдующее: въ нашихъ лѣтописяхъ не дается общаго названія всему Литовскому племени, но исчисляются вѣтви: Пруси, Зимегола, Корсь, Лѣтгола, Литва, но одного племени нѣтъ; это Жмуди. Вѣроятно; въ лѣтописяхъ нашихъ се слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ Русь, ибо Русь Литовская составляла, въ этнографическомъ отношеніи, часть Жмуди», с. 15.

Спутники Аскольда и Дира, да вѣроятно и сами они, крестились. Между дружиною Игоря было много христіанъ. Ольга (чистая Литвинка, чистая Славянка!?) ходила креститься въ Константинополь. Володимерьъ принялъ христіанскую вѣру вслѣдъ за другими Ваярягами-христіанами, а въ Литвѣ до позднѣйшаго времени остается язычество—какъ объясните вы эти явленія?

Гедиминъ и Олгердъ являются въ Кіевъ съ языкомъ Русскимъ (Славянскимъ), а не съ Литовскимъ: въ какой же мѣрѣ сами-то они были, слѣдовательно, Литовцами, даже въ XIV вѣкѣ?

Но довольно. Двадцать, тридцать такихъ разсужденій можно прибрать, изъ которыхъ каждое порознь опровергаетъ все Литовское зданіе г. Костомарова. Это карточный домикъ: съ которой стороны ни прикоснетесь вы къ нему пальцемъ, онъ и разсыплется. Потому не надо считать предложенныхъ соображеній какъ доказательствъ, по порядку одного за другимъ, противъ мнѣнія о Литовскомъ происхожденіи Руси: нѣтъ, каждое изъ нихъ *порознь* совершенно достаточно для совершеннаго уничтоженія эфемерной постройки. Потому-то я не хочу употреблять противъ нея, какъ не хотѣлъ и прежде, тяжелой артиллеріи: для чего палить изъ пушекъ и тратить порохъ на подобный гуляй-городокъ?

Поговоримъ теперь о частностяхъ, въ дополненіе къ сказанному на диспутѣ.

Вы говорите, что не находите нужнымъ, подобно мнѣ, излагать своей теоріи.

Напрасно, потому что если бъ вы попытались изложить, *подобно мнѣ*, то увидѣли бы тотчасъ сами, что

излагать-то вамъ нечего. На страничкѣ я помѣстилъ сущность цѣлой библіотеки, а вы что могли бѣ сказать въ подобномъ сокращеніи?

Русь пришла изъ Жмуди въ IX столѣтіи, потому что въ XI называется Русскимъ правый рукавъ Нѣмана, да въ нѣкоторыхъ Русскихъ именахъ попадаются сходные Литовскіе звуки.

Вотъ вѣдь все ваше ученое мнѣніе, а прочее есть только развитіе, распространеніе этихъ положеній. Неужели это классическое мнѣніе? Неужели это строгія доказательства?

Остается еще вашъ авторитетъ, но авторитетовъ никакихъ вы не допускаете.

Мнѣ кажется, что никто не можетъ принять Литовскаго мнѣнія, ни повѣрить ему, кромѣ нѣкотораго рода весельчаковъ, и то по особымъ отношеніямъ, — молодежи, и то только такой, которой не важенъ процессъ, а важно рѣшеніе, по какой бы то ни было причинѣ, — и наконецъ г-жи Чванкиной, которая говорила: ●

Хоть вижу, да не вѣрю.

Русь, соглашается г. Костомаровъ, можно отыскать вездѣ, «и объ этомъ между нами не можетъ быть спора». «Я отправляюсь въ Литовскую Русь вовсе не потому, что она Русь, а потому, что она на Варяжскомъ побережьѣ», с. 17.

Да развѣ *Рослагенъ*, *Русаландъ*, *Руstringія*, *Рюстри* и проч. не на Варяжскомъ побережьѣ на ходятся? *Лагенъ*, *ландъ*, *tringія*, *три*, суть окончанія грамматическія и мѣстныя, кои здѣсь ничего не мѣшаютъ. Вотъ что я вамъ и твердилъ: не одна Русь есть на Варяжскомъ побережьѣ, а многія, и которая есть наша, то рѣшить должно не на основаніи имени, а на какомъ-нибудь другомъ, болѣе прочномъ.

«Вы ставите мое мнѣніе (говорить мнѣ г. Костомаровъ) на одну доску съ мнѣніемъ о происхожденіи Руси съ береговъ Чернаго моря. Это несправедливо; разница между мною и тѣми, что они поступали вопреки нашей лѣтописи, а я ищу своей Руси, руководствуясь единственнымъ источникомъ, сохранившимъ извѣстіе о призываніи князей, и дающимъ намъ поводъ искать этой Руси гдѣ бы то ни было», с. 18.

Да вѣдь это вы говорите, что они поступили вопреки нашей лѣтописи, а они-то вѣдь утверждали, что поступаютъ согласно съ лѣтописью, и на ней же, какъ вы и я, основывали свое мнѣніе. Прочтите Эверса, Неймана, и вслѣдъ за ними Качеповскаго, Скромненку, и прочихъ его студентовъ: не выписывать же мнѣ опять всю эту дребедень! Они отдѣляли Русь отъ Варяговъ, точно какъ и вы ихъ, по временамъ, отдѣляете, (что невозможно), и говорили: гораздо вѣрнѣе искать Русь на Русскомъ, т. е., Черномъ морѣ, а не на Балтійскомъ! (*)

- Вы повторяете безпрестанно, что ищете Русь по указанію Нестора, и не обращаете вниманія, что тотъ же Несторъ помѣщаетъ Русь между Аггипянами и Готами? въ той самой космографіи, гдѣ исчисляются поименно всѣ Литовскія племена!

Касательно именъ, скажу здѣсь, изъ арсенала тяжелой артиллеріи, что г. Костомаровъ упустилъ совершенно изъ виду самое существо Литовскаго племени, которое долго считалось образовавшимся изъ Славянъ, Готовъ, однородныхъ съ Норманнами, и Финновъ. Да и теперь, когда Литовцы признаны отъ авторитетовъ самостоятельнымъ народомъ, соединеніе съ ними Готовъ и Норманновъ, съ первыхъ временъ поселенія, нѣсколько разъ возобновлявшаяся, не подвержено никакому сомнѣнію.

(*) Г. Иловайскій впадаетъ въ тоже самое заблужденіе, (см. ниже).

Послушаемъ Шафарика:

«Отдѣленіе поколѣнія Литовскаго отъ Славянскаго произошло, безъ сомнѣнія, въ скорости послѣ поселенія, обоихъ народовъ въ Европѣ, и кажется, съ одной стороны, отъ того, что они весьма долгое время находились подъ властію иноплеменныхъ народовъ, Готовъ и прочихъ Нѣмцевъ»... с. 280.

«Около 180—210 г. по Р. Х., Готы, вытѣсненные Венетами изъ Прибалтійской земли, на которой они скитались около 500 лѣтъ, обращаются оттуда къ Черному морю, и остаются тамъ до прибытія грозныхъ Гунновъ. Впрочемъ, кажется, нѣкоторые изъ нихъ, не рѣшавшіеся разстаться съ этимъ краемъ, который привыкли было сосать, еще оставались въ немъ; къ нимъ, въ послѣдствіи, присоединились другіе Нѣмцы, тоже изъ поколѣнія Готовъ, и Скандинавскіе выходцы, Виты, Витинги, Видивары, и т. п., и снова поработили слабые туземные народы Литовскаго поколѣнія, Прусъ, Корсѣ, и т. д.». «Имя Готовъ, по причинѣ жестокихъ поступковъ ихъ съ бѣдными Прусами, слѣдуюсь у этихъ послѣднихъ омерзительнымъ и брачнымъ, въ чемъ увѣряетъ насъ общеупотребительная народная пѣсня: *Perkunas Diewatis, nemuszk Zemiagtis, Vet musz Gudu, keip szuniu*, т. е.: Богъ Перунъ! Не бей Жмудяна, не бей Гота, этого пса рыжаго», с. 304—305.

«На Балтійскомъ поморьѣ... искони обитали народы поколѣнія Литовскаго, предки послѣдующихъ Прусовъ, Корси, Латышей и Литовцевъ, зависшіе сперва отъ Готовъ, а потомъ отъ Витинговъ и прочихъ Нѣмцевъ», с. 311.

Это о древнѣйшей связи Литовскаго племени съ Нѣмцами, а сколько еще можно сказать объ отношеніяхъ Нормановъ къ берегамъ Балтійскаго моря, и о вліяніи ихъ на прибрежныхъ жителей?

Слѣдовательно, не мудрено быть въ Литовскомъ языкѣ тѣмъ Норманскимъ корнямъ, отъ которыхъ произошли нныя имена, и доказать этими именами ничего нельзя. Они могутъ быть тѣми же чистыми Норманскими корнями.

А какого характера были эти Литовцы, изъ которыхъ одному племени г. Костомаровъ поручаетъ защищать Новгородское обширное владѣніе отъ бранныхъ Норманновъ?

Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Шафарикъ, послѣ тщательныхъ критическихъ изслѣдованій:

«Родственные древнимъ Славянамъ Литовскіе народы, малочисленные, слабые, миролюбивые, обитали въ отдаленнѣйшее время въ тѣхъ же самыхъ жилищахъ на Балтійскомъ берегу, въ сосѣдствѣ съ Славянами, гдѣ и впоследствии встрѣчаемъ ихъ съ VI по X столѣтіе». Славянскія Древности, т. I, кн. 2, с. 334.

Г. Костомаровъ собираетъ Литовскія слова, соотвѣтствующія Норманскимъ нашимъ именамъ, и при каждомъ съ торжествомъ спрашиваетъ: развѣ это созвучіе? Иггорасъ, (стремящійся въ даль), развѣ это созвучіе? Олегъ, (ilges, длинный, ulga, награда), развѣ это созвучіе? Улебъ, (кричащій), развѣ это созвучіе? Бернасъ, (bernas, отрокъ), развѣ это созвучіе? Прастенъ—незначительный, простой, и т. п. Особенно г. Костомаровъ гордится Сенеусомъ (сепейюсъ—старина, старость), который, по его мнѣнію, есть чистый Синеусъ, не чета Шлецеровскому (за полвѣка или болѣе сдѣланному) подбору.

«Я обращаюсь ко всѣмъ (говорить онъ), удостоившимъ своимъ посвѣщеніемъ наше состязаніе, и прошу ихъ произвести приговоръ, что ближе къ Синеусу—Сенеусъ, или Сніо, Снннїутерь, Сигнїаутерь, Сивіамъ, Суне?» с. 19. (Одинъ газетный корреспондентъ поразилъ меня еще больше, причисливъ къ вопросамъ г. Костомарова гг. Сенса и Сансуса! Сѣв. Пчела, № 68, с. 269).

Да помилуйте—что вы говорите: вы приводите мнѣ Литовскія, положимъ одинакія, слова, да вы дайте мнѣ Литовскія имена; а вѣдь нѣтъ Литовскаго Синеуса, Прастена, Бернаса, Иггора, Глѣба, Тилена.

Вы предлагаете нѣсколько подобныхъ именъ мѣстностей, да отъ чего онѣ такъ называются? Развѣ это изслѣдовано?

Что же это за путаница: въ Литвѣ слова, а у насъ имена? Вѣдь это non-sens

Возвращаюсь опять къ Синеусу, и спрашиваю у той же публики, что ближе къ Синеусу: Синій усь или Сенейюсь, старый! Если синій усь смѣшонъ, то сенейюсь, отъ Лат. senex, еще смѣшнѣе, и оба они не могутъ употребляться ни въ какое доказательство происхожденія: иначе лорда Русселя, гг. Гладстона, Говарда, Непира, Вилліама, мы пожалуйемъ въ Русскихъ людей, и будемъ искать въ нихъ русаго, гладкаго, говорящаго, не пирующаго, виляющаго, и проч.

Прастенъ почему же происходитъ не отъ простой, т. е., почему онъ не Славянинъ, тѣмъ болѣе, что и въ Литовскомъ нарѣчїи это могло быть слово Славянскимъ (*)?

Вопросъ о Литовскомъ языкѣ есть вопросъ нетронутый, и употреблять языкъ съ голоса непозволительно! Почтайте-ка Шафарика.

Въ Литовскихъ нарѣчїяхъ, по исчисленію филологовъ, считается по трети и болѣе Готскихъ и Нѣмецкихъ словъ. (См. Кепшенову статью о происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ, с. 180).

(*) Г. Костомаровъ напираетъ много на Рюриковичей, которые до сихъ поръ ведутся въ Литвѣ. Мнѣ очень жаль, что я позабылъ на ту пору указать ему, что между нашими слушателями находился г. Труворовъ.

Объ именахъ Диѣпровскихъ пороговъ повторять сказанное и пересказанное считаю утомительнымъ для печати, не только для гласнаго соотязанія: пусть любопытные обратятся къ моимъ Исслѣдованіямъ, т. II. Тамъ найдутся отвѣты на всѣ сомнѣнія г. Костомарова.

Какъ основываться на Константиѣ, у котораго Новгородъ называется Немогарда, а Смоленскъ Милниска, говорить г. Костомаровъ? Да укажите мнѣ одинъ языкъ, въ которомъ бы вообще иностранныя собственныя имена писались правильно и точно. Довольно прочесть, думаю, однѣ нынѣшнія газеты, чтобъ убѣдиться въ различіи Французскаго, Нѣмецкаго, Англійскаго, Русскаго произношенія. Такъ неужели мы должны отвергнуть тождество этихъ разногласныхъ имёнъ? При чемъ же мы останемся? Модные наши журналисты щеголяютъ отчаянною точностію: съ неизъяснимымъ наслажденіемъ и невыразимою гордостію произносятъ и пишутъ они: Уильямъ, Уильсонъ, Уайтъ. Впрочемъ, даже они взыскательны такъ только относительно Англійскаго языка, который, впрочемъ, меньше всѣхъ знаютъ, а изъ прочихъ языковъ уважены только Донъ-Кихоть и Мехико. Такой точности, такого оперативнаго насилія собственному горлу, въ угоду иностраннымъ азбукамъ, отъ древнихъ авторовъ требовать гельза, и Милниска=Смоленскъ Константина Багрянороднаго ни коимъ образомъ отвергнуть быть не можетъ. Иродотъ, Плиній, Страбонъ, Птоломей, Юрнадъ, на коихъ основывается Европейская исторія и географія, всѣ наполнены подобными испорченными именами, болѣе или менѣе поврежденными.

Нѣмцами называли у насъ западныхъ Европейцевъ. Ну да! Не забывайте только, что Славяне, Литовцы и Финны никогда не назывались Нѣмцами.

Вы оправдываете отсутствіе связи Руси съ Русью Литовскою, а съ Норманами-то связь представляется безпрерывная, безостановочная, начиная съ самаго перваго прибытія Рюрика — вотъ въ чемъ главное! Вотъ чѣмъ утверждается Норманство нашихъ первыхъ князей, безъ сравненія со всѣми прочими мнѣніями, приводящими ихъ откуда бы то ни было.

Какъ увлекаться можно своимъ мнѣніемъ, какія натяжки могутъ показаться, въ извѣстномъ расположеніи, позволительными, это представляетъ разительнымъ образомъ слѣдующее толкованіе г. Костомарова.

«Наша лѣтопись составлена уже въ XII вѣкѣ, и, сообщая извѣстія о прежнихъ событіяхъ, лѣтописецъ употреблялъ слова и выраженія, господствовавшія въ его время. И по этому, подъ которымъ именемъ извѣстны были Норманы при Олегѣ, при Игорѣ, при Святославѣ — ни вы, ни я, не можемъ этого рѣшить. До того времени мы знаемъ только, что Варяги, жители приморскаго побережья, имѣли сношеніе съ Русскимъ краемъ; одни Варяги покорили Новогорцевъ, Кривичей; ихъ изгнали, другихъ призвали, былъ путь изъ Варягъ (т. е., съ Балтійскаго моря) въ Греки, и наконецъ Игорь послалъ за какими-то Варягами за море. Всѣ эти событія передаются намъ изъ конца XI и начала XII в., а въ памятникахъ IX и X в. о Варягахъ нѣтъ ничего. Норманны приходили къ намъ, подъ именемъ Варяговъ, въ концѣ X и XI в. — Съ Владимира у насъ являются сношенія съ Скандинавіею», с. 23.

Разсмотримъ это разсужденіе.

Вы допускаете сношенія Варяговъ=Норманновъ со времени Володимера въ X в. и въ XI, а отъ прежнихъ сношеній, вамъ мѣшающихъ, вы отказываетесь, говоря: «Подъ которымъ именемъ извѣстны были Норманны при Олегѣ, при Игорѣ, при Святославѣ, ни вы, ни я, не можемъ этого рѣшить».

Нѣтъ, можемъ и должны рѣшить по законамъ самой строгой исторической критики. Слушайте: вы допускаете, что Ярославовы Варяги были Норманны,— о которыхъ сказано: «Начаша (Новгородцы) скоть сбирати... и приведоша Варягы, вдаша имъ скоть, и совокупи Ярославъ вои многи».

Прежде: «Хотяшу Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ пославъ *за море*, приведе Варягы». Мы знаемъ ихъ даже по именамъ.

Вы допускаете, что Володимеровы Варяги были Норманны,— о которыхъ сказано: «Слышавъ Володимеръ въ Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся, бѣжа *за море*... Приде Володимеръ съ Варяги Новугороду... Володимеру шедшу Новугороду по верховіѣ воѣ».

Такъ какъ же можете вы отвергать тождество Варяговъ Игоревыхъ съ Норманами, о которыхъ сказано точно тоже: «Игорь же пришедъ (изъ подъ Греческаго похода, разбитый), нача совокупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи *за море*, вабя е на Греки?»

Какъ же можете вы отвергать тождество Варяговъ Аскольдовыхъ съ Норманнами, о которыхъ сказано: «И бяста у него (у Рюрика) два мужа... непросистася къ Царюгороду съ родомъ своимъ... и поидоста по Днѣпру... Аскольдъ и Дирь... остана въ градѣ семъ (Кіевѣ) и многи Варяги совокуписта... иде Аскольдъ и Дирь на Греки?»

Это все одни и тѣ же люди: Володимеровы Варяги въ X вѣкѣ просятся въ Грецію у Володимера, точно какъ Рюриковы Варяги просились въ Грецію, точно какъ Изяславовы Кіяне собирались уйти въ Грецію; Игоревы Варяги дѣлають то же, и поступаютъ такъ-же, какъ Аскольдовы. Въ одинакихъ обстоятельствахъ ищутъ ихъ помощи Володимеръ и Ярославъ, однѣ и тѣ же выраженія употребляются объ нихъ въ лѣтописи.

Ну съ чѣмъ же это сообразно — Володимировыхъ Варяговъ счесть Норманнами, а въ Игоревыхъ или Аскольдовыхъ сомнѣваться? И на какомъ основаніи? На томъ, что лѣтопись сочинена въ XI вѣкѣ, и употребляетъ выраженія своего времени. Да вѣдь если бы она разумѣла разныхъ людей, то необходимо должна была бы въ томъ оговориться. И съ какимъ правомъ одному слову давать разныя значенія?

Это еще не все, а вотъ въ чемъ заключается ваше вопіющее пристрастіе.

Варяги упоминаются 60 разъ; вы ихъ раздѣляете, и съ X в. даете значеніе, которое до X в. отвергается. А Русь ваша упоминается только въ XI вѣкѣ, и вы предполагаете ея существованіе въ X, IX, VIII столѣтіяхъ, и считаете себя въ правѣ это дѣлать!

Съ Варягами=Норманнами была исторически показанная связь—вы ее отвергаете; съ Жмудью не было никакихъ сношеній—вы ихъ предполагаете, даже безъ историческихъ свидѣтельствъ: такъ какъ же можно сговориться съ вами?

Въ памятникахъ IX и X в. о Варягахъ нѣтъ ничего, вы говорите. Да почему же вы знаете, что въ извѣстіяхъ IX и X в. Варяги съ неба упали?

Нѣтъ, извѣстія были и продолжались—въ пѣсняхъ, на камняхъ, въ запискахъ: не могъ Несторъ выдумать и такъ опредѣлительно выставить года событій.

Но довольно! Миѣ совѣстно. миѣ стыдно распространяться такъ много, заниматься такъ долго, пустымъ, неблагодарнымъ, вопросомъ. Скажу вамъ теперь просто, безъ околичностей: миѣ даже стыдно за себя, за Русскую науку, за наше время, за университетское образованіе, видѣть, что общій нашъ уровень такъ низокъ, и мы безпрестанно имѣемъ пужду возвращаться къ своимъ задачамъ, повторять свою азбуку.

Въ предосужденіе г. Костомарову Жмудское мнѣніе отнюдь не можетъ быть отнесено: ученый—есть существо особаго рода, съ нимъ случаются иногда затмѣнія, увлеченія и такія странности, какихъ обыкновеннымъ аршиномъ не измѣришь. Въ полное оправданіе и объясненіе г. Костомарова скажу, что самъ Шлецеръ, (надѣюсь, что выше чести я оказать ему не могу), могъ же вѣдъ утверждать, что Аскольдова Русь была особая Русь, *sui generis*, а не Кіевская!

Напрасно ссылаться на публику, какъ говорятъ одни, которой предоставилъ я самъ право рѣшенія вопроса, и которая склоняется будто на Жмудскую сторону.

Я не знаю, въ какой степени это вѣрно; но если бѣ десять публикъ склонилось въ пользу Жмуди, я пожалѣлъ бы объ нихъ, и подалъ бы апелляцію къ ихъ дочкамъ, внучкамъ и правнучкамъ, увѣренный, что та или другая правнучка возвратится къ Норманнамъ, и скажетъ непременно съ улыбкою объ своей прародительницѣ: ахъ, бабушка, въ какую трущобу она попала, и съ чего это она туда сунулась!

Напрасно было ожидать отъ меня новыхъ доказательствъ въ пользу Норманскаго происхожденія Русн, коихъ желали, будто, другіе. Ученыя доказательства не изобрѣтаются къ назначенному дню собранія, да если бѣ онѣ и были, то не нужно было употреблять ихъ въ дѣло, для того, чтобъ не показать сомнѣнія или недовѣрчивости къ прежнимъ. Для старыхъ истинъ не нужно новыхъ доказательствъ, и если $2 \times 2 = 4$, то смѣшно было бы ожидать отъ меня доказательствъ дополнительныхъ, въ родѣ, четырехъ съ половиною. Новыя доказательства или подтвержденія, поясненія, употребятся въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Я приписалъ публикѣ зрѣлость для участія, для сужденія о всѣхъ вопросахъ, для насъ нужныхъ, отвѣчу я третьимъ, но я отнюдь не приписывалъ ей папской непогрѣшительности, тѣмъ болѣе, что жители Романьи усомнились даже теперь и въ этой древнѣйшей привилегіи папства. Публика можетъ и должна принимать участіе во всякихъ сужденіяхъ, но она можетъ ошибаться; всѣ Европейскія публики, не только созрѣлыя, но и перезрѣлыя, и даже устарѣлыя, ошибаются безпрестанно. *Ergare—humanum est.*

Напрасно говорить съ четвертыми, что принимать старое мнѣніе знаменуетъ застой въ наукѣ, а новое— прогрессъ. Вопросъ о происхожденіи есть тысячныйъ вопросъ изъ числа вопросовъ, составляющихъ Русскую исторію. Измѣненіе его, состоящее только въ возобновленіи старыхъ погудокъ на новый ладъ, не имѣетъ никакого вліянія на совокупность Русской исторіи. Русская исторія не двинется, если объ одномъ ея вопросѣ выразится новое мнѣніе. Нѣгъ, Жмудской эпизодъ скорѣе можно причислить къ тѣмъ попятнымъ шагамъ, которые замѣтилъ еще Шлецеръ, рассуждая о судьбахъ Русской исторіи; она идетъ, обыкновенно три шага впередъ, и потомъ два опять назадъ. Я пережилъ уже много такихъ попятныхъ шаговъ: Козарство Эверса, Черноморство Неймана, Скептицизмъ Каченовскаго, Славянство Морошкина, Родовой бытъ Соловьева, — и дружески совѣтую г. Костомарову, обдумавъ дѣло повнимательнѣе, устремиться впередъ, съ трудами подобными Богдану Хмѣльницкому, Стенькѣ Разину, разсужденію о торговлѣ Русской въ средніе вѣка, а не подаваться ни на минуту назадъ, вслѣдъ за тѣми бездарностями, у которыхъ охота смертная, а участь горькая.

Апрѣля 17, 1860 года.

VIII

О СТАТЬЕ:

«ЕДИНОДЕРЖАВІЕ ВЪ РОССІИ».

(Вѣстникъ Европы. 1870. Ноябрь).

Въ началѣ этой статьи г. Костомаровъ убѣдительно доказываетъ, что Славянскія племена испоконъ вѣка жили порознь, особняками, не имѣли никакой связи между собою, ссорились безпрестанно, и попадали чуждому игу.

«Только крѣпкое завоеваніе или вліяніе иноземныхъ стихій могли бы привести ихъ къ тому» «общественному строю, пригодному для внутренняго порядка и внѣшней защиты» с. 6.

Все это совершенно справедливо, и согласно съ положеніями науки, добытыми критикой.

«Такая рознь Славянскихъ племенъ, жившихъ на Русскомъ материкѣ, не изгладила однако между ними сознанія общаго для всѣхъ племеннаго единства, и отъ того они всѣ легко усвоили названіе Русскихъ. Самое время, когда возникло это общее для нихъ названіе, еще не опредѣлено исторією окончателью» (с. 7).

Г. Костомаровъ соглашается, слѣдовательно, что имя Руси есть имя принятое, и только затрудняется опредѣлить, когда это имя было усвоено Славянскими племенами.

Но вѣдъ лѣтопись говорятъ именно—когда и какъ: «Отъ Варяговъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Словене, аще и Поляне звахуся».

На какомъ же основаніи вы не принимаете этихъ ясныхъ словъ, совершенно соответствующихъ обстоятельствамъ, ходу дѣла, вами признанному, и иностраннымъ свидѣтельствамъ?

«Нельзя навѣрно утверждать, что это названіе занесено къ намъ пришлыми Варягами, какъ обыкновенно думаютъ».

Но почему же?

«Быть можетъ, оно было нашимъ домашнимъ названіемъ и прежде, такъ что еще въ глубокой древности, когда Славянскія и Русскія племена не соединены были властію единого княжескаго рода, уже для нихъ существовалъ общій признакъ единенія подъ общимъ для всѣхъ названіемъ Руси» с. 7.

Племена жили порознь, имѣли свои имена: какой же тутъ могъ быть признакъ единенія подъ общимъ для всѣхъ названіемъ Руси? Слова, въ коихъ мудрено добраться до смысла. Откуда могло бы явиться одно общее имя? Какъ могли бы согласиться враждебныя между собою племена принять его и отъ кого? По какому поводу, при какихъ случаяхъ? Для какой цѣли?

Свидѣтельство ясное, положительное, вы отвергаете, а предлагаете свою догадку безъ всякаго свидѣтельства. Вѣдь надобно бы доказать ее, представить поводы, побудительныя причины—ничего подобнаго нѣтъ: одно голословное утверженіе.

И это наука! И это критика!

... «Впослѣдствіи мы ясно видимъ», продолжаетъ г. Костомаровъ, «что гдѣ была земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣсколько княженій; тоже было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія Варяговъ у cadaго изъ народцевъ было кромѣ своей земли еще свое княженіе» с. 8.

... «Какого рода были эти князья—мы не знаемъ, были ли то родоначальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родового старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи земли,—лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами, послѣ прибытія Варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли» с. 8.

Предполагать князей или старѣйшинъ, какихъ нибудь начальниковъ, можно, и примѣромъ князя Древлянскаго, Мала это предположеніе подтверждается,—но вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе въ приведенныхъ словахъ г. Костомарова: онъ сознается здѣсь, что «послѣ прибытія Варяговъ съ ихъ родомъ Славянскіе князья съ ихъ родами куда-то дѣлись и какъ то исчезли».

«Несомнѣнно только то», говоритъ онъ, «что съ половины IX вѣка другой родъ, призванный извнѣ (если только на слово вѣрять лѣтописнымъ сказаніямъ) начинать замѣнять прежнихъ князей Славяно-русскаго материка» с. 9.

Слушайте, слушайте: «другой (т. е. не Славянскій) родъ, начинаетъ замѣнять прежнихъ князей Славяно-русскаго материка».

Все это такъ, кромѣ послѣдняго прилагательнаго, Русскій, которому не откуда бы взяться, если бы оно не было принесено именно этимъ родомъ, призваннымъ извнѣ.

Князья пришли извнѣ,—ну они и принесли съ собою свое имя, и оно простерлось естественно на тѣ земли, кои поступали постепенно подъ ихъ власть. Самъ г. Костомаровъ говоритъ: «Куда досягало княжеское собирательство дани, тамъ была и Русь: слѣдовательно Русь могла расширяться и сужаться» с. 17.

Какъ же это естественно, и какъ это достовѣрно, если притомъ свидѣтельствуется лѣтописью, и если въ противномъ мнѣннн встрѣчаются необоримыя, необъяснимыя затрудненія; а онѣ-то и принимаются на обумъ!

Спросимъ еще мимоходомъ: откуда могъ бы всего естественнѣе быть призванъ этотъ родъ, и съ чьими сходствуютъ его послѣдующія дѣйствія?

Кромѣ имени всѣ положенія о разъединеннн Славянскихъ племенъ, и соединенн ихъ съ чуждымъ племенемъ, извнѣ такъ или иначе пришедшимъ, о Варяжскихъ князьяхъ, и ихъ дружинѣ, (явленнн, естественно возникшемъ съ прибытнмъ Варяжскихъ князей, с. 47), болѣе или менѣе согласуются съ общими понятннми о древней Русской Исторнн, выработанными наукою. Такъ что по этому разсужденню остается только у г. Костомарова сомнѣннн объ имени Русь: туземное оно или принесенное—вопросъ второстепенный.

(Отъ чего же этихъ положеннн нѣтъ, (я дѣлаю вставку), во вновь изданной г. Костомаровымъ Русской Исторнн, нѣтъ и главнаго изъ этихъ положеннн, несомнѣннаго, по его собственнымъ словамъ въ 1870 году, о другомъ родѣ, такъ или иначе пришедшемъ къ намъ въ половннѣ IX вѣка, замѣнившемъ Славянскихъ князей, «которые исчезли послѣ прибытнн Варяговъ», и пропала эластичность имени Русь?)

Слѣдствнн, коихъ на моемъ вѣку пришлось мнѣ про-извести много надъ историческими вопросами, помогаютъ мнѣ догадаться объ источннкѣ и этого явленнн.

• Г. Костомаровъ имѣлъ странное, чтобъ не сказать болѣе, мнѣннн о Литовскомъ происхожденнн Руси, разобранное нами подробно. Опроверженнн этого мнѣннн, подавшего поводъ къ публичному диспуту, и дополненнн къ оному, читатели прочли выше. Онъ увидѣлъ свою несостоятельность, и какъ умный, смышленный писатель, въ изслѣдованнн своемъ, которое теперь я разбираю, онъ умолчалъ о Литвѣ и выразился глухо: извнѣ.

Но вотъ въ слѣдующемъ году г. Иловайскій объявилъ, что призванія Варяговъ—Руси не было, и извнѣ никакого чуждаго рода не приходило. Г. Костомаровъ, потерявшій Литву, радъ былъ раздѣлаться и съ оставшимся безпокойнымъ словомъ извнѣ, неимѣя вмѣстѣ обязанности признавать Норманство, которое опровергалъ въ спорѣ со мною.

На какихъ же основаніяхъ, по какимъ причинамъ, ученый могъ оставить вдругъ свое оригинальное мнѣніе, и принять ни съ того ни съ сего мнѣніе совершенно противоположное, объ этомъ объясниться онъ не разсудилъ. Онъ не разсудилъ объяснить, какимъ образомъ Русь, которая по его словамъ въ концѣ 1870 года, могла расширяться и съужаться, вдругъ сдѣлалась безпредѣльною у г. Иловайскаго и получила его согласіе? А всего забавнѣе то, что флюгеры—журналисты, восхваляя прежде Литовское происхождение, также вдругъ забыли о немъ, и пустились восхвалять парадоксы г. Иловайскаго, также безъ малѣйшихъ доказательствъ.

И эти господа толкуютъ о наукѣ, о критикѣ, о новыхъ взглядахъ, о передовыхъ дѣятеляхъ!

Но это мимоходомъ, въ объясненіе, почему рознятся между собою такъ сильно два сочиненія г. Костомарова, близкія между собою по времени: изслѣдованіе и повѣствованіе).

Обратимся къ характеру пришлыхъ князей, который остается за ними и въ новомъ сочиненіи, хотя родъ ихъ признанъ тамъ же инымъ.

Приведемъ главныя мѣста изъ разсужденія г. Костомарова, гдѣ онъ выражаетъ свое о нихъ мнѣніе:

«Князь раздѣжалъ по землямъ^{ор} и бралъ сколько могъ: такой способъ имѣлъ характеръ *набыга и грабежа*» с. 9.

«Другой способъ... посредствомъ назначенія по городамъ мужей».

Вначалѣ размѣръ дани не былъ установленъ.

«Князья и ихъ мужи *обирали* покоренныя племена по своему произволу, и сами подвергались опасности

сдѣлаться жертвою ожесточенія народа, если онъ потеряетъ терпѣніе и возстанетъ на своихъ *«мучителей»*; тогдашніе собиратели дани, по сказаніямъ самого лѣтописца, *«мучили»* покоренныхъ: о Свѣнелдѣ, воеводѣ Игоря, говорится: «и примучи Улича» с. 9.

«Не только самъ князь и посланные имъ мужи, но и княжескіе бояре со своими дружинниками, по *собственному произволу*, ходили *вымучивать дань* у слабыхъ разединенныхъ племенъ. Такъ дружина князя Игоря завидовала дружинѣ Свѣнелда и говорила своему князю: «Свѣнелдовы отроки изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы наги, пойдемъ, княже, собирать дань, а ты побудешь, и мы». Здѣсь слышится такая же рѣчь, какую услышали бы во всѣ времена отъ *шайки разбойниковъ*, обращающейся къ своему *атаману* съ требованіемъ поступить такъ, какъ поступила съ выгодой для себя *шайка другаго атамана*. Способъ обращенія Игоря съ данниками изобличаетъ вполне *разбойничій* характеръ. Набравши дани и возвращаясь домой, Игорь разсудилъ, что Древляне народъ смиренный и податливый (?), и задумалъ *ограбить* ихъ побольше. Ни о какомъ правительственномъ устройствѣ покоренной земли Игорь не думалъ; онъ оставлялъ Древлянскую землю ея князю, ея вѣче, и Древляне невозбранно могли совершить совѣщаніе между собою о томъ, какъ избавиться отъ *разбойниковъ*: «повадится волкъ въ овчарню, говорятъ они, вынесетъ все стадо, если не убьютъ его». «Таковъ былъ приговоръ ихъ вѣча. Убили Игоря, перебили его дружину, точно такъ же, какъ бы перебили *всякую другую разбойническую шайку*. Описание этого событія въ нашей лѣтописи—живой образчикъ того, какъ въ то время собиралась дань; а въ такомъ собраніи состояла вся дѣятельность власти пришлыхъ князей надъ покоренными народами. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы такое обирательство славяно-русскихъ

народовъ должно было совершаться только посредствомъ иноплеменниковъ, и на такомъ предвзятомъ мнѣніи выводить, что вся княжеская дружина состояла исключительно изъ иноплеменниковъ. Для составленія разбойничей шайки не нужно, чтобъ въ этой *шайкѣ* были исключительно люди иного племени, а не того, которое терпитъ отъ ея *разбоевъ*. *Разбойничья шайка* легко составляется изъ того же народа, который она разоряетъ».

«У Варяжскихъ князей и ихъ дружинниковъ, какъ внутри Русскаго материка, такъ и въ войнахъ съ Византійскою имперіей, не было другой цѣли кромѣ добычи» с. 11.

«Земля оставалась съ своимъ самоуправленіемъ; наѣзники довольствовались *грабежемъ*, гдѣ только представлялся случай; около нихъ толпились молодцы, готовые вмѣстѣ съ ними поживляться на счетъ кого бы то ни было».

«Въ итогъ все равно—были ли князья въ началѣ призваны, или же они овладѣли посредствомъ оружія всѣми безразлично,—послѣдующія обстоятельства поставили ихъ такъ, что они для Славяно-(русскихъ) народцевъ могли быть только въ родѣ *атамановъ разбойнической шайки*, называемой дружиною, и болѣе ничѣмъ» с. 16 и еще с. 46.

«Въ языческой періодъ дружина, ограничивалась собираніемъ дани для князя и для себя, имѣла характеръ *разбойнической шайки*, находящейся въ распоряженіи у атамана».

«Замѣчательно, что Ольга первая является въ исторіи съ нѣкоторыми признаками государственности: это видно изъ установленія дани и уроковъ. До тѣхъ поръ не было никакого установленія: *брали сколько хотѣли*. У Ольги *разбойничій наездъ* сталъ замѣняться подобіемъ закона» с. 11.

Г. Костомаровъ, какъ будто опасаясь, чтобъ мы не причли первыхъ князей къ лику святыхъ въ приведенныхъ мѣстахъ, нами подчеркнутыхъ, на двухъ-трехъ страницахъ разъ тридцать называетъ ихъ въ разныхъ формахъ разбойниками, грабителями, мучителями, и съ удареніемъ повторяетъ излюбленные эпитеты.

Совершенно невѣрное изображеніе, которое находится въ полномъ противорѣчій съ положительными, вполне достовѣрными показаніями лѣтописи.

Русскіе князья не были отнюдь грабителями и разбойниками, а налагали на покоряемыя, или приводимыя подъ свою власть племена, извѣстную опредѣленную дань, сажали ихъ на оброкъ, какъ-то въ самыхъ ясныхъ словахъ свидѣтельствуеть лѣтопись.

Олегу, лишь только водворился въ Кіевѣ (880 г.), какъ тотчасъ «нача города ставити и *устави дани* Словѣномъ, Кривичемъ и Мери».

Въ слѣдующемъ (881) году. Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ и, имаше на нихъ дань *по чернѣ кунѣ*.

Далѣе въ 882 г. Иде Олегъ на Сѣверяне и побѣди Сѣверяны, и *возложи на нѣ дань леку*.

Въ 883 г. Посла Олегъ къ Радимичемъ... и вдаша Ольгови *по шлѣгу*, якоже Козаромъ даху.

Въ 913 г. Деревляне заратишася отъ Игоря по Ольговѣ смерти.

Въ 914 г. Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ возложи на ня *дань болшую* Ольгови.

Въ 945 г. «Игорь, иде въ Деве въ дань и *крымышляше къ первой дани*, насиляше имъ и мужи его». — Отшедъ домой, онъ воротился къ Деревлянамъ «желая больша имѣнья». — Деревляне прислали сказать ему: «по что идеши опять? *Поималъ еси всю дань!*»

Игорь не послушался, и былъ убитъ съ дружиною Деревлянами, «бѣ бо ихъ мало».

Ольга, жена его, отмстила смерть его, «и возложи на ня дань тяжку, двѣ части дани идѣга Киеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ».

Въ 947 г. Иде Вольга Новугороду, и *устави* по Мостѣ *новостья* и *дани* и по Лузѣ *оброки* и *дани*.

Святославъ въ 974 г. Иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: кому дань даете? Они же рѣша: Козарамъ по шлягу отъ рала даемъ.

Въ 976 г. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ возложи.

Въ 981 г. Володимеръ Вятичи побѣди, и *возложи на нь дань отъ плуга*, якоже и отецъ его имаше.

Въ 984 г. побѣждены были Радимичи, и *платятъ дань Руси, нововъ везуть* и до сего дни.

Вотъ положительныя свидѣтельства лѣтописи: можно ли сдѣлать изъ нихъ заключеніе, что первые Русскія князья были въ родѣ разбойничьихъ атамановъ? Напротивъ изъ нихъ очевидно, что племена Славянскія платили имъ опредѣленный оброкъ, и согласно съ ними Греческій писатель Константинъ Багрянородный пишетъ, о полюдьяхъ Россійскихъ князей (*). Одинъ изъ князей, Игорь, хотѣлъ взять лишнее, и былъ за то убитъ, разорванъ на части.

Слѣдовательно примѣръ Игоревъ, на которомъ отчасти основывается г. Костомаровъ, служитъ къ опроверженію его нелѣпной атамано-разбойничьей теоріи.

Другое основаніе его находится въ выраженіи лѣтописи о Свѣнелдѣ, мужѣ Игоря и Святослава: «тогдашніе

(*) Какъ скоро наступитъ ноябрь мѣсяць, то Россійскіе князья, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ» разбѣжались въ полюдье, или отправлялись въ земли Вервянь, Другувичей, Кривичей, Сервявъ и другихъ Россамъ подчиненныхъ Славявъ.

собиратели дани», говорить г. Костомаровъ, «по сказанію самаго лѣтописца мучили покоренныхъ: о Свѣнльдѣ... говорится и примучи Уличи».

Во *первыхъ* лѣтописецъ совсѣмъ не говоритъ того, что вы заставляете говорить его, не понимая его словъ: «примучи» не значить мучилъ. Простой здравый смыслъ долженъ былъ подсказать вамъ, что мучить безъ цѣли, для того только, чтобъ мучить, какъ выходитъ изъ вашихъ словъ, не стоило бы труда. Примучи по всѣмъ контекстамъ значить: силою, вслѣдствіе сопротивленія, принудилъ платить дань. Разумѣется, могли здѣсь, случаться и разныя казни. Такъ объ Олегѣ, въ самой первой походѣ его, на Древлянъ, сказано: и примучивъ и, имашена ихъ дань. Объ Ольгѣ точно также могло бы быть сказано, что она, примучивъ Древлянъ, наложила на нихъ дань.

Древляне было самое сильное и мужественное племя, Олегъ, видѣли мы, началъ съ нихъ свои походы, и нашелъ какъ видно сопротивленіе, котораго неизвѣстно при походахъ на другія племена. По его смерти Древляне тотчасъ заратылись, т. е. начали войну, и обложены были отъ Игоря тягчайшею данью. Съ Игоремъ, воспользуясь удобнымъ случаемъ, они расправились, привязавъ его къ двумъ деревьямъ нагнутымъ и потомъ пущеннымъ, такъ что онъ былъ разорванъ на части. Ольга отплатила имъ, и, кажется, укротила ихъ окончательно, а г. Костомаровъ думаетъ, что Игорь счелъ ихъ, смиреннымъ и податливымъ народомъ!! Хорошо знакомъ г. Костомаровъ съ нашими лѣтописями!

Это все—во *первыхъ*.

А вотъ во *вторыхъ*: допуская смыслъ, данный выраженію г. Костомаровымъ, все-таки онъ относится къ одному Свѣнльду: какое же право вы имѣете приписывать его всѣмъ тогдашнимъ собирателямъ дани? Ну вотъ вамъ Ягъ, мужъ Святослава Ярославича.

Послушайте, какъ онъ разсудительно и благочинно дѣйствовалъ при собираніи дани. «Приключися прити отъ Святослава дань емлющую Яневи, сыну Вышатины; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ. чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ иже около ею сугъ, рече имъ: «выдайте волхвата сѣмо, яко смерда еста моего князя». Они же сего не послушаша. Янъ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «не ходи безъ оружья, осоромятъ тя»; онъ же повелѣ взять оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ и поиде къ нимъ по лѣсу».

Въ третьихъ: выраженіе о Свѣнелдѣ и вообще о походѣ его на Уличей не находится въ лѣтописи Несторовой, а только въ Никоновскомъ сборникѣ. Я говорю это не съ цѣлью заподозрить извѣстіе, а съ цѣлью представить примѣръ, какъ обходится г. Костомаровъ съ лѣтописями: онъ отвергаетъ извѣстія изъ первой и древнѣйшей, которыя противорѣчутъ его вымысленіямъ, и принимаетъ угодное изъ самаго новаго сборника. Если вы вѣрите Никоновскому «примучи Свѣнелдѣ», то вы должны принимать всѣ походы, какъ они исчислены у Нестора, а принимая ихъ вы должны отказаться отъ всего своего *engorgement* (попалось мнѣ слово изъ Виктора Гюго, которое вѣрно изображаетъ новыя системы):

Въ четвертыхъ: г. Костомаровъ утверждаетъ смѣло, что княжескіе бояре по собственному произволу ходили вымучивать дань, и доказываетъ это примѣромъ Свѣнелда. Но, отвѣчаю, о Свѣнелдѣ не сказано, чтобъ онъ ходилъ самъ по своей волѣ: онъ ходилъ, безъ сомнѣнія, посланный, какъ Янъ. И съ посланнымъ сопровождавшая его дружина могла изодѣться оружіемъ и одеждой. Также изодѣться хотѣла и дружина

остававшаяся Игорева. Могъ Свѣнелдъ ходить и къ племенамъ, не платившимъ еще прежде дани. Вообще изъ однихъ словъ дружины Свѣнелдовой нельзя заключить о самовольномъ его походѣ.

Въ пятыхъ: утверждение г. Костомарова, что «вначалѣ размѣръ дани небылъ установленъ: брали сколько хотѣли» совершенно невѣрны, ибо тотчасъ по водвореніе Олега въ Кіевѣ сказано, что онъ *устави* дани Словенамъ, Кривичемъ и Мере. И при каждомъ почти новомъ походѣ эта дань опредѣляется: по кунѣ, по шлягу отъ плуга, рала.

Въ шестыхъ: напрасно г. Костомаровъ приписываетъ времени Ольги, «вслѣдствіе знакомства съ приемами Греческой образованности», «нѣкоторые признаки государственности». Напрасно, ибо именно тѣми словами, какія сказаны въ лѣтописи объ ея установленіи дани, описано лѣтъ за 70, установленіе Олегово: «Олегу *устави* 884 дани Словенамъ, Кривичемъ и Мери; Ольга *устави* (945) по Мьстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани.» Или г. Костомаровъ позабылъ объ Олгѣ? И потому скромныхъ словъ его въ началѣ этого утверженія объ Ольгиной государственности: «мы едвали ошибемся»... принять никакъ нельзя: ошиблись!

Въ седьмыхъ: участіе племенъ Славянскихъ въ походахъ Варяжскихъ князей доказать нельзя. Исчисленіе Олегова войска принадлежитъ, кажется, сагѣ (странно, что эти господа то отвергаютъ лѣтописи, то принимаютъ ея извѣстія). Есть извѣстіе еще о Мстиславѣ, который, обходя мѣсто сраженія, выиграннаго имъ у Ярослава, говорятъ: кто сему не радъ: се лежитъ Сѣверяпинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла. Это отзывается также сагою. Еще въ позднѣйшее время (въ 1216 г.), при описаніи войны Георгія Всеволодовича съ Новгородскимъ Мстиславомъ Удалымъ,

говорится, какъ объ особомъ, чрезвычайномъ случаѣ, что въ войско были нагнаны и посели. Въ походахъ могли участвовать только такъ называемые охотники.

Но довольно. Выпишемъ лучше изъ этого несчастнѣйшаго перваго параграфа слѣдующее прекрасное мѣсто о первомъ дѣйстви христіанской вѣры: «надобно мысленно отступитъ за нѣсколько столѣтій назадъ, отстранить все прожитое и усвоенное народомъ въ послѣдующія времена, войти въ міръ первобытной культуры, стать на точку зрѣнія дѣвственнаго народа, уразумѣть объемъ его дѣтскихъ понятій, почувствовать то, что онъ чувствовалъ, и тогда только можно сообразить, какой великій переворотъ произвело на Руси христіанство. Цѣлый міръ новыхъ неизвѣстныхъ до того понятій, связей, отношеній, открывался разомъ младенчеству міросозерцанію язычниковъ. Явилась церковь, такое общественное тѣло, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, съ своеобразными приемами, съ новыми правилами жизни, явилась письменность, понятіе о книжномъ званіи; сверхъ обычая явился божественный законъ; сверхъ отческаго преданія правственный долгъ» (с. 13).

Но въ новой несчастной книжкѣ, (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ) все это представлено уже и суше, а именно:

«Жители безъ явнаго противодѣйствія крестились въ Днѣпрѣ.... болѣе всего отъ того, что у Русскихъ язычниковъ не было жреческаго сословія, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота съ языческой точки зрѣнія.... — Большинство вступало въ новую вѣру и совершало обрядъ крещенія, не понимая, что дѣлаетъ.... Только постепенно и для немногихъ открывался свѣтъ новаго ученія.»(с. 14).

Отдадимъ справедливость слѣдующимъ вѣрнымъ строкамъ:

«На самобытную жизнь земель церковь не падала; правда, она всегда благопріятствовала тѣмъ стремленіямъ къ единенію, какія встрѣчала въ политической жизни, но дѣйствовала тихо, не давала толчковъ впередъ, а только помогала ходу того, что уже само собою, по стеченію чисто мірскихъ обстоятельствъ, приходило въ движеніе. Впрочемъ, въ самомъ устройствѣ церкви было нѣчто отчасти совпадавшее съ тѣмъ сочетаніемъ самобытности частей съ единствомъ цѣлаго, которое лежало въ нѣдрахъ стихій русской жизни. Такимъ образомъ, подъ первенствомъ митрополита всея Руси устраивались епископства въ главныхъ городахъ земель, и обокъ политической автономіи земли возникла въ тойже землѣ и церковная автономія».

Но заключеніе перваго параграфа ниже всякой критики по голословности гуртоваго осужденія народа: (ст. 16).

«Вмѣсто того, чтобы быть наѣздникомъ и грабителемъ, христіанство требовало отъ князя, чтобы онъ былъ правителемъ, судьей, защитникомъ и охранителемъ своего народа; церковь указывала ему впереди идеалъ главы государства.» «Но до этого идеала было далеко; его не допускали закоренѣлые нравы, понятія и взгляды народа».

Въ слѣдующихъ параграфахъ похвалимъ страницы: о происхожденіи городовъ, 27, о вѣчахъ, 31, о князьяхъ, 33, 34, о сословіяхъ, 45; вообще въ остальныхъ параграфахъ много хорошихъ замѣчаній, хотя съ нѣкоторыми и нельзя согласиться, напр. Г. Костомаровъ говоритъ: «дѣйствительно, всматриваясь въ дѣло, безъ предвзятыхъ заранѣе мнѣній, окажется, что между князьями не существовало никакого юридическаго старшинства, кромѣ того, которое неизбѣжно указывала природа (с. 33).»

А почему же послѣ Изяслава вступилъ на столѣ братъ его Всеволодъ, а не сынъ Ярополкъ? Послѣ Всеволода — старшій племянникъ Святополкъ, а не сынъ Мономахъ? Послѣ Мстислава — братъ Ярополкъ, потомъ Вячеславъ, а не Изяславъ Мстиславичъ? Въ Черниговѣ послѣ Давида — братъ Ярославъ и проч? Припомнимъ даже собственныя слова князей. Борисъ сказалъ дружинѣ, звавшей его, по кончинѣ отца Владимира, на столѣ въ Кіевѣ: какъ могу поднять руку на брата старѣйшаго? Мономахъ, по смерти отца Всеволода, рассуждалъ: если сяду на столѣ отца своего, то долженъ буду воевать съ Святополкомъ, потому что этотъ столѣ былъ прежде его отца. Вячеславъ говоритъ Всеволоду Ольговичу (1149) напавшему на Кіевъ: азъ, брате, приидохъ здѣ по братіи своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, по отецъ нашихъ завѣщанію. (См. о старѣйшинствѣ въ моихъ Излѣдованіяхъ, т. IV, ст. 357 и проч.)

Мнѣніе о необходимости избранія князей преувеличено.

Г. Костомаровъ находитъ какихъ-то особыхъ черныхъ людей въ древности. «Люди бѣдные, снискивавшіе себѣ пропитаніе ручною работою, составляли классъ черныхъ людей.» ст. 48. О такихъ черныхъ людяхъ нѣтъ никакого свидѣтельства.

«Низшимъ слоємъ между черными людьми», продолжаетъ онъ, «были такъ называемые смерды: то были земледѣльцы, жившіе на земляхъ княжескихъ и находившіеся въ непосредственной зависимости отъ Князя» (с. 48).

Смердами назывались вообще всѣ поселяне, земледѣльцы, что всего яснѣе видно изъ слѣдующихъ словъ Мономаха, наставлявшаго на войну съ Половцами, въ отвѣтъ говорившимъ — не время нынѣ погубити смерды отъ роли: се дивно ми... оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляете, оже на веспу начнетъ смердъ тотъ орати лошадыю того, и

прібхавъ Половчинъ, ударить смерда стрѣлою, и поиметь лошадь ту и жопу его и дѣти его, и гумно его зажжетъ».

Ясно, что смерды—черные люди, нынѣшніе крестьяне.

Даже приведенное мѣсто о винѣ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича (не блюдетъ смердъ) это доказываетъ: если бы смерды были его подданные, (а у Новгородскаго князя не было никакихъ), то въ вину ему эта беззаботность и не могла бы быть вмѣнена. Всеволодъ не заботился видно вообще о смердахъ (черныхъ людяхъ, поселянахъ), потому и былъ осужденъ.

«Намъ кажется всего вѣроятнѣе, что смерды возникли изъ военнопленныхъ, которыхъ князь селили на своихъ земляхъ». ст. 48.

Если смерды только княжіе поселяне, то для прочихъ-то поселянъ, туземныхъ старожиловъ, какое имя останется?

«Князья приобрѣтали свои княженія не дѣйствительно законнымъ выборомъ земли, а «подъискивали, подозрѣвали княженіе», прибѣгали къ коварству, и насилію и успѣвали на время, пока другой князь такимъ же образомъ не «подозрѣвалъ» подъ соперникомъ княженія и не находилъ способа свергнуть его». с. 50.

Это преувеличеніе выше всякой мѣры: насильственныхъ, незаконныхъ завладѣній, ничтожное по сравненіи съ прочими количество.

Ст. 50. «Полагають, что князьямъ доставили усиленіе власти новые города, и тѣмъ положено было начало единойдержавнаго строя и подавленія вѣчевыхъ порядковъ, господствовавшихъ въ обычаяхъ старыхъ городовъ.»

На эту тему я вель когда-то горячую полемику, согласно съ мнѣніемъ г. Костомарова.

Многія мысли заявлены давно, напр. о слѣдствіяхъ раздѣленія, по коему каждый удѣльный городъ дѣлался такимъ же средоточіемъ въ своей волости, какъ князь былъ и столичный городъ. См. въ monkъ Изслѣдованіяхъ т. VII.

Къ замѣчаніямъ, остроумнымъ и вѣроятнымъ, отнесемъ слѣдующія: «погромъ и униженіе Кіева въ 1169 году были, кажется, слѣдствіемъ избіенія Суздальцевъ: въ сполченіи Андрея были дѣти и племянники убитыхъ въ оное время; они-то мстили Кіеву за свою кровь.» с. 40.

«Князь Всеволодъ долженъ былъ исполнить это рѣшеніе, (ослѣпить Ростиславичей), но не хотѣлъ и обмануль вѣче: Ростиславичи были отпущены, а для успокоенія вѣча былъ распушенъ слухъ, что они прозрѣли чудотворнымъ образомъ» с. 43.

Полную справедливость отдаемъ мнѣнію о заселеніи Владимирской или Суздальской земли.

«Нѣтъ основанія искать здѣсь какихъ-то отличій отъ другихъ Русскихъ земель, вслѣдствіе происхожденія особой этнографической вѣтви—смѣси Славянской народности съ Финско-Тюркскою, и выводить отсюда склонность къ самодержавію, совершенно противную Славянскому духу. Мы не отрицаемъ, что такое смѣшеніе племенъ существовало, но не видимъ никакихъ данныхъ признавать его настолько важнымъ, чтобы оно могло дать народной жизни начало, совершенно противоположное прежнимъ Славянскимъ свойствамъ. Смѣшеніе это едвали было значительно. Большая часть бывшихъ здѣсь аборигеновъ уходила къ востоку. Еще къ XVI вѣкѣ существовало живое преданіе, что Черемисы, жившіе въ Казанской области, были потомки тѣхъ, которые жили въ Ростовско-суздальской области и убѣжали изъ прежняго своего мѣста жительства, оставивъ свои земли Русскимъ. Славянская колонизація

началась здѣсь съ глубокой древности, а въ XI и XII вѣкахъ сильно увеличилась переселенцами съ юга. По мѣрѣ того, какъ южная Русь была опустошаема Половцами, толпы Русскихъ бѣжали оттуда на сѣверовостокъ. Этого было достаточно, чтобы, при благоприятныхъ условіяхъ, при большемъ, сравнительно съ другими краями Русскаго міра, спокойствіи, Славянское населеніе возрасло, въ теченіи двухъ-трехъ поколѣній, до значительной степени. Мы имѣемъ цѣлую лѣтопись о событіяхъ этого края въ XII вѣкѣ, и лѣтописецъ нигдѣ не проговорился, хотя бы случайно, о пребываніи тамъ какихъ нибудь инородцевъ; вездѣ идетъ рѣчь объ одномъ Русскомъ народѣ, и всѣ движенія общественной жизни явно указываютъ на тотъ же Славянскій духъ, который господствовалъ и въ южной Руси, и вездѣ на Руси.» ст. 53 и 54.

Вообще я считаю это разсужденіе г. Костомарова лучшимъ изъ его сочиненій, кромѣ несчастнаго перваго параграфа, и готовъ повторить послѣднія его слова, на которыя намекалъ уже въ 1825 году, не много не мало, почти 50 лѣтъ назадъ: (См. въ Историческихъ афоризмахъ, 1836, с. 4). «Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ Татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой поворотъ.»

IX

О РАЗСУЖДЕНИИ:

ПРЕДАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

(Вѣстникъ Европы, 1873, Январь).

Въ этой статьѣ напечатанной чрезъ два года послѣ статьи объ единой державѣ (1870 г. Ноябрь), появляются уже совсѣмъ другіе виды, противоположные изложеннымъ и разобраннымъ выше.

Въ введеніи къ разсужденію г. Костомаровъ представляетъ свое мнѣніе о принадлежности лѣтописи Сильвестру, а не Нестору, (т. е. Ивану, а не Федору), — голословно, безъ малѣйшаго вниманія къ литературѣ вопроса, съ которой новыя наши изслѣдователи вообще считаютъ себя даже въ правѣ не справляться. Они рѣшаютъ смѣло самыя трудныя вопросы, по вдохновенію, но развѣ такъ поступаетъ критика? Развѣ тому учить наука?

«Лѣтопись, называемая Несторовой», говоритъ г. Костомаровъ, «никакъ не принадлежитъ, во всемъ своемъ объемѣ, этому писателю, который былъ только лѣтописцемъ Печерскаго монастыря; она состоитъ изъ разныхъ *туземныхъ и переводныхъ отрывковъ*, и составлена въ видѣ цѣлаго свода игуменомъ Сильвестромъ.» с. 6. Точно въ томъ же смыслѣ говоритъ онъ и послѣ на с. 9: «мы не беремъ отвѣчать на вопросъ, первый ли Сильвестръ составилъ свою лѣтопись, описывалъ

дѣянiя своихъ предковъ до водворенiя христіанства, или же вписаль въ нее уже прежде сдѣланныя другимъ кѣмъ-нибудь описанiя.» с. 9.

Въ отвѣтъ на миѣніе о Сильвестрѣ замѣтимъ прежде всего, что Сильвестръ и Несторъ были современники или почти современники: Несторъ присутствовалъ при перенесенiи мощей Преподобнаго Θεодосiя въ 1091 году, а подпись Сильвестрова относится къ 1110 году. Странно предположить, чтобы Сильвестръ, если принять его составителемъ лѣтописи, при жизни или вскорѣ послѣ кончины Несторовой, могъ передѣлывать или употреблять его лѣтопись.

Лѣтопись составлена, говорите вы, Сильвестромъ, но Сильвестръ былъ игуменъ, а на древнихъ спискахъ (Ипатьевскомъ и проч.) лѣтописи въ заглавіи значится: черноризца Θεодосьева монастыря Печерскаго.

Есть списки, которые къ имени черноризца присоединяютъ имя Нестора.

Далѣе г. Костомаровъ доказываетъ *невозможность* «веденiя лѣтописи или даже составленiя какихъ либо историческихъ описанiй во времена господства язычества, однимъ словомъ, такихъ письменныхъ памятниковъ, которые бы послужили источникомъ для лѣтописи, составленной Сильвестромъ».

«Своихъ туземныхъ историческихъ записокъ не было и быть не могло въ языческія времена.»

Это утвержденiе есть совершенно голословное: почему не могло быть записокъ?

Благоволить г. Костомаровъ обратить вниманiе на слѣдующее обстоятельство:

Во первыхъ: въ языческія времена были христіане съ самаго начала, по свидѣтельствамъ, а именно: при Аскольдѣ и Дирѣ, при Игорѣ, при Ольгѣ, при Святославѣ, при Володимерѣ до его крещенiя. Если были Христіане, то была и грамотность.

Во вторыхъ: извѣстно ли заподлинно начало сѣверныхъ рунъ?

Въ третьихъ: Русское Недимово письмо, по свидѣтельству IX вѣка, не служить ли доказательствомъ, что были какія-то письменные знаки у Руси.

Въ четвертыхъ: изслѣдованы ли руны въ Карпатскихъ горахъ?

Въ пятыхъ: какое было Русское письмо, найденное Кирилломъ и Меодиемъ на берегахъ Чернаго моря?

Вотъ сколько предметовъ нужно еще изслѣдовать, прежде нежели по законамъ критики, о которыхъ вы только говорите, не исполняя ея правилъ, можно сказать что либо утвердительное объ этомъ вопросѣ, но и до точнѣйшаго изслѣдованія можно сказать утвердительно, что съ самаго начала Русскаго государства была какая-нибудь письменность и у Славянъ, и у Русскихъ.

Наконецъ послѣ всѣхъ сихъ вопросовъ и соображеній вотъ и рѣшительная бомба для разрушенія вашего голословнаго утвержденія. Договоры Олеговъ, Игоревъ, Святославовъ—вѣдь вы принимаете? Какого же доказательства грамотности нужно для васъ сильнѣе? А если могли быть такіе обширные письменные памятники, то почему же не быть краткимъ историческимъ запискамъ?

Лѣтописи наши начинаютъ годъ съ Марта: что же это перенято у Византійцевъ?

Скучно толковать объ азбукѣ вопросовъ съ новыми изслѣдователями, которые хвалятся своею наукою и критикою.

«Отъ совершенной безграмотности сѣвернаго язычества,» говоритъ г. Костомаровъ, «Русскіе замѣчательно быстро шагнули къ духовной и литературной

дѣтельности, довольно плодovитой, разумѣется, сообразно вѣку и вовсе не баловавшимъ ихъ условіямъ мѣстнаго быта».

Противъ подобнаго утвержденія что нужно сказать? Съ чѣмъ сообразно, чтобы при совершенной безграмотности могли вдругъ произойти писанія Иларіоновы, поученіе Владимира Мономаха, письмо его къ Олегу Святославичу, Несторово житіе Θεодосія? А Несторово житіе Бориса и Глѣба, Іаковлево житіе Бориса и Глѣба, похвала Владимиру, письмо къ Изяславу-Дмитрію, епистоля Θεодосія къ Великому Князю Святославу Ярославичу, сказаніе Василіево, поломникъ Даниловъ?

Въ томъ-то и дѣло, что не было и совершенной безграмотности,» а была такая грамотность, которая могла произвести указанное.

Вы все свое разсужденіе ведете изъ положенія, что ея не было! Какъ же намъ сговориться? Для меня вашего сомнѣнія не существуетъ, а для васъ оно есть основаніе разсужденія. Вотъ г. Иловайскій (см. ниже) въ случаѣ этого рода поступаетъ еще рѣшительнѣе: онъ даже не позволяетъ употреблять противъ себя того показанія лѣтописи, которое противорѣчитъ его мнѣнію.

Второе основаніе г. Костомарова, столько же слабое, состоитъ въ мнѣніи, что лѣтописатель всѣ событія, кромѣ извѣстныхъ по греческимъ источникамъ, «слѣдуя византійской формѣ», «положилъ на числа приблизительно, по своему соображенію и измышленію.»

Чтобъ судить о такомъ утвержденіи, надо прежде опредѣлить характеръ древняго Русскаго лѣтописателя. Это было лицо до такой степени простое, прямое, искреннее, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, безъ

всяких цѣлей, безъ всякихъ намѣреній, что ему никакимъ образомъ нельзя приписать выдумокъ, умысловъ, произвольныхъ дѣйствій. Онъ писалъ, не мудрствуя лукаво, что слышалъ, что зналъ, не заботясь ни о чемъ болѣе. Послушайте Шлецера, какъ онъ отзывается о Несторѣ, а Шлецеръ зналъ лѣтописателей Европейскихъ писателей лучше нашего, и могъ сравнить ихъ между собою поотчетливѣе.

А что дѣлаеть г. Костомаровъ изъ древняго Русскаго лѣтописателя, изъ Михайловскаго игумена Сильвестра, (или Печерскаго монаха Нестора)? Въ какомъ видѣ представляетъ его себѣ? Онъ сидитъ въ своей кельѣ; передъ нимъ разложены Греческія лѣтописи, въ Болгарскихъ переводахъ — Георгій Амартолъ, Малала и проч., туземные письменные документы, хоть изъ времени Христіанскаго; въ памяти у него носятя преданія и пѣсни. Изъ всѣхъ этихъ источниковъ онъ дѣлаеть сводъ, соображаетъ пѣсни, преданія, выдумываетъ еще нѣкоторыя вещи, совершенно впрочемъ невинныя и ни къ какой особенной цѣли не ведущія, разставляетъ годы и проч. и проч. На что похожъ такой образъ? Это компиляторъ нашего времени, приготавлиющій статью для Вѣстника Европы.

Чтобъ получить понятіе о древнемъ Русскомъ лѣтописателѣ, стоить сравнить его съ лѣтописателями послѣ XV вѣка. Вотъ когда являются книжники, сочинители, риторы, которые имѣютъ намѣренія, цѣли, хотять отлѣчиться, похвалиться своими познаніями, искусствомъ, и т. под. Г. Костомаровъ, и точно также г. Иловайскій, должны бы, по законамъ критики, предпослать своимъ разсужденіямъ этого рода изслѣдованіе всестороннее о лѣтописи, и доказать научнымъ образомъ ея недостоверность и непригодность для сужденія о томъ или другомъ времени, или событіи. А то — что-же

это за критика, что за наука: отвергать то или другое показаніе ея голословно — мы не вѣримъ ему, оно выдуманно.

Вотъ еще на что не обращаетъ вниманія г. Костомаровъ, (какъ и г. Иловайскій), что показанія лѣтописи, кои можно повѣрить иностранными источниками, оказываются вѣрными: изъ этого не слѣдуетъ ли заключить, что и прочія имѣютъ право на довѣренность, подвергаясь разумѣется критикѣ?

«По нашему убѣжденію», говоритъ г. Костомаровъ, послѣ разсужденія, кто разбивалъ лѣтопись на года, въ 5 своемъ параграфѣ, къ которому мы перейдемъ для ясности по единству предмета, оставляя первые четыре до заключенія нашего разбора: «всѣ годы до принятія христіанства Владиміромъ имѣютъ очень слабую степень исторической достовѣрности, да и самъ разбиватель на года, какъ видно, становился въ тупикъ, и ставилъ передъ событіемъ по нѣскольку годовъ разомъ, какъ бы давая этимъ знать, что событіе, которое за тѣмъ описывалось, должно было произойти около приведенныхъ годовъ». с. 29.

Опять голословное осужденіе съ произвольною догадкою. Съ чего взялъ г. Костомаровъ, что лѣтописатель становился въ тупикъ, и постановкою нѣсколькихъ годовъ сряду хотѣлъ давать знать, что событіе должно было произойти *около* приведенныхъ годовъ?

«У насъ до сихъ поръ какъ будто не хотѣли замѣчать этого, относили событіе къ послѣдному изъ приведеннаго предъ тѣмъ ряда годовъ и считали такое указаніе самымъ точнѣйшимъ». с. 29.

Съ чего взялъ г. Костомаровъ, что у насъ не хотѣли замѣтить этого? Не только замѣчали, но именно утверждали, какъ самъ онъ тутъ же говорить, что событіе относится къ послѣдному году. Такой образъ

лѣтосчисленія употребляется яснѣе въ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, гдѣ не ставятся пустыя, такъ сказать, года рядомъ, а предъ каждымъ объясняется: ничто-же бысть.

Что событіе относится обыкновенно къ послѣднему году, на то есть доказательства.

А какъ назвать вотъ слѣдующій приемъ г. Костомарова? «Такъ рядъ годовъ поставленъ и предъ призваніемъ князей числомъ 10-ть, прерываемый только подъ седьмымъ изъ этого ряда извѣстіемъ о томъ, что Варяги брали дань съ Чуди, Славянъ, Мери, Веси, Кривичей, а Козары—съ Полянъ, Сѣверянъ, Витичей, — т. е. что многіе изъ жителей Русскаго міра были подъ данію иноплеменниковъ»

Ряда изъ десяти годовъ передъ призваніемъ князей въ лѣтописи *нѣтъ*, выставлены только *три* года (860, 861, 862), передъ этими тремя *одинъ* (859) съ извѣстіемъ о наложеніи дани, а передъ нимъ, то есть предъ данью—*шесть*, съ извѣстіемъ о войнѣ Греческаго Императора Михаила съ Болгарами, которая не принадлежитъ нисколько къ нашей исторіи.

Для чего г. Костомаровъ напускаетъ этого тумана? Чтобы навести сомнѣніе на всѣ событія, смѣшать ихъ, т. е. войну съ Болгарами, наложеніе дани, изгнаніе, призваніе.

«Въ IX вѣкѣ, когда по нашей лѣтописи совершилось призваніе князей, слово «Варяги» не существовало, и по этому къ древнему событію приложено позднѣйшее названіе; слѣдовательно, если бы это даже было и въ самомъ дѣлѣ древнѣйшее преданіе, то оно уже не дошло до лѣтописца въ древней своей чистотѣ».

Что имя Греческихъ Варанговъ, (Скандинавскихъ wariengar) записано тотъ-же въ концѣ X вѣка у Грековъ, изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, что оно

только тогда и сочинилось. Объ этомъ обстоятельствѣ см. въ monkъ Излѣдованіяхъ т. II, с. 111. Здѣсь Норманской системѣ оказалъ важную услугу лютейшій врагъ ея, Эверсъ, разрѣшивъ удовлетворительно сомнѣнія Шлепера о Греческихъ варангахъ. Г. Костомаровъ, кажется, ничего этого не знаетъ, и возвращается à ses moutons Lithuaniens: «На Балтійскомъ побережьи не было иной Руси», говоритъ онъ «кромя побережья, сосѣднаго съ устьемъ Нѣмана, называвшагося по Литовски «Русь». Слово это до сихъ поръ звучитъ въ названіи Прусів, которое есть ничто иное, какъ Славянское слово «порусье». «Нѣтъ ничего несообразнаго признавать, что если было призваніе изъ какой-нибудь Руси, то-только изъ этой, потому что никакой иной Руси на Балтійскомъ побережьи не было». с. 30.

Да эта-то Русь развѣ была тамъ? О племени Русь въ низовьяхъ Нѣмана нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго извѣстія! Бы сочинили ее только изъ имени Нѣманскаго рукава!

Да и послѣ, въ историческое время, никогда никакая Русь тамъ не жила, и слыхомъ о ней никогда нигдѣ не было слышно.

Въ параграфѣ о призваніи князей такая запутанность, такое смѣшеніе отрицаній, утвержденій, предположеній, что развязать всѣ эти узлы и петли и трудно, и скучно, и неблагоприятно. Не знаешь, съ чего и пачать разбирательство.

Прежде всего представляется опроверженіе хронологіи лѣтописи. «Съ половины IX вѣка идетъ повѣствованіе по годамъ, и лѣтописецъ сообщаетъ намъ причину. (походъ Руси, записанный Греками): «преже почали слыхомъ первое лѣто Михайломъ, а по ряду положимъ числа».

«Но откуда же онъ положилъ ихъ? Какіе могли быть источники для его хронологій? Въ Греческихъ

лѣтописаньяхъ онъ не могъ найти ничего о внутреннихъ событіяхъ въ русской землѣ. Своихъ туземныхъ историческихъ записокъ не было и быть не могло въ языческія времена. Остается только одинъ источникъ—народныя преданія въ формѣ разсказовъ, пѣсенъ, простыхъ воспоминаній, но какая тутъ могла быть хронологія? Нѣкоторыя событія, какъ напр., походы Аскольда, Олега, Игоря, Святослава, онъ могъ опредѣлить по годамъ, руководствуясь Греческими извѣстіями и договорами, а за тѣмъ, все прочее, собравъ изъ туземныхъ устныхъ источниковъ, слѣдуя византійской формѣ, онъ положилъ на числа приблизительно, по своему соображенію и измышленію. Инаго пути едва ли можно допустить.»

За симъ г. Костомаровъ предлагаетъ свои сомнѣнія касательно призванія, а именно:

«Вѣря на слово этому сказанію и держась смысла, какой дается ему въ лѣтописи, надобно признать, что имя Руси привнесено къ намъ изъ прибалтійскаго края. Но (*) въ извѣстіяхъ Арабовъ X и даже XI вѣковъ слово «Русь» оказывается установленнымъ краевымъ названіемъ, прилагаемымъ къ различнымъ народамъ Русскаго материка: а Византійскія извѣстія, въ особенности бесѣды и грамота патріарха Фотія, въ половинѣ IX вѣка, написанная по поводу крещенія Русскихъ, говорятъ объ этомъ народѣ, какъ объ извѣстномъ, знаменитомъ, многочисленномъ, какъ бы коренномъ въ своей странѣ, а не приходшемъ въ нее недавно.» с. 31.

«Изъ грамоты Фотіевой нѣтъ повода заключать, чтобъ нападавшій народъ былъ коренный въ той странѣ, откуда пришелъ.»

(*) Иazole слѣдовать за г. Костомаровымъ—встъ онъ сворачиваетъ теперь изъ Литвы къ Черноморью и проч. Зачѣмъ-же онъ въ Литву то бѣгалъ?

Напротивъ все заставляетъ думать, что это былъ народъ новый, о которомъ прежде у Грековъ ничего говорено не было: Г. Костомаровъ не знаетъ видно проповѣдей Фотіевыхъ «Народъ сей двинулся съ сѣвера... съ конца земли...—Этотъ народъ отдѣляется отъ Грековъ многія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря, и проч.»

«Но болѣе всего протворѣчитъ признаію имени Руси привнесеннымъ прибалтійскими выходцами, отношеніе той же лѣтописи къ этому имени, потому что въ этой лѣтописи, вслѣдъ за сказаніемъ о прибытіи Руси, слово «Русь» въ качествѣ каждаго бы то ни было инаго народа кромѣ нашего, исчезаетъ навсегда.»

Какъ исчезаетъ? «Въ качествѣ какого бы то ни было инаго народа, кромѣ нашего»—эти слова просто не имѣютъ смысла или содержанія. Русь пришла,—и осталась Русью, утвердившись въ Кіевѣ и называя такъ себя безпрестанно. Изъ Кіева начала подчинять себѣ Славянскія племена, ходила подъ Константинополь, и заключала договоры, называя себя Русью и словесно, и письменно: если придетъ Русь въ Константинополь, то получаетъ хлѣбъ; если идетъ Русь до тогѣ, то получаетъ на дорогу то-то: приходящая Русь не для торговли не получаетъ мѣсячины. Договоръ начинается: мы отъ рода Русскаго (Карль, Фарлафъ, Ингіальдъ, Рудасъ, Руалдъ, Турбернъ, Иворъ и проч.) и двадцать разъ повторяетъ имя Русь, и толкуетъ о Русскомъ законѣ. Законы—правда называется Русскою и въ ней положительно различаются еще Русины и Славяне.

Всѣ эти дѣйствія разумѣетъ г. Костомаровъ подъ словами «въ качествѣ нашего народа». Какого-же нашего народа? Ольга, спутница Рюрика, вѣдь вы признаете Русскимъ,—не изъ нашего народа,—ну, онъ и называетъ

себя княземъ Русскимъ,— какъ ему называть себя иначе? Гдѣ же здѣсь качество, принадлежащее нашему народу? «Имя Руси исчезаетъ навсегда!» *Risum teneatis, amici!* Впрочемъ, я думаю, г. Костомаровъ и самъ въ добрый часъ разсмѣется такой выходкѣ, сорвавшейся у него съ языка, въ потокѣ рѣчи.

Сказавъ, что имя Руси исчезаетъ, онъ продолжаетъ: оно принимается въ трехъ смыслахъ: (не было ни деньги, а вдругъ алтынъ), въ самомъ тѣсномъ—въ значеніи Кіевской земли, въ болѣе обширномъ—въ значеніи южно-Русскаго края, наконецъ, въ самомъ обширномъ—всѣхъ Славянъ Русскаго материка, присоединенныхъ къ Кіеву, какъ къ средоточію, и даже распространяется на земли инородцевъ, подчиненныхъ Славянамъ» (с. 31).

Предоставляемъ читателямъ разобрать это смѣшеніе:

Какимъ образомъ совмѣщаются понятія объ исчезновеніи съ существованіемъ въ трехъ смыслахъ: изъ чего же произошли эти три смысла? Вотъ примѣръ какъ яснѣйшія свидѣтельства могутъ запутываться и вести къ нелѣпостямъ.

Поможемъ г. Костомарову выйдти изъ своего роковаго недоумѣнія, и объяснить ему вкратцѣ распространеніе имени Русь, Впрочемъ уже не въ первый разъ. Олегъ Русинъ пришелъ въ Кіевъ, и Лаврентьевскій древнѣйшій списокъ имѣетъ въ заглавіи: кто нача въ Кіевѣ первѣе княжити. Отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Славяне, а еще и Поляге звахуся. Ну вотъ вамъ основаніе перваго вашего смысла. А вотъ основаніе и втораго смысла—въ продолженіи заглавія сказано: «и откуда Русская земля стала естъ», т. е. какимъ образомъ распространилось это имя изъ Кіева, какимъ образомъ сосѣднія племена достались Руси и стали платить ей дань. А что вы разумѣете еще подѣ

южно-Русскимъ краемъ, до какихъ предѣловъ, — этого я не понимаю, — развѣ до предѣловъ Кіевскаго княжества на югъ, но въ такомъ случаѣ не нужно бы отдѣлять южно-Русской край отъ Кіевской земли.

Имя Руси слѣдовательно не исчезало, а осталось собою, и распространялось сперва на Кіевъ и его область (южно-Русскій край), а потомъ и на всѣ племена, иже дань даютъ Руси, точно какъ и теперь Русью называется и Камчатка, и Кавказъ, и Туркестанъ.

Любопытно было бы узнать, гдѣ желалъ бы еще сохраненія имени Руси г. Костомаровъ? Но это — все только обыкновенныя вилянія г. Костомарова. Пусть онъ извинитъ это выраженіе, употребленное мною только потому, что оно вѣрно живописуетъ образъ его историческихъ изслѣдованій: г. Костомарову хочется доказать, что имя Руси искони принадлежало Кіеву, «нашему народу», а не пришлому. Ну такъ и говорилъ бы онъ ясно и прямо. Тогда я спросилъ бы его, какое же имя имѣло пришлое племя, Олегъ и его дружина?

Ну не хитро ли г. Костомаровымъ употреблено слово «нашего народа»?

И вы, господа, толкуете о наукѣ, ищите истины!
«Варяги ни разу не называются уже Русью».

Не правда, какъ прежде сказано, что Русь принадлежала къ числу Варяговъ, подобно Шведамъ Датчанамъ, Готамъ и проч., такъ и послѣ въ вышеприведенномъ мѣстѣ сказано, что Поляне прозвались Русью отъ Варяговъ, и проч.

«Трудно допустить, чтобы чужое названіе, занесенное къ намъ съ князьями и ихъ дружинами, въ короткое время до того расширилось, усвоилось и осталось преимущественно въ такой землѣ, куда эти князья и дружины подвинулись уже отчасти, во второмъ поколѣніи, именно въ землѣ Кіевской».

Вотъ эта главная тема, которая на разные лады повторяется Костомаровымъ, Хвольсономъ и Иловайскимъ, вслѣдъ за ихъ предшественникомъ Эверсомъ. Русь пришла въ Кіевъ и удержала тамъ свое имя, которое распространилось по мѣрѣ подчиненія ея окрестныхъ племенъ, а въ Новѣгородѣ ея не осталось, кромѣ можетъ быть такихъ мужей, какіе оставлены были по дорогѣ Олегомъ въ Смоленскѣ и Любечѣ, а впоследствии и Новгородъ вошелъ въ составъ этого имени—Русь. На Новѣгородѣ всего яснѣе видно распространеніе постепенное этого имени. Константинъ Багрянородный называлъ еще Новгородъ внѣшнею Россією.

«А та Русь, изъ которой они вышли, сообщивъ ея названіе Славянамъ, никогда не входила въ составъ новообразовавшейся націи и почти безслѣдно пропала для послѣдней» (с. 31 и 32).

Та Русь находилась отъ Кіевской на сѣворападѣ за тридевять земель: какъ могло распространиться на нее завоеваніе? А сообщеніе могло продолжаться, и приходившіе безпрестанно Варяги могли отчасти быть и изъ той стороны, гдѣ жила пришедшая къ намъ съ Рюрикомъ и Олегомъ Русь.

«Это было бы возможно, когда бы число пришедшихъ было очень велико, и они болѣе или менѣе на продолжительное время сдѣлались бы господствующимъ населеніемъ, поработивъ себѣ туземное, и заявили силу своей народности, какъ собственнымъ общественнымъ строемъ, такъ и своими собственными, отличными отъ всякихъ другихъ, приемами жизни. Но этого, рѣшительно сказать, не было».

О количествѣ пришедшей Руси въ Кіевъ, а равно и вообще о переселеніяхъ и движеніяхъ племенъ въ то время,—вопросъ мудреный въ Исторіи. Лѣтопись наша рассказываетъ, напримѣръ: подоша Угри мимо Кіевъ

горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорское, пришедше къ Днѣпру и стаха вежами; бѣша бѣ ходяще, аки и Половцы. Пришедъ отъ востока и устремилася чрезъ горы великія, и почаша воевати на живушая ту Волхи и Словѣны. Съяху бо ту преже Словѣни, и Волхве пріяша землю Словѣнску; посемъ же Угри прогнаша Волхи и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся, оттолѣ прозвася земля Угорська».

Какъ понять намъ такое переселеніе, съ такими ночлегами, на берегу Днѣпра? Сколько времени оно могло продолжаться? Откуда получали пропитаніе? А народа было столько, что онъ могъ покорить многочисленное племя и занять обширную страну, которая оттолѣ прозвася земля Угорська: точно такъ и наша Кіевская земля прозвася Русью.

Племя Руси, хотя бѣ и малочисленное, восполнялось безпрестанно новыми приливами единоплеменниковъ, которые записаны въ лѣтописяхъ при особыхъ только случаяхъ, напримѣръ: *Аскольдъ* и *Диръ* въ Кіевѣ многи Варяги совокуписта. *Игорь* же пришедъ нача совокупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки. *Володимерь* бѣжа за море... приде (чрезъ два года) съ Варяги Новугороду. *Ярославъ*, пославъ за море, приведе Варяги. О послѣднемъ походѣ Руси подъ Константинополь съ Варягами есть извѣстіе у Грековъ, что князь Володимерь (сынъ Ярославовъ), собравъ знатное число вспомогательнаго войска съ полуножныхъ странъ Океана, предпріялъ въ 100000 челоувѣкъ на небольшихъ изъ одного дерева вырубленныхъ судахъ путь въ Грецію.

При такихъ-то ясныхъ и положительныхъ извѣстіяхъ о связи Кіевской пришедшей Варяговъ-Руси съ Норманнами-Варягами, впродолженіи всего двухсотлѣтняго періода, наши незванные критики пытаются оспаривать ея сѣверное происхожденіе!

«Еслибъ въ Кіевъ пришли какіе-то Руссы съ своимъ особымъ языкомъ и съ своими особыми признаками народности, то договоръ Олега съ Греками написанъ былъ не по-Славянски, а на языкѣ этихъ Руссовъ, и слѣды ихъ особенно проявились бы ощутительно и на послѣдующихъ временахъ» (с. 32).

А почему вы знаете, что договоры, по крайней мѣрѣ первые, не были написаны на сѣверномъ языкѣ—Norghena, какъ называетъ его Кругъ. Впрочемъ первый извѣстный договоръ—Олеговъ, принадлежитъ къ 912, слѣд. чрезъ 30 лѣтъ по водвореніи Руси въ Славянскихъ странахъ: могла уже она выучиться по-Славянски. Притомъ мысль о договорѣ принадлежала, разумѣется, Грекамъ, которые хотѣли обязать Русскихъ князей къ миру, а Греки могли быть знакомы только съ Славянскимъ языкомъ, но отнюдь не съ Norghena, и имѣли такихъ переводчиковъ, равно какъ и въ рати Олеговой могли быть таковые.

Такимъ образомъ отстраняется и заключительное возраженіе г. Костомарова:

«Если эти Руссы пришли въ землю Полянъ, то, конечно, въ незначительномъ количествѣ и съ ничтожнымъ запасомъ саможизненныхъ силъ, иначе они бы свое отдѣльное отъ Славянъ существованіе проявили болѣе крупными чертами, слѣдовательно, при такомъ положеніи, они скорѣе бы приняли сами названіе Полянъ, смѣшавшись съ ними, чѣмъ сообщили свое прозвище Полянамъ; а за ними и всѣмъ Славянскимъ народамъ Русскаго материка» (с. 32).

Малъ квась все смѣшеніе квасить.

Второе возраженіе касается до отношеній призванныхъ племенъ между собою. Дѣйствительно эти отношенія въ данномъ случаѣ представляютъ трудное для объясненія обстоятельство, о которомъ заявлено было

нѣсколько разъ въ изслѣдованіяхъ, какъ будто неизвѣстныхъ г. Костомарову. Точно: не были ль здѣсь имена Кривичей, Мери, Веси, географическими названіями, уже подчиненными Новгороду, включившимися въ слова: земля наша велика и обильна? Или: не прибавлены ли они въ преданіи вслѣдствіе занятія братьями Рюрика городовъ, принадлежавшихъ Кривичамъ и Веси?

Третье возраженіе просто ничего не значитъ: «если даже и допустить, тоже явленіе (призваніе), то оказывается несостоятельною и возможность призванія, вмѣсто одного, трехъ князей. Во первыхъ, это противорѣчить собственной цѣли призывателей: они совѣщались избрать единого князя, который бы владѣлъ ими всѣми для устранения несогласій и водворенія порядка» (с. 33).

Призывало нѣсколько племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло нужду въ князѣ защитникѣ, къ каждому и пришелъ князь: Рюрикъ къ Новгородцамъ, Синеусъ къ Веси, Труворъ къ Кривичамъ. По смерти Синеуса и Трувора на ихъ мѣста къ Веси и Кривичамъ посланы Рюрикомъ его мужи. Вотъ отвѣтъ на сомнѣніе выраженное «во первыхъ», а во вторыхъ и третьихъ ничего не оказалось, слѣдовательно и отвѣчать не на что.

Заключаемъ, какъ и прежде: если въ извѣстїи о призваніи и водвореніи Руси и есть нѣкоторыя затрудненія, то—такія, отъ которыхъ не изъято ни одно историческое событіе ни въ древней, ни въ новой исторїи, изъ-за которыхъ, слѣдовательно, нельзя отвергать событія, тѣмъ болѣе, что, принявъ противное мнѣніе, встрѣчаемъ затрудненія несравненно важнѣйшія.

Въ исторїи Аскольда и Дира г. Костомаровъ отвергаетъ извѣстія нашей лѣтописи по всѣмъ древнѣйшимъ спискамъ, а прѣнимаетъ въ основаніе перевиранье

Длугоша, который считает Аскольда и Дира потомками Кія, Щека и Хорива, которому еще Шлецеръ, за сто лѣтъ почти, произнесъ смертный приговоръ: «Все что называется Польскими лѣтописями, есть, по сравненію, юно и ново... все, что они рассказываютъ о происшествіяхъ до 1100, удержалось или въ простомъ преданіи... или заимствовано изъ иностранныхъ лѣтописей, или составляетъ не ученое сочиненіе, но глупыя и безстыдныя выдумки. Укоризна эта въ особенноти относится къ человѣку, который въ XV столѣтіи написалъ ужасной величины Польскій времяникъ, бывшій не только образцемъ, но часто даже источникомъ всѣхъ писавшихъ послѣ него Польскіе времяники, — къ Длугошу, назначенному архіепископу Львовскому. (1480 г.). Извѣстія его, начинающіяся съ XIII стол., важны и достойны вѣроятія; но все, что древнѣе сего, писано въ духѣ баснословнаго его времени. Онъ помѣстилъ очень много относящагося до Русской исторіи; почему, и въ Россіи досталъ себѣ такое уваженіе, что его сочиненіе причли къ источникамъ Русской исторіи. Теперь выходитъ, 1., все, что онъ (и всѣ его послѣдователи, которыхъ онъ сдѣлался оракуломъ) ни говорить о Русской исторіи, принадлежить Нестору, котораго однако же онъ 2., во многихъ мѣстахъ не понималъ; а что всего хуже, то 3. отрывистую его Русскую истину обезобразилъ прикрасами, изъ одной Несторовой строчки надѣлалъ цѣлыя страницы, и подробно описалъ бывшія сраженія, также многія происшества, въ которыхъ показалось ему, что страдала честь его народа, пропустилъ или явнымъ образомъ передѣлалъ; слѣдственно 4., нельзя его называть лѣтописателемъ, а сочинителемъ богатырскихъ романовъ и 5., *всего смѣшнѣе то, что сами Русскіе ссылаются на него и его послѣдователей, какъ на свидѣтелей въ такихъ происшествіяхъ своего отечества, которые*

первоначально принадлежатъ имъ самимъ, но отъ многихъ прибавокъ и своевольныхъ вставокъ сдѣлались совершенно неподными для всякаго историческаго употребленія» с. 23.

И какъ нарочно г. Костомаровъ принимаетъ то сказаніе Длугоша, которое Шлецеръ представляетъ цѣлкомъ въ доказательство своихъ обвиненій, исторію объ Аскольдѣ и Дирѣ.

«По смерти Кыга, Щыга и Корева, сыновья ихъ и внуки, послѣдуя по прямой линіи, владѣли Руссами многія лѣта, пока сіе наслѣдіе не дошло до двухъ родныхъ братьевъ Оскольда и Дира. Между тѣмъ какъ сіи князья пребывали въ Кіевѣ, нѣкоторыя Русскія племена, искавшія себѣ по причинѣ своего размноженія новыхъ жилищъ, наскучили ихъ владычествомъ, и призвали отъ Варяговъ трехъ князей, потому что изъ собственныхъ, по причинѣ равенства, избрать никого не пожелали» Шл. Несторъ, II, с. 29.

Это мѣсто, представленное нами по переводу Языкова, передается еще г. Костомаровымъ и неправильно. Онъ пишетъ:

«Часть Русскихъ, по причинѣ многолюдства переселившаяся въ другой край (какой? въ Новгород?), была недовольна ихъ властію, (Аскольда и Дира), и призвала противъ нихъ Варяговъ, которые и пришли подъ начальствомъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Они стали князьями (гдѣ?), такъ какъ призывавшіе не могли согласиться на счетъ выбора княжескаго изъ своей среды». с. 571, 2.

Длугошъ говоритъ: *nonnullae Ruthenorum nationes, quae ex ingenti mutiplicatione novas sedes sibi quaesierant*, т. е. нѣкоторыя Русскія племена, а не часть Русскихъ, которую какъ будто бѣ хотѣлъ г. Костомаровъ предположить въ Кіевѣ.

Теперь судите, какова эта путаница у Длугоша:

Аскольдъ и Диръ, происходи по прямой линіи отъ Кыга, Щыга и Корева, владѣютъ по наслѣдству Кіевомъ.

Нѣкоторыя племена Русскія, (разумѣй Славянскія), переселяются вслѣдствіе размноженія (откуда и куда?).

На этихъ новыхъ мѣстахъ они дѣлаются недовольными владычествомъ Аскольда и Дира и призываютъ къ себѣ изъ Варяговъ Рюрика съ братьями.

Какія же это новыя мѣста, *novae sedes*?

Нельзя иначе разумѣть, какъ Новгородъ.

Но вѣдь въ Новгородѣ жилъ прежде кто нибудь, какъ же жители пустили къ себѣ неизвѣстныхъ гостей, цѣлое племя, цѣлыя племена?

Какъ же эти *popullae nationes* сдѣлались хозяевами на новыхъ мѣстахъ, а прежніе жители имъ подчинились?

Какимъ образомъ владычество Кіевскихъ Аскольда и Дира могло сдѣлаться имъ (въ Новгородѣ?) въ такое короткое время тягостнымъ?

Какъ имъ, пришельцамъ, могло придти въ голову призвать князей отъ Варяговъ въ чужія страны, самими ими только что Богъ знаетъ какъ занятыя? Неудовольствіе ихъ на Аскольда и Дира должно счесть начавшимся по переселеніи, а не прежде, ибо они переселились не вслѣдствіе неудовольствія, а вслѣдствіе размноженія.

Какъ понять переселеніе цѣлыхъ племенъ? Пустыхъ мѣсть вѣдь не было?

Князья пришли къ нимъ, племенамъ сѣвшимъ на новыя мѣста?

Сынъ Рюриковъ Игорь убилъ обманомъ Аскольда и Дира (а Олегъ—то кого?).

Какова путаница, изъ невѣроятностей, одна на другой нагроможденныхъ, которую г. Костомаровъ предлагаетъ въ замѣну простаго сказанія лѣтописи! Скучно, тяжело для меня становится разбирать эту путаницу.

Ахъ, зачѣмъ я принялся за эту малоблагодарную работу и долженъ потратить столько времени! Но, взявшись за тушь, не говори, что не дюжь. Станемъ продолжать.

«Такимъ образомъ, возстановляя (каково возстановленіе!) по изложеннымъ выше соображеніямъ смыслъ древнихъ утраченныхъ списковъ лѣтописи, мы можемъ допустить, что онъ приводитъ насъ къ такому выводу: въ Новгородѣ, находившемся подъ властію Кіева (!), образовалась партія, недовольная этою властію (!), и призвала на помощь (противъ Кіева) иноплеменниковъ, которые сдѣлались господами (надъ призывателями и туземцами). Противники ихъ (чьи? пришельцевъ?) убѣгали въ Кіевъ (да вѣдь Кіевъ былъ имъ противенъ еще болѣе, и они призвали на него). Между Кіевомъ и Новгородомъ произошла борьба, которая кончилась тѣмъ, что Кіевъ былъ покоренъ, (съ Аскольдомъ и Диромъ, чуть ли не столѣтними) и тогда положено было начало новому княжескому роду, который впоследствии послужилъ орудіемъ единенія для русско-Славянскихъ народовъ» с. 576.

Къ путаницѣ г. Костомаровъ присоединяетъ, я не знаю уже, что. Длугошъ говоритъ, что племена искали новыхъ жилищъ, а г. Костомаровъ сочиняетъ, что «въ Новгородѣ образовалась партія недовольныхъ, и началась борьба между Кіевомъ и Новгородомъ».

Такія-то сочиненія называются у насъ наукою, и критикою!

Всего забавнѣе, что г. Костомаровъ вмѣстѣ съ Длугошемъ ссылается на Никоновъ сборникъ, то-есть, на его вставки, неизвѣстно какъ и когда попавшія, а главное-то показаніе, самое ясное, но противъ него вопіющее, оставляетъ безъ вниманія. I, с. 9.

«Пойдоша изъ Нѣмецъ три братья со всемъ родомъ своимъ: Рюрикъ, Синеусъ и Триворъ. И бысть Рюрикъ

старѣйшина в Новѣгородѣ, а Сянеусь старѣйшина бысть на Бѣлѣ озерѣ, а Триворь во Изборцѣ. И оттѣхъ Варяговъ находниковъ прозвашася Русь, и оттоле слово Русская земля, иже суть Новгородстїи людие и до нынешняго дне. Преже бо нарицахуся Словене, а ныне Русь отъ тѣхъ Варягъ прозвашася; сїце бо Варяги звахуся Русью и проч.

Быль для г. Костомарова кажется сомнительною, а небылицу онъ принимаетъ съ полнымъ довѣріемъ. Это все равно, если бы кто предпочиталъ подлиннику переводъ или подражаніе искаженное и перепутанное. Объ Аскольдѣ въ Никоновскомъ сборникѣ упоминается восемь разъ, и г. Костомаровъ изъ этихъ восьми упоминаній выбираетъ самое нехлѣбное въ назиданіе своихъ читателей.

Объ опискѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ: «рѣша Русь, Словѣни, Кривичи вмѣсто: рѣша Руси Словѣне, Кривичи», которая опровергается послѣдующимъ текстомъ тѣхъ же самыхъ списковъ, гдѣ она находится, стыдно бы и говорить, потому что она слишкомъ ясна, и за сто лѣтъ указана еще Шлецеромъ, который почти съ нея началъ преимущественно свое изданіе исправленнаго текста Несторова, и употребилъ ее какъ главное доказательство необходимости отыскивать списки и издать лѣтопись ученымъ образомъ. У насъ все это позабыто!

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ спискахъ значителенъ маху данъ Варяги изъ-за моря на Чюди и на Словенѣхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ. . изгнаша Варяги за море... и не бѣ въ нихъ правды... и воевати почаша сами нася. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя... Идоша за море къ Варягамъ къ Руси, сїце бо ся зваху тѣи Варяги суть, яко се друзїи зовутся Свое, друзїи же Урмане, Англяне, друзїи Готѣ. Тако и си. Рѣша Русь, Чюдь, Словѣни

и Кривичи... Избрашася три братья съ роды своими, поюша по себѣ всю Русь и придоша... Отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новгородци: ти суть люди Новгородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни.

Въ другихъ спискахъ, даже новѣйшихъ, правильно рѣша Руси, а не рѣша Русь.

Первое правило критики, что всякой писатель исправляется преимущественно самъ собою, своими словами.

Здѣсь видите вы во всемъ разсказѣ доказательство, что Русь есть описка вмѣсто Руси, ибо дань наложена на Словѣнахъ, Кривичахъ и проч., а не на Руси. Пошли Словѣни, Кривичи къ Варягамъ къ Руси, а не Русь пошла. Варяги именно названы Русью, и вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ приведены еще примѣры, какъ и другіе Варяги имѣютъ свои частныя имена. Избранные князья взяли съ собою всю Русь. Какимъ бы образомъ призываемые Варяги могли быть названы Русью, еслибъ ихъ призывала и съ ними говорила Русь? Что за бессмыслица, и эту-то бессмыслицу г. Костомаровъ и г. Иловайскій представляютъ доказательствомъ, что Русь была имя туземное, наше. Наконецъ за этими словами слѣдуетъ новое утвержденіе, что Новгородцы назвались Русскою землею отъ Варяговъ. И такъ стоитъ ли говорить объ этой опискѣ, и еще болѣе основывать на ней свое мнѣніе?

Въ этомъ разсказѣ есть еще и другая описка, гораздо глупѣе, которую впрочемъ нельзя было употребить въ дѣло ни г. Костомарову, ни г. Иловайскому: такъ назывались эти Варяги Русь, какъ другіе назывались Свееми и проч. Она показываетъ только невѣжество или невниманіе переписчика.

Лѣтось говорить: идоша за море къ Варягамъ къ Руси: Такъ какъ же Русь еще можетъ говорить съ ними, съ Варягами-Русью? Г. Костомаровъ считаетъ

возможнымъ, что одна Русь вмѣстѣ съ другими народами, призывала къ себѣ другую Русь с. 373.

Ну, такъ гдѣ же помѣстить эту Русь, говорившую съ избравшимися князьями, и кого разумѣть подъ нею. если она была призывающая, а не призываемая? Словоѣне жили въ Новѣгородѣ, Кривичи въ верховьяхъ Дѣпра и Двины, Чудь—это восточные и сѣверные сосѣди Новгородцевъ.

Откуда же Русь-то приходила къ Рюрику и братьямъ?

Это такая нелѣпость, съ которою можетъ сравняться только слѣдующая:

У Нестора есть слѣдующее извѣстіе уже Ярославова времени, слѣдовательно очень уже близкаго къ нему извѣстіе, котораго начало мы имѣли уже случай разбирать выше: се же Олегъ (обладѣвъ Кіевомъ) нача города ставити, и устави дани Словоѣномъ, Кривичемъ и Мери, и *устави Варягомъ дани дяти отъ Новгорода гривенъ триста на лето, мира деля, еже до смерти Ярослава даяше Варягомъ.*

Распутывать, что напутано у г. Костомарова объ этомъ мѣстѣ на с. 580, скучно, и мы приведемъ только заключительное разсужденіе: ... «можно понимать двояко: или разумѣя подъ Варягами вообще Скандинавовъ, называемыхъ Варягами по позднѣйшимъ признакамъ, или на самомъ дѣлѣ Варяговъ—Варинговъ, ходившихъ чрезъ Русскія земли въ Грецію. Мы думаемъ, что скорѣе нужно признать послѣднее на томъ основаніи, что если бы то была дань, отправляемая постоянно за море, то значило бы, что Новгородъ находился до смерти Ярослава въ подданствѣ у Скандинавовъ. Но мы имѣемъ одно Скандинавское извѣстіе (приведенное нами выше) отъ X вѣка, показывающее, что въ это время у Скандинавовъ только сохранялось преданіе о томъ, что когда-то собираема была дань съ этихъ странъ».

Перервемъ передачу на этихъ словахъ: мы не находимъ, гдѣ г. Костомаровъ привелъ Скандинавское извѣстіе отъ X вѣка о Скандинавскомъ преданіи касательно взиманія дани когда-то съ этихъ странъ. Но, вѣря ему на слово, спросимъ: почему онъ, допуская такое древнее Скандинавское преданіе, не вѣрить извѣстію собственной лѣтописи, которая, по его же словамъ, такъ ясно подтверждается?

Подданство Новгорода до смерти Ярославовой отнюдь не значитъ въ словахъ лѣтописи, которая именно обозначаетъ качество дани словами: мира деля! Это не дань, въ собственномъ смыслѣ такъ называемая, а какая-то любовная какимъ то Варягамъ плата, до сихъ поръ удовлетворительно не объясненная, всѣхъ менѣе г. Костомаровымъ.

«Скорѣе надобно допустить, что Новгородцы платили что-то именно Варягамъ, проходившимъ черезъ ихъ земли въ Грецію на землю, а равно и поступившимъ на службу къ Русскимъ князьямъ Владимиру и Ярославу, «мира дѣля», то-есть за то, чтобы они ихъ не беспокоили во время прохода: а такая дань не могла быть установлена Олегомъ, такъ какъ въ то время, сколько извѣстно, Варяги не ходили въ Грецію».

Какимъ образомъ можно вообразить, чтобы Варяги всякій годъ аккуратно ходили на службу черезъ Новгородъ въ Грецію или Кіевъ, и получали опредѣленную сумму въ триста гривенъ для нихъ заранѣе подготовляемую за то, чтобы по дорогѣ не буянили? Развѣ можно вообразить ежегодные опредѣленные походы?

Назначеніе Олегомъ дани г. Костомаровъ отвергаетъ, такъ кто же ее назначилъ?

Надѣюсь, что читатели согласятся со мною въ оцѣнкѣ этой догадки, выше предложенной.

Все это такой вздоръ, что гимназистамъ стыдно о томъ препираться. Имъ и предоставляю разборъ

остальных несообразностей въ разсужденіи г. Костомарова о первыхъ вѣкахъ Русской Исторіи, имъ совершено искалѣченныхъ и поставленныхъ вверхъ ногами, что касается до историческихъ событій, а что касается до сказокъ, то нѣкоторыя анализированы очень хорошо, равно какъ и преданія.

Въ разсужденіи о преданіи (1), относящемся къ переселенію (славянъ, г. Костомаръ говоритъ: «лѣтописецъ, внося въ свою лѣтопись глубоко-древнее преданіе объ изгнаніи Славянъ съ береговъ Дуная Волохами, сознательно понималъ подъ этими Волохами, во первыхъ ближе всего тѣхъ Итальянскихъ колонистовъ, которые образовали Румынскій народъ и специально получили у Славянскихъ народовъ названіе Волоховъ или Валаховъ».

О какихъ Итальянскихъ колонистахъ въ XI вѣкѣ могъ слышать русскій лѣтописатель?

Но слѣдующее замѣчаніе... дѣльное: «тотъ фактъ, что Римское завоеваніе понуждало народы переселяться массами изъ своего прежняго отечества въ отдаленныя страны, очень важенъ для историческаго значенія преданій объ уходѣ Славянъ съ Дуная въ страны нынѣшней Россіи, случившемся по поводу нашествія на нихъ Волоховъ».

«Намъ кажется не только не страннымъ, но даже, очень естественнымъ то обстоятельство, что событіе, которымъ начиналась исторія Славянъ на Русской почвѣ, отпечатлѣлось въ памяти потомковъ болѣе, чѣмъ многіе послѣдующіе перевороты, постигавшіе переселенцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ».

Почему же Рюрикова исторія кажется странною и неестественною? Объединеніе, какое бы ни было, которое могло остаться не только въ преданіи, но и въ исторіи, еще простѣе и естественнѣе.

Малороссійскія преданія о Волохахъ очень любопытны:

Въ преданіяхъ объ Уграхъ и Обрахъ много хорошаго,—напримѣръ, о значеніи прилагательныхъ: бѣлые и черные.

Въ преданія о родоначальникахъ описаніе языческихъ народцевъ въ нашихъ странахъ г. Костомаровъ называетъ драгоцѣннымъ, и считаемъ его составленнымъ въ концѣ XI вѣка, или началѣ XII, почти голозомъ современниковъ.

Если вы цѣните такъ это описаніе, то почему же отвергаете другія, вмѣстѣ съ нимъ находящіяся. — о Руси между Норманскими племенами, о полученіи имени Руси отъ Варягъ и проч.? Какая же это критика, повторю,—брать изъ лѣтописи, что пригодно, и отвергать не угодное?

Заключимъ нашъ разборъ выпискою словъ г. Костомарова о покойной (*) системѣ родового быта: «Слова лѣтописи, что у Поллянъ каждый владѣлъ родомъ своимъ, побудили нашихъ ученыхъ видѣть въ нихъ доказательство существованія родового быта, того патріархальнаго состоянія, котораго сущность состояла въ томъ, что люди считали себя близкими и принадлежащими къ общественному строю единственно на

(*) Я сказалъ — покойной. Нѣтъ, она еще иногда беспокоится: вотъ недавно г. Забѣлинъ въ прекрасной статьѣ своей о Пожарскомъ и Мининѣ противъ выходовъ г. Костомарова говоритъ: «молодой царь (Михаилъ) на радости... пожаловалъ въ бояре не стольника Пожарскаго... а своего двоюроднаго брата, князя И. Б. Черкаскаго.. Этотъ его поступокъ былъ руководимъ всеслышною въ то время мыслью о чести своего рода. Опять стало быть, ничто другое, а родъ управляетъ мыслями и дѣлами людей.— А говорятъ, (кричу), что родового быта у насъ вовсе не было!» (Рус. Архивъ, 1872, № 5, с. 890). Такой родовой бытъ у насъ, да и вездѣ, есть до сихъ поръ: ну какъ же poradить родному человѣчку, (увѣковѣчилъ его Грибоѣловъ), но не о такомъ родовомъ бытѣ идетъ рѣчь и шелъ споръ, въ и началѣ исторіи.

основаніи родства по крови, и находились подъ строгимъ управленіемъ родового головы, достигавшаго этого званія по праву первородства, такъ что «предки наши не знали семьи, не имѣли отдѣльной собственности, кромѣ родовой и никакого юридическаго понятія о личности человѣка». Если когда-либо такой строй, дѣйствительно замѣчаемый у разныхъ народовъ на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, и существовалъ у нашихъ предковъ, то обстоятельства успѣли разрушить его прежде, чѣмъ народъ Русскій выступилъ на поприще исторіи; по крайней мѣрѣ, наши древнѣйшіе историки убѣждаютъ насъ въ этомъ и побуждаютъ давать иное толкованіе тѣмъ неяснымъ выраженіямъ, которыя, дѣйствительно, безъ этого могутъ приводить къ признанію древняго родового быта. Въ древнѣйшемъ юридическомъ памятникѣ нашемъ — договорѣ Олега съ Греками — не только не видно существованія рода въ юридическомъ смыслѣ, какъ цѣлаго тѣла, котораго нераздѣльнымъ членомъ былъ бы каждый родичъ, но положительно видно отсутствіе такого строя.»

Преданіе о Козарахъ, (IV) приводимое въ лѣтописи, заимствовано изъ пѣсни — въ этомъ мы совершенно согласны.

Вообще четыре первые параграфа въ этомъ разсужденіи г. Костомарова я причисляю къ лучшимъ его сочиненіямъ: здѣсь разсыпано много основательныхъ соображеній, но какъ дѣло дошло до разсужденій о началѣ Русскаго государства, до призванія князей, тамъ г. Костомаровъ, увлекаемый предвзятыми идеями, становится ниже всякой критики, что и старался я доказать осязательно.

Я представлялъ г. Костомарову свои доказательства и положенія противъ его мнѣній, но вотъ его собственныя

положенія, совершенно сходныя и почти тождественныя съ моими въ его Историческихъ монографіяхъ, Т. I.

«Въ IX вѣкѣ, Славныя на Югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазарь была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергическаго движенія, — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этою иноплеменной опекою, когда такъ легко отдались Русскимъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слышали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ рассказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтопись, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немислимо существовать, не давая дани».

«Новая власть, Варяжская, была тягостиѣе Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Кіевскихъ князей, тогда какъ, повидимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазарь. Но эта новая власть, однако не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полудемь*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя и дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостию.

постояннаго управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вмѣшательствомъ въ ихъ домашніа дѣла».

«Наконецъ пришлые князья и ихъ воинственные спутники скоро ослабѣли и потеряли, для подчиненныхъ племенъ характеръ чужеродства. с. 15.

«Новгородцы, признавшіе князей, какъ будто спровадили ихъ отъ себя на югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбрать себѣ князей изъ среды этого рода, по своему желанію и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію».

«Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика, (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнію, отдѣльною отъ Кривичей».

Что же это за фантазмгорія? Подъ разсужденіемъ подписанъ правда 1859 годъ, но оно издано въ 1872 г. и безъ всякихъ примѣчаній.

X

О НОВОМЪ СОЧИНЕНІИ Г. КОСТОМАРОВА.

Г. Костомаровъ въ издаваемой имъ *Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей*, начинаетъ ее съ Владимира Святаго, а древнѣйшую ея часть какъ будто рѣшительно отвергаетъ, произнося ей слѣдующій смертный приговоръ:

«Наша исторія о временахъ предшествовавшихъ принятію христіанства, темна и наполнена сказаніями, за которыми нельзя признать несомнѣнной достовѣрности».

«Съ достовѣрностію можно сказать, что подобно всѣмъ сѣвернымъ Европейскимъ народамъ и Русскій только съ христіанствомъ получилъ дѣйствительныя и прочныя основы для дальнѣйшей выработки гражданской и государственной жизни: основы, безъ которыхъ собственно для народа нѣтъ исторіи» (с. 1).

Эти слова извращаютъ совершенно понятія о нашей древней исторіи, и находятся въ вопіющемъ противорѣчій съ добытыми строгою критикою результатами.

Постараюсь доказать это какъ можно яснѣе и осязательнѣе для читателей, — хотя въ короткихъ словахъ, не входя въ обстоятельныя изслѣдованія.

1. Древняя Русская Исторія такъ счастлива, что въ главнѣйшихъ чертахъ можетъ быть возстановлена изъ однихъ иностранныхъ современныхъ свидѣтельствъ.

2. Первая наша лѣтопись, представляя свѣдѣнія, совершенно соответственныя съ иностранными современными свидѣтельствами, и вмѣстѣ со всѣми обстоятельствами мѣста и времени, съ послѣдующими несомнѣнными событіями, и наконецъ со здравымъ смысломъ, получаетъ чрезъ то *высшую степень достовѣрности*, и даетъ достаточныя средства для вѣрнаго и живаго воспроизведенія древней Русской исторіи.

3. Въ первоначальной нашей лѣтописи есть извѣстія невѣроятныя, сказочныя, баснословныя, но ни одной Европейской лѣтописи нѣтъ безъ такихъ извѣстій, и изъ-за нихъ лѣтописи не отвергаются, и въ исторіяхъ не отсѣкается ихъ необходимое начало.

Впрочемъ и въ этомъ отношеніи Русская первая лѣтопись несравненно выше другихъ, потому что ея невѣроятныя извѣстія гораздо легче могутъ быть отдѣлены отъ вѣрныхъ, и, съ другой стороны, нося очевидные признаки своего происхожденія, онѣ приносятъ еще пользу тѣмъ, что доказываютъ существованіе другихъ пропавшихъ памятниковъ. Вотъ мои положенія.

Приступаю къ ихъ доказательствамъ.

Начнемъ съ перваго положенія, восходящимъ порядкомъ.

Вы начинаете свою Русскую исторію Владимромъ Святымъ. Но вѣдь у Владимира былъ отецъ? Извѣстенъ ли онъ?

Извѣстенъ, даже до подробностей его жизни и наружности. Греческій историкъ, Левъ Діаконъ, видѣлъ его лицомъ къ лицу, описалъ обстоятельно его званіе И. Никифоромъ Фокою противъ Дунайскихъ Болгаръ, покореніе имъ Болгаринъ, переговоры его съ преемникомъ Никифоровымъ, Іоанномъ Цимисхіемъ, всѣ его распоряженія, сраженія, побѣды и пораженія, свиданіе съ Цимисхіемъ, принятыя имъ условія, удаленіе

изъ Болгаріи, и погибель въ Днѣпровскихъ порогахъ отъ Печенѣговъ.

Всѣ эти извѣстія совершенно сходствуютъ съ извѣстіями нашей древнѣйшей лѣтописи, и взаимно подтверждаются, исправляются однѣ за другими. Договоръ Святослава съ Цимисхіемъ находится въ лѣтописи почти дословно.

Наша лѣтопись представляетъ еще многія несомнѣнныя, и вмѣстѣ драгоцѣнныя черты, этого примѣчательнаго витязя, котораго можно считать совершеннымъ представителемъ своего времени: напримѣръ мать его, великая княгиня Ольга, убѣждаетъ его принять крещеніе. Какъ могу я креститься одинъ, отвѣчаетъ Святославъ, дружина будетъ смѣяться надо мною. Можно ли выдумать такой отвѣтъ? Нѣтъ мѣста здѣсь указывать на многія другія вполне достовѣрныя черты этого характера. По какому же праву вы исключите такое засвидѣтельствованное лицо изъ достовѣрной исторіи?

Обратимся теперь къ его матери, великой княгинѣ *Ольгѣ*. Это такъ же есть лицо совершенно историческое и по современному свидѣтельству иностранному: какъ Святослава видѣлъ своими глазами Левъ Діаконъ, такъ Ольгу принималъ, угощалъ и одаривалъ въ Константинополѣ Греческій императоръ Константинъ Багрянородный, и оставилъ подробное извѣстіе о ней въ своемъ сочиненіи о церемоніяхъ Византійскаго двора.

Вотъ вамъ вновь изданный путешественникъ, Новгородскій архіепископъ Антоній, бывшій въ Царь-градѣ около 1200 года. Онъ свидѣтельствуетъ, что видѣлъ въ храмѣ Св. Софіи «блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань ходивши ко Царю-граду... Въ блюдѣ же Олжинѣ камень драгій, на томъ же камени написанъ Христось, и отъ того Христа емлютъ печати людіе на все добро; у того же блюда все по верхови жемчугомъ учинено».

Одинъ отвѣтъ ея, сохраненный въ лѣтописи, императору, который прислалъ къ ней за обѣщанною помощію: когда онъ (императоръ) постоятъ у меня въ Почайнѣ (Днѣпровской пристани), сколько я стояла у него въ судѣ, (гавани Константинопольской), тогда я пришлю ему помощь, — характеризуетъ и лицо, и время, и взаимныя отношенія Грековъ и Русскихъ.

Повторяемъ нашъ вопросъ объ Ольгѣ: по какому праву исключите вы это прекрасное лицо изъ достоящей Русской Исторіи?

Ольга имѣла сына Святослава, какъ мы сейчасъ видѣли по иностраннымъ свидѣтельствамъ, но отъ кого же? Кто былъ ея мужъ?

Ея мужъ, отецъ Святославовъ, былъ *Игорь*, лицо также историческое, засвидѣствованное иностранными свидѣтелями, современными и близкими. Игоря называютъ отцомъ Святослава и Константинъ Багрянородный и Левъ Діаконъ. Греческіе историки, Левъ Граматикъ и за нимъ продолжатель Константиновъ, Симеонъ Логоветъ, Кедринъ, Зонаръ, описываютъ подробно походъ Игоря 944 года на Константинополь и его пораженіе, точно такъ какъ и западный лѣтописатель Лютпрандъ (бывшій посломъ въ Царѣградѣ, 946 г.): «Въ сѣверныхъ странахъ есть нѣкоторый народъ, который Греки, по тѣлесному свойству, называютъ Руссами, а мы по мѣстоположенію, *Нордманнами*... сѣверными людьми. У сего народа былъ царь, именовъ *Игеръ*, который, собравъ слишкомъ тысячу кораблей, пришелъ подъ Константинополь. И Романъ, услышавъ объ этомъ, началъ беспокоиться, ибо морская его сила была послана противъ Сарацинъ, и для охраненія острововъ. Такимъ образомъ, когда Романъ безъ сна провелъ многія ночи, а Игеръ опустошалъ всѣ окрестныя мѣста», (высланныя противъ Русскихъ ладьи съ греческимъ огнемъ разбились

и сожгли ихъ флотъ). «Послѣ сего Ингеръ въ большомъ безпорядкѣ возвратился во свояси. Греки же, одержавъ побѣду, съ радостію возвратились въ Константинополь, ведя съ собою многихъ плѣнныхъ, которымъ всѣмъ Романъ, въ присутствіи Гугонова посла, моего вотчина, велѣлъ отрубить головы».

Походы Руссовъ на берега Каспійскаго моря описаны современными Арабскими писателями

Объ образѣ смерти Игоревой знаетъ Левъ Діаконъ, влагающій въ уста и Цимисхія слѣдующія слова: «Я думаю что ты, Святославъ, еще не забылъ пораженія отца своего Игоря, который, презрѣвши клятву, съ великимъ ополченіемъ на 10.000 судовъ подступилъ... и едва только успѣлъ съ 10 ладьями убѣжать въ Восторъ Киммерійскій съ извѣстіемъ о собственномъ бѣдствіи. Я не упоминаю объ его несчастной смерти, когда плѣнный на войнѣ съ Германцами, (т. е. Древянами), онъ привязанъ былъ къ двумъ деревьямъ и разорванъ на двѣ части».

Довольно ли свидѣтельствъ, выдерживающихъ самую строгую критику?

И такъ вы должны признать историческаго Игоря, а если принимаете его, то должны согласиться и на то, что у него былъ дѣйствительный отецъ, положимъ пока хоть иксъ, X.

—
Ко времени этого отца,—X, принадлежитъ первое нападеніе Руси на Константинополь, о которомъ имѣется неоспоримое свидѣтельство, недавно найденное пресвященнымъ Порфиріемъ: проповѣди патріарха Фотія въ храмѣ св. Софіи, говоренныя «по случаю нашествія Руссовъ» въ то время, когда осажденный городъ треталъ о своей участи: «горько мнѣ... что походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить васъ... И мы слышали о нихъ уже тогда,

когда увидѣли ихъ, хотя и отдѣляли насъ отъ нихъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря. Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ, и расхищающій предмѣстья его; онъ разоряетъ и губитъ все» и пр.

Сбираніе дани Русскими князьями описано у И. Константина.

Плаваніе по Диѣпру купеческихъ каравановъ—у него же.

Торговлю Русскихъ описываютъ Арабы, видѣвшіе ихъ въ Астрахани.

О принятіи христіанской вѣры есть свидѣтельства у патриарха Фотія.

Греки, Арабы, Норманны, знаютъ наши города: Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Вышеградъ...

И. Константинъ исчисляетъ Славянскія племена Древлянь, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянь...

Довольно ли современныхъ иностранныхъ свидѣтельствъ, которыя всѣ подтверждаются, объясняются и дополняются множайшими живыми чертами въ нашей первоначальной лѣтописи? По какому же праву не будемъ мы принимать ихъ, и помѣщать, такъ сказать, за чертою, въ недостоверной исторіи, то-есть покрывать свѣтъ напускнымъ произвольнымъ мракомъ?

Переходимъ къ сказочнымъ извѣстіямъ лѣтописей. Мы сказали, что ихъ легко отдѣлить можно отъ показаній вѣрныхъ.

Олегъ плылъ по Диѣпру, якобы въ Константинополь, выманилъ къ себѣ на суда Аскольда и Дира безъ дружины, — это сказка; а что онъ убилъ ихъ, — это вѣрно: на томъ мѣстѣ Олма поставилъ церковь св. Николы, а Дирова могила за святою Ириной, говоритъ свидѣтель XI вѣка. Олегъ подъѣхалъ по вѣтру на

судахъ къ Константинополю, велѣлъ на возвратномъ пути своей Руси исшить паруса паволочитые, а Славянамъ крапивныя—это сказки; а что онъ приступилъ съ успѣхомъ къ Константинополю, — это вѣрно. Умѣреть онъ могъ отъ ужальнїя змиѣ, а предсказанїя могло и не быть. Что Ольга отмстила Древлѣнамъ, — это вѣроятно, потому что месть принадлежала къ числу законовъ Русскихъ; а что она взяла городъ Коростенъ помощію птицъ, взятыхъ въ дань и пущенныхъ ночью съ зажженными фитилями въ городъ.—это сказка. Что къ Ольгѣ сватался И. Константинъ,—это сказка; а что она была въ Константинополь,—это вѣрно. Разность въ извѣстіи Льва Дїакона и Русской лѣтописи о сраженїяхъ объясняется разностію новѣйшихъ бюллетеней стороны побѣдившей и побѣжденной,—здѣсь есть сказки,—а окончаніе войны, договоръ и гибель Святослава отъ Печенѣговъ вѣрны.

Къ сказкамъ принадлежитъ спасеніе Кіева въ отсутствіи Святослава отрокомъ, доставившимъ извѣстіе отъ Кіевлянъ воеводѣ Претичу, стоявшему на другой сторонѣ Днѣпра, также спасеніе Бѣлгорода хитростію старца, который велѣлъ ископать колодезь и наполнить его сытою, чтобъ обмануть Печенѣговъ, хотѣвшихъ голодомъ принудить городъ къ сдачѣ (*).

(*) Объ этихъ сказкахъ расскажу кстати нѣчто изъ своихъ воспоминаній; кажется, въ 1828 году, въ объявленіи объ изданіи «Московского Вѣстника», или гдѣ-то я сказалъ, что будетъ помѣщено тамъ разсужденіе о сказкахъ въ Русской Исторіи. Полевой, какъ человекъ проворный, подхватилъ это заглавіе и заговорилъ о сказкахъ, не помню въ исторіи или въ особой статьѣ, на что я протестовалъ. Въ изсѣдованїяхъ моихъ помѣщена цѣлая глава о сказкахъ въ древней Русской Исторіи. Потомъ въ «Москвитинѣ» напечатана была статья объ отношеніи нашихъ сказокъ къ сѣвернымъ сагамъ. Теперь являются эти старыя погудки на новый ладъ, безъ малѣйшаго воспоминанія объ ихъ началѣ и происхожденіи.

А всего забави́е то, что г. Костомаровъ, начиная Русскую Исторію Владиміромъ, и объявляя предшествовавшее время баснословнымъ, гдѣ нѣтъ исторіи, принуждѣнъ почти принять и принимаетъ многія важныя положенія. Онъ говоритъ: «Владиміръ, будучи еще язычникомъ, былъ повелителемъ большаго пространства нынѣшней Россіи, и старался какъ о распространеніи своихъ владѣній, такъ и объ укрѣпленіи своей власти надъ ними. Такимъ образомъ онъ повелѣвалъ Новгородскою землей, берегами рѣкъ: Волхова, Невы, Мсты, Луги, землею Бѣлозерскою, землею Ростовскою, землею Смоленскою въ верховьяхъ Днѣпра и Волги, землею Полоцкою на Двинѣ, землею Сѣверянъ по Деснѣ и Семи, землею Полянъ или Кіевскою, землею Древлянскою (восточною частию Волини), и, вѣроятно, такъ же Западною Волинію. Радимичи, жившіе на Сожи, и Вятичи, жители береговъ Оки и ея притокомъ, хотѣли отложиться отъ подданства и были укрощены» стр. 4.

Итакъ, по словамъ самого г. Костомарова, Владиміру принадлежала вся западная, вся средняя и часть восточной нынѣшней Европейской Россіи. Какимъ же образомъ она ему досталась? Упала съ неба къ нему въ руки? Не онъ вѣдь совершилъ всѣ эти пріобрѣтенія! Ясно, что онъ получилъ ее въ наслѣдство отъ своихъ предковъ, которые пріобрѣли ее. и то не вдругъ, а одинъ за другимъ, (налезли трудомъ великимъ, какъ вспоминаютъ ихъ потомки), и наша лѣтопись представляетъ самымъ естественнымъ образомъ по годамъ постепенное распространеніе владѣній Кіевского князя. За что же вы отвергаете ее, или считаете исторію, основанную на ней, вмѣстѣ съ иностранными свидѣтельствами, недостоверною? Принимать сумму и отвергать слагаемыя, — откуда же явилась сумма? Неужели это — наука, это — критика, это — прогрессъ исторіи?

Г. Костомаровъ беретъ изъ лѣтописи свѣдѣнія по произволу безъ всякихъ основаній, почему одному дается вѣра, другое отвергается, и связываетъ ихъ или оставляетъ безъ связи еще произвольнѣе, къ совершенному недоумѣнію своихъ молодыхъ читателей. Напримѣръ, онъ передаетъ общепринятое мнѣніе: «Съ давнихъ временъ восточная половина нынѣшней Европейской Россіи была населена народами племени Чудскаго и Тюркскаго, а въ западной половинѣ, кромѣ народовъ Литовскаго и Чудскаго племени, примыкавшихъ своими поселеніями къ Балтійскому побережью, жили Славяне подъ разными мѣстными названіями, держась береговъ рѣкъ: Западной Двины, Волхова, Днѣпра, Припети, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днѣстра, Сула, Десны, Оки съ ихъ притоками. Они жили небольшими общинами, которыя имѣли свое средоточіе въ городахъ, укрѣпленныхъ пунктахъ защиты, народныхъ собраній и управленія. Никакихъ установленій, связующихъ между собою племена, не было. Признаковъ государственной жизни мы не замѣчаемъ. Славяно-русскія племена управлялись своими князьками, вели между собою мелкія войны, и не въ состояніи были охранять себя взаимно, и общими силами противъ иноплеменниковъ, а потому часто были покоряемы».

Кѣмъ же были покоряемы Славянскія племена?

На этотъ необходимый вопросъ г. Костомаровъ молчитъ, потому что ему не хочется назвать Нормановъ, Варяговъ, засвидѣтельствованныхъ лѣтописью, а Козаръ онъ не можетъ назвать уже, потому что не назвалъ Норманновъ, которые въ лѣтописи упоминаются вмѣстѣ съ Казарами.

Затѣмъ онъ предлагаетъ также общепринятая свѣдѣнія о бытѣ, политики, образѣ жизни Славянскихъ племенъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего объявляетъ:

«Въ половинѣ IX вѣка Русскіе, послѣ неудачнаго похода на Византію, когда буря истребила ихъ суда, приняли крещеніе».

Да откуда же явились Русскіе? спросимъ мы г. Костомарова, вѣдь о нихъ прежде не сказано ни слова, не упомянуто даже ихъ имени, а говорено было только о племенахъ Славянскихъ, которыя имѣли, каждое, свои имена, жили врозь и ссорились между собою?

Замѣтимъ, что племень Славянскихъ не называлъ г. Костомаровъ по именамъ, а только наименовалъ рѣки, по берегамъ которыхъ они жили. Не называлъ же онъ ихъ (Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и пр.), потому что между ними не оказалось бы Руси.

Не дѣтекія ли это увертки? И это наука? спрошу я опять. И это критика? Грустное время!

Русскіе князья, также упавшіе съ неба, съ какими силами, откуда могли предпринять походъ на Константинополь? Вѣдь всѣ племена Славянскія, слабыя и безсильныя, не имѣли связи и не въ состояніи были, по собственнымъ вашимъ словамъ, охранять себя взаимно, и общими силами противъ иноплеменниковъ не могли вести оборонительныхъ войнъ, не только наступательныхъ, и противъ кого же? Противъ Константинополя!

Владимиръ укрѣпился въ Кіевѣ съ помощію чужеземцевъ — Скандинавовъ, называемыхъ у насъ Варяговъ (*), почему же онъ познакомился съ Скандинавами, и почему еще прежде изъ Новгорода ходилъ за помощію въ Швецію?

Г. Костомаровъ принимаетъ сказаніе лѣтописи о пирахъ Владимировыхъ, и молчитъ о пирахъ съ дружиною,

(*) «Вѣстникъ Европы» похвалитъ г. Костомарова за то, что онъ освобождаетъ своихъ читателей отъ «облигантныхъ Варяговъ», но видно освобожденія полнаго онъ дать не осмѣлился.

которыхъ описаніе въ лѣтописи представляетъ характеристическія черты.

Онъ говоритъ, что Владимиръ построилъ Десятинную церковь, и умалчиваетъ объ умерщвленіи языческою Русью двухъ Варяговъ-христіанъ, не хотѣвшихъ исполнить ея требованій. Онъ умалчиваетъ, что на мѣстѣ ихъ жилища построена Владимировъ Десятинная церковь.

Онъ называетъ Святослава воинственнымъ княземъ и пропускаетъ прекрасныя изображенія его въ лѣтописи.

Однимъ словомъ, всѣ драгоцѣнныя черты, которыя изображаютъ время, людей, отношенія, онъ пропускаетъ.

Не говорю уже о договорахъ съ Греками, составляющихъ сокровище Русской исторіи.

Послѣ извѣстія о неудачномъ походѣ на Константинополь, и, вслѣдствіе его, о начаткахъ христіанства, г. Костомаровъ ex abrupto провозглашаетъ: «при князьяхъ такъ называемаго Рюрикова дома господствовало полное варварство».

«Такъ называемаго», говоритъ г. Костомаровъ, слѣдовательно онъ самъ такъ не называетъ этотъ родъ. Прекрасно! Скажите же, какъ же называть его мы должны?

Вы соглашаетесь, что у Владимира былъ отецъ Святославъ, у Святослава Игорь, у Игоря долженъ быть отецъ? На какомъ же основаніи вы отвергаете извѣстіе лѣтописи, что его отца называли Рюрикомъ—именемъ, которое употреблялось въ княжескомъ родѣ и въ позднѣйшее время?

(Откуда бы оно явилось, спросимъ мы кстати нашихъ незваныхъ скептиковъ, если бы не было примѣра въ прежнемъ времени?)

Обратимся къ этимъ первымъ князьямъ неизвѣстнаго рода.

«Они (первые князья) облагали Русскіе (!?) народы данью, и, до нѣкоторой степени подчиняя ихъ себѣ, объединяли, но ихъ власть имѣла не государственная, а наѣздническія или *разбойничьи* черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удалцовъ, жадныхъ къ *грабежу и убійствамъ* (*).

Разбойникомъ называется тотъ, кто нападаетъ на когонибудь врасплохъ, и отнимаетъ у него что попадется, но князья, которыхъ такъ аттестуетъ г. Костомаровъ, облагали племена данью опредѣленною, сажали ихъ, говоря по нынѣшнему, на оброкъ. Одни платили по векшѣ, другія по куницѣ, третьи по шлягу. Объ этихъ распоряженіяхъ, узаконеніяхъ, сохранились даже въ лѣтописи положительныя извѣстія, кому именно они принадлежали: Олегъ *устави* дани Кривичемъ, Чуди и Мери; Древляне говорятъ Игорю: почто идеши опять, поймаешь еси всю дань; Ольга *устави* по Мстѣ: погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; одинъ князь Игорь хотѣлъ взять лишнее съ Древлянъ, ну—онъ и былъ разорванъ за то на части. Одно племя—Вятичи отказалось отъ платежа дани, ну—оно и обложено было данью тягчайшею.

Святославъ послалъ къ странамъ глаголя: хочю на васъ ити!

Нѣтъ, первые Русскіе князья не были Селадонами; Селадоновъ не укажетъ ни г. Костомаровъ и въ XV, XVI в. въ Европѣ, но не были и атаманами разбойниковъ, какими хочеть представить ихъ г. Костомаровъ Русскимъ юношамъ.

«При князьяхъ такъ называемаго Рюрикава дома господствовало полное варварство», говоритъ г. Костомаровъ.

(*). См. выше.

А города, извѣстные Грекамъ, Скандинавамъ, Арабамъ? Они доказываютъ варварство? А торговля,—согласно описанная Греками, Арабами и Скандинавами? Она доказываютъ варварство? А высота нравственная и духовная, на которую поднялись вдругъ первые христіане и ихъ дѣти, показываетъ полное ихъ варварство?

Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, если бы не имѣли въ наше время журнальной силы разные Поздревы, которые своими продажными голосами развращаютъ юношество и морочатъ публику.

Академики, *профессоры Русской Исторіи! Что же вы молчите? Какимъ образомъ позволяете вы глумиться такъ надъ Русской Исторіей и отнимать у насъ важнѣйшую часть ея, начало, происхожденіе государства?

Октября 24. 1873.

PS. Исторію Владимира со всею древнею Русскою исторіей г. Костомаровъ помѣстилъ на шести страницахъ, о которыхъ мы сказали теперь наше мнѣніе. О прочихъ—въ другой разъ.

XI

ОТВѢТЪ Г. ИЛОВАЙСКОМУ.

По поводу предложеннаго разбора г. Иловайскій напечаталъ въ «Современныхъ Извѣстiяхъ» статейку о нѣкоторыхъ полемическихъ приемахъ № 311. Онъ говоритъ, что я «почтилъ вновь комментарiями и его мнѣнiе о происхожденiи Русскаго государства». Отвѣчаю: не только не думалъ я почтить его мнѣнiе, но я и не зналъ, не знаю, есть ли оно, и гдѣ существуетъ. Я намекнулъ только на его сомнѣнiе о Рюрикѣ. Такъ неужели такое сомнѣнiе можно считать мнѣнiемъ о происхожденiи Русскаго государства?

Оскорблясь несправедливо титуломъ, принятымъ на свой счетъ, хоть онъ употребленъ безлично, относится не къ нему одному, г. Иловайскій приписываетъ прямо мнѣ такiе приемы, за которые можно бы оскорбиться *побольше и поосновательнѣе*.

Онъ говоритъ: «мимоходомъ замѣчу, что г. Погодинъ на этотъ разъ, какъ и прежде, въ своихъ ссылкахъ на источники, не всегда сохраняетъ необходимую точность, т. е. иногда приписываетъ имъ то, чего они не говорятъ».

Обвиненiе тяжелое, и, признаюсь, на старости лѣтъ мнѣ слишкомъ больно было слышать такiя слова отъ молодаго ученаго, «въ несомнѣнно-совѣстномъ и вполне честномъ отношенiи котораго къ наукѣ я нисколько не сомнѣваюсь, «какъ вѣрно предположилъ издатель

Современныхъ Извѣстій, сколько бы далеко ни разошелся во мнѣніяхъ».

На чемъ же г. Иловайскій основалъ свое обвиненіе? «Напримѣръ, приведя извѣстія Льва діакона, онъ (то есть я) прибавляетъ, что всѣ они совершенно сходятся съ нашею лѣтописью, и что договоръ Святослава съ Цимисхіемъ, находится въ лѣтописи почти дословно. Но какъ нарочно примѣръ совершеннаго сходства выбранъ неудачно: если нашъ достоуважаемый противникъ потрудится сличать содержаніе договорныхъ статей по Льву діакону и по Русской лѣтописи, то убѣдится, что они не только дословно, но и совсѣмъ не повторяютъ другъ друга».

Я писалъ на память, безъ цитатъ, ибо тяжелая артиллерія для газетъ не удобна, но теперь я по совѣту г. Иловайскаго обратился къ сличенію и нашелъ, что память меня на 74 году не обманула, и что обвиненіе молодого ученаго сдѣлано опрометчиво, чтобъ не сказать болѣе.

Левъ діаконъ.

На другой день (послѣ битвы) по утру посылаетъ Святославъ къ императору просить миръ такими условіями: Тавроскіи должны отдать Римлянамъ Доростолъ (Силистрію), отослать плѣнныхъ, выдти изъ Мисіи (Болгаріи) и возвратиться въ свое отечество, а Римляне должны дать имъ безопасно отплыть на судахъ своихъ, не нападая на нихъ съ броненосными судами, позволить привозить къ себѣ хлѣбъ, и посланныхъ для торговли въ Византію считать, по прежнему, друзьями.

Несторъ.

Азь Святославъ, князь Русскій... хочу имѣти миръ и свершену любовь... яко николиже помышляю на страну вашу, ни собираю вопъ, ни языки... ни на власть Кореунскую... ни на страну Болгарскую, да еще инъ

кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему, и борюся съ нимъ.

Ильтъ миръ, уступитъ покоренную Болгарію и возвратится въ отечество, — вотъ сходство какихъ главныхъ условій дословное, то есть существенное, не букввальное, разумѣль я, а подробности, или общія мѣста, развѣ могутъ идти въ расчетъ при сравненіи свидѣтельствъ такого рода и стоитъ ли труда говорить о такихъ мелочахъ?

Справился я и съ своей статьей, и нашелъ тамъ еще словцо къ своему оправданію: *почти*; пропустить такое слово при обвиненіи принадлежитъ къ какимъ пріемамъ?

«Приведемъ еще примѣръ», говорятъ г. Иловайскій, «несовсѣмъ критическаго отношенія къ источникамъ. Г. Погодинъ, перечисляя сказочныя извѣстія Русской лѣтописи, между прочимъ говоритъ, что ея нѣкоторыя повѣствованія объ Олегѣ суть сказки, а что онъ приступалъ къ Константинополю — это вѣрно. Но почему, о томъ ни слова: *хотя мы именно* указывали, что легенда объ осадѣ Олегомъ Константинополя не подтверждается никакимъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ. «*Мы!* Да за сто лѣтъ почти прежде *васъ* Шлецеръ говоритъ о томъ, а впродолженіи этихъ ста лѣтъ наука шла впередъ, и повторяетъ ея доказательства, не въ излѣдованіи о сказкахъ, а въ газетномъ перечнѣ, было бы странно. Скажу вамъ покажѣсть два слова: если походъ Аскольда и Дира засвидѣствованъ, и если въ Игоревомъ договорѣ есть ссыла на предыдущій договоръ на «ветхій миръ», то Олеговъ договоръ, а слѣдовательно и осада, подтверждаются сами собою.

Г. Иловайскій вступаетъ за г. Костомарова, которому впрочемъ отъ его помощи не поздоровится; онъ объявляетъ себя противъ «дружинно — разбойничьей

теоріи петербургскаго пессимиста, какъ несогласной съ исторической наукою, и признаеть всѣ свидѣтельства о Святославѣ, Игорѣ и Ольгѣ. Въ чемъ же остается согласіе г. Иловайскаго съ его клиентомъ? Только во тьмѣ, предшествовавшей рожденію Игоря. Ну пусть они играютъ тамъ въ жмурки, стараясь поймать отца Игорева, а тотъ красуется на Софійской площади въ Новгородѣ, приснопамятный основатель русскаго государства!

Недочувствую глубокомысленное замѣчаніе: Съ г. Погодинымъ нельзя спорить. Недостойныи шутки оскорбляютъ науку! Прошу извиненія, и даю слово представить въ скоромъ времени не въ газетѣ, а особомъ изданіи, полный разборъ вновь возникшихъ душевредныхъ ересей, безъ шутокъ, и по всѣмъ правиламъ строгой науки, въ предостереженіе учащейся молодежи, настоящей и будущей, которую собственно я и имѣю въ виду, отнимая у себя время на этотъ пустѣйшій споръ увлеченія и самолюбія.

P. S. Еще замѣчаніе. Г. Иловайскій говоритъ, что онъ «отрицалъ *внезапное* происхожденіе Русскаго государства посредствомъ Рюрикаго призванія». Да кто же говорилъ о *внезапномъ* происхожденіи Русскаго государства посредствомъ призванія Рюрикаго? Какъ назвать этотъ приемъ? Напоминаю ему слова мои, сказанныя лѣтъ 30 назадъ о двухсотлѣтнемъ рожденіи и младенчествѣ Русскаго государства. Двѣсти лѣтъ рождалась Россія... Еще Шлецеръ удачно назвалъ цѣлый періодъ отъ Рюрика до Ярослава: *Russia nascens*.

Рюрику принадлежалъ Новгородъ съ его областію, Олегъ владѣлъ Кіевомъ, покорилъ Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, однихъ за другими, Игорь и Ольга утвердили власть надъ Древлянами, Святославъ надъ Радимичами и Вятичами и проч. Постепенное распространеніе предѣловъ государства, изъ года въ годъ.

ясно и вѣрно представлено въ Лѣтописи, и о внезапности нѣтъ и помину. Вотъ г. Костомаровъ представляетъ внезапное происхожденіе государства при Владимирѣ, и мы предоставляемъ ему вооружиться противъ г. Иловайскаго, который относитъ его «ко времени, гораздо болѣе раннему, нежели полагаютъ норманисты».

Странное явленіе! Одинъ изслѣдователь не вѣритъ Рюрику, и относитъ происхожденіе государства влередь, гораздо позднѣе, ко Владимиру. Другой изслѣдователь не вѣритъ Рюрику, и относитъ его гораздо раньше назадъ. И что сдѣлалъ имъ Рюрикъ? Вѣдь къ нему за порядкомъ ходили. Развѣ не принесъ онъ порядка? Вскую шаташася языцы, (Норманны, Черноморцы, Русь) и людіе (гг. Костомаровъ, Иловайскій) поучишася тщетнымъ.

Но я опять шучу. Признаюсь—для меня смѣшны всѣ эти усилія бѣгать свѣта, и спѣшить во тьму; но въ окончательномъ разборѣ, даю слово, шутокъ больше не будетъ.

XII

О НОВОМЪ СОЧИНЕНІИ Г. КОСТОМАРОВА.

Статья вторая.

Мы разобрали понятія г. Костомарова о древней нашей Исторіи, помѣщенной съ Владимиромъ Святымъ включительно, на шести страницахъ. Въ остальныхъ жизнеописаніяхъ! Ярослава, Феодосія, Мономаха, Боголюбскаго, Мстислава Удалаго, Данила, Невскаго, Георгія и Ивана Даниловичей, Сергія, Донскаго, Зосимы и Савватія, новаго, оригинальнаго ничего нѣтъ. Жизнеописанія переведены, кажется, наскоро изъ Карамзина и лѣтописей, съ большими невѣрностями и еще большими запутанностями. Разсказъ гораздо вялѣе, тяжеле, нежели въ прочихъ сочиненіяхъ г. Костомарова. Впрочемъ я столько еще уважаю его за прежніе, первые труды, столько цѣню его талантъ, что не хочу назвать этой книжки его сочиненіемъ — это просто случайная опрометчивая ошибка, вслѣдствіе какихъ-нибудь соображеній не литературныхъ.

Распространяться въ газетѣ о такой книжкѣ неумѣстно: я считаю только своею обязанностию осудить здѣсь прежде всего ту несчастную точку, на которой сталъ г. Костомаровъ въ послѣднее время: искать съ насиліемъ черныхъ пятенъ въ Русской исторіи, и толковать все возможное и невозможное въ худую сторону, Г. Костомаровъ, въ этой своей такъ-называемой Исторіи, предназначаемой для чтенія юношества, не пропускаетъ

ни одного случая, гдѣ можетъ хоть съ натяжкой ввернуть словцо въ укоризну или осужденіе своихъ героевъ.

Докажемъ это, предпосылая слѣдующія золотыя слова славнаго государственнаго мужа Штейна, которыя попались мнѣ на глаза въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Архива*. Онѣ принадлежатъ къ его программѣ, какъ спасти Пруссію и Германію, оправдавшейся предъ нашими глазами такъ блистательно, программѣ, противоположной ученію нѣкоторыхъ петербургскихъ изданій: *«Воспитать въ народѣ духъ нравственности, въры и любви къ отечеству, возвративъ ему сознаніе, готовность на всякую жертву для независимости отъ иностранца, и развить въ немъ чувство разумнаго національнаго достоинства»*.

Владимиръ Мономахъ есть явленіе, выходящее изъ ряду вонъ въ древней Русской исторіи. Свѣдѣнія объ его дѣйствіяхъ въ лѣтописи, его письмо къ Олегу Святославичу, по случаю смерти въ бою сына Изяслава, его поученіе дѣтямъ, народныя воспоминанія о немъ въ позднѣйшее время, даютъ намъ возможность составить явное понятіе объ этомъ примѣчательномъ князѣ. Главными, важнѣйшими задачами его жизни были: умиротвореніе и оборона Руси отъ Половцевъ. Въ этомъ все историкъ и изслѣдователи согласны, и самъ г. Костомаровъ,—но ему какъ будто причиняетъ досаду безупречная слава Мономахова, и онъ мимоходомъ усыпаетъ свой расказъ разными злыми примѣчаніями, совершенно произвольными и неосновательными.

Напримѣръ, онъ говоритъ, что Мономахъ,—этотъ непримиримый врагъ Половцевъ,—*навелъ ихъ первый на Русскую землю, показалъ имъ дорогу участвовать въ нашихъ междоусобіяхъ*:

«Бѣжавшіе въ Тмуторакань Олегъ и Борисъ обратились къ Половцамъ. Не они первые вмѣшали этихъ

враговъ Руси въ ея внутреннія междоусобія. Сколько намъ извѣстно, *первый, показавшій имъ дорогу къ такому вѣдѣтельству былъ Владимиръ Мономахъ*, такъ какъ, *по собственному его извѣстію*, помѣщенному въ его *поученіи*, онъ еще прежде нихъ, *при жизни* своего дяди Святослава Ярославича, водилъ Половцевъ на Полоцкую землю» (стр. 41).

Признаюсь, эти слова сначала смутили меня: я люблю Мономаха, много занимался его жизнью и напечаталъ даже его біографію (*Москвитянинъ*, 1851). Неужели такое важное показаніе ускользнуло отъ моего вниманія? Я обратился тотчасъ къ поученію, на которое ссылается г. Костомаровъ, и что же тамъ нахожу? Вотъ что говоритъ Мономахъ: «Святославъ умеръ (а г. Костомаровъ говоритъ *при жизни* Святослава), и я ходилъ опять къ Смоленску, изъ Смоленска въ ту же зиму (1076) къ Новгороду, весною (1077) на помощь къ Глѣбу, на лѣто съ отцемъ подѣ Полоцкѣ, на другую зиму (1078) съ Святославомъ подѣ Полоцкѣ, ожгли Полоцкѣ, онъ отошелъ въ Новгородѣ, а я съ Половцами воюя на Одрскѣ въ Черниговѣ. (*)

Вотъ единственное мѣсто, которое могъ имѣть въ виду г. Костомаровъ. Спрашивается, гдѣ же говоритъ здѣсь Мономахъ, что онъ призвалъ Половцевъ? Откуда можно вывести такое заключеніе? Здѣсь нѣтъ не только положительнаго извѣстія, какое приписываетъ Мономаху г. Костомаровъ, нѣтъ не только никакого повода предполагать его, а есть напротивъ очевидныя обстоятельства, заставляющія отвергать, а именно: Мономахъ, одинъ изъ младшихъ князей того времени, имѣлъ

(*) «И Святополкъ умре, и азъ пакы Смоленску, а и Смоленска той же зимѣ та къ Новгороду на весну, Глѣбови въ помощь, а на лѣто со отцемъ подѣ Полтескѣ, а на другую зиму съ Святополкомъ подѣ Полтескѣ, онъ иде Новгороду, а я съ Половцы на Одрскѣ воюя та Чернигову.

тогда удѣломъ своимъ Смоленскъ; въ Кіевѣ княжилъ дядя его великій князь Изяславъ Ярославичъ; въ Черниговѣ отецъ Всеволодъ, который и посылалъ сына, куда ему было нужно; въ Туровѣ княжилъ Святополкъ, старшій двоюродный братъ Владимировъ, сынъ Изяславовъ, съ которымъ Владимиръ ходилъ подъ Полоцкъ, (вѣроятно враждебный Святополку по сосѣдству, какъ и брату его Глѣбу Новгородскому). Распоряжались старшіе князья-братья Изяславъ Кіевскій и Всеволодъ Черниговскій. Половцы, если они были приглашены (см. ниже), то Святополкомъ или отцомъ Святополковымъ, Изяславомъ. Владимиръ-то тутъ причемъ? Воевалъ князь Туровскій съ Полоцкимъ, а Владимиръ только помогалъ первому! Съ какой стати было ему призывать Половцевъ? Святополкъ ушелъ въ Новгородъ; Половцамъ дорога домой лежала идти съ Владимиромъ чрезъ враждебную область, на Одрьскъ, Карамзинъ догадывается: Друцкъ (*), и онъ возвратился воюя.

По какому же праву изъ сомнительнаго выраженія, безъ соображенія со всѣми прочими обстоятельствами, бросать тѣнь подозрѣнія на самаго чистаго князя древней Руси?

А чтò сказать объ отнесеніи г. Костомаровымъ событія, какъ бы ни понимать его, къ жизни Святослава Ярославича, когда рассказъ Мономаховъ начинается именно словами: и *Святославъ умре*?

И это критика? и это наука? и это исторія?

(*) Свѣтуемъ обратить вниманіе на 134 (во II т.) примѣчаніе Карамзина: тамъ г. Костомаровъ найдетъ себѣ вразумленіе. Это примѣчаніе, скажу кстати, доказываетъ, какъ внимателенъ былъ великій нашъ изслѣдователь, пренебрегаемый новыми неучами, къ самымъ маловажнымъ событіямъ, о которыхъ приходилось ему говорить.

Первое наведеніе Половцевъ на Русскую землю (не въ помощь) принадлежитъ, кажется, Святославичамъ. Олегъ, найдя убѣжище въ Тмутаракани, гдѣ княжилъ сперва старшій изъ нихъ Глѣбъ, а потомъ Романъ, имѣлъ случай познакомиться съ ними ближе и воспользоваться для возвращенія себѣ отчины. Подъ 1094 годомъ Несторъ говоритъ именно: се уже третье наведе поганыя на землю Русьскую.

Замѣтимъ, что духовную или поученіе Мономаха мы имѣемъ въ одномъ спискѣ, не вставленномъ въ Несторову лѣтопись и исполненнымъ ошибокъ.

Выраженіе «съ Половци» я назвалъ сомнительнымъ почему—объясню въ другомъ мѣстѣ.

Обвинивъ Мономаха понапрасну, г. Костомаровъ начинаетъ описаніе постоянныхъ его войнъ съ Половцами въ томъ же тонѣ: «вражду эту онъ открылъ поступкомъ (върломнымъ убійствомъ вопреки клятвы), съ двумя Половецкими князьями, Китаномъ и Итларемъ» (стр. 48).

Точно, Половецкіе князья были убиты среди переговоровъ о мирѣ, но это убійство не входило въ планъ дѣйствій Мономаха, какъ слѣдуетъ то заключить изъ словъ г. Костомарова; это былъ несчастный, печальный случай, о которомъ мысль пришла дружинѣ Мономаховой, и на который онъ согласился послѣ извѣстнаго сопротивленія... «Володимеру не хотяше сего сотворити (убійства), отвѣща бо: како се могу сотворити, ротѣ съ нимъ ходивъ. Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: княже, вѣтути въ томъ грѣха; да они всегда къ тебѣ ходяче ротѣ, губять землю Руськоюу и кровь крестьянску проливаютьъ безпрестани. И послуша ихъ Володимеръ».

Разумѣется, это убійство есть все-таки пятно на его памяти, которое можно оправдать отчасти только

грубостію нравовъ, и злобою противъ такихъ дикихъ враговъ, какъ Половцы, но нѣтъ никакого права считать его *предумышленнымъ* дѣйствиємъ.

Странно еще, что г. Костомаровъ съ этого событія начинаетъ какъ будто новый періодъ въ жизни Мономаха, между тѣмъ какъ и прежде онъ дѣйствовалъ совершенно одинаково, и бился, и мирился, съ Половцами, смотря по обстоятельствамъ.

Слѣдующій параграфъ г. Костомарова принадлежитъ уже къ числу самыхъ непростительныхъ по своей невѣрности.

«Олегъ и братъ его Романъ Святославичъ въ 1079 году попытались выгнать Владимира изъ Чернигова, но безуспѣшно. Владимиръ предупредилъ ихъ, вышелъ съ войскомъ къ Переяславлю, и безъ битвы избавился отъ соперниковъ; онъ заключилъ миръ съ Половцами, помогавшими Святославичамъ. Половцы и находившіеся съ ними Хозары предательски поступили съ своими союзниками: Олега отправили въ Царьградъ, а Романа убили. *Умълье раскорить своихъ противниковъ* показываетъ большую смѣлливость Владимира». (ст. 44).

Повѣрятъ ли читатели, что все это извѣстіе относится не къ Мономаху, а къ отцу его Всеволоду? Вотъ ясныя слова лѣтописи: «Въ лѣто 6587, приде Романъ съ Половцы къ Воину. *Всеволодъ же* ста у Переяславля и створи миръ съ Половцы, и возвратися Романъ съ Половцы вспять, и убиша и Половцы, мѣсяца августа 2-й день... а Олега емше поточише и за море Царьграду. *Всеволодъ же* посади посадника Ратибора Тмуторакани».

Всеволодъ заключилъ миръ съ Половцами. Тѣ пошли прочь, и, разумѣется поспорясь, расправились по своему съ наивышними ихъ князьями, у которыхъ не было своего войска. Слѣдовательно не только Владимиръ,

но и Всеволодъ никого не ссорилъ, а г. Костомаровъ ни за что ни про что восхваляетъ, хоть иронически, Владимира, о которомъ здѣсь и слыхомъ не было слышно; «умѣнье рассорить своихъ противниковъ пока-зываетъ большую смѣтливость Владимира!!»

«Хотя и радѣлъ (Мономахъ) о Русской землѣ, но и себя не забывалъ, и, наказывая князей, дѣйствительно виноватыхъ, отбиралъ ихъ удѣлы и отдавалъ своимъ сыновьямъ». Не входя въ дальнѣйшее разсужденіе объ этомъ предметѣ, я укажу г. Костомарову на древнее правило: «Оже князь извинитъ, то волость, а мужъ въ голову», то-есть князь за вину свою расплачивается волостью, а мужъ головою. Да и какіе города отбиралъ Мономахъ? Напротивъ, есть извѣстія, что такъ или иначе, онъ уступалъ Кіевъ Святополку, Черниговъ Олегу, вывелъ Глѣба изъ Минска, но тамъ, послѣ, его сыновей не видать. Прочіе города достались ему по наслѣдству отъ отца Всеволода, который «сѣде Кіевѣ на столѣ отца своего и брата своего, переимъ власть русьскую всю».

Василько—это второй примѣчательный князь древняго періода. Ослѣпленный по подозрѣнію В. К. Святополкомъ и Давидомъ Игоревичемъ, онъ въ заточеніи объяснялся искренно съ лѣтописателемъ Василиемъ, присланнымъ его убѣждать, чтобы онъ удержалъ Мономаха отъ мести. Золотая рѣчь его приведена и у г. Костомарова (стр. 56), а вотъ какъ онъ отзывался о Василькѣ:

«Василько былъ человѣкъ предприимчиваго характера; уже онъ водилъ Половцевъ на Польшу; затѣмъ, какъ онъ самъ послѣ сознался, думалъ идти на Половцевъ, но *если вприть ему*, не думалъ дѣлать ничего дурнаго Русскимъ князьямъ». (стр. 52).

«Если вѣрять ему», — вставить такую фразу, — значитъ приснуть холодною водою на искреннею горячую рѣчь! Чѣмъ же Василько возбуждаетъ недовѣрчивость? Отъ чего не вѣрять ему?

Досталось и *Андрею Боголюбскому*. Этотъ князь занимаетъ важное мѣсто въ Русской исторіи тѣмъ, что перенесъ центръ тяжести съ юго-запада на сѣверо-востокъ, изъ нынѣшней Малороссіи въ нынѣшнюю Великороссію. Его Владимиръ сдѣлался шагомъ къ Москвѣ. Время отъ 1146 до 1155 провелъ онъ на югѣ, участвуя въ войнахъ своего отца, искавшаго Кіевъ, и отличился, по единогласному сказанію лѣтописей, своею неустрашимостію, храбростію, распорядительностію, мягкосердечіемъ. Лѣтописи сохранили многія своеобразныя его черты. Вотъ на примѣръ одна: случилось ему, въ войнѣ отца его Юрья съ великимъ княземъ Кіевскимъ Изяславомъ, броситься на воиновъ вышедшихъ изъ осажденнаго Луцка. Тѣ бѣжали, а онъ, гнавшійся за ними, сгоряча очутился одинъ, среди враговъ. Два только отрока подоспѣли къ нему на помощь. Двумя копьями пораженъ былъ его конь, третье ударилось въ лукъ сѣдельный, Нѣмецъ напиралъ на него съ рогатиною. Тогда только онъ опомнился. Вотъ хочетъ мнѣ быть смерть Ярославча, помыслилъ онъ въ сердцѣ, обратился съ молитвою къ св. Θεодору, (память его праздновалась въ тотъ день), выхватилъ мечъ и оборонился отъ удара—все это происходило во мгновение ока, — одинъ изъ дѣтскихъ его уже убитъ, а онъ какъ то ловко поворотилъ коня, и тотъ, весь истекая кровью, вынесъ его изъ толпы враговъ. «Отецъ его Дюрги, стрый Вячеславъ и братья его всѣ, радовахуся, видѣвши Андрея жива, и мужи отни, похвалу ему давшѣ велику, зане мужски сотвори, наче бывшихъ вснхъ ту. Конь же его язвенъ

вельми, унесъ господина своего, умре. Князь же, жалуя комонства его (удары), повелѣ и погresti надъ Стыремъ».

Почему г. Костомаровъ предпочитаетъ такимъ чертамъ сухіе перечни войнъ въ книгѣ, предназначенной для юношества?

Кіевскіе междоусобія наконецъ наскучили Андрею, и онъ совѣтовалъ отцу восвратиться къ себѣ въ Суздаль. Наконецъ въ 1155 году, изъ Вышгорода, полученнаго отъ отца въ удѣлъ, онъ рѣшился удалиться на свою сторону сѣверную. Онъ взялъ изъ Вышгородскаго монастыря одну икону Богоматери, привезенную изъ Цареграда, и писанную, какъ говоритъ преданіе, Евангелистомъ Лукою, и отправился въ путь.

Кіевская лѣтопись такъ описываетъ этотъ случай: (1155) «Иде Андрей отъ отца своего изъ Вышегорода въ Суздаль безъ отни воли и взя изъ Вышегорода икону Св. Богородицы».

Суздальская лѣтопись: «иде Андрей отъ отца своего Суздалю, и принесе, и да икону Св. Богородицы».

Г. Костомаровъ выражаетъ эти извѣстія по своему: Андрей рѣшился самовольно *бѣжать* навсегда въ Суздальскую землю.

Онъ забываетъ, что Андрею было уже лѣтъ 40 слишкомъ, и что онъ могъ располагать собою: точно такъ какъ и старшій братъ его, Ростиславъ, прежде оставилъ отца въ Суздаль, и пришелъ къ великому князю Кіевскому Изяславу говоря: отецъ меня переобидѣлъ и волости ми не далъ, я пришелъ хочу за Русскую землю страдати.

Сказавъ, что Андрей бѣжалъ, г. Костомаровъ обвиняетъ его еще въ воровствѣ, и еще въ одной подобной добродѣтели, которую уголовный кодексъ называетъ очень неблагозвучно.

«Подговоривши ночью священника женскаго монастыря Николая и діакона Нестера, Андрей ночью унесъ чудотворную икону изъ монастыря, и вмѣстѣ съ княгинею и соумышленниками тотчасъ послѣ того убѣжалъ въ Суздальскую землю.» (с. 75) Подговорилъ, укралъ и бѣжалъ съ соумышленниками!

Г. Костомаровъ даже съ особеннымъ удареніемъ напираетъ на то, что Андрей укралъ икону и повторяетъ это слово нѣсколько разъ— «Андрей задумалъ похитить ее... Въ храмѣ Успенія, уже во Владимірѣ, Андрей поставилъ похищенную изъ Вышегорода икону» (с. 77). Наконецъ чрезъ десять страницъ, уже по убіеніи Андрея, онъ опять напоминаетъ о похищеніи... «Одно лицо, по имени Микулица, быть можетъ тотъ самый попъ Никола, который помогъ въ 1155 году похитить въ Вышегородѣ икону Богородицы» въ ризахъ прошелъ по городу, чтобъ утѣшить мятежъ и пр.

Какъ угодно г. Костомарову, а слова: бѣжалъ, подговорилъ и укралъ или похитилъ, никакъ не причисляются описаннымъ дѣйствіямъ Андрея, 40 лѣтняго знаменитаго князя, который оставляетъ, хоть и безъ отцовской волн, свой удѣльный городъ и переселяется въ ту сторону, гдѣ онъ положилъ большую часть своей жизни, взявъ съ собою изъ своего удѣльнаго города одинъ только образъ Богоматери, предъ которой отслужилъ еще молебень, какъ предъ своею путеводительницею.

Вобщемъ объ удаленіи Андрея изъ Кіевской стороны и взятіи образа находится у г. Костомарова объясненіе до такой степени эксцентрическое, что я, для любопытства читателей, рѣшаюсь его выписать сполна:

«До сихъ поръ въ сознаніи Русскихъ^а для князей существовали два права—происхожденіе и избраніе, но оба эти права перепутались и разрушились особенно въ Южной Россіи... Какому князю гдѣ княжить, для того уже не существовало никакого права. Андрей

нашелъ его. Это право высшее непосредственное благословеніе религіи».

Андрей, даровавъ Суздальской землѣ святыню, уважаемую на Руси, хотѣлъ «тѣмъ показать что надъ этою землей почиетъ благословеніе Божіе» (стр. 73).

Такой догадки «не хитрому уму не выдумать и ввѣкъ!»

Какъ похищеніемъ иконы нельзя было доказывать права князю, гдѣ ему княжить, такъ нельзя было доказывать благословенія Божія надъ тою страной, куда она была бы перенесена. Дѣло другое, еслибы распущенъ былъ слухъ, что икона сама туда явилась.

Не стану разбирать въ подробностяхъ біографію Андрея и ограничу свои замѣчанія указаніемъ на общій въ высшей степени неосновательный и несправедливый отзывъ объ немъ.

«Властолюбивый князь, изгнавъ братьевъ и тѣхъ бояръ, которые недостаточно ему повиновались, правилъ въ своей землѣ самовластно, забывая, что онъ былъ избранъ народомъ, отягощая народъ поборами и чрезъ своихъ посадниковъ и тиуновъ, и по произволу казнилъ смертію всякого кого хотѣлъ. Ужасныя варварства, сообщаемыя лѣтописями объ епископѣ Феодорѣ, его любимцѣ, достаточно бросаютъ тѣнь на эпоху Андреева княженія, еслибы даже половина того что разказывалось была правда. Андрей, какъ видно, часъ отъ часу становился болѣе и болѣе жестокимъ» (стр. 89).

Откуда взялъ г. Костомаровъ эти извѣстія о поборахъ, казняхъ и возраставшей жестокости Андрея? Ни въ лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ, нѣтъ о нихъ ни одного слова.

Если г. Костомаровъ дѣлаетъ такое заключеніе изъ чьей-то казни, которая подала поводъ къ его убійству, то замѣтимъ ему, что одной казни недостаточно для такого обвиненія. Да и объ казни этой мы ничего не

знаемъ. не только за чтò, но и была ли она совершена, даже была ли дѣйствительно рѣшена.

Лѣтопись описываетъ дѣло вотъ какъ.

«Бѣ у него Якимъ слуга возлюбленный имъ, и *слыша отъ нѣкого*, аже брата его князь велѣлъ казнить... почаша молвити: день того казнилъ, а насъ завтра... а промыслимъ о князѣ семъ».

Чтò же можно вывести изъ этихъ словъ? Якимъ *слышалъ отъ кого-то*, что князь велѣлъ казнить его брата, — слѣдовательно братъ его еще не былъ казненъ, слухъ можетъ быть былъ ложень; можетъ быть, что самъ Якимъ выдумалъ его съ цѣлюю подвигнуть соумышленниковъ.

Другое доказательство, столько же слабое, жестокости Андреевой, г. Костомаровъ извлекаетъ изъ мнимаго потворства Андреева злодѣянiямъ Владимирскаго епископа Ѳедора, якобы его любимца: «Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что онъ (Ѳедоръ) поступалъ такимъ образомъ, *не слушая* Андрея, посылавшаго его ставиться въ Кiевъ, но *трудно допустить*, чтобы все это могло происходить подъ властью такого властолюбиваго князя противъ его воли. Если подобныя варварства не плодъ преувеличенiя, *то онъ могли совершаться только съ вѣдома Андрея*, или, по крайней мѣрѣ, Андрей смотрѣлъ сквозь пальцы на продѣлки своего любимца, и пожертвовалъ имъ только тогда, когда увидѣлъ, что народное волненiе возражаетъ и можетъ имѣть опасныя послѣдствiя» (стр. 79).

Ничего этого нѣтъ въ лѣтописи—это все натянутыя догадки. Въ лѣтописи сказано только: «Сей нечестивый не восхотѣ послушати... князя Андрея, велящу ему ити ставитася къ митрополиту Кiеву...—Князю же о немъ добромъ сляшу и добра хотя ему, сей же не токмо не восхотѣ поставленiя отъ митрополита, но и церкви всѣ въ Володимери затвори... и тако Бога разгнѣви...

тѣмъ бо дни изгнанъ бысть, мѣсяца мая въ 8-й день... Посла же его князь Андрей... Кіеву. Митрополитъ же Константинъ обвини его всѣми винами, и тамо его осѣкоша и языка урѣзаша, яко злодѣю еретику, и руку правую отсѣкоша, и очи ему выпяша, зане хулу измолви на Святую Богородицу».

Скажеть ли г. Костомаровъ, что Ѳеодоръ свѣдома Андреева затворилъ церкви въ Владимирѣ, или что Андрей раздѣлялъ его образъ мыслей? Нѣтъ, Ѳеодоръ былъ видно лицо самостоятельное по своему. Неизвѣстно, сколько времени онъ неистовствовалъ, и гдѣ именно; неизвѣстно, сколько времени былъ любимцемъ Андрея, котораго благочестіе не подлежитъ сомнѣнію, хоть даже за похищеніе образа!

Казненъ былъ Ѳеодоръ въ Кіевѣ вѣроятно съ разрѣшенія Андрея, котораго слѣдовательно нельзя считать его покровителемъ за это время. Да и объ томъ, чтобъ Ѳеодоръ былъ любимцемъ Андрея, положительныхъ, обстоятельныхъ свѣдѣній нѣтъ.

По убіеніи Андрея домашними придворными заговорщиками, Екимомъ Кучковичемъ, его зятемъ Петромъ, Ясиномъ Амбаломъ, Жидомъ Ефремомъ Монзичемъ и пр., имѣніе его было разграблено. Г. Костомаровъ и здѣсь находитъ доказательства въ пользу своего мнѣнія: «Оказалось, что убійцы совершили поступокъ угодный очень многимъ. Правленіе Андрея было *ненавидимо*. Народъ, услыхавши, что его убили, бросился не на убійцъ, а напротивъ сталъ продолжать начатое ими. Боголюбовцы разграбили весь княжій дворъ... перебили его дѣтскихъ и мечниковъ, и пр. Несомѣнно что *ненависть* къ Андрею не была удѣломъ одной незначительной партіи, но была раздѣляема народомъ, иначе нельзя объяснить обстоятельство, что тѣло князя оставалось непогребеннымъ цѣлую недѣлю, и народъ,

услыхавъ о насильственной смерти своего князя, обратился не на убійцъ его, а на его довѣренныхъ и слугъ» (с. 92).

Андрей жилъ одинъ. При немъ изъ родныхъ никого не было. Богатства его были несмѣтныя. Наслѣдниковъ нѣтъ наличныхъ. Кому же онъ достанутся? Убійцы принялись грабить, — примѣръ оказался соблазнительнымъ для жителей; набулоти, остановить было некому и мятежъ распространился по всей землѣ. Не ненависть побуждала, а корыстолюбіе; въ общемъ волненіи некому было думать о погребеніи. Всякой думалъ о себѣ. Такъ точно и прежде въ Кіевѣ, по смерти Юрія, окруженнаго сотрудиками, «много зла сотворися въ тотъ день; разграбиша дворъ его красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ разграбиша, его же зващеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ, сына его, разграбиша въ городѣ; избивахуть Суждаѣлци по городамъ и по селамъ, а товаръ ихъ грабяче». Эти явленія очень естественны, и изъ нихъ нельзя извлечь ничего какъ противъ Юрія, такъ и противъ Андрея.

Вотъ всѣ три обстоятельства, которыя служатъ г. Костомарову основаніемъ приговора его о жестокости Андреевой. Можно ли на такихъ слабыхъ основаніяхъ, на слухъ о рѣшеніи чьей-то казни, на догадкѣ натянутой о потворствѣ епископу, на грабежѣ послѣ убійства, основывать такое страшное осужденіе о жестокости князя, какое заслужилъ, только злодѣй, подобный Ивану Грозному!

Андрей былъ князь властолюбивый, гордый въ отношеніи къ своей братьѣ-князьямъ, а о частной его жизни, объ его характерѣ, вотъ какъ свидѣлствуютъ лѣтописи:

...«Неомрачи бо ума своего пльнствомъ, кормитель бѣ чернцемъ, и черницамъ, и убогимъ, и всякому чину, яко возлюбленный отецъ бѣшеть, паче же на милостыню зѣло охотивъ, нбо брашно свое и медъ по улпцамъ на

возѣхъ слаше, болнымъ и по затворамъ... И тако примаше всякаго приходящаго къ нему просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: еда се есть Христосъ пришедъ испытать мене. И всякъ обычай добровравенъ имѣяшеть: въ ночь входяшеть въ церковь, и свѣши жжигивашеть самъ, и видя образъ Божій на иконахъ написанъ, взирая яко на самага Творца... уздыханье отъ сердца износя и слезы отъ очю испущая».

«Мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста, и инога добродѣянья въ немъ бяша, вторый мудрый Соломонъ бывъ... Всякъ бо держася добродѣтели, не можетъ безъ многихъ врагъ быти».

По утишеніи мятежа, когда тѣло его повезено было изъ Боголюбова во Владимиръ для погребенія... «И бысть по малѣ времени и поча выступати стягъ отъ Боголюбоба, и людье не могоша ся ни мало удержати, по вси вопяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати. И поча весь народъ плача молвити... Рыдаеть же множество правовѣрныхъ зряще отца сирымъ и кормителя... И тако плакася по немъ весь градъ» и пр.

Г. Костомаровъ объясняетъ это по своему: злоба уступила мѣсто печали.

Правда—въ княжескихъ некрологахъ бываетъ много преувеличеній и общихъ мѣстъ, но здѣсь вы видите особья оригинальныя черты, какъ и въ некрологѣ Мстислава Удалаго, которой Г. Костомаровъ почтилъ довѣренностію.

А вотъ слова Суздальской лѣтописи и о первомъ водвореніи Андрея въ Суздальской землѣ:

«Ростовци и Суждалци сдумаше вси пояти Андрея... и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и въ Суждали, занеже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имѣяше къ Богу и ко всимъ сущимъ подъ нимъ».

Послѣ такихъ отзывовъ г. Костомаровъ распространяется о жестокости Андрея и ненависти къ нему народа.

Наконецъ оправданіе грабежа доходитъ уже до смѣшнаго въ историческомъ смыслѣ. «Весь домъ Андрея былъ разграбленъ. Такъ поступали по тогдашнимъ обычаямъ и понятіямъ. Имущество казеннаго общему волею все отдавалось на потокъ и разграбленіе» (стр. 90).

Да развѣ Андрей былъ преступникъ, казенный общему волею? Или вы забыли, что лѣтопись говорить: всѣхъ невѣрныхъ убійць числомъ 20!

Г. Костомаровъ, обвинивъ князя, порѣшаетъ и со всѣмъ народомъ: «Но съ другой стороны, если поступки этого князя, руководимаго безмѣрнымъ властолюбіемъ, возбудили въ себѣ злобу народа, то все-таки его дѣятельность въ своемъ основаніи согласовалась съ духомъ и характеромъ той земли, которой онъ былъ правителемъ. (И князя и народъ—всѣ хороши!) Это всею яснѣе можно видѣть изъ послѣднихъ событій и всей исторіи Ростовско-Суздальскаго края до самаго Татарскаго нашествія» (стр. 93).

И съ первыхъ строкъ этого *яснаго виднѣнн* г. Костомаровъ усматриваетъ избранныхъ наслѣдниковъ, племянниковъ Андрея, въ Рязани, а они были въ Черниговѣ!

Но довольно. Если разбирать всю книгу г. Костомарова, то надобно написать другую. Я только пробѣжалъ ее, и, какъ Матюша Башкинъ при Грозномъ весь свой Апостолъ облѣпилъ вощаными вопросительными замѣтками, такъ я искрестилъ исторію г. Костомарова карандашомъ.

Здѣсь только приведу отзывъ г. Костомарова о княженіи Донскаго и нѣсколько примѣровъ смѣшныхъ и странныхъ словопроизводствъ:

«Княженіе Дмитрія Донскаго принадлежитъ къ самымъ несчастнымъ и печальнымъ эпохамъ исторіи много-страдальнаго русскаго народа» (стр. 232)

Но вѣдь въ это княженіе завялась заря освобожденія отъ Монгольскаго ига, и духъ народный поднялся!

А приведенныя ниже въ доказательство у г. Костомарова бѣдствія—развѣ не были одинаковы съ прочими, даже со временемъ его сына Василя?

Исчислить эти бѣдствія вы могли безъ сомнѣнія, но не должны были умолчать при этомъ исчисленіи, при общемъ обзорѣни, такого событія, какъ Куликовская битва!

Но разсѣмь скорѣе грустныя размышленія о несчастномъ расположеніи исторіеписателя, и приведемъ нѣсколько замѣчаній другаго рода:

Святополкъ и Ярославъ сошлись у Любеча, и стали другъ противъ друга на берегахъ Днѣпра. Воевода Святополковъ дразнилъ Новгородцевъ, крича имъ съ своего берега: «почто придосте съ хромцемъ тѣмъ, а вы плотницы суши, а приставимъ вы хоромы рубити».

Хромецъ—хромой, хромоногій, а г. Костомаровъ произвелъ хромца отъ хромъ, назвалъ хоромцемъ, и перевелъ охотникомъ строить: «ахъ вы плотники этакіе, чего пришли съ этимъ хоромцемъ (охотникомъ строить), вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы» (с. 12).

Предлагаемъ извѣстіе другаго лѣтописца, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія въ общепринятомъ значеніи этого слова: «бѣше же (Ярославъ) хромоногъ, но умомъ свершень и храборъ на рати.» (Софійскій временникъ подъ 1034 г. Такъ и въ лѣтописи по Воскресенскому списку).

Прибавимъ, что скандинавскій источникъ, Эймундова Сага, свидѣтельствуетъ также объ Ярославовой хромотѣ, хотя и смѣшиваетъ времена. (Такое сопоставленіе сви-

дѣтельство, замѣтимъ мимоходомъ, очень важно: изъ него видно сообщеніе Ярославовой Руси съ Сѣверомъ, и подлинность сказанія лѣтописи).

Чадь. Г. Костомаровъ вотъ какъ объясняетъ это слово: «Половцы разбивались на орды, находившіяся подъ предводительствомъ разныхъ князьковъ или хановъ, и называемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ *чадью*» (стр. 45).

Съ чего взялъ г. Костомаровъ такое объясненіе, не понимаемъ. *Чадь* употребляется вообще въ смыслѣ дворни, артели, ватаги, дружины: 1068. Пришелъ Мстиславъ, изсѣче числомъ 70 чади, изъ выпустившихъ Всеслава. 1095, упоминается Ратнборова (Мономахова боярина) чадь. 1077. Пришли Новгородцы въ Суздаль Милонѣжкова чадь. 1200. Мирошкина чадь. 1233. Заняла Изборскъ Борисова чадь.

При погребеніи Андрея Боголюбскаго упоминается Лукіна (уставщика соборнаго) чадь.

Въ томъ же смыслѣ упоминается и у Половцевъ Итларева чадь, Бастѣва чадь, Чаргова чадь.

Вежи. Г. Костомаровъ считаетъ ихъ башнями: «Осаждающіе закрывались подвижными вежами (башнями), осажденные стояли на стѣнахъ за досками. Таковъ былъ тогдашній способъ войны» (?!). Вежи—палатки, шатры: это слово употребляется очень часто при описаніи нападений на Половцевъ: 898. Идоша Угри мимо Кіевъ горою... и сташа *вежами*. 1109. Дмитрій Иворовичъ взя вежи Половечьскія у Дону. 1168. Ярославъ Беглюковы вежи взя. 1183. А Половцы, которы утягли *перейти вежами* спасошася. 1185. Тое же веснѣ... Божією помощью взяша *вежѣ* Половецкая, много цолона и копін.

«Кормилецъ и воевода Ярослава, Будый, ѣздя по берегу, крччалъ, указывая на Болеслава: вотъ мы тебѣ

щепкою проколемъ череву твое толстое» (стр. 13). Щепкою (плоскою) проколоть ничего нельзя. Карамзинъ переводилъ слово лѣтописи *треска* копьемъ, а Арцы-башевъ палкою (оттуда треснуть значить первоначально: ударить палкою).

Въ заключеніе, приведемъ отзывы петербургскихъ журналовъ объ этой книжкѣ, которая ниже всѣхъ прочихъ сочиненій г. Костомарова, имѣющихъ (кромѣ извѣстнаго расположенія) свои достоинства.

С. Петербургскія Вѣдомости, № 227. «На дняхъ г. Костомаровъ выступилъ предъ читающею публикой съ новымъ трудомъ, котораго, по утвердившейся за авторомъ репутаціи мастерскаго изложенія наиболѣе рельефныхъ изображеній изъ нашего историческаго прошлаго, давно слѣдовало ожидать отъ талантливаго историка».

«Исторія г. Костомарова обнаруживаетъ въ авторѣ новую сторону таланта, а быть можетъ и послѣднюю сторону его развитія. Это—полная *до эпичности* спокойная объективность изложенія, что прежде не признавали въ талантѣ г. Костомарова литературные противники, обвинявшіе его въ крайности, въ увлеченіи одной половиною Россіи насчетъ другой, въ развѣнчиваніи историческихъ авторитетовъ и народныхъ героевъ»...

Вѣстникъ Европы представилъ два извѣстія о книгѣ. Въ первомъ онъ говоритъ: «почтенный авторъ приступилъ, наконецъ, къ труду, который, по его глубокому знанію исторіи русской культуры, а также и по блестящимъ свойствамъ его таланта, представляется какъ бы обязанностью въ его положеніи: дать Русскому юношеству хорошую книгу для чтенія по отечественной исторіи. Вышла дѣйствительно книга для чтенія, но такая книга, которая серьезно обнимаетъ всю область Русской Исторіи», и пр.

Вторую статью, гораздо обширнѣйшую, рецензентъ оправдываетъ такъ: «Этотъ трудъ представляетъ столько оригинальныхъ достоинствъ, что нужно познакомиться съ нимъ подробно». «Въ первый разъ теперь (г. Костомаровъ) задумалъ взять на себя изложеніе Русской Исторіи во всей ея цѣлости. Онъ резюмируетъ плоды своихъ собственныхъ работъ и долговременныхъ размышленій надъ Русскою Исторіей. Поэтому предъ нами лежитъ теперь не философія исторіи и не систематика, а прагматическая исторія во всей чистотѣ своего прототипа, оставленнаго намъ древними историками, безъ всякой предвзятой теоріи, безъ всякаго полемическаго нахвренія. Это исторія, которая пишется для того, чтобъ ее читали многіе и многіе. Чтобы читать такую «Исторію» нужно имѣть уши, чтобъ слышать, и еще прежде того — любить свою родину и интересоваться простыми разказами ея судьбъ, каковы бы онѣ тамъ ни были. Простыми разказами! Это легко сказать.» и пр. и пр. *Risum teneatis, amici.*

Въ заключеніе этой удивительной исторической рецензій, рецензентъ говоритъ: «Въ настоящую минуту трудъ почтеннаго историка представляетъ одинъ капитальный недостатокъ: этотъ трудъ не конченъ»...

А по моему капитальный недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ начатъ.

Кто правъ, кто виноватъ, пусть судятъ читатели.

Ноября 14-го.

1873.

XIII

ВОЗРАЖЕНІЕ НА ОТВѢТЪ Г. КОСТОМАРОВА.

Г. Костомаровъ отвѣчалъ въ «Вѣстникѣ Европы» на предложенную рецензію. Оставляя пока лишнее въ его отвѣтѣ, я считаю обязанностію отстранить только его возраженія и объяснить недоумѣнія.

Онъ настаиваетъ на своемъ правѣ начинать Исторію съ Владимира Святаго: «Свѣдѣнія объ языческихъ князяхъ, сообщаемыя источниками», говоритъ онъ, «до такой степени мало содержатъ ясныхъ, вполне историческихъ чертъ, что едвали возможно составить ихъ жизнеописанія, въ которыхъ бы за исключеніемъ всего сказочнаго, было въ достаточномъ количествѣ дѣйствительно происходившаго». В. Е. Январь, 1874, с. 466.

«Я вовсе не думалъ», продолжаетъ онъ, «уничтожать всей нашей Исторіи до Владимира, какъ выражается г. Погодинъ, а признаю въ сущности тѣхъ же рассказовъ первоначальной лѣтописи и дѣйствительно историческія событія, о чемъ я упомянулъ въ жизнеописаніи Владимира въ послѣднемъ своемъ сочиненіи»...

C'est le ton qui fait la musique. Начиная съ Владимира, вы въ первыхъ трехъ строкахъ толкуете о темнотѣ и не достовѣрности предыдущей Исторіи. Какое же впечатлѣніе производите вы въ юность, для котораго предназначено сочиненіе? А первое впечатлѣніе всегда значить очень много. Сказать: Древнѣйшая

Русская Исторія вообще темна и недостоверна, хоть есть въ ней нѣкоторыя извѣстія вѣрныя, — или сказать: древнѣйшая Русская Исторія вообще ясна и достоверна, хоть и есть въ ней нѣкоторыя извѣстія темныя и сомнительныя, — два совершенно различные оборота и способа выраженія! Который изъ нихъ предпочтительнѣе для учебной книги — для всякаго ясно.

Вы говорите теперь, что признаете въ сущности разказовъ первоначальной лѣтописи и дѣйствительно-историческія событія, ну такъ и укажите на нихъ, исчислите ихъ во вступленіи, или предисловіи, если не находите для себя удобнымъ составлять біографіи первыхъ князей, кромѣ Владимира. Молодой вашъ читатель въ такомъ случаѣ не былъ бы ошеломленъ на первыхъ порахъ ударомъ сомнѣнія и отрицанія, вовсе для него еще непригоднаго.

А что сказать о вашемъ оборотѣ или способѣ выраженія, если мысль, лежащая въ основѣ его, есть мысль совершенно ложная? Наша древнѣйшая Исторія не только достоверна, повторяемъ, но совершенно вѣрна и ясна, что касается до главныхъ, существенныхъ ея положеній, въ чемъ вы принуждены въ разныхъ мѣстахъ, мимоходомъ, сознаваться. Слѣдовательно въ краткой, біографической Исторіи, назначаемой для юношества, даже и вовсе нѣтъ нужды говорить о недостоверности нѣкоторыхъ извѣстій, относящейся къ другой степени изученія.

«Я не думаю», говорите вы, «чтобъ знакомые съ источниками нашей древней Исторіи затруднились разрѣшить для себя вопросъ, зачѣмъ я не помѣстилъ въ біографіи этихъ лицъ» (рѣчь впереди шла о Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ). Знакомые имѣють честь заявить, что лице Святослава, на примѣръ, имѣеть гораздо болѣе источниковъ для своей біографіи, чѣмъ лице Владимира.

За симъ вы распространяетесь о томъ, что напрасно вамъ ставятъ въ укоръ отзывы «объ языческихъ князьяхъ, будто ихъ дѣянiя носятъ на себѣ разбойничiй характеръ».

Я ставлю вамъ въ укоръ, что вы на трехъ страницахъ въ своей статьѣ объ единоподержавiи въ Россiи, на которую ссылаетесь, назвали ихъ *тридцать разъ* разбойниками, грабителями, атаманами разбойниковъ, а въ Исторiи, повторивъ также нѣсколько разъ это положенiе, вы утверждаете, что и «во Владимiрово время собранiе дани имѣло видъ грабежа».

Г. Костомаровъ никакъ не хочетъ принять современныхъ свидѣтельствъ, что дань состояла изъ опредѣленнаго оброка, что свидѣтельство И. Константина Багрянороднаго о покупкѣ Русью лодокъ у Славянскихъ племенъ никакъ не сходится съ мыслью о грабежѣ. Что касается до набѣговъ Русскихъ на сосѣднiя или враждебныя племена, то они носятъ тотъ же характеръ, какъ и войны Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ, Италiанцевъ, отъ котораго недалеко ушли не только повсемѣстныя войны среднихъ вѣковъ, но и нынѣшнiя войны Французскiя съ Коммуною, Испанскiя съ Карлистами, Нѣмецкiя не только во Францiи, но и въ Баварiи, во Франкфуртѣ и проч.

Укажите мнѣ какую нибудь Европейскую Исторiю, гдѣбъ съ такимъ наслажденiемъ употреблялся и безпрестанно повторялся этотъ излюбленный вами эпитетъ «разбойники», какъ у васъ, а вѣдь начальная Исторiя всѣхъ Европейскихъ Государствъ въ этомъ отношенiи одинакова.

Защищая варварство, приписываемое имъ народу, г. Костомаровъ говоритъ: «что касается до нравственной и духовной высоты первыхъ Русскихъ христiанъ и ихъ дѣтей, то г. Погодинъ можетъ такъ отзываться, конечно только о немногихъ лицахъ, въ родѣ Антонiя, Θεодосiя,

Иларіона, а никакъ не о цѣлой массѣ получившихъ крещеніе Русскихъ», с. 469.

Да кто же можетъ говорить о преобращеніи цѣлой массы? Говорятъ только, что плоды, подобныя Антонію, Ѳеодосію, Мономаху, Васильку, не могутъ возрасти на камнѣ, на почвѣ варварской. Утверждаютъ, что почва безъ сомнѣнія была подготовлена къ произращенію такихъ плодовъ изъ полученныхъ въ христіанствѣ сѣменъ. Слѣдовательно народъ не находился въ состояніи варварства, вами утверждаемаго.

Въ отвѣтъ на вторую статью мою, г. Костомаровъ защищаетъ свои отзывы о Мономахѣ, Василькѣ и Боголюбскомъ, начиная такъ: «какіе это герои, за которыхъ заступается г. Погодинъ».

Мономахъ не приводилъ Половцевъ при Святославѣ (Ярославичѣ) на Русскую землю, говорилъ я, и въ свидѣтельствѣ, на которое указываетъ г. Костомаровъ, отнюдь этого не видно. «Разсмотримъ этотъ вопросъ критически», торжественно заявляетъ г. Костомаровъ и какъ же онъ разсматриваетъ? «Я полагаю», говоритъ онъ, «что слова: Святославъ умре, поставлены въ известной намъ редакціи поученія не на своемъ мѣстѣ, а событіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершилось нѣсколько ранѣ».

Вотъ вамъ и критическое разсмотрѣніе! Документъ говорить: послѣ,—а критикъ поправляетъ: прежде!

Такимъ образомъ немудрено всю Исторію поставить вверхъ ногами, что впрочемъ и совершается!

Да еслибъ было и по вашему, все таки изъ словъ Мономаховыхъ нѣтъ ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ онъ привелъ Половцевъ, когда главными лицами, заправлявшими войною, кромѣ дяди, были отецъ его и двоюродный братъ Святополкъ, ведшіи собственно войну.

«Г. Погодинъ говоритъ, что Мономахъ здѣсь не виноватъ, что онъ дѣйствовалъ по волѣ старшихъ князей. Можетъ быть. Я самъ такъ думаю, и вѣроятно же всего Мономахъ дѣйствовалъ по волѣ Святослава (умершаго!)... все это можетъ быть, но фактъ остается фактомъ: Мономахъ въ нашей Исторіи является первымъ изъ князей, водившихъ Половцевъ на Русскую землю».

Не знаешь, чему удивляться больше въ этихъ словахъ: недоумѣнію, умыслу или опрометчивости. Какой фактъ остается фактомъ? Вы путаете всѣ извѣстія, и какъ вмѣсто свидѣтельства *по смерти* вы утверждаете, что оно должно быть *при жизни*, такъ, гдѣ говорится о *провожаиъ* вы видите приведеніе. Въ извѣстіи Мономаховомъ значитъ только, что онъ по окончаніи войны по удаленіи главнаго изъ воевавшихъ князей Святополка въ Новгородъ, *отошелъ назадъ*, домой, съ Половцами. Гдѣ же вы нашли, что онъ *велъ* Половцевъ въ Полоцкую землю? Онъ *уводилъ* Половцевъ изъ Полоцкой земли, по направленію на Одрскъ или Друцкъ! А чтобы онъ приводилъ ихъ на войну, при началѣ войны, объ этомъ ни помину, ни намекъ, нѣтъ. Какой же фактъ остается фактомъ? *Смерть* не остается у васъ смертию, а является *жизнью*, *послѣ* замѣняется *прежде*, вмѣсто *увелъ* оказывается *привелъ*, *спередъ* вмѣсто *назадъ*. И все это происходитъ за торжественнымъ вступленіемъ: «разсмотримъ критически». Хорошо разсмотрѣніе! Хороша критика!

Вотъ на какихъ основаніяхъ вы утверждаете о достойнѣйшемъ изъ древнихъ князей Русскихъ, заслужившемъ право на особенное вниманіе, — (врагѣ и смирителѣ Половцевъ, которые не смѣли подъ конецъ при немъ и шевельнуться), что онъ «въ нашей Исторіи является первымъ изъ князей, водившихъ Половцевъ на Русскую землю».

Второе обвиненіе Мономаха относится къ его согласію на убійство дружиною пословъ Половецкихъ. Онъ ссы-

лался на клятву, а дружина возражала ему, что Половцы безпрестанно клянутся и безпрестанно измѣняютъ клятвѣ, слѣдовательно нѣтъ грѣха преступить клятву, данную имъ. Разумѣется—этотъ поступокъ есть пятно на Мономаховой памяти, но пятно не такое черное, для его времени, какимъ оно представляется въ наше. Вспомнимъ, что право мести оставалось еще тогда въ полной силѣ, и при дядѣ его смерть за смерть, а при отцѣ искупленіе убійства пенею принадлежали къ числу законовъ. Такъ велось между соотечественниками: каковы же были общія понятія объ отношеніяхъ къ Половцамъ, лютейшимъ врагамъ, которые нападали безпрестанно на Русскую землю, грабили, убивали, жгли? Г. Костомаровъ ничего этого знать не хочетъ. и къ ушному обвиненію Мономаха говоритъ: «а что въ тѣ времена были люди понимавшіе гнусность подобныхъ поступковъ, доказывается тѣмъ, что Олегъ не выдалъ Итларева сына, котораго выдачи Мономахъ съ Святополкомъ Кіевскимъ отъ него требовали». Выбралъ же г. Костомаровъ примѣръ для противопоставленія Мономаху, не понимавшему гнусности своего поступка! Олега, который занявъ Черниговъ, по удаленіи оттуда Мономаховомъ, не только не мѣшалъ Половцамъ опустошать свою отчину, но приказывалъ: «Половцы же начаша воевати около Чернигова, Олгови не возбраняшу, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье наведе поганыя на землю Русьскую». — Что же—понималъ Олегъ гнусность этихъ дѣлъ, и уже не поступковъ, съ своими соотечественниками, подданными, не съ врагами — Половцами, понималъ или нѣтъ?

Не говорю уже о томъ, что Мономаху Половцы были врагами, а Олегу были они друзья, и единственные помощники и союзники. Олегу выдать Итларева сына, мимо всякихъ нравственныхъ соображеній, значило бы:

отсѣчь себѣ руку. Какъ же можно сравнивать положенія Мономаха и Олега?

Третье обвиненіе Мономаха относится къ «передачѣ волостей, отнятыхъ у князей, своимъ сыновьямъ». — «Мономахъ», говоритъ онъ, «въ 1117 году удалилъ изъ Владимира Волынскаго князя Ярослава Святополковича и посадилъ тамъ своего сына Романа. Когда этотъ Романъ умеръ, Мономахъ, вмѣсто него, послалъ другаго сына Андрея. Въ 1121 году прежній князь Ярославъ покушался овладѣть своимъ наслѣдіемъ и не успѣлъ, въ 1123 году повторилъ покушеніе, но двое лиховъ, выѣхавши изъ города, засѣли въ потаенномъ мѣстѣ, напали на князя и убили его. Объ этомъ упоминается и у г. Погодина въ его Исторіи, въ первомъ томѣ на стр. 212. Какъ же г. Погодинъ рѣшается отрицать такія событія, о которыхъ самъ же писалъ рассказы по лѣтописнымъ извѣстіямъ? Каково!» А въ приступѣ къ этому исчисленію г. Костомаровъ говоритъ: «г. Погодинъ умышленно не знаетъ фактовъ, которые слишкомъ говорятъ противъ него, между тѣмъ, какъ всѣ эти факты ему очень хорошо извѣстны. Въ томъ то и дѣло, что всѣ эти факты мнѣ очень хорошо извѣстны, да еще извѣстны и такіе, которые вы оставляете здѣсь безъ вниманія, а именно: что Ярославъ Святополковичъ былъ жепать на внукѣ Мономаха; что онъ прогналъ ее отъ себя; что за это Мономахъ пошелъ на него войною и не одинъ, а съ Давыдомъ Олеговичемъ, Василькомъ и Володаремъ, что Мономахъ, послѣ двухмѣсячной осады Ярослава, далъ ему, покорившемуся, миръ, съ условіемъ, чтобъ онъ приходилъ къ нему, когда позоветъ, (то-есть на помощь); что Ярославъ послѣ того бѣжалъ изъ своего Владимира и бояре отступились отъ него. Тогда Мономахъ прислалъ туда своего сына. Лѣтопись по поводу убійства лихами Ярослава говоритъ: оному младу сущю и горящему противу строеви своему и паки противу тестю своему Мстиславу.

Этотъ Ярославъ, при отцѣ, *крельстивъ* Ярослава Ярополчича, (двоюроднаго брата, бѣжавшаго изъ Кіева), ятъ и на Нурѣ, и приведе и къ отцю Святополку, и оковаша. Судить намъ людей того времени—по своимъ понятіямъ, не зная притомъ многихъ обстоятельствъ, съ чѣмъ сообразно?

За симъ, не возьметъ ли г. Костомаровъ назадъ себѣ вопросъ: Какво?

Обѣливъ очерненаго Мономаха, перехожу къ Васильку — любезному, симпатичному, необыкновенному лицу въ древней Русской Исторіи. Не могу удержаться, надѣясь доставить удовольствіе читателямъ напомианіемъ, чтобъ не привести его драгоценную рѣчь, переданную другимъ необыкновеннымъ лицомъ въ древней нашей словесности, Лѣтописателемъ Василіемъ, мало у насъ оцѣненнымъ. Василій слышалъ эту рѣчь изъ собственныхъ его устъ. Вотъ переводъ ея изъ слова въ слово:

«Василько оставилъ меня у себя», рассказываетъ этотъ лѣтописатель, «выслалъ вонъ слугу, сѣлъ со мною, и началъ говорить: Слышу, Давыдъ хочетъ выдать меня Ляхамъ, онъ не сытъ моею кровью, онъ хочетъ ея еще! Да, я сотворилъ Ляхамъ много зла, хотѣлъ сотворить еще больше, мстя за Русскую землю! Пускай отдастъ Ляхамъ—я не боюсь смерти. Признаюсь предъ тобою откровенно: Богъ наказалъ меня за мое высокомеріе. Какъ пришла мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендичи, Торки, Печенѣги, я помыслилъ себѣ на умѣ: скажу брату Володарю и Давыду—дайте мнѣ дружину свою молодшую, а сами пейте, ѣшьте и веселитесь. Я пойду зимою на Лядскую землю, лѣтомъ возьму Лядскую землю, и отомщу за Русь. Потомъ хотѣлъ я переть Дунайскихъ Болгаръ, и поселить на своей сторонѣ. Потомъ хотѣлъ я просеться у Святополка и

Володимера на Половцевъ: либо добуду себѣ славы, либо сложу свою голову за Русскую землю. Другаго помышленія не было въ сердцѣ моемъ, ни на Святополка, ни на Давыда; не хотѣлъ я зла братьѣ моей никакому, Богъ низложилъ меня и смирилъ за мою гордость». Г. Костомаровъ облилъ эту горячую рѣчь въ своей Исторіи холодными словами: *Если вѣрять ему*, а въ отвѣтъ своемъ мнѣ, забываясь, выразился о Василькѣ вотъ уже какъ по поводу казни надъ городомъ Всеволожимъ: «Кто намъ поручится, что ослѣпленный былъ *на самомъ дѣлѣ* лучше ослѣпителей. (*) Злодѣяніе и мщеніе—два порока различные, особенно въ XI вѣкѣ. Мщеніе считалось чуть не добродѣтелью, обязанностию; Василько, молодого князя, съ такими высокими замыслами, безъ всякой вины, ослѣпили: когда онъ началъ обороняться, тогда его повалили на землю, наложили на грудь доску съ печи, сѣли на краяхъ по двое, «яко персемъ троскотати». Мудрено ли, что мщеніе возгорѣлось у него въ сердцѣ по взятіи копьемъ непріятельскаго города? Мы не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ: можетъ быть въ Всеволожѣ братья искали своихъ враговъ наушниковъ, которыхъ послѣ искали во Владимирѣ и разстрѣляли въ Турійскѣ. Странно и то, что наказаніе Всеволожа приписывается одному Васильку, когда съ нимъ былъ Володаръ, и всѣ предшествовавшія дѣйствія приписываются обоимъ братьямъ: придоста, взяста, пожгоста, равно какъ и слѣдующія: «си остувиша градъ... и послаша къ Володимерцамъ, глаголаша: вѣ не придоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя — Турака и на Лазаря, и на

(*) Я читаю теперь статью Анненкова о Пушкинѣ, именно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о критикѣ, и припоминаю совѣты его рецензентамъ Московскаго вѣстника (1827): не защищайтесь, христаряда, не оправдывайтесь въ случаѣ нападеній: защищаясь, обыкновенно утопаешь глубже и глубже...

Василя, ти бо суть намолвили Давыда» и проч. Странно еще, что при Володарѣ зрячемъ могъ распоряжаться Василько слѣпой; странно, что этихъ бояръ разстрѣляли Васильковичи, «и поша отъ града». Какъ очутились здѣсь дѣти Васильковы, которые, кажется, были тогда малолѣтныя. Подъ Васильковичами разумѣть дружищу Василькову опять нельзя, ибо «идоша отъ града» говорится о всѣхъ войхъ. Васильковичи очевидно ошибка: Братья Василько и Володарь могли быть названы Ростиславичами, а что разумѣлось здѣсь братья, то видно изъ глагола: поша отъ града. Не былоли и прежде написано Василько вмѣсто Васильковичей по сугубой ошибкѣ вмѣсто Ростиславичей, бывшихъ, разумѣется, у лѣтописателя въ головѣ?

Вотъ такія толкованія можно назвать натяжками, хоть и естественными, правдоподобными, но я не хочу ихъ дѣлать, и вмѣстѣ съ лѣтописателемъ говорю: се же второе мщеніе сотвори, его же не бѣше лѣпо сотворити, дабы Богъ отмстникъ былъ», а можно ли изъ этого мщенія приравнивать ослѣпленнаго къ ослѣпителямъ, пусть судятъ читатели!

Остается оборонить Андрея Боголюбскаго. Г. Костомаровъ настаиваетъ на обвиненіи въ похищеніи: «какъ же назвать пріобрѣтеніе, о которомъ въ источникѣ, вовсе не непріязненнымъ къ Андрею, говорится: взя ноцію святую икону безъ отча повелѣнія».

Въ лѣтонисяхъ говорится, что Андрей удалился изъ Вышгорода въ Суздаль безъ отня повелѣнія, а взять икону изъ монастыря въ своемъ городѣ, съ попомъ и дьякономъ, отслуживъ ей молебенъ, безъ отня повелѣнія, вовсе не имѣетъ смысла. Это есть или описка, прибавка, «въ источникѣ не непріязненнымъ», потому что она повторяется безъ толку и о прибытіи Андрея въ Суздальскую землю, и чрезъ нѣсколько строкъ о взятіи

иконы изъ Вышгорода: Приде изъ Кіева въ градъ Володимеръ... *безъ отца повелѣніа*, его же лестью подыша Кучковичи... постави градъ Боголюбный, а общался Св. Богородици чудотворной, яже ему о ней сказаша въ Вышгородѣ... а та чудная икона изъ мѣста своего вышедъ стоитъ особѣ среди церкви своей... и взїи ноцію святую икону *безъ отца повелѣніа* и проч.

Извѣстно ли Г. Костомарову, что Вышгородъ стоитъ подлѣ Кіева, верстахъ въ пяти. Еслибъ Андрей боялся погони, то она одинаково могла настичь его по выѣздѣ днемъ, какъ и ночью, чрезъ пять часовъ или чрезъ десять. Отецъ могъ остановить его, если бѣ могъ или хотѣлъ. Вышегородцы могли дать знать ему немедленно. Образъ же такъ малъ, что его унести было бы не трудно, днемъ, какъ и ночью, особенно при согласіи причетниковъ.

Впрочемъ все это обстоятельство не имѣетъ никакой важности: главное—Андрей переѣхалъ на житье въ Запѣвскую сторону.

Грабежъ по смерти и расправа съ чиновниками не-любимыми—есть явленіе очень обыкновенное въ Исторіи. Вотъ напримѣръ, что Кіяне посылають сказать Мономаху, зова его къ себѣ по смерти Святоцѣла, за которою послѣдовалъ грабежъ: «пойди княже Кіеву; аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зло уздвигнется, го ти не Пугятинъ дворъ, ни соцьскихъ, но и Жиды грабити, и паки ти пойдуть на ятровь твою и на бояры и на монастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти монастырѣ разграбить». Достаточно ли этого примѣра въ доказательство, что изъ грабежа въ Боголюбовѣ нѣтъ никакого повода заключать о народной ненависти къ Андрею? Впрочемъ въ самомъ извѣстнѣмъ летописи объ убійствахъ, есть указаніе, за что онѣ совершились: «посадниковъ и тивуновъ дома пограбиша, а самѣхъ и дѣтскіѣ его и мечниковъ избиша, а дома

ихъ пограбиша, невѣдуше глаголемаго: *идеже законъ ту и обидѣ много.*» А что въ похвалахъ ему лѣтописи есть особыя черты, какъ въ похвалахъ Мстислава (точно Храбраго, а не Удалаго), то вотъ вамъ отрывокъ: «веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное, больнымъ и нищимъ на потребу, и видя всякаго нища приходящего къ собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: «еда се есть Христосъ пришедъ испытать мене? и тако прѣимаше всякаго приходящаго къ нему».

XIV

НОВШЕСТВО Г. ИДОВАЙСКАГО.

Утверждавъ, въ продолженіи 50 лѣтъ, норманство Варяговъ-Руси, вслѣдъ за Баеромъ, Шлецеромъ, Карамзинымъ, Кругомъ, Френомъ, — противъ Эверса съ Козарами, Неймана съ Черноморцами, Каченовскаго съ Азіатцами и Вагирами, Венелина съ Померанцами, Максимовича съ Рюгенцами, Морошкина со всесвѣтными Руссами, Геденова съ Балтійскими Славянами, Костомарова съ Литвою, Волфсона съ Волжанами, и проч., я долженъ подать голосъ и о послѣднемъ разсужденіи г. Иловайскаго съ его Русью-туземцами.

Оборачивать противъ него доказательства, употребленныя противъ исчисленныхъ миѣній: свидѣтельства древнихъ Русскихъ лѣтописей о сродствѣ Руси со Шведами, Датчанами, Готами, Англичанами, — свидѣтельства среднихъ лѣтописей, которыя называютъ ихъ Нѣмцами, — свидѣтельства лѣтописей Византійскихъ о сѣверномъ происхожденіи ихъ Варанговъ (съ острова Туле, издалека, съ острова, на Океанѣ лежащаго, изъ Британіи, Англіи, Германіи), и доказательства объ ихъ тожествѣ съ нашими Варягами и Скандинавскими Берингерами, — свидѣтельства Греческія о происхожденіи Руссовъ отъ Франковъ, — свидѣтельства западныхъ лѣтописей: Бертинскихъ о сродствѣ Руссовъ со Шведами, Лиутпранда о названіи Игоревыхъ

воиновъ и ихъ народа, живущаго на сѣверѣ, у Грековъ Руссами, а у западныхъ писателей Норманами, — свидѣтельства Арабскихъ писателей вообще о Варягахъ и Руси и въ частности о нападеніи Нормановъ — Руси на Севиллу въ 844 году, — наконецъ подтвержденія изъ языка, оставшагося въ собственныхъ именахъ и именахъ Диѣпровскихъ пороговъ, изъ образа дѣйствій, изъ гражданскаго устройства, очевиднаго хоть въ туннахъ, гридняхъ, ябедникахъ, вирахъ, въ законахъ въ родѣ пени въ три гривны съ того, кто сядетъ на чужаго коня, и проч., — оборачивать. говорю, вновь эти доказательства и распространяться о нихъ въ опроверженіе положеній г. Иловайскаго, т. е. начинать вновь какъ бы докучную сказку, для меня тяжело; пусть потрудятся надъ построчными возраженіями молодые изслѣдователи, изъ которыхъ одинъ, г. Квашинъ-Самаринъ, и выступилъ уже въ «Бесѣдѣ». Я ограничусь общими соображеніями и опроверженіями нѣкоторыхъ положеній г. Иловайскаго, выставленныхъ имъ, какъ аксіомы, въ особенности для большинства, скучающаго учеными подробностями.

Въ 8, 9, 10 и 11 вѣкахъ Норманны, обитатели Даніи, Швеціи, Норвегіи, были хозяевами на всѣхъ Европейскихъ моряхъ: Вѣмецкомъ, Атлантическомъ, Средиземномъ. Взгляните на карту ихъ морскихъ походовъ: они переплывали Океанъ; нападали на Германію, Голландію, Францію, Британію, Италію, Ирландію, Испанію, Грецію; проникали въ устья всѣхъ большихъ рѣкъ и селились по всѣмъ побережьямъ; показывались и водворялись на островахъ Ферарскихъ, Оркадскихъ, на отдаленной и холодной Исландіи, въ Сѣверной Америкѣ, задолго до Колумба. А противники норманства, съ г. Иловайскимъ включительно, хотятъ, чтобы Норманны оставили въ покоѣ только

одну соседнюю, нашу страну, для нихъ самую удобную, подлежащую и подходящую, то-есть устья Нѣмана, Вислы, Двины и Невы. *Съ чѣмъ это сообразно?* Да они съ этихъ мѣстъ и начать должны были свои нашествія. Они очень рано узнали дорогу къ ней и чрезъ нее въ Константинополь, къ Каспійскимъ Козарамъ, въ Пермь (Біармію). Всѣ лѣтописи: Греческія, Русскія, Арабскія—полны описаніемъ ихъ повсемѣстныхъ набѣговъ и представляютъ вездѣ совершенно одинакія черты.

Въ послѣднее время даже передовые Польскіе писатели (Шайноха) приходятъ къ заключенію объ основаніи *Польскаго* государства Норманнами и о поселеніяхъ ихъ въ Литвѣ, хотя не имѣютъ въ распоряженіи сотой доли нашихъ данныхъ, и основываютъ свои доказательства преимущественно на естественныхъ соображеніяхъ.

Могло ли подобное (Норманское) движеніе (на наши страны) остаться незамѣченнымъ современниками, говорить авторъ, и не найти никакого отголоска ни въ Скандинавскихъ, ни въ Нѣмецкихъ источникахъ?

Отвѣчаю: Удаленіе славнаго Роллона изъ отечества и водвореніе въ Нормандіи извѣстно только по одной сагѣ: пропади она, и мы не знали-бъ ничего о Роллонѣ, какъ о Рюрикѣ, по сѣвернымъ сказаніямъ. Давно ли найдена Едмундова сага, которая проливаетъ такой свѣтъ на Ярославову Русь? Ученый Стрингольмъ, первый знатокъ сѣверной литературы, говорить, въ объясненіе ея молчанія, даже о родственной Швеціи, не только о нашей дальней сторонѣ, вотъ что: причина, вѣроятно, та, что Исландскія лѣтописи только по особеннымъ случаямъ говорятъ о Шведскихъ дѣлахъ, смотря по тому, въ близкомъ или отдаленномъ отношеніи находятся они къ событіямъ и

переворотамъ въ Норвегiи... Впрочемъ всѣ событія въ Швеци и Гардарики были для нихъ, кажется, неизвѣстны, потому что они вообще имѣли мало сношеній съ этими странами, Т. 1, пр. 583.

Officina gentium, vagina populorum — неужели это не отголосокъ о возможности многочисленныхъ выселковъ?

За сими авторъ упираетъ на молчаніе Византійскихъ лѣтописей: онъ отвергаетъ извѣстіе о Рюрикѣ, принадлежность Кіевской Аскольдовой Руси покуда 866: года, потому, что о немъ нѣтъ извѣстія ни у Фотіа, который «достаточно зналъ Руссовъ и ни слова не говорилъ объ ихъ князьяхъ, пришедшихъ изъ Скандинавіи» (с. 19); ни у Константина, который, принимая Ольгу, «не пользуется случаемъ сказать что-нибудь о Варяжскихъ князьяхъ, основателяхъ Русскаго государства» (с. 19); ни у Льва Діакона, который «не дѣлаетъ никакого намека на то, что считаетъ Русь пришлымъ народомъ въ Россіи» (с. 20).

Но вы сами (с. 22) говорите, что «отъ Византійскихъ писателей странно было бы и требовать такихъ этнографическихъ терминовъ». «Обыкновенно Византійцы причисляютъ Русь къ Скиѣскимъ народамъ!» Еще (с. 28): «Константинъ В. могъ лучше знать собственно южныхъ Славянъ, а о сѣверныхъ и восточныхъ онъ писалъ болѣе по слуху». «Неопредѣленность этнографическихъ терминовъ составляетъ общую черту историческихъ источниковъ древнихъ и средневѣковыхъ, начиная съ Геродота и Тацита» (с. 30). «Если мы не примемъ всего этого въ соображеніе», заключаетъ авторъ, «то впадемъ въ безвыходныя противорѣчія» (с. 28).

Таки и происходитъ съ вами, потому что вы не принимаете въ соображеніе этого, и *многао дугаю*: вы требуете, чтобы Фотій, или Константинъ знали о

Фюрикѣ, а между тѣмъ Греки не знали даже о Ростиславѣ Володимировичѣ, который имѣлъ дѣло съ Корсунцами, и уже въ 1066 году. (см. ниже).

Больше всего соблазняетъ г. Иловайскаго, какъ и прежде г. Хвольсона и другихъ, многочисленность походовъ Русскихъ: какъ могли Русскіе усилиться въ такое короткое время, что были въ состояніи нападать на Константинополь, на берега Каспійскаго моря и проч.?

Отвѣчаю: спрашивается, съ какими силами нападали Норманны на Францію, Англію, Италію, сколько времени имъ было нужно пережить въ этой или другой странѣ, чтобы нападать на сосѣдную, напр. на Парижъ, на покореніе Англій. О короткомъ времени у насъ и рѣчи быть не можетъ: продолженіи двухъ сотъ лѣтъ приходили къ намъ Варяги, званые и не званые. Для большихъ походовъ. Нужно лишь было кликнуть кличъ, и тотчасъ безчисленныя толпы нахлынутъ со всѣхъ сторонъ принять участіе въ любимыхъ подвигахъ.

Походы Руссовъ, какъ Норманновъ, понятны; но какъ вы объясните, чтобы какое-нибудь Славянское племя, тихое и смиренное, подобное Полянамъ, ни съ того ни съ сего, вдругъ переродилось и пустилось на войну непрерывную съ своими единоплеменниками и сосѣдами? Съ чѣмъ это сообразно? И наоборотъ, явилось между ними племя новое, другаго характера, и вотъ начинаютъ тотчасъ его походы — такіе же, какіе оно предпринимало и во всѣхъ Европейскихъ странахъ. Согласно съ этимъ и патріархъ Фотій говоритъ о немъ, какъ о новомъ племени, дотоѣ неизвестномъ, вопреки натянутымъ толкованіямъ автора.

Замѣтимъ кстати еще и то, что, по свидѣтельству Константина, Славянскія племена строили зимою лодки и продавали ихъ Руссамъ, которые, снабдивъ ихъ

чѣмъ пужно, отправлялись на нихъ въ Константинополь. Нѣтъ Полянъ въ числѣ Славянскихъ племенъ, продававшихъ лодки Руссамъ потому, что у нихъ не было лѣсу, и не изъ чего имъ было дѣлать лодки.

«Византійскіе источники не смѣшиваютъ Русь съ Варягами, а говорятъ о нихъ отдѣльно» (с. 21). «Норманскую школу не смущаетъ подобное обстоятельство».

Да чѣмъ же тутъ смущаться? О Варягахъ, какъ о народѣ, они вовсе не говорятъ, а говорятъ о своихъ Варангахъ, сбродной гвардіи. И Несторъ употребляетъ имя Варяговъ въ смыслѣ общемъ, а Русь въ частномъ.

«(Константинъ) какъ бы противопоставляетъ Русь тѣмъ племенамъ, которыя платили ей дань, и которыхъ онъ называетъ Славянами. Но въ этомъ сопоставленіи и заключается разгадка» (с. 27), говоритъ авторъ.

Какъ — разгадка? Это для насъ, такъ-называемыхъ вами норманистовъ, разгадка, ибо здѣсь видимъ мы пришлое господствующее племя въ отношеніяхъ его къ племенамъ подчинившимся. А для васъ это загадка, которую тщетно объясняете вы гордостью Руси, какъ господствующаго народа, и слѣдовательно утверждаете, что Славянское племя, самое смиренное, Поляне, покорило прочія Славянскія племена, ходило войною на Константинополь, принимало къ себѣ въ услуженіе Нормановъ, мореходствовало и проч.!! Гдѣ же вы это нашли, и какъ дошли до подобнаго критически-страннаго, ни съ чѣмъ не сообразнаго заключенія?

Имена Днѣпровскихъ пороговъ сообщаются Константиномъ Багрянороднымъ по-славянски и по-русски. Авторъ старается доказать, что и Русскія названія можно объяснять изъ Славянскаго языка. Такъ что же бы изъ этого вышло? Что Славянскихъ языковъ было два? Но вѣдь это была бы нелѣзность! Авторъ

говорить однакожь (с. 24), что «можетъ-быть, со временемъ, когда на объясненіе (Русскихъ названій) при помощи Славянскихъ нарѣчій употреблено будетъ хотя въ половину столько же труда и усилій, сколько было потрачено на объясненіе Германскихъ, вопросъ этотъ ближе подвинется къ своему рѣшенію»!!

Изъ словъ Константиновыхъ—первое непререкаемое заключеніе, что для него Русскій и Славянскій языки были различныя между собою языки. Одного этого заключенія достаточно, чтобы было опровержено мнѣніе автора о первоначальномъ тождествѣ Славянъ и Руси! Варуфорось по-русски, Вулнипрагъ по-славянски, Ульворси по-русски, Островунипрагъ по-славянски: какого различія въ звукахъ можно требовать больше? И какимъ образомъ такія разноразличные слова могутъ принадлежать одному языку?

Такъ точно имена: Рюрикъ, Олегъ, Руальдъ, Свѣнльдъ,—какъ вы ихъ ни мучьте, не отзовутся вамъ по-славянски.

Авторъ удивляется, почему въ хронологической таблицѣ, въ началѣ лѣтописи, пропущенъ Рюрикъ (с. 374).

Потому что лѣтопись есть собственно Кіевская и носитъ заглавіе: «Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевъ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Да и въ самой таблицѣ объяснена эта причина: «отъ перваго лѣта Олова, понеже сѣде въ Кіевъ» и проч. Призваніе Рюриково было тогда эпизодомъ, и по отходѣ Олега Новгородъ сдѣлался отрѣзаннымъ ломтемъ; Святославъ говорилъ Новгородцамъ: кто къ вамъ пойдетъ?

Вы удивляетесь, что послы Олеговы или Игоревы клянутся Славянскими божествами, Перуномъ и Волосомъ, а не Скандинавскими Одиномъ и Торомъ: «Удивительно; какъ эта несообразность не бросилась въ глаза норманистамъ». Но почему вы знаете, что между этими божествами не было соответствія? Перунъ развѣ не близокъ къ Тору? Не надо забывать того, что переводили договоры съ греческаго Болгаре, отъ которыхъ нельзя требовать мифологической учености. Перенесена же принадлежность языческаго Волоса на христіанскаго св. Власія!

с. 395. «Откуда же взялось названіе Рось или Русь, и что оно означаетъ? Ліутпрандъ говоритъ, что по наружному виду Греки называютъ этотъ народъ *Русыми* (Rusios). Обратимъ вниманіе на его толкованіе. Норманисты, какъ извѣстно, опираются на Ліутиранда въ пользу Скандинавскаго происхожденія; слѣдовательно, они должны принять и тотъ выводъ, который въ такомъ случаѣ вытекаетъ изъ приведенныхъ его словъ. Выходитъ, что Руссы получили свое имя отъ Грековъ, еще живя въ далекой Скандинавіи».

Откуда же выходитъ? Совсѣмъ не выходитъ: Ліутпрандъ говоритъ, или, лучше, предлагаетъ свою догадку, передаетъ Греческую, что Руссы имъ извѣстные, къ нимъ приходящіе, называются такъ отъ русскихъ волосъ — вотъ и все. Какая здѣсь необходимость отправляться въ Скандинавію?

Вѣдь вы сами говорите (с. 400), что «Греки дѣйствительно такъ осмыслили непонятное имя Рось или Русь». Ну, такъ зачѣмъ же вы отправлялись съ нимъ въ Скандинавію?

с. 395. «Не будучи нисколько сосѣдями Византійцевъ, можетъ-быть не будучи даже съ ними знакомы, они

(Русь) тѣмъ не менѣе усвоили себѣ изобрѣтенное для нихъ Греками названіе».

Да кто же вамъ говорить это, и изъ чего вы это заключаете? Руссы имѣли свое имя, а что имъ за дѣло, откуда это имя производили другіе народы. Они, разумѣется, и не знали о немъ ничего.

с 396. «Но это названіе дома у себя, въ отечествѣ, они не употребляли и слѣдовъ его тамъ не оставили, а приняли его единственно для того, чтобы, перейдя въ среду восточныхъ Славянъ, немедленно сообщить имъ свое имя отъ Финскаго залива до Тамани, и закрѣпить его въ особенности за обитателями при-Днѣпровья».

Опять тотъ же вопросъ: кто же сказалъ вамъ это? Гдѣ нашли вы извѣстіе, что Руссы такъ себя дома не называли? Съ чего вы берете, что они приняли это имя, а не имѣли его искони? Какъ же вы говорите, что слѣдовъ этого имени тамъ не оставили, когда сами же находите его, въ нарицательномъ впрочемъ смыслѣ, не только тамъ, но вездѣ?

Позвольте же обратить къ вамъ ваши собственныя слова: «вотъ къ какимъ несообразностямъ можно иногда придти, если положить въ основу извѣстіе, не опущенное отъ разныхъ примѣсей и недоразумѣній». С. 400.

Ищутъ примѣровъ призванія. Примѣры, впрочемъ, есть, хоть и съ вариантами: одинъ приводится самимъ авторомъ, а именно призваніе въ Британію двухъ воеводъ: Генгиста и Горзы, основателей Англо-Саксонскаго королевства.

Жители Руана точно такъ же звали Роллона и обѣщали ему покориться, признать своимъ дюкомъ, еслибъ онъ взялся ихъ защищать и судить по праву. Роллонъ согласился и выстроилъ малую крѣпость.

Герулы, по свидѣтельству Прокопія, послали изъ Мизіи нѣкоторыхъ своихъ вождей въ Скандинавію (Thule), чтобъ избрать себѣ тамъ властителей царскаго рода. Они и подлинно привезли съ собою царя вмѣстѣ съ братомъ его (жаль, что не съ двумя!) и 200 снугниковъ

Вортигеръ созывалъ часто Бретонскихъ старшинъ для совѣта о мѣрахъ, какъ защитить страну отъ свѣрныхъ набѣговъ. Но въ совѣтахъ не было согласія, и Вортигеръ рѣшился наконецъ пригласить къ себѣ племя иностранныхъ воиновъ. (*)

Найдите мнѣ примѣръ въ исторіи, чтобы какой-нибудь народъ, изгоняя своего князя, все таки держалъ его у себя подъ стражей до тѣхъ поръ, пока прійдетъ избранный ему преемникъ, дабы не оставаться безъ князя, хотя въ тюрмѣ сидящаго! Да вся Русская исторія служить доказательствомъ, что основаніемъ государства нашего было призваніе, а не завоеваніе.

Авторъ считаетъ *призваніе* Рюрика съ братьями отъ Новгородцевъ выдумкою, Новгородскою легендою и даже баснею (с. 22).

«Комбинація о призваніи Варяговъ-Руси въ Новгородъ, которые послѣ оставили его и занялись покореніемъ другихъ племенъ, «возникла преимущественно для того, чтобъ объяснить начало Русскаго государства. Возникла въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ; при чемъ обстоятельства, взгляды и обычаи, современныя автору сказанія, перенесены имъ на время, отдѣленное отъ него тремя или болѣе вѣками (явленіе весьма обычное въ лѣтописяхъ почти всѣхъ народовъ)». с. 391.

(*) Вотъ теперь вновь разсмотрѣнный анонимус Tauricus представляетъ Примѣръ ещепризванія, и даже изъ Кіева, въ одну Крымскую область. См. ниже. Поздн. примѣчаніе.

Въ томъ-то и дѣло, что характеръ нашихъ лѣтописей совершенно другой, особенно въ древности, и что онѣ никакихъ заднихъ мыслей, преднамѣренныхъ цѣлей — никогда не имѣли и о комбинаціяхъ не имѣли понятія (см. ниже).

Извѣстіе о призваніи находится не въ Новгородской лѣтописи, а въ первоначальной Кіевской, которая гораздо старше Новгородской. Сама Новгородская начинается перепиской или извлеченіемъ изъ Кіевского Нестора! Собственно Новгородская лѣтопись, сколько намъ теперь извѣстно, начинается послѣ Ярослава.

«Своды, дошедшіе до насъ и заключающіе начало нашей исторіи, принадлежатъ собственно Руси сѣверной, то-есть Новгородско-Суздальской, а не южной, и притомъ относятся къ тому времени, когда лѣтописная дѣятельность въ Кіевѣ уже прекратилась» (с. 375).

Совершенно не такъ: всѣ списки суть Кіевскіе списки, или списанные съ Кіевскихъ, какъ Лаврентьевскій. Могу сослаться на свои изслѣдованія (томъ IV).

И что находитъ легендарнаго въ этомъ извѣстіи авторъ? Оно написано такъ просто, кратко, ясно, какъ только возможно самому сухому, правдивому лѣтописателю: въ немъ нѣтъ и тѣни воображенія, господствующаго въ легендахъ. — Пошли (Словѣни и пр) за море къ Варягамъ-Руси, такъ звались тѣ Варяги-Русью, какъ другіе Шведами, Готами и проч. Сказали Руси Чудь, Славяне, Кривичи: земля паша велика и обширна, а паряда въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами. И избрались три брата съ роды своими, и пошли съ собою всю Русь, и пришли. Старшій сѣлъ тамъ-то, а братья тамъ-то. Такъ ли разсказываютъ легенды? По какому же праву вы называете это извѣстіе легендой и даже баснею? Развѣ такой произволь позво ителецъ?

Авторъ соблазняется еще тѣмъ, что призванныхъ братьевъ было трое: но вѣдь и послѣ царя Алексѣя Михайловича остались три сына: Феодоръ, Иванъ и Петръ; и у Калиты были три сына: Семень, Иванъ и Андрей. Да и по потопѣ трое сыновей Ноевыхъ раздѣлили землю: Симъ, Хамъ и Иафетъ. Наконецъ у самого Адама были три сына: Каинъ, Авель и Свѣтъ.

Впрочемъ авторъ недоволенъ также и числомъ двухъ: онъ воображаетъ одинаково на Аскольда и Дира, почитаетъ ихъ также выдуманными, и никакъ не хочетъ принять словъ Нестора въ настоящемъ ихъ смыслѣ, что Аскольда похоронили на горѣ, гдѣ Ольма поставилъ церковь св. Николая, а *Дироза* могила за святою Ириною.

«А главное: гдѣ мы видимъ хоть какіе-нибудь серьезные слѣды иноземнаго, то-есть Скандинавскаго элемента въ составѣ Русской національности» (с. 391)?

Гдѣ? — Въ дружинѣ, боярахъ, дѣтскихъ, грядяхъ, тиунахъ, ябедникахъ, вервяхъ, губахъ, врахъ, въ полюдьяхъ, то-есть, во всемъ гражданскомъ устройствѣ перваго времени, а вполнѣдствіи русская мельница перемолола въ одну муку все прошлое, какъ и въ наше время изъ нѣмецкихъ, татарскихъ, итальянскихъ, польскихъ родовъ произошли чистѣйшіе русскіе дворяне.

«Новгородцы не называли себя Русью» (с. 377).

Да, потому, что Русь съ Олегомъ отъ нихъ ушла, а Новгородъ все-таки считался Русскимъ городомъ. «Новгородъ Великій старѣйшинство имать княженію во всей Руской земли», говоритъ Великій князь Суздальскій, отпуская сына своего Константина на княженіе въ Новгородъ.

Новгородцы сказали Святославу: «дай намъ Володимера, а не то мы съищемъ себѣ князя». Авторъ счи-

таетъ это вымыслъ (с. 379), забывая, что Новгородцы точно такъ же говорили Святополку-Михаилу: «пусть идетъ сынъ твой къ намъ, если у него двѣ головы», — и потомъ говорятъ и поступаютъ въ такомъ родѣ со всѣми послѣдующими князьями.

«Олегу и его дружина въ договорѣ прямо говорятъ: мы отъ рода Русскаго» (с. 414).

Да какъ же имъ говорить иначе? Они—Русскіе, ну и называютъ себя Русскими; такъ и дальше они говорятъ о законѣ Русскомъ, и собраніе ихъ законовъ называется «Русскою Правдою».

Напротивъ, такъ называя себя, они какъ будто именно хотятъ отличать себя отъ другихъ: иначе зачѣмъ бы имъ было напирать на это?

А между тѣмъ авторъ изъ этого выводитъ: «а если князья были туземные, слѣдовательно и призваніе ихъ изъ-за моря не болѣе какъ сказка, и такого преданія у древней Кіевской Руси не могло быть».

Туземство изъ словъ: «мы отъ рода Русскаго» — никакъ вывести нельзя: напротивъ, эти слова показываютъ какъ бы совершенное отдѣленіе отъ туземства, что и доказывается собственными именами пословъ.

Авторъ затрудняется понять названіе Руси въ Карпатахъ, которая даже «никогда не входила въ составъ Россіи» (с. 45). Да почему же вы это знаете? Извѣстны ли вамъ предѣлы Галицкаго княжества въ разныя эпохи? Имя Руси могло распространиться на Славянскихъ тамошнихъ старожилѣвъ, когда они подпали власти Володимира, Ярослава или Ростиславичей, вмѣстѣ съ жителями нынѣшней Галиціи...

Теперь перейдемъ къ толкованіямъ о лѣтописи.

«Лѣтопись наша не достоверна», говоритъ авторъ.

Какъ не достовѣрна, спрашиваю я его, если всѣ главнѣйшія событія, ею повѣствуемая, засвидѣтельствованы современными писателями сосѣднихъ народовъ: походъ *Аскольда и Дира* (866 г.) патриархомъ Фотіемъ; договоръ *Олеговъ* 911 или 912 года переведенъ, оневидно съ Греческаго подлинника, плѣнниковъ изъ *Игорева* войска видѣлъ (945 г.) отчимъ Кремонскаго епископа Лиутправа, *Олгу* (955 г.) принималъ императоръ Константинъ Багрявородный, и описалъ, въ какой заглѣ она дождалась, въ какой обѣдала и куда отошла послѣ обѣда; *Святослава* лицомъ кълицу видѣлъ Левъ Діаконъ. *Владимира* и *Ярослава* описываютъ современные Греческіе, Скандинавскіе и Арабскіе писатели; объ *Изяславѣ* есть письмо папы Григорія VII...

Лѣтопись наша сочинена въ XIII или даже въ XIV вѣкѣ.

Какъ въ XIII или XIV вѣкѣ? Но развѣ вы не знаете, что въ числѣ ея переписчиковъ или продолжателей есть историческое лицо, жившее въ XI столѣтіи, архимандритъ, а послѣ епископъ Сильвестръ, подписавшій свое имя подъ 1110 годомъ и скончавшійся въ 1124 году? Развѣ вы не знаете, что съ Сильвестровской припиской есть только три списка: Лаврентьевскій, Радзивиловскій и Троицкій, совершенно одинакіе между собою, что касается до сущности повѣствованія? Въ этихъ спискахъ за первоначальною лѣтописью идетъ Суздальская лѣтопись. Въ другихъ трехъ спискахъ: Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и Ермоловскомъ, въ которыхъ за Несторомъ слѣдуетъ Кіевская и Волынская лѣтописи, гдѣ приписка Сильвестровой не находится, все повѣствованіе, до ея мѣста совершенно сходно съ первыми тремя; такъ и въ моемъ, четвертомъ, списокѣ, воступившемъ въ Петербургскую публичную бібліотеку. Слѣдовательно оно во всѣхъ наличныхъ древнихъ спискахъ закрѣплено, по всѣмъ законамъ критики, за началомъ XII вѣка.

А читая автора, (с. 374) подумаешь, что списковъ осталось сотни и всё—разнорѣчивые!

Позднѣйшія редакціи не могутъ быть принимаемы здѣсь въ соображеніе.

Въ первоначальномъ повѣствованіи есть вставки, напр. Васильева, о житіи Феодосія, о принятіи Володимиромъ христіанской вѣры, но онѣ сдѣланы до XII вѣка, до Сильвестра, или имъ самимъ—вотъ въ чемъ главное. Даже въ повѣйшихъ спискахъ встрѣчается мало новыхъ вставокъ къ первоначальному повѣствованію. Поэтому совершенно неправильно въ этомъ смыслѣ (что дѣлаетъ и проф. Бестужевъ-Рюминъ), называть ее сборникомъ. Она есть лѣтопись, составленная изъ нѣсколькихъ наличныхъ въ XI вѣкѣ сказаній лицомъ XI и начала XII вѣка. Позднѣйшіе сборники имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, что можно видѣть, и то отчасти, на Никоновскомъ сборникѣ, на «Степенной Книгѣ» и другихъ сочиненіяхъ 16 столѣтія. Самый почеркъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, первый, до 40 листа (*) показываетъ древность чуть ли не старше XIII вѣка.

«Если принять мнѣніе Норманистовъ о составленіи лѣтописи въ началѣ XII вѣка, то какими Казарами Русскіе тогда владѣли?» спрашиваетъ съ сомнѣніемъ авторъ (с. 390).

(*) Издатель, не имѣвшій никакого понятія объ ученomъ изданіи, не объяснилъ даже, на какомъ годѣ и происшествіи оканчивается этотъ примѣчательный почеркъ, которымъ такъ дорожилъ первый ученый издатель Лаврентьевскаго списка, Р. Ѳ Тимковскій. Мы не имѣемъ понятія также и о почеркѣ Лаврентьевскаго послѣловія.

Теперь, благодаря мысли покойнаго П. А. Муханова, мы имѣемъ палеографическое изданіе первой лѣтописи: ну, рассмотрите ея первые листы, сравните съ послѣдующими, не говорю же—съ послѣдними, и оцените это драгоценное начало. *Повѣдк. примѣч.*

Вотъ какими: 965. «Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и соступишася бити, и бывши брани, одолѣ Святославъ Козары и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя. Ясы побѣди и Касоги».

Съ побѣжденными Козарами и Косогами ходилъ Мстиславъ изъ Тмуторакани (1022 г.) на Ярослава Кіевскаго.

«Средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое-нибудь отдаленное происхождение и притомъ льстящее народному самолюбію»—...«Происхождение изъ далекаго Сѣвера полумифическаго острова Скандіи приобрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого-то благородства» (с. 371)... «Этотъ столь распространенный обычай... по всей вѣроятности отразился и на нашемъ лѣтописномъ преданіи о выходѣ оттуда Руси» (с. 378).

Помилуйте, можетъ ли такой взглядъ на вещи относиться къ монаху, заживо погребенному въ Кіевскихъ пещерахъ, воспитаннику святаго Феодосія? Повторю о немъ, что сказалъ прежде, защищая его простодушіе предъ г. Гедеоновымъ: Несторъ передаетъ, что знаетъ и что слышалъ по-просту, не безъ толку, ибо явную неправду опровергаетъ; какъ монахъ, все языческое или осуждаетъ, или обходитъ: выписываетъ, что ему кажется значительнымъ, изъ Греческихъ лѣтописей— и только. Приписывать Кіевскому монаху XI столѣтія, поступившему въ монастырь 17 лѣтъ отъ роду, какое-нибудь желаніе провести свою любимую мысль—ни съ чѣмъ не сообразно. Онъ не могъ имѣть въ виду даже никакихъ читателей, а записывая, исполнялъ только свой долгъ, какъ умѣлъ; не кого и не въ чемъ ему было увѣрять. Его простота, вѣрность самому себѣ и согласіе, во всѣхъ главныхъ чертахъ, съ иностранными

свидѣтельствами, съ естественнымъ порядкомъ вещей, обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ — вотъ что составляетъ его достоинства, возвышаетъ его цѣну, вотъ за что мы обязаны ему вѣчною благодарностію.

«Руководствуясь своими обращиками, то есть Византійскими хронографами, (Русская лѣтопись) начинаеть исторію Руси тѣмъ же событіемъ, т. е. первымъ нашествіемъ ихъ на Константинополь. Но какъ это событие нисколько не объясняетъ начала Русскаго государства, то *ему и предпосылается легенда о призваніи князей*».

Предоставляю читателямъ судить о степени произвола, съ какой можно дѣлать подобныя предположенія, равно какъ и слѣдующее объ отношеніи разсказа Прокопіева (см. выше) къ Несторову:

«Можетъ быть, путемъ темныхъ преданій или просто путемъ (посредственнаго или непосредственнаго) знакомства нашихъ древнихъ книжниковъ съ разсказами Прокопія, тотъ же мотивъ проникъ и на нашъ Сѣверъ, и возродился въ пресловутой легендѣ о призваніи трехъ Варяговъ для водворенія внутренняго порядка. На этотъ счетъ мы, конечно, можемъ дѣлать только предположенія. Несомнѣнно то, что подобнымъ мотивомъ сѣверно-Русская легенда пытается объяснить начало Русской гражданственности, т. е. начало Русскаго государства. Этотъ мотивъ въ общемъ своемъ видѣ, т. е. какъ представление о трехъ братьяхъ, основателяхъ государства, существовалъ и на югѣ, въ Кіевѣ; но въ формѣ призванія онъ особенно привился на Сѣверѣ, въ Новгородѣ, потому что здѣсь упалъ на благодарную почву: съ XII вѣка призваніе князей сдѣлалось обычнымъ дѣломъ для Новгородцевъ. Повторяемъ, во времена Константина Багрянороднаго этой легенды еще не было у Кіевской Руси; иначе онъ, по всей вѣроятности, зналъ бы о ней.

и передалъ бы ее потомству, точно такъ же, какъ Проконій передалъ то, что ему рассказывали о Герулахъ.

(Авторъ предполагаетъ знакомство съ Греческою ученою литературою на сѣверѣ въ Новгородѣ, (а не въ Кіевѣ), въ XI столѣтіи, предполагаетъ, что оно тамъ приладилось къ своимъ обстоятельствамъ и перешло оттуда въ Кіевскія пещеры. Авторъ хочетъ, чтобы И. Константинъ передалъ легенду. Можно ли рассуждать безъ шутокъ о такихъ предположеніяхъ и требованіяхъ, на основаніи которыхъ отвергается событіе!)

Всѣ Славянскія племена, въ нашей сторонѣ жившія, имѣютъ свои собственныя имена во множественномъ числѣ: Словене, Поляне, Сѣверяне, Кривичи, Древляне, Вятичи, Радимичи, Тиверцы и проч., а всѣ племена чуждыя называются собирательными именами женскаго рода: Чудь, Ливь, Корсь, Емь, Вель, Литва, Югра, Мордва, Черемиса—и Русь. Одно это не показываетъ ли ясно, что Русь была сначала племя иное, не Славянское? Объ этимологической силѣ этого доказательства распространяться здѣсь не мѣсто.

Вся наша сторона, то-есть вся сѣверовосточная часть Европы, описана у насъ съ первоначальной лѣтописью подробно и вѣрно, подтверждаясь всѣми позднѣйшими извѣстіями и ходомъ событій. Словѣни, пришедшіе съ Дуная на Вислу, назвались *Ляхами*; *Лутичи*, *Мазовшане*, *Поморяне*, суть также Ляхи. Словѣни по Днѣпру назвались *Полянами*, а другіе *Древлянами*, потому что поселились въ лѣсахъ; *Дреговичи* между Припетью и Двиною; *Полочане* по Двинѣ и Полотѣ; *Кривичи* по верху Волги, Двины и Днѣпра; *Словѣни* назывались своимъ именемъ около озера Ильмени; *Сѣверяне* по Деснѣ, Семи и Сулѣ; *Радимичи* по Сожѣ, *Вятичи* по Окѣ, *Дулебы* по Бугу; *Тиверцы* по Днѣстру.

Руси нѣтъ здѣсь нигдѣ. Покажите мнѣ ее гдѣ нибудь въ общемъ для всѣхъ Славянъ здѣшнихъ смыслѣ, или даже въ какомъ нибудь, до прибытія Варяговъ—Руси.

«Да то ся зваху отъ Грекъ великаго Скуоѣ». О Руси нигдѣ нѣтъ ни одинаго подобнаго замѣчанія, а сколько бы представилось къ тому случаевъ! Авторъ придаетъ ея имя Полянамъ. На какихъ же основаніяхъ? Гдѣ есть извѣстія?

Нечего говорить, въ какой степени эта вновь сочиненная Поляне-Русь противорѣчитъ рѣшительнымъ словамъ древнѣйшей нашей лѣтописи: нѣсколько разъ употребляетъ она выраженія о Полянахъ (Поляне жили особо, Козары брали дань съ Полянъ, жили мирно Поляне, суще отъ рода Словѣнска), и нигдѣ ни малѣйшаго намека о первобытномъ тождествѣ ихъ съ Русью! Напротивъ, она говоритъ утвердительно, что Поляне, какъ и другіе Славяне, получили это имя по пришествіи къ нимъ Руси съ сѣвера: «отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а *перве* быша Словѣне: аще и Поляне звахуся, но Словѣнская рѣчь бѣ». Неужели это не ясно?

А вотъ мѣсто и еще яснѣе: былъ одинъ языкъ Славянской. Словене, сйдѣвшіе по Дунаю, покоренные Уграми, и Моравы, Чехи, и Ляхи, и Поляне, «*аже нынѣ зовомая Русь*». Очевидно ли, что Славянскія племена получили названіе Руси послѣ того, какъ она подчинила ихъ своей власти и соединила въ одно цѣлое? Въ этомъ смыслѣ и говоритъ Несторъ: вотъ Славянскія племена *въ Руси*: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи и проч. А вотъ и иныя племена, которыя дають дань Руси: Чудь, Меря, Вель, Мордва, Пермь и проч.

Какого различенія можно сдѣлать тверже между Русью и всѣми другими племенами Славянскими и не Славянскими?

А авторъ хочетъ, что бы мы приняли его предположеніе безъ всякихъ основаній, вопреки положительному свидѣтельству XI вѣка. Всего же удивительнѣе и непостижимѣе то, что онъ выше приведенныя слова: «яже нынѣ зовомая Русь» считаетъ драгоценными и утверждаетъ, «что они никакимъ образомъ не согласуются съ басней о призваніи Варяговъ»!

Такъ съ чѣмъ же они согласуются? Слова эти драгоценны для принимающихъ норманство первой Руси, и смертоносны въ особенности для смѣшивающихъ эту Русь съ Полянами.

А не угодно ли автору узнать, гдѣ именно лѣтопись первоначально поселяетъ Русь?—Вотъ мѣсто изъ Нестора, которое, кажется, не имѣлъ онъ въ виду: «Афетово бо и то колѣно—Варязи, Свен, Урмане, Готѣ; Русь, Англяне, Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмцы, и проч.» Вотъ гдѣ помѣщается Русь—между Готами и Англянами. Совершенно согласно съ этимъ мѣстомъ есть и другое: Варяги-Русь такъ назывались Русью, какъ другіе (Варяги) назывались Свееми, другіе Готами, другіе Англянами!

Такое-то согласіе древнѣйшей лѣтописи во всѣхъ своихъ извѣстіяхъ, подтверждаемое всѣми иностранными лѣтописями о Руси, упускается изъ виду нашими новыми изслѣдователями!

Вмѣсто этихъ ясныхъ и неопредѣленныхъ свидѣтельствъ древнихъ, вотъ сколько значеній по автору (с. 29) имѣетъ имя Русь:

- 1) всѣхъ Славянъ восточныхъ,
- 2) Славянъ южно-Русскихъ,
- 3) племя Полянъ или собственно Кіевскую Русь и
- 4) княжескую дружину, то-есть военный классъ по преимуществу.

Первое значеніе — въ обширномъ смыслѣ, второе въ менѣе обширномъ, третье въ тѣсномъ, четвертое въ сословномъ.

Какія же доказательства приводитъ авторъ этихъ значеній? — Никакихъ, а только предположенія.

А къ большому недоумѣнію замѣтить надо, что въ параграфѣ о Руси Азово-Черноморской авторъ приводитъ и пятое значеніе, совершенно какъ будто отдѣльное отъ прочихъ: «Ничто не доказываетъ, чтобъ это была собственно колонія Днѣпровскихъ Руссовъ, а тѣмъ менѣе Руссовъ Скандинавскихъ» (с. 383). Что же это было такое?

Откуда явилась эта Русь? Гдѣ есть извѣстіе? Какія есть доказательства положительныя объ ея древнемъ существованіи?

Опять только предположенія и гаданія. Отвергая прибытіе Руси съ сѣвера, потому что нѣтъ о томъ извѣстій у Фотія, Константина и Льва Діакона, онъ не находитъ никакихъ затрудненій, нисколько не сомнѣвается, что у этихъ писателей нѣтъ никакихъ извѣстій о сочиненной имъ Руси Черноморской и Азовской, хоть отъ нихъ гораздо-бъ справедливѣе было требовать свѣдѣній потому, что она находилась у нихъ подъ бокомъ, и они имѣли время познакомиться въ продолженіи двухсотъ лѣтъ со всякою Русью. Не очевидно ли здѣсь противорѣчіе у него съ самимъ собою? Вотъ молчаніе о сосѣднихъ странахъ, гдѣ жили отчасти и Греки, (Корсуняне, Воспоряне), можно причислить къ числу доказательствъ, что никакой Руси Черноморской не существовало.

Авторъ доказываетъ ея бытіе извѣстіями Арабовъ, которые говорятъ, что Руси три племена. Онъ разумѣетъ подъ этими племенами Кіевлянъ, Новгородцевъ и обитателей Таматархи или Тмутаракань (с. 384), которую въ Арабскомъ извѣстіи означаетъ, де, Арта!

Но Арабы говорятъ объ одномъ словенномъ народѣ, который раздѣляется на три племена. У нихъ нѣтъ и намека на то, чтобы племена жили порознь, въ отдаленіи одно отъ другаго. Какъ тогда связать это извѣстіе съ прочими положеніями автора? Какъ объяснить извѣстіе Константина о томъ, что Печенѣги находились между Русью и Константинополемъ, и что для Руси былъ необходимъ союзъ съ ними, что Русь прямо изъ Днѣпра плыла къ Константинополю, и не имѣла никогда никакой связи съ его древнею Тмутараканью? Святославъ, напримѣръ, не искалъ здѣсь убѣжища, а пошелъ въ другую сторону на вѣрную гибель. Какъ объяснить совершенное молчаніе Византійцевъ объ этой Руси? Какое право подъ Артою разумѣть Таматарху?

Въ какомъ отношеніи Черноморская Русь находилась въ Кіевской, когда онѣ раздѣлились, что имѣли общаго? Множество есть еще вопросовъ, которые можно при этомъ случаѣ предложить автору, но довольно и этихъ. Пусть молодые изслѣдователи постараются привести въ ясность и свести всѣ его показанія.

О Черноморской Руси нѣтъ никакого у насъ извѣстія. Авторъ объясняетъ это вотъ какъ: «Когда составилъ нашъ сводъ, Черноморская Русь пришла уже въ забвеніе, потому весьма *можно* быть, что въ разсказахъ о первыхъ князьяхъ она смѣшивалась съ Кіевскою Русью.» (с. 388). Такъ объяснять легко, т. е. отвергать все, что намъ противорѣчитъ.

Вотъ и еще подобное *можно быть*: въ «Словѣ о полку Игоревѣ» говорится, что, во время княжескихъ междоусобій, «поганія (Половцы) сами побѣдами нарищуше на Русскую землю, емляху дань по бѣлкѣ отъ двора (а *можетъ быть* тутъ подъ погаными разумѣется Литва, а не Половцы) (!!). Но для насъ замѣчательно такое почти буквальное совпаденіе дашей Козарской, Ва-

ряжской и Половецкой. *Могло быть* (?), что воспоминаніе о послѣдней, то-есть Половецкой (или Литовской) дани перенеслось въ лѣтописномъ сводѣ на Козарь и Варяговъ» (390).

Въ разсужденіи о мѣстѣ изъ Бертинскихъ лѣтописей авторъ говоритъ, что могла быть также просто ошибка или у автора, или въ рукописи, то-есть вмѣсто Sveonum, не читать ли Slavonum или Sclavonum?

О догадкѣ, что подъ Туле, подъ Скандинавіей, Скандіей, какъ vagina gentium, должно разумѣть Скию (*), въ ея тѣсномъ смыслѣ, то-есть южную половину Россіи, съ прилегающими къ ней частью Дупайской равнины и Карпатской областью,—говорить едва ли нужно.

Авторъ производитъ имя Славянъ отъ Саковъ, народа Скинскаго (**). Вотъ въ какой древности, *можетъ быть*, должны мы отыскивать начало имени, которое потомъ по созвучію осмыслилось формой Славяне, съ видоизмѣненіемъ Словищи, Словаки или Словене.

За симъ отъ путешествія къ Роксоланамъ, о которыхъ авторъ не сомнѣвается (с. 404), что это одно и то же названіе съ Росью и Русью, и слѣдующаго—я совершенно отказываюсь.

«Скатиа (Скандинавія), Сконія (Шонія). Скотиа (Шотландія), Скутари и Шалонъ (Каталавнъ или Скиталавнъ), оказываются въ сущности видоизмѣненіями слова Скиюіа!

(*) («Что названіе Скандія или Скандинавія есть видоизмѣненіе слова Скитія, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться») (!).

(**) Кстати замѣчу здѣсь, что недавно вышло изслѣдованіе профессора Григорьева о Сакахъ: вотъ книжка, исполненная учености, плодъ работъ тяжелыхъ, разнообразныхъ, заключающая множество свѣдѣній, указавій и задачъ, несмотря на малый свой объемъ. Такими трудами можетъ гордиться Русская наука.

А если отбросить *c* и принять за корень *Кыт* или *Кут*... то Китава или Кутава (древнее название Киева!) (*), Московский Китай-городъ, Китай имперія, Каталонія, Кутансъ, и мн. др.—все это окажется вариантами того же названия Скифы (с. 43).

Авторъ не нашелъ ни одного новаго извѣстія, не указалъ ни на одно новое дѣло (фактъ), а представлялъ только предположенія и догадки, противорѣчащія всѣмъ положительнымъ свѣдѣніямъ. Что я разумѣю подъ новымъ извѣстіемъ или новымъ дѣломъ, вотъ примѣръ: г. Куникъ напоминаетъ, что послы Бриттовъ сказали между прочимъ предводителямъ Саксовъ сходно съ словами нашихъ пословъ къ Варягамъ-Руси (земля наша велика и обильна): *terra lata et spatiosa et omnium rerum copia referta*. Такое указаніе можетъ дѣйствительно навести сомнѣніе на нашу рѣчь, т. е. можно подумать, что эта рѣчь имѣетъ тотъ же источникъ, что и другія Норманскія преданія, запавшія въ нашу древнюю лѣтопись (**). Вотъ это — новое замѣчаніе, впрочемъ такое, которое не касается до сущности— до призванія чуждаго, Норманскаго племени для обороны, для управленія, и т. д.

Исслѣдованіе г. Иловайскаго представляетъ остроуміе, начитанность, добросовѣстность, искреннее желаніе добраться до правды, но вмѣстѣ—и увлекаемость, не короткое знакомство со Шлецеромъ и духомъ его настоящей исторической критики.

(*) Въ другомъ мѣстѣ авторъ прибавляетъ: *Киавъ*, *Куява*, *Кіевъ*. а къ корню *Кут*—*Покутъе*. Возражать на такой подборъ созвучій я не берусь, равно какъ и о слѣдующей догадкѣ.

(**) Вотъ гдѣ именно можно сказать: *se non e vero, e ben trovato*, ибо до сихъ поръ мы ее повторяемъ.

Заключаемъ: ни одно изъ мнѣній о происхожденіи Руси не противорѣчило въ такой степени всѣмъ лѣтописямъ, Русскимъ и иностраннымъ, ни одно не заключало въ себѣ столько догадокъ и предположеній, ни на чемъ не основанныхъ, ни одно не подвергалось такому безконечному ряду возраженій, какъ мнѣніе г. Иловайскаго, хотя и думаетъ онъ, что нашелъ прочную основу для изслѣдованія, говоря:

«Чѣмъ ближе мы держимся буквального смысла (текста лѣтописи о призваніи князей изъ-за моря), тѣмъ болѣе и болѣе путаемся въ нескончаемыхъ противорѣчіяхъ, когда начинаемъ сопоставлять его съ другими, несомнѣнно историческими фактами. И наоборотъ: только убѣдившись, что мы имѣемъ дѣло съ легендою, а не съ историческимъ фактомъ, получаемъ возможность стать на болѣе прочную основу».

Изъ всѣхъ опроверженій норманизма, замѣтимъ здѣсь кстати, самое научное, всестороннее и благовидное, приведенное къ одному знаменателю, было Эверсово (а собственное его мнѣніе—самое нелѣпое). Самое основательное, полное и убѣдительное принадлежало г. Геденову. Принимая къ свѣдѣнію его основанія, должно было допустить, что призванное къ намъ Норманское племя могло быть смѣшаннымъ или сродственнымъ съ Норманами Славянскими.

«Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ марку. Въ Славянской землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ».

Чуть ли не въ этомъ мѣстѣ Гельмольда, сказалъ я еще въ 1846 году,—чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря заключается ключъ къ тайнѣ происхожденія

Варяговъ и Руси. Здѣсь соединяются вмѣстѣ и Славяне и Норманны, и Вагры и Датчане, и Варяги, и Рюстри, и Росенгау. Еслибы, кажется, одно слово сорвалось у Гельмольда, то все бы намъ стало ясно: но, вѣроятно, этого слова онъ не зналъ.

Вотъ это слово, если не нашелъ, то, кажется, съ успѣхомъ ищетъ г. Гедеоновъ и ловить нѣкоторые звуки. Найди онъ это слово, и послѣдуетъ всеобщее примиреніе живыхъ и мертвыхъ, покойныхъ и не покойныхъ изслѣдователей происхожденія Руси, норманистовъ и славнистовъ.

Предлагаю схему событій, относящихся къ вопросу о происхожденіи Руси, написанную мною для г. Гедеонова: она соотвѣтствуетъ и можетъ служить вполне для объясненія недоумѣній г. Иловайскаго.

Въ 839 году одно Норманское племя присылало отъ себя пословъ въ Константинополь заключить договоръ, которые прошли туда чрезъ многія дикія и варварскія страны. Чтобы не возвращаться имъ тѣмъ же опаснымъ путемъ, императоръ Теофилъ препроводилъ ихъ при своемъ посольствѣ къ Лудовику Благочестивому, прося его дать имъ лучшія средства возвратиться домой.

При дворѣ Лудовика въ Ингельгеймѣ сочли ихъ соглядателями. Они называли себя Rhos и показались слѣдователямъ принадлежащими къ роду Свеоновъ, что и записано въ *Бертинскихъ* лѣтописяхъ.

Въ 844 г. являются Норманны подъ Севиллою въ Испаніи, и *современный арабскій лѣтописатель* называетъ ихъ Русью и безбожниками — именемъ, прилагаемымъ по преимуществу Норманнамъ.

Въ 862 г., по свидѣтельству *Нестора*, Словене Новгородскіе съ сосѣдними племенами отираваются за Варяжское море къ Варягамъ-Руси.

Это племя Варяговъ такъ называлось Русью, какъ другія племена назывались Шведами, другія Англичанами, Готами и проч.

Избравшіеся братья, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, взяли съ собою всю Русь и пришли (862 г.), заняли города: Ладогу и потомъ (у Словенъ) Новгородъ, Изборскъ (у Кривичей) и Бѣлозерскъ (у Веси). Меньшіе братья умерли, и старшій, оставшись одинъ владѣтелемъ, разослалъ мужей по городамъ, и по тѣмъ городамъ Варяги—находники, а прежніе жители: въ Новгородъ—Словене, въ Полоцкѣ—Кривичи, въ Ростовѣ—Мери, въ Бѣлозерѣ—Весь, въ Муромѣ—Мурома.

Отъ Варяговъ прозвались Русью Новгородцы, а прежде были Словене.

Рюрикъ велѣлъ рубить города и въ другихъ мѣстахъ.

Двое изъ спутниковъ Рюрика отпросились у него въ Грецію (слѣдовательно страну, достаточно имъ уже, то-есть издавна, знакомую). По дорогѣ они остановились въ Кіевѣ, совокупили тамъ многихъ Варяговъ, и года черезъ два (866 г.) предприняли походъ на Константинополь.

Греки приписываютъ этотъ походъ Руси, народу, до тѣхъ поръ имъ неизвѣстному. Подъ этимъ именемъ записаны они въ *Греческихъ* лѣтописяхъ. Нестору попалось это извѣстіе, и онъ записалъ у себя въ своей лѣтописи о началѣ имени Русской земли.

По смерти Рюрика, въ 879 г., Олегъ, собравъ вой, перешелъ самъ на югъ и овладѣлъ Кіевомъ, велѣвъ убить Аскольда и Дира, выманенныхъ имъ къ себѣ въ ладью. «Вы не князья и не княжескаго роду, а я князь, а вотъ и сынъ Рюриковъ», сказалъ онъ имъ предъ умерщвленіемъ.

Олегъ самъ пошелъ войною (911 г.) на Константинополь и заключилъ договоръ—выгодный для Руси.

И Игорь ходилъ туда (945 г.). Ходила Русь и на берега Каспійскаго моря.

По поводу Греческаго похода есть извѣстія *западнѣе у Лиутпранда*, который говоритъ о происхожденіи Руси отъ Франковъ, и называетъ ихъ Норманнами.

Арабы описываютъ ихъ нашествія на берега Каспійскаго моря и сообщаютъ подробности о ихъ бытѣ, приличныя Норманнамъ.

Кіевскіе князья имѣютъ непрерывное сообщеніе съ Норманнами, получаютъ оттуда помощь, вступаютъ въ брачные союзы.

Варяги и Русь изъ Кіева ходятъ на службу и въ Константинополь и вступаютъ тамъ въ должность тѣлохранителей, которые называются Варангами и у всѣхъ лѣтописателей объявляются пришедшими съ Сѣвера, Датчанами, Англами и т. п.

Монеты Арабскія, Англо-Саконскія, Греческія, находимыя по всему пространству Россіи, также какъ и въ Скандинавіи, за все это время, подтверждаютъ извѣстія писателей Греческихъ, Арабскихъ, Сѣверныхъ, нашихъ о знакомствѣ, о торговлѣ, о путяхъ сообщеній между Норманнами, Славянскими племенами, Греками, Арабами, Финнами.

Я представляю этотъ перечень разнородныхъ извѣстій, не опасаясь упрека въ повтореніи, дабы показать въ связи, какъ все это ясно, просто, естественно, вѣроятно, — какъ всѣ извѣстія взаимно подтверждаются, и вмѣстѣ соотвѣтствуютъ общимъ понятіямъ историческимъ объ этомъ времени и объ этихъ народахъ.

Этими положеніями объясняются и опровергаются всѣ противныя мнѣнія, разрѣшаются всѣ мнимыя противорѣчія.

А основанія этихъ положеній въ лѣтописяхъ Сѣверныхъ, Нѣмецкихъ, Арабскихъ—однѣ и тѣ же свидѣтельства, съ присоединеніемъ языка, образа дѣйствій и гражданскаго учрежденія, доказываютъ норманство и служатъ къ отвѣтамъ на всѣ возраженія.

Ни одно изъ противныхъ мнѣній не можетъ похвалиться возможностью употребить *одно и то же* орудіе для борьбы со *всеми* своими противниками. Вотъ на что еще не обращаютъ вниманія новые рыцари, выѣзжающіе на арену ломать копыя.

Но довольно. Я хотѣлъ написать только странички двѣ-три возраженій общихъ, а написалъ десятокъ, увлекаясь на своемъ норманскомъ конькѣ.

XV.

ВЫЗОВЪ КЪ Г. ИЛОВАЙСКОМУ

Я прочелъ вашу новую статью о норманствѣ: она имѣетъ характеръ полемическій, отрицательный, какъ и первая разобранная мною, и состоитъ изъ возраженій, недоумѣній и предположеній, не заключаая въ себѣ ничего положительнаго. (*) Разобрать ее, даже построчно, я не отказываюсь, но кажется есть еще средство рѣшить споръ гораздо яснѣе, короче, легче и удобнѣе.

Взглядъ свой я представилъ въ *Древней исторіи* подробно, а въ концѣ разбора вашей статьи вкратцѣ: вы его осуждаете, вы недовольны его основаніями, и отвергаете всѣ свидѣтельства, въ пользу его приводимыя. Прекрасно! Положимъ, что вы правы. Чѣмъ же замѣнить неправильный, кривой взглядъ? Не предлагаю вамъ, вопреки вашимъ опасеніямъ, «никакихъ разнообразныхъ вопросовъ, не требую немедленнаго объясненія всѣхъ темныхъ пунктовъ начальной Русской исторіи», но вѣдь надо же какъ-нибудь начать ее? Сообщите же намъ вашъ взглядъ, дайте намъ на двухъ-трехъ страничкахъ картину, очеркъ древней исторіи. Если мы увидимъ, что этотъ очеркъ, не находятъ противорѣчія въ историческихъ источникахъ, объясняетъ удовлетворительнѣе Норманской, такъ-называемой, системы, историческія явленія, не противорѣчатъ требованіямъ критики и вообще здраваго смысла, тогда безъ

(*) Еще о Норманизмѣ. Русскій Вѣстникъ, 1872 г. № 11 и 12.

сомнѣнія примется ваше мнѣніе, и я первый готовъ буду согласиться съ вами, потому что, несмотря на пятидесятилѣтнюю связь и дружбу съ Норманами, Рюрикъ все-таки мнѣ не братъ, и Игорь не нетѣй! (Вотъ кстати подалось еще Норманское слово вамъ на жертву).

А я впередъ вамъ смѣю сказать, что вы, при первомъ опытѣ, десяти строкъ не можете написать, не вызвавъ двадцати возраженій, основанныхъ на источникахъ, и въ этой невозможности получите полное себѣ опроверженіе, и должны будете сознаться въ несостоятельности вашей поверхностной, отнюдь не научной гипотезы. *La critique est aisée, mais l'art est difficile.* Возражать можно, на что угодно, особенно на мнѣніе о событіи, бывшемъ за тысячу или болѣе лѣтъ, но представить свое лучшее, создать, утвердить что-либо о, это другое дѣло, помудреніе перваго. Ожидаю.

Января 13-го.

P. S. Не могу удержаться, чтобы не отвѣчать вамъ еще на нѣкоторыя ваши замѣчанія, лично до меня относящіяся: вы говорите, что я, работавъ надъ Русскою исторіей добросовѣстно въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, и заслуживъ ваше уваженіе, «въ послѣдніе десять лѣтъ усвоилъ себѣ такіе приемы въ спорахъ съ анти-норманистами, которые мало способствуютъ правильному ходу ученой полемики». Позвольте вамъ замѣтить: вопервыхъ, что одному изслѣдователю употреблять разные приемы въ одно и тоже время неестественно, то-есть о Петрѣ или Татарахъ разсуждать такъ, а о норманствѣ иначе; вовторыхъ, позвольте вамъ замѣтить, что въ послѣдніе десять лѣтъ я употреблялъ противъ анти-норманистовъ тѣ же приемы, какіе употреблялъ за сорокъ лѣтъ, разбирая такихъ противниковъ, какъ Эверсъ, Фатеръ, Нейманъ. Присоединимъ къ нимъ и г. Гедеонова. Предоставляю вамъ разсудить,

нужна ли мнѣ была новая тактика для разбора мнѣній вашихъ, г. Костомарова, который вотъ уже и отказался предъ вами отъ своего Литовскаго производства, и г. Хвольсона, для котораго вопросъ о происхожденіи Руси, согласитесь, далеко не близкій, какъ онъ самъ о томъ говоритъ. Еслибъ я скрылъ какое-нибудь ваше доказательство, еслибъ я придалъ не надлежащее значеніе вашимъ словамъ, или, оборони Боже, приписалъ бы вамъ то, чего вы не говорили, тогда я подлежалъ бы обвиненію, но этого не было и не могло быть, по тѣмъ правиламъ, которыя въ дѣлѣ науки я неукоснительно въ продолженіи пятидесяти лѣтъ наблюдалъ, и которыми имѣлъ честь пріобрѣсти ваше уваженіе. Я разобралъ ваше мнѣніе въ общихъ чертахъ удовлетворительно, какъ надѣялся, для всякаго могущаго, по выраженію Шлецера или Эверса, понять ученое доказательство.

Вы говорите еще, что я «ищу поддержки между молодыми людьми, и что, по вашему мнѣнію, это плохой признакъ для норманизма». Не безпокойтесь! Я совѣтовалъ молодымъ людямъ разобрать ваше мнѣніе въ подробности, имѣя въ виду, не подкрѣпленіе Норманской системы, а только педагогическое изощреніе ихъ критическихъ способностей, и совершенную со-отвѣтственность съ ихъ силами.

Нѣкоторыхъ строкъ въ вашей статьѣ не ожидалъ отъ васъ, и изъ уваженія къ вамъ поминать ихъ не стану.

XVI

НА ЗАМѢЧАНІЕ Г. ИЛОВАЙСКАГО.

Уклоняясь от моего вызова изложить въ нѣсколькихъ положительныхъ словахъ начало нашей исторіи сообразно съ собственнымъ мнѣніемъ, г. Иловайскій, въ *Русскомъ Архивѣ* (*) возвращается къ своей прежней статьѣ, и утверждаетъ, что она имѣетъ характеръ не только отрицательный, но и положительный, указывая на слѣдующіе якобы выводы:

1. «Русь и Варяги суть два разные народа.
2. Русь есть племя туземное и притомъ Славянское.
3. Русь искони обитала въ южной Россіи.
4. Русь была извѣстна у древнихъ писателей подъ именемъ Роксоланъ.
5. 862 годъ и Рюрикъ съ братьями должны быть оставлены какъ легенда и пр. и пр.

Объясняю г. Иловайскому его недоразумѣнія, которыя выводами названы быть никакъ не могутъ, потому что ни изъ чего правильно не выводятся.

1. Русь и Варяги были такими же двумя разными народами, какъ Баварцы и Нѣмцы, какъ Римляне и Италіянцы, или нынѣшніе Русскіе и Славяне. Баварцы, Римляне и Русскіе суть виды, а Нѣмцы, Италіянцы, Славяне—суть роды.

(*) «Русскій Архивъ» 1873, № 3, с. 0432.

Гь такомъ же значеніи эти слова употреблялись и въ XI столѣтіи. А Словенскій языкъ и Русскій одно есть: *отъ Варягъ бо прозвашася Русью*, а первое бѣша Словене, аще и Поляне звахусь. *И такъ, Варяги и Русь не были разные народы, а относились одинъ къ другому, какъ родъ къ виду.*

Слова лѣтописи ясны и согласны со всѣми прочими ея мѣстами, равно какъ и со всѣми прочими источниками, а вы ихъ знать не хотите: чѣмъ же можно убѣдить васъ?

2. Что Русь не была племенемъ туземнымъ, видно изъ приведеннаго мѣста лѣтописи, гдѣ ясно сказано, что Русью прозвались Словенскія племена, а прежде назывались они Полянами (Древлянами, Сѣверянами и пр.). А вотъ вамъ и еще подтвержденія въ другихъ словахъ, столько же положительныхъ:

«Се бо *только* Словенскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи... а се суть *иные* языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Вель, Муромъ и пр.».

«*Отъ тѣхъ* (Варягъ) *прозвася* руская земля. Новгородци, ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжина, *прежде* бо бѣша Словѣни».

«Сяце бо ся зваху ти Варязи Русь, яко си друзи зовутся Свен, Агляне, Урмане, тако и си».

Скучно прибѣгать къ азбукѣ исторіи, но вѣдь и съ нею незнакомы наши несчастные судьи-фельетонисты.

Въ XII и XIII еще столѣтіи имя Руси не крѣпко присвоивалось ко всѣмъ частямъ молодаго государства, напримѣръ: Галичу, Суздаю и даже Чернигову, и относилось преимущественно къ Кіеву, какъ его гнѣзду, изъ котораго концентрическими кругами оно распространялось и распространяется, даже до послѣднихъ землн:

1152. Договоромъ Галицкаго князя Владимѣрка съ великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ Кіевскимъ, Галицкій князь долженъ былъ возвратити Кіевскому всѣ Русскія волости, имъ захваченныя: «Што Русской земли волости, то възворотити все».

Володимерко Галицкій, смотря изъ окна на отъѣзжавшаго Кіевскаго посла, сказалъ съ насмѣшкой: вонъ Русскій мужъ поѣхалъ «отънимавъ всѣ волости!»

1154. Поиде Дюрги (Юрій Долгорукій Суздальскій) съ Ростовци и съ Суздальци въ Русь, то-есть къ Кіеву.

1214. Мстиславъ... бѣ (въ Галичѣ) со всѣми князьями Русскими и Черниговскими.

Итакъ, Русь не была племенемъ туземнымъ, Славянскимъ.

3. Что Русь обитала въ южной Россіи, — пусть г. Иловайскій укажетъ хоть на одно свидѣтельство свое или иностранное, а противорѣчащихъ можно представить вдоволь.

Лѣтопись говоритъ о разселеніи племенъ Славянскихъ, и исчисляеть всѣ, а Руси тамъ нѣтъ:

По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска; отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими... Морава, Чеси, Хорвате бѣли, Серебь... Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ... Поляне... Лутичи... Мазовшане... Поморяне... такожде и ти. Словѣне пришедши и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне... Древляне... Дреговичи... Полочане... Сѣверь...

Гдѣ же Русь? Ея нѣтъ нигдѣ на нашемъ востокѣ и югѣ.

А вотъ гдѣ она:

Афетово бо и то колѣно Варяги: Свен, Урмане, Русь, Агвяне, Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмци, Корляни, Вендицы, Фрягове и прочии, ти же присядятъ огь

запада къ полуденю, и сосѣдятся съ племенемъ Хамовымъ.

Итакъ, Руси на югъ не существовало.

4. Роксоланъ поднимаете вы изъ гробовъ, въ коихъ они покоились двѣ тысячи лѣтъ съ княземъ Росъ, Гогомъ и Магогомъ пророка Іезекіиля! Наши невѣжи почтутъ это шуткою, и я долженъ имъ объяснить: у пророка Іезекіиля есть вотъ какое мѣсто XXXVIII, 2: Сыне челоувѣчь, утверди лице твое на Бога и на земли Магога, князя Росъ, Мосоха и Февели, и прорцы нань.

«Слово Росъ, славнѣйшіе толкователи, по свидѣтельству Эверса, переводили именемъ нарицательнымъ: глава. Такъ и въ Вулгатѣ: Fili hominis, pone faciem tuam contra Gog, terram Magog, principem capitis Morosh et Thubal. У Лютера: der oberste Fürst ist in Mesech und Thubal.

Эверсъ, защищая свое положеніе о хозарствѣ Руси, говорить, что «александрійскіе переводчики пророчества Іезекіилева писали собственное имя совершенно такъ, какъ встрѣчается оно у Византійцевъ: Ρως». «И если тогда были Росы, гдѣ оставались они до среднихъ вѣковъ? Не полагать ли ихъ въ Роксоланяхъ? Можетъ быть».

Вотъ это мнѣніе, опровергнутое многожды, и воспроизводитъ теперь г. Иловайскій.

О Роксоланяхъ пусть онъ справится съ Шафарикомъ, который изслѣдовалъ съ такою тщательностію исторію всѣхъ племенъ юго-восточныхъ. Это было Сарматское племя. (Тацитъ: Roxolani, Sarmatica gens; Плиній: Alani et Rhoxolani).

«Съ появленіемъ Готовъ на Черномъ морѣ Роксолане рѣже и рѣже упоминаются въ этомъ краѣ, а по прибытіи Гунновъ и совсѣмъ *исчезаютъ* изъ исторіи. Можно

догадаться, что однихъ изъ нихъ истребили Готы, а другихъ Гуны; а что осталось, то поспѣшило соединиться съ родичами своими Аланами».

Можете справиться и въ моемъ разсужденіи О происхожденіи Руси, написанномъ 50 лѣтъ тому назадъ.

Прибавлю: Роксоланами называлось около времени Рождества Христова какое-то южное племя,—ну а всѣ прочія-то племена, жившія отъ него на сѣверѣ, вѣдь имѣли другія имена, приводимыя у тѣхъ же писателей, которые говорятъ о Роксоланахъ? Какія же есть звенья между Роксоланами и Русью... но объ этомъ разсуждать, ей-Богу, и стыдно, и совѣстно!

5. Вы требуете, чтобы легенда, такъ вами названная, о Рюрикѣ была оставлена, но вѣдь это надо доказать: гдѣ же ваши доказательства? Противъ свидѣтельства лѣтописей вы представляете до сихъ поръ только свои гаданія!

Пять разобранныхъ положеній своихъ г. Иловайскій продолжаетъ словами: и пр. и пр. Что разумѣется подъ этими *прочими*, я вообразить никакъ не могу, и повторяю вызовъ — изложить вкратцѣ начало русской исторіи, ибо нельзя же довольствоваться замѣчаніемъ что «исторія Польши, Чехіи, Франціи, Германіи и т. д. тоже не имѣетъ при своемъ началѣ ни опредѣленнаго года, ни опредѣленнаго лица, однако ихъ исторію какъ-нибудь да начинаютъ». Ну и начните вы какъ-нибудь Русскую исторію, а я опять вамъ повторяю, что вы никакъ не можете начать ее, не вызвавъ возраженій, основанныхъ на источникахъ безъ числа.

О словѣ *нетій* вы меня не поняли: Нетій, какъ Норманское слово, я потому и принесъ вамъ въ жертву, что оно инымъ представляется спорнымъ, а еслибъ оно было безспорно Норманское, то я, разумѣется, не сталъ

бы имъ жертвовать, а сохранилъ, какъ оружіе въ *своемъ* Норманскомъ арсеналѣ.

Кромѣ пяти разобранныхъ положеній, въ отвѣтъ г. Иловайскаго есть еще нѣсколько околичностей, хотя я просилъ его отъ нихъ воздержаться въ заключеніи моего вызова. Долженъ отвѣчать и на нихъ, чтобы не получать впредь подобныхъ.

1. Вы говорите: «Не спору что я, можетъ быть, отнесся къ нимъ (моимъ возраженіямъ) съ излишнею строгостію».

Позвольте мнѣ рассказать вамъ одинъ смѣшной анекдотъ изъ нашей старой университетской жизни: былъ назначенъ въ тридцатыхъ годахъ у насъ попечителемъ кн. С. М. Голицынъ. Онъ пріѣхалъ осматривать гимназію, въ которой былъ директоромъ Юрій Никитичъ Бартеневъ, извѣстный своимъ умомъ и своеобразіемъ. Понявъ своего начальника, онъ обратился къ учителю, который началъ экзаменовать учениковъ въ присутствіи кн. Голицына, и закричалъ на него: «Строже, еще строже, слышите, еще строже!» Попечитель остался очень довольнымъ.

Позвольте и мнѣ попросить у васъ строгости, больше строгости, строгости! Ваша строгость доставитъ мнѣ на старости особенное удовольствіе.

2. Вы говорите, что изслѣдованіемъ своимъ о Норманахъ не хотѣли переубѣдить меня а имѣли въ виду будущихъ дѣятелей нашей науки.

Отвѣчаю: Шлецеръ замѣчалъ, что Русская исторія дѣлаетъ обыкновенно три шага впередъ и потомъ два назадъ. Въ наше время она, увы, сдѣлала уже далеко за два шага назадъ, (кромѣ изданія матеріаловъ) уведенная даже до Роксоланъ: слѣдовательно есть надежда,

что теперь у нашей науки чередъ за тремя шагами впередъ, и будущіе дѣятели, авось Богъ дастъ, оставя Варяжскіе зады, займутся чѣмъ-нибудь полезнѣе, что и вамъ, любя васъ все-таки и уважая, совѣтую.

3. Вы извиняетесь въ нарушеніи моего спокойствія своими возраженіями; напротивъ, въ этомъ отношеніи я вамъ очень благодаренъ: развязываніе всякихъ узловъ, хоть и не Гордіевыхъ, замѣняетъ мнѣ вечернюю партію въ ералашъ.

Разобравъ ваши положенія и отразивъ *по необходимости* ваши околичности по пунктамъ, я повторяю вамъ просьбу, чтобы вы впередъ ограничились, въ исполненіе вашихъ же словъ, только наукою, хоть и съ Роксоланами, и воздерживались отъ лишнихъ выходокъ о строгости, переубѣжденіи и спокойствіи, припоминая пословицу, что стараго воробья на мякинѣ не проведешь.

9-го марта.

XVII

ПОДСТРОЧНЫЙ РАЗБОРЪ ВТОРОЙ СТАТЬИ Г. ИЛОВАЙСКАГО:

«ЕЩЕ О НОРМАНИЗМѢ».

Въ отвѣтъ на разборъ мой первой статьи, г. Иловайскій жаловался, что я вырываю мѣста по произволу изъ его разсужденія, и осуждаю ихъ съ шутками, голословно, (чего однако-жь не было). Я обѣщался вторую статью его разобрать подстрочно, и безъ шутокъ. Исполняю свое слово. Извиняюсь впередъ въ повтореніяхъ, въ напомниманіяхъ азбучныхъ задовъ, ибо я долженъ по неволѣ слѣдовать за авторомъ.

с. 109. ...«Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ по возможности съ разныхъ сторонъ», начинается г. Иловайскій, «мы настолько убѣдились въ несостоятельности Норманской теоріи, что серьезныхъ возраженій съ ея стороны не ожидали и не ожидаемъ».

Каково сомнѣніе! Норманскій вопросъ былъ предметомъ изслѣдованія подробнаго, всесторонняго, въ продолженіи почти полутора вѣка. Ученые, критики первокласные, разсматривали его со всѣхъ сторонъ, со всевозможнымъ тщаніемъ: Байеръ, Шлецеръ, Миллеръ, Кругъ, Френъ, Лербергъ, Карамзинъ, — и написали о немъ цѣлую бібліотеку. Г. Иловайскій труды полутора вѣка порѣшилъ въ одночасье! Спросимъ — чрезъ сколько же времени трудовъ онъ убѣдился въ несостоятельности

теоріи? Убѣдился онъ, можетъ быть, но другихъ-то надо вѣдь убѣдить! И о какой теоріи вы говорите? Есть свидѣтельства въ лѣтописяхъ и памятникахъ. Онѣ найдены, изучены, объяснены, сравнены. Выведенное заключеніе развѣ можно назвать теоріей?

«Ибо все, что можно было сказать въ ея пользу давно уже сказано, и все это оказалось болѣе или менѣе неудовлетворительно».

«Прошло довольно времени отъ появленія нашей статьи, и тѣ возраженія, которыя до сихъ поръ появились по нашему крайнему разумѣнію тольکو подтверждаютъ несостоятельность Норманской теоріи».

«Мы объявили ей войну тѣмъ рѣшительнѣе, что по нашему убѣжденію, она до сихъ поръ продолжаетъ причинять вредъ наукѣ Русской исторіи, а слѣдовательно и нашему самопознанію».

«Благодаря этой теоріи, въ нашей исторіографіи установился очень легкій способъ относиться къ своей старинѣ, къ своему началу».

Оказалось — предъ кѣмъ же? на какихъ основаніяхъ?

Опять слова безъ всякаго основанія. Докажите...

Покажите этотъ вредъ. Опять однѣ слова!

Какъ легкій способъ? 150 лѣтъ трудовъ, занимавшихъ цѣлую жизнь такихъ людей, какъ Байеръ, Шлецеръ, Кругъ, — развѣ это легкій способъ? Легко намъ теперь пользоваться плодами трудовъ, какъ это

происходило въ Исторіи всѣхъ наукъ, а произрастить плоды—о это трудно, тяжело! Вотъ легкій способъ вашъ—накинуться съ ничтожными средствами, и провозгласить небывалую побѣду!

«Обыкновенно—перечисливъ названія разныхъ Славянскихъ и не Славянскихъ племенъ, и помянувъ о томъ, что Славяне жили не ладно между собою, мы за тѣмъ приступаемъ къ исторіи Русской государственной жизни, такъ сказать *ex abrupto*. «Гдѣ-то за моремъ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жили три брата. Однажды къ этимъ тремъ братьямъ приходятъ послы изъ-за тридцати земель и говорятъ имъ: земля наша велика, и т. д. Далѣе сохраненъ и тотъ обычный приемъ, что два брата являются только для обстановки, а вся удача принадлежитъ одному».

«Эта пресловутая теорія

Скажите, къ какимъ полемическимъ приемамъ, о которыхъ вы такъ любите толковать, относится это пустословіе? Оно вѣдь не заключаетъ ничего положительнаго противъ Норманскаго мнѣнія, ничего положительнаго за ваше!

Да какъ же начинаются всѣ исторіи,—напримѣръ: Разныя племена населяли Италію, Римъ взялъ верхъ надъ всѣми, и т. д.

Славянскія племена населяли нашу страну. Слѣды ихъ видны до позднѣйшаго времени. Пришло племя, призванное ли то, или покоряющее, и основало государство постепеннымъ присоединеніемъ племенъ подъ свою власть.

Вы взыскиваете за эпитетъ незваныхъ, приложенный мною къ скепти-

камъ, опровергающимъ Рюрика (*), вы спрашиваете грозно: какое право? а употребленіе вашего епитета къ какимъ предметамъ относится?

продолжаетъ оттирать изъ исторіи цѣлый могучій народъ, съ незапамятныхъ временъ обитавшій въ южной Россіи».

Покажите свидѣтельства о существованіи этого цѣлаго, могучаго народа. Въ какой южной Россіи (нынѣшней) онъ жилъ? О какихъ временахъ вы говорите? Можетъ ли наука, на которую вы также часто ссылаетесь, говорить такъ неопредѣленно и такъ безотчетно? Въ южной Россіи, слишкомъ извѣстной Грекамъ, кочевали Печенѣги, потомъ Половцы. Въ Крыму жили Козары, Готы, Греки: никакого цѣлаго могучаго народа тамъ не было!

А на мѣсто его изъ-за моря вызываетъ какую-то тѣнь,

Не тѣнь, а отрасль того племени, которое тогда плывало по всѣмъ Европейскимъ морямъ, заходило во всѣ главныя рѣки, разбрасывало свои поселенія и возвращалось домой съ добычею. Это племя, призванное и не призванное, очень рано познакомилось съ нашею странною, какъ ближнею и сосѣднею.

(*) См. выше с. 233.

которую она не знает как
назвать: не то народомъ,
не то дружиною,

и утверждаетъ, что эта-та
тѣнь и была настоящая
Русь, и что она въ нѣ-
сколько лѣтъ покрыла со-
бою все пространство отъ
Финскихъ хладныхъ скалъ
до пламенной Колхиды».

Израшася три брата съ
роды своими и пояша по
себѣ всю Русь.

Нѣтъ, никто этого не
утверждаетъ, и такія сло-
ва показываютъ непри-
вычку разсуждать науч-
нымъ образомъ и соблю-
дать ту точность, которая
необходима по законамъ
критики въ изслѣдованіяхъ
этого рода. Здѣсь что ни
слово у васъ, то напрашина.

Никто не говоритъ, чтобъ Русь покрыла собою озна-
ченное пространство. Это пространство было уже по-
крыто Славянскими племенами, которымъ Русь, под-
чинивъ ихъ себѣ концентрическими кругами, сообщила
свое имя, какъ Римъ сообщилъ свое имя міру, имъ за-
воеванному—Римской Имперіи; какъ острову, поселен-
ному Бриттами и проч., пришедшіе Англы сообщили
имя Англіи, Норманны сѣверной части нынѣшней
Франціи сообщили имя Нормандіи. Всѣ эти племена не
были оттерты, а остались на своихъ мѣстахъ и полу-
чили только новое, общее имя.

«Не въ нѣсколько лѣтъ» это сдѣлалось, какъ вы,
употребляя свои особые приемы, говорите, а перво-
начально вѣка въ два, а потомъ и болѣе.

«Вмѣстѣ съ небывалыми
племнами Варяго-Руссовъ

Идоша за море къ Ва-
рягамъ-Руси: сиче бо ся
зваху ти Варязи Русь, яко
се друзи Свен, друзи Готи,
Урмане, тако и си.

Вы опровергаете это извѣ-
стіе, но чѣмъ? однѣми сло-

вами. Развѣ это наука, критика? Кому и когда, для чего выдумать такую категорию: Шведы, Англичане, Готы?...

созданъ въ вашей исторіи и небывалый Норманскій періодъ».

Не не бывалый, а дѣйствительный! Дѣйствія Варяго-Русскихъ князей у насъ, Рюрика, (Аскольда и Дира), Олега, Игоря, Святослава, Владимира. Ярославъ, описываются въ нашихъ лѣтописяхъ почти

тѣми же словами, какими описываются дѣйствія Нормановъ Западными писателями у нихъ, Арабскими — по берегамъ Каспійскаго моря, Греками въ своихъ странахъ. Здѣсь нѣтъ ничего Славянскаго. Вотъ почему первой періодъ нашей исторіи по всѣмъ правиламъ науки можно назвать Норманскимъ, Варяжскимъ.

и за тѣмъ чуть ли не всѣ основныя явленія нашей жизни объявляются не своими, а чуждыми, принесенными изъ-за моря: дружина, бояры, суды, способъ собирать дань.

Славянская жизнь, жизнь нашихъ племенъ, осталась прежняя кромѣ дани, а жизнь пришлаго племени, военного сословія, текла особо, съ дружиною, боярами, судами и собираніемъ дани, пока эти двѣ жизни не слились между собою втеченіи долгаго времени.

Заидеть ли рѣчь о вооруженіи Руссовъ и ихъ боевыхъ приемахъ, для образца приводится коверъ Англійской Королевы Матильды

Варяги-Русь были Норманны: для изображенія ихъ одежды и вооруженія должно безъ всякаго сомнѣнія искать современ-

съ изображеніемъ Норманскихъ воиновъ».

найдено въ Балтійскомъ поморьѣ, и представлены въ рисункахъ Дерпскаго профессора Крузе. Вотъ нынѣшнимъ лѣтомъ разрыты въ Черниговѣ курганы, гдѣ находятся какъ слышно, мечи, стрѣлы, копья, съ монетами Арабскими и Сѣверными современными. Для изображенія одеждъ духовенства, вѣдь мы также обращаемся къ памятникамъ Греческимъ. Норманны пришли къ намъ, разумѣется, въ своемъ платьѣ.

«Оказывается, что Русскіе Славяне даже и лодку не умѣли соорудить, и потому, чтобы дать понятіе о Русскихъ ладьяхъ, указываютъ на изображеніе Норманскихъ судовъ въ средне-вѣковыхъ рукописяхъ».

«Странно только, какъ это призванные Варяго-Руссы заговорили по-Славянски, и не заставили насъ выучиться своему Германскому нарѣчію».

ныхъ памятниковъ, гдѣ они сохранились. Эти памятники находятся теперь и у насъ, и добавляюгъ Европейскіе. Множество ихъ

Нѣтъ; этого не оказывается, ибо о строеніи Славянами лодокъ есть даже прямыя извѣстія у И. Константина Багрянороднаго, а получить понятіе о Норманскихъ судахъ, на какиихъ можетъ быть они приплывали въ Неву, Двину, Нѣманъ, нисколько не мѣшаетъ, и вопросы всѣ эти относятся не къ настоящему дѣлу, а къ особымъ полемическимъ приемамъ.

А говорили-ль Норманны съ Греками по-Гречески?

А говорили-ль Монголы по-Славянски?

Первые Варяги-Русь говорили между собою, разумѣется, на своемъ языкѣ,

Ноггена, но, живя между
Славянами могли во 2, 3, 4,
поколѣніи познакомиться съ

• туземнымъ нарѣчіемъ, а потомъ и позабыть свой. Варяги-
Русь даже перваго поколѣнія, живя въ сосѣдствахъ
съ Славянами Балтійскаго поморья, имѣя, вѣроятно,
въ средѣ своей многихъ Славянъ, могли знать настолько
Славянскій языкъ, чтобъ рѣшать простыя дѣла или
требовать себѣ дани.

«Наша археологическая
наука, положась на вы-
воды историковъ норма-
нистовъ, идетъ пока тѣмъ
же ложнымъ путемъ при
объясненіи многихъ древ-
ностей. Если нѣкоторые
предметы, открытые въ Рус-
ской почвѣ, походятъ на
предметы, найденные въ Да-
ніи или Швеціи, то для
нашихъ памятниковъ объ-
ясненіе уже готово: это
Норманское вліяніе.»

«При этомъ не берутся
въ расчетъ два самыя про-
стыя обстоятельства: 1.
Многія вещи одной и той же
фабрикаціи, помощію тор-
говли, распространялись
на весьма обширное про-
странство, по мимо всякихъ

Совершенная напраслина!
Ни о какомъ вліяніи архео-
логическая наука не гово-
рить: находится вооруже-
ніе въ курганѣ съ разными
вещами, ожерельями, за-
пястьями, и проч., совер-
шенно сходное съ найден-
ными на Балтійскомъ по-
морьѣ, въ Швеціи, Даніи,
или съ изображенными на
Матильдиныхъ коврахъ, ну
она и говоритъ, что здѣсь
похороненъ былъ Нор-
маннъ-Варягъ, — напри-
мѣръ въ найденномъ нынѣ
Черниговскимъ курганѣ.

Кѣмъ же вы представляете
себѣ нашихъ археологовъ,
предполагая такъ смѣло,
что они не берутъ въ раз-
счетъ такихъ простыхъ
обстоятельствъ? Не слиш-
комъ ли заносчиво, или, не
слишкомъ ли просто съ ва-

политическихъ вліяній, 2. многіе сходные предметы встрѣчаются не рѣдко совершенно у разныхъ народовъ, не находившихся въ сношеніи между собою.

шей стороны думать, что вамъ пришли первымъ въ голову такія премудрости! Не слыхаль я никогда и нигдѣ, чтобъ Греческая или Арабская или Норманская вещь, выдавалась за наше туземное произведеніе! Что же разумѣть подъ вашимъ вліяніемъ? Пустое слово?

«Далѣе, особенно вредно отзывается эта исторія на трудахъ молодыхъ изслѣдователей по части древней Русской исторіи и этнографіи, по весьма естественной неопытности берущихъ за исходные пункты выводы норманизма. (Такую дань и мы заплатили въ своей исторіи Рязанскаго княжества).

Опять только слова! Укажите мнѣ эти труды многихъ изслѣдователей, въ которыхъ они выходили бы изъ Норманской системы и основывали на ней свои изслѣдованія. Гдѣ они?

Ваша исторія Рязанскаго княжества оставила во мнѣ во время оно очень пріятное впечатлѣніе. Я обратился къ ней теперь, чтобъ увидѣть, какой вредъ можете вы считать причиненнымъ отъ Норманской системы,

чѣмъ помѣшала она вашимъ изслѣдованіямъ, — и рѣшительно не нашелъ ничего. Вы принимали въ ней утвержденныя общія понятія, какъ принимаете въ вашихъ учебныхъ руководствахъ. Изслѣдованій изъ ея положеній нѣтъ никакихъ, и вы напрасно на себя за нимѣніемъ никакого примѣра клеплете. Въ Исторіи Рязанскаго Княжества отъ нея вамъ не было ни тепло, ни холодно. Если эта неправда, извольте показать, что нужно исправить въ вашей книгѣ по новымъ вашимъ убѣжденіямъ.

Я былъ бы благодаренъ за такія указанія, ибо онѣ дали бы мнѣ мѣрку и примѣръ вашихъ требованій и взысканій.

«Русская филологія также не мало затруднена Норманскимъ предразсудкомъ, который въ особенности мѣшалъ до сихъ поръ трезвому взгляду на начало Русской письменности».

«Вообще Норманская струя проникала всюду, гдѣ только можно, и затемняла нашу кругозоръ».

Говорить голословно всего лучше, и всѣ ваши утверждения этого рода совершенно голословныя, хотя вы именно въ подобныхъ приемахъ упрекаете своихъ противниковъ.

А я скажу вамъ вотъ что, или лучше молодымъ будущимъ труженикамъ: займитесь древностями Сѣверными, и вы найдете гораздо больше объясненій (а не помраченій) для нашей древней исторіи, нежели сколько она имѣетъ ихъ отсюда теперь.

Antiquitates Rossicae, Эймундова сага, Ибн-Фоцлановы извѣстія, ожидаютъ комментаторовъ. Въ сочине-

Опять слова безотчетныя, и какое опьяняющее отношеніе имѣли Норманскіе предразсудки къ началу Русской (то-есть Славянской) нашей письменности, возникшей у племенъ Славянскихъ на западѣ отъ насъ жившихъ, мудро и придумать.

Спрашиваю: укажите примѣръ помраченія—вотъ такое, де, явленіе норманисты объясняютъ такъ-то, и извлекаютъ оттуда вотъ такія заключенія, а между тѣмъ это явленіе объясняется удовлетворительнѣе изъ такихъ-то источниковъ, и даетъ заключеніи противоположныя.

ніяхъ Круга, изданныхъ по его смерти, есть много указаній Сѣверныхъ, и я отмѣтилъ ихъ для себя, но не могу собраться до сихъ поръ, чтобъ употребить ихъ въ дѣло. Вотъ и теперь, чтобъ справиться о хромотѣ Ярославовой, я перечелъ Эймундову сагу, и нашелъ множество обстоятельствъ весьма важныхъ, кои за обиліемъ пропускалъ прежде. Сенковскій, — это умный, многообразованный ученый человѣкъ, (хоть по характеру его и духу писаній нельзя одобрить его) дошелъ до крайности, и думалъ, что съ прибытіемъ Норманновъ вся наша страна сдѣлалась Скандинавіей, это, повторяю, крайность; — Скандинавіей было только ея правительство, какое бы ни было, ославяниваясь въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, а Славянскія племена оставались все тѣже, подвергаясь только съ своей стороны пришлому вліянію.

«Поколѣніезапоколѣніемъ съ дѣтства привыкаетъ повторять басню о призваніи Варяговъ, какъ не преложный фактъ, и отнимать у своихъ предковъ славу созданія своего государства, которое, по лѣтописному выраженію, они стяжали великимъ потомъ и великими трудами. 111.

Скажите — сѣтуютъ ли Англичане, что ихъ государство основано и распространилось не одними Бриттами, но и Датчанами, Англами, Норманнами? отнимается ли слава у Бриттовъ или Датчанъ, Англовъ, что въ послѣдствіи покорены они были Норманнами? Такъ во Франціи мы видимъ Франковъ и Галловъ. Норманны собственно стяжали у насъ не государство, а земли,

одну за другою, изъ которыхъ составилось государство, разумѣется, при непосредственномъ участіи, дѣйстви- тельномъ и страдательномъ, племень Славянскимъ. Ихъ представитель, Мономахъ, сынъ Всеволодовъ, Яро-

славовъ, Володимеровъ, Святославовъ, Игоревъ, Рюриковъ, (слышите—Рюриковъ), имѣлъ полное право сказать: почти губимъ Русскую землю, которую отцы и дѣды наши стяжали трудомъ великимъ!

Не отнимаемъ мы у нашихъ предковъ славу созданія своего государства, — оборони Боже, — отнимать ее такъ мы предоставляемъ Петербургскимъ изгоямъ и отступникамъ, — а мы желаемъ возстановить ее въ настоящемъ ея свѣтѣ, и разсѣять мракъ, напускаемый на нее изъ какихъ-то безсчетныхъ предшествующихъ вѣковъ.

(За симъ г. Иловайскій объясняется о трудности бороться съ Норманистами).

«Мы ощущали даже нѣкоторое довольство тѣмъ, что исторія наша, не такъ, какъ у другихъ народовъ, имѣвшихъ миѳическія времена, начинается извѣстнымъ годомъ, извѣстнымъ событіемъ и такимъ еще оригинальнымъ событіемъ, какъ трогательная федерація Славянскихъ и Чудскихъ народовъ, отправляющая посольство за море!»

Въ томъ-то и дѣло! Русская Исторія въ особенности счастлива, что она ясна съ самаго своего начала въ главныхъ чертахъ, но мы не умѣемъ цѣнить своего счастья, и по национальному недостатку, не смѣемъ сознавать того, какъ не сознавали нашего языка, нашей цѣсни, нашей музыки, нашей общины, нашего характера, нашего права, нашего искусства, нашей лѣтоисписи, нашей литературы, нашихъ талантовъ. Что наше, намъ того и не надо. Major ex longin-

quo reverentia. Люди, которые осмѣливаются найти, сказать о своемъ народѣ, о своей исторіи, что либо хорошее, подвергаются насмѣшкамъ и ругательствамъ. Ругать свое хорошее даже изъ-за того, что не все хорошо, что много есть дурнаго, нами впрочемъ содѣяннаго, или отъ насъ зависимаго, есть признакъ

выстей интеллигенціи, прогресса, передоваго. Но я отвлекся.

Трогательная Федерация — это выраженіе принадлежить къ какимъ же приемамъ? Этой Федерации мы недостаточно понимаемъ, — и только. Но мало ли есть въ исторіи явленій, которыя долго оставались непонятными, но которыя со временемъ объясняются? Такъ и это. А касательно оригинальности событія, которую также, пользуясь указаннымъ приемомъ вы упоминаете иронически, ну вотъ вамъ новое открытіе въ запискѣ такъ названнаго Anonymus Tauricus, изъ рукописи X или XI вѣка, которую знаменитый филологъ Газе назвалъ *praesclatum plenisque regum novatum fragmentum*, и на которую недавно обратилъ вниманіе извѣстный нашъ библіографъ г. Ламбинъ. Какая-то область Крымская подвергалась нападениамъ варваровъ. «Въ отчаянномъ положеніи Византійскій намѣстникъ поспѣшилъ созвать земское собраніе изъ всѣхъ общинъ, державшихъ до сихъ поръ сторону Византійскаго правительства. Видно, что главная часть членовъ этого сейма состояла изъ именитыхъ людей Готскаго племени, или такъ называемыхъ Гото-грековъ, которые были не аріанскаго, но православнаго вѣроисповѣданія. Земское собраніе было открыто рѣчью нашего стратига, въ которой онъ прямо предложилъ вопросъ объ избраніи владѣтеля, способнаго ихъ впредь защищать. Сеймъ рѣшилъ искать этой защиты у князя, жившаго на сѣверѣ отъ Дуная, сила котораго была извѣстна. Побудительныя причины, которыми члены сейма при этомъ руководствовались, довольно любопытны. Въ концѣ концовъ бывшій Византійскій сановникъ былъ отправленъ, отъ имени земскаго собора, къ царствующему (*βασιλευω*) на сѣверѣ отъ Дуная, который его ласково принялъ, щедро наградилъ и назначилъ его своимъ намѣстникомъ во вновь прибрѣтенной землѣ, или такъ

мазываемых климатахъ. Описаніемъ возвратнаго пути новаго Русскаго посадника по лѣвому берегу Диѣпра, затѣмъ трудной переправы его черезъ Диѣпръ въ осеннее время и опасной поѣздки въ крѣпость Маврокастронъ на западъ отъ Перекопа, оканчиваются наши драгоценныя отрывки».

«Изъ вышесказаннаго явствуетъ, говорить ак. Куникъ, что записка Таврическаго безъимяннаго, не смотря на ея краткость, должна числиться въ ряду первоклассныхъ источниковъ для древней Русской Исторіи».

«Правда, задняя мысль на счетъ неспособности нашихъ предковъ къ организаціи нѣсколько омрачала это довольство; но за то намъ было такъ покойно за Несторомъ и за Варягами!

«Мы были избавлены отъ труда бороться съ сумракомъ предшествовавшихъ вѣковъ и тамъ искать своего начала».

Хорошо спокойствіе, въ которомъ 150 лѣтъ трудились высокіе умы, великіе ученые. Послѣ такихъ трудовъ хорошо намъ пользоваться ихъ плодами, да и того мы, увы, порядочно еще не сможемъ!

Мы избавились, а вы опять зовете насъ отъ свѣта въ тьму; что въ вашемъ сумракѣ вы не найдете ничего, а потеряете много, и причините себѣ именно тотъ вредъ, въ которомъ обвиняете Норманскую систему, въ этомъ я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, и повторяю, что догматически вы одной страницы не можете написать такой, на которую не посыпалось бы тотчасъ сотни возраженій для васъ безотвѣтныхъ.

За симъ г. Иловайскій говоритъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ, за которыя благодарю его, вспоминаетъ о столкновенияхъ, счастливо мною оконченныхъ, и потомъ упрекаетъ меня въ моей тактикѣ противъ антинорманистовъ, усвоенной якобы въ послѣдніе 10 лѣтъ.

Отвѣтъ на это обвиненіе читателя могутъ прочесть выше въ краткомъ предварительномъ замѣчаніи о разбираемой теперь статьѣ.

«Это обстоятельство (пріятіе антинорманистами лѣтописнаго сказанія о призваніи Варяговъ) давало возможность г. Погодину запутывать своихъ антагонистовъ».

«Но какимъ образомъ употреблять тѣ же пріемы и тотъ же туманъ противъ людей, относящихся упомянутое сказаніе къ области легендъ?»

противъ васъ лѣтописи, составляющей краеугольный камень всей нашей древней исторіи? Вѣдь это дико, не только смѣшно, — и эти слова мои отнюдь не принадлежатъ къ полемическимъ пріемамъ, а выражаютъ

Какую благодарную и почтенную цѣль приписываетъ мнѣ г. Иловайскій! Желалъ бы я спросить его, для какой-же радости сталъ бы запутывать ихъ? 50 лѣтъ минуло послѣ моей первой диссертации, и въ продолженіи ихъ я утверждался все болѣе и болѣе въ сущности мнѣнія, которое получало все новыя и новыя доказательства.

Туманъ принадлежитъ къ вашему «сумраку», а въ моемъ распоряженіи Сѣверное сіяніе! Скажите на милость, спрошу я васъ, призывая въ судіи всѣ факультеты въ Европѣ и Азій, по какому же праву вы требуете, чтобъ я не употреблялъ

только образъ вашего требованія. Два борца вооруженные выходятъ, положимъ, на поединокъ. Можетъ ли одинъ говорить другому: откинь вотъ это коньё—я не признаю за нимъ права употреблять противъ меня. Гдѣ же это видано и слыхано?— *Докажите*, покрайней мѣрѣ, почему вы запрещаете употреблять коньё.

Вы не вѣрите лѣтописи, ну такъ что же говорить съ вами? Какая можетъ быть ученая полемика?

Вы отвергаете сказаніе лѣтописи, а вмѣсто нея какія же съ своей стороны представляете историческія свидѣтельства? Гаданія, вынесенныя изъ борьбы съ сумраномъ? Не прицѣпите опять этихъ вопросовъ къ полемическимъ приемамъ. Они строго съ точностію изображаютъ наше дѣло.

Замѣчу здѣсь кстати «способнымъ», по выраженію Шлецера, «понимать ученныя доказательства», что Русская исторія, кромѣ своихъ иностранныхъ свидѣтельствъ, такъ счастлива, что можетъ быть воспроизведена въ главныхъ чертахъ, даже безъ лѣтописи, хоть изъ Владимірова времени, если кто сумѣетъ допросить это время, какъ Григорьевъ (В. В.) умѣлъ допрашивать древнія кувическія монеты, находимыя на Русской почвѣ.

Такую-то исторію, которая можетъ быть воспроизведена логическимъ путемъ изъ позднѣйшаго, вполне историческаго времени, которая засвидѣтельствована въ иностранныхъ источникахъ совершенно согласно съ логическими выводами, которая, наконецъ, представляется въ яснѣйшихъ чертахъ въ собственной лѣтописи, считать недостоверною, осуждать гуртомъ, и отвергать ея начало, предпочитать этому естественному свѣту искусственный сумракъ, можно только... но я остановлюсь, за трудностію найти вдругъ приличное слово.

Г. Иловайскій мое историческое направлѣніе приписываетъ вліянію Шлецера. Точно — всѣмъ, что я есмь, въ критическомъ смыслѣ, я обязанъ Шлецеру, и въ этомъ отношеніи считаю его своимъ благодѣтелемъ; даже своего старшаго товарища по Университету, Кубарева, который на первомъ студенческомъ курсѣ, мнѣ, восторженному Карамзинимъ, сказалъ: «почитай-ка Шлецера», чувствую себя навсегда обязаннымъ. Я желалъ принять подъ свое руководство въ историческихъ занятіяхъ года на два, на три, человѣкъ пять-шесть молодыхъ людей, и, еслибъ исполнилось тогда мое желаніе, я привелъ бы ихъ къ портрету Шлецера, который виситъ надъ моимъ рабочимъ столомъ, (и висѣлъ въ его собственномъ кабинетѣ, а послѣ его смерти подаренъ мнѣ его сыномъ), заставилъ бы ихъ поклониться, и далъ бы имъ въ руки его Нестора, чтобъ они изучили его и напитались его духомъ. Нужды нѣтъ, что изъ его Нестора вошло все въ общій оборотъ, исправлено и даже опровергнуто, но духъ его вѣетъ изъ его книги, и только прочитавшись его духомъ, можно работать успѣшно. Но я оиять заговорился. Возвратимся къ мнѣнію г. Иловайскаго о Шлецерѣ.

«Ему даже и въ голову не пришло усомниться въ этомъ сказаніи или войти въ научныя разсужденія объ его достовѣрности». с. 113.

Въ томъ-то и дѣло, что Шлецеру, поймите, Шлецеру, не пришло въ голову усомниться, а предъ нимъ вся Европейская Исторія, и въ особенности происхождение государствъ, лежала какъ на ладони, и онъ леталъ своей историческою мыслью по Древнему и Новому свѣту. Онъ видѣлъ Норманновъ по всей Европѣ, онъ видѣлъ Норманновъ въ нашей сторонѣ, на всемъ пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ морями,

ну онъ и не усомнился, что, *такъ или иначе*, они должны были придти сюда.—(Г. Иловайскій, пожалуй, возразитъ: какъ-по всей Европѣ? Вотъ тамъ-то они не были. Какъ, на всемъ пространствѣ —они ходили по одной линіи, *austerweg!*)

За отзывъ о Карамзинѣ можно поблагодарить г. Иловайскаго, что я съ великимъ удовольствіемъ и исполняю. Карамзинъ есть второй ангелъ хранитель Русской Исторіи,—и къ сожалѣнію наша невѣжественная интеллигенція (?), вслѣдъ за достойнымъ своимъ вожакомъ, наимевѣжественнымъ Бѣлинскимъ, относится къ Карамзину съ неуваженіемъ, но я напомню ей, какъ напоминалъ въ 1842 году этому пресловутому ея вожаку, осмѣливавшемуся тогда врать что-то о Русской Исторіи, о которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, слова Чапскаго Репетилу: ты ври, но знай же мѣру.

«Карамзинъ не остановился надъ вопросомъ о началѣ Руси, а взялъ уже готовое его рѣшеніе. Да иначе едва ли могъ и поступить, ибо антинорманизмъ въ наукѣ былъ еще очень слабъ. Отъ Карамзина впрочемъ не укрылись и нѣкоторыя слабыя стороны норманизма. Но онъ желалъ возможно скорѣе покончить съ этимъ начальнымъ сумракомъ и выступить на широкую дорогу историческаго повѣствованія». с. 113.

Нѣтъ, Карамзинъ не взялъ готовое рѣшеніе, а изслѣдовалъ, провѣрилъ, прочелъ все самъ, и вывелъ свое заключеніе, которое я имѣлъ счастье слышать изъ собственныхъ устъ его, декабря 26, 1825 года. Не только такой важной вопросъ, какъ происхожденіе основателей Русскаго государства, но самое мелкое обстоятельство не было оставляемо имъ безъ собственнаго, личнаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ такой удивительный памя-

никъ силы ума, ясности взгляда, и искусства братья за дѣлю, что нельзя ему не удивляться, и это удивленіе будетъ возрастать вмѣстѣ съ Русскимъ образованіемъ. Я знаю, что такое трудъ, и смѣю это утверждать. Потому то дикія выходки о Карамзинѣ такого круглаго въ Русской исторіи невѣжи, какъ Бѣлинскій, съ его послѣдователями, выводятъ меня до сихъ поръ изъ терпѣнія.

II параграфъ г. Иловайскій посвящаетъ мнѣ, выражая сожалѣнія, что я не представилъ опроверженій систематическихъ, и сколько нибудь обстоятельныхъ, хоть на нѣкоторыя изъ его положеній наиболѣе существенныхъ, и въ примѣръ моихъ общихъ соображеній указываетъ на параграфъ, выше напечатанный на с. 274.

с. 115. «Взятыхъ непогнхъ строкахъ заключается довольно много погрѣшностей противъ исторіи. Во первыхъ, Норманны въ VIII и IX вѣкахъ не только не были хозяевами въ Средиземномъ морѣ, но едва начали туда проникать; а тѣмъ болѣе они не нападали на Грецію».

«О X и XI вѣкахъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ наша Русь ясно выступила подъ своимъ именемъ уже въ IX вѣкѣ».

Четыре вѣка указаны вообще, какъ періодъ Норманскихъ набѣговъ въ Европѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ Норманы съ перваго же изъ указанныхъ вѣка были вездѣ: разумѣется, распространеніе ихъ было постепенное.

Очень можетъ быть рѣчь, потому что въ IX вѣкѣ въ нашей странѣ, какъ ближайшей, Норманны могли показаться, а къ X и XI относятся дальнѣйшіе ихъ походы и выселенія.

«А будто Норманны проникли въ устья *всѣхъ* большихъ рѣкъ и селились по *всѣмъ* побережьямъ,—что это такое, какъ не гипербола?»

«Какое намъ дѣло до того, что Норманны показывались на Ферерскихъ островахъ, въ холодной Исландіи и даже въ Сѣверной Америкѣ? (И забудьте, все это было уже послѣ появленія Руси).

«Г. Погодишь спрашиваетъ, съ чѣмъ сообразно, чтобы Норманны оставили въ покоѣ нашу страну? Не только сообразно, отвѣчаемъ мы, но совершенно естественно: такъ какъ наша страна не лежала ни въ Ирландіи, ни въ Исландіи».

была ни въ Ирландіи, ни въ Исландіи». Этого выраженія впрочемъ и понять нельзя.

О Норманнахъ мои слова — есть стереотипное выраженіе во *всѣхъ* учебникахъ, точно какъ о Финикианахъ, что они господствовали когда-то на Средиземномъ морѣ, хотя вѣроятно и не попадали въ тотъ или другой заливъ, не посѣщали ту или другую страну.

Какъ, какое дѣло? Если Норманны въ плаваніяхъ своихъ достигли Исландіи и Америки, то естественное заключеніе, что они плавали гораздо прежде въ наши ближайшія страны.

Если предыдущія возраженія можно назвать дѣтскими, возвращая только выраженіе г. Иловайскаго, то для этого не находимъ мы и имени: какъ сообразнымъ, какъ естественнымъ можно назвать то, что Норманны плавали въ далекую даль, а ближнюю близъ оставили въ покоѣ, потому что близъ была не въ дали: «такъ какъ наша страна

«Стремленіе Норманновъ на западъ вполне согласно съ ходомъ средней исторіи, когда сѣверные и восточные варвары шли на западъ и югъ, гдѣ находили богатую и легкую добычу».

Но вѣдь ближайшій-то, по крайней мѣрѣ, востокъ, ближайшій югъ, развѣ былъ отгороженъ отъ нихъ?

Да въ Грецію-то какъ они попадали?

Примѣры движенія Готскаго и Угрьскаго никакъ не идутъ въ сравненіе съ набѣгами Норманновъ, или я не понимаю мысли г. Иловайскаго.

«По теоріи же г. Погодина выходитъ слѣдующее: такъ какъ Угры громили Германію, Италію, Византійскую имперію, западныхъ и южныхъ Славянъ, то покореніе ими сосѣдней Россіи уже подразумевается само собою».

Нѣтъ этого не выходитъ: племена шли, положимъ, съ востока на западъ, чрезъ цѣныя страны они проходили мимо, (идоша Угры мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угрьское, пришеде къ Диѣпру, и стаха вежами (башнями, г. Костомаровъ?); въ другихъ останавливались, покоряли туземцевъ, поселялись между ними. Норманны на-

бѣгали и возвращались домой, а нѣкоторые выселялись. Но все это логомахія. Главное мое положеніе остается во всей силѣ: Норманны плавали всюду, но дальнимъ морямъ, слѣд. не могли они оставить въ покоѣ ближайшія страны, съ коихъ вѣроятно и начали.

Сенковскій, который знакомъ былъ съ Сѣверомъ не по шапочному, говорятъ: «Скандинавскія сказанія наполнены съ VIII столѣтія извѣстіями о набѣгахъ ихъ на Austerweg и на Біармію, то есть на нынѣшнюю Россію

(Сочиненія Сенк. Т. V, с. 447). «Норвежскій Конунгъ Галдингъ проникалъ Двиною до Полоцка еще до прибытія Руссовъ» (с. 462). «Еще до прибытія Руссовъ, Норманскіе нравы уже не были новостью къ востоку отъ Балтійскаго моря. Довольно вспомнить, что Скандинавы считали законодателя своего богослуженія родившимся на берегахъ Чернаго моря, и безпрестанно отправлялись въ Асгардъ, для поклоненія колыбели своей вѣры. Уже въ VI и VII вѣкахъ вооруженныя толпы ихъ путешествовали въ эту Норманскую Мекку, пробираясь черезъ нынѣшнюю Россію, въ которой по временамъ основывали они свои поселенія и покоряли области. Саги заключаютъ въ себѣ громкое сказаніе о главной и могущественной державѣ, основанной гораздо прежде Рюрика, въ нынѣшней Россіи, однимъ Скандинавскимъ конунгомъ, или княземъ, по имени Эймундомъ (Древнимъ), котораго называютъ они царемъ Гольмгарда и Гардарика, то-есть, Новгорода и всѣхъ западныхъ странъ. Онъ покорилъ своей власти Ливонію, Эстляндію, Ингрію, Новгородъ и другія западныя области, и сдѣлался родоначальникомъ многихъ знаменитыхъ династій Скандинавіи. Датское Королевское Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ, въ предисловіи къ одной изданной имъ сагѣ, о которой скажемъ мы ниже, изясняетъ, что, при пособіи сагъ, можно съ точностію вывести родословную Русскихъ князей (Рюрика съ товарищи) отъ племени этого завоевателя, отъ котораго происходитъ также поколѣніе Датскихъ королей. Въ такомъ случаѣ призваніе Рурика объяснялось бы простымъ закономъ наслѣдства, и исторія Россіи началась бы съ VII вѣка. Притомъ Россія съ весьма давняго времени была цѣлю Норманскихъ набѣговъ, с. 460—462.

«Относительно Норман- Да почему же? Не голо-
скихъ походовъ черезъ Рос- словное ли это возраженіе?

сно въ Константинополь и Хазарію, Норманисты все имѣютъ въ виду слова нашей лѣтописи, о пути изъ Варягъ въ Греки. Но въ первой статьѣ своей мы уже указывали, что слова его надобно относить къ его собственному времени: тутъ разумѣтся XII вѣкъ и никакъ не ранѣе XI».

«Лѣтописецъ наивно описываетъ путешествіе апостола Андрея по тому же пути; по логикѣ норманистовъ выходитъ, что торный путь изъ Варягъ въ Греки существовалъ уже въ I вѣкѣ нашей эры».

«Мы указывали на полную невозможность для Норманновъ ходить изъ Балтійскаго моря въ Черное ранѣе объединенія земель, лежащихъ по этому пути подъ властью Русскихъ князей».

А дзвѣстіе И. Константина принадлежитъ къ какому вѣку? См. еще выше.

Къ какимъ приемамъ отнести эту выходку? Почему же г. Иловайскій, въ сумракѣ, имъ избранномъ для борьбы, не потрудился разыскать прежде, когда сочинена легенда о Св. Андрѣ? Въ то время торный путь былъ, разумѣтся, извѣстенъ.

Но мы не видали этой невозможности. Вспомните, напримѣръ, какъ Норманны плавали вверхъ по Сенѣ къ Парижу, между враждебными населеніями. Вспомните, какъ Константинъ Багрянородный описываетъ плаваніе ихъ по Днѣпру. До Монголовъ весь югъ былъ занятъ кочевьями Половцевъ, и наши князья ходили оберегать гречни-

«Если Норманны въ IX вѣкѣ не плавали по Днѣпру, то говорить объ ихъ походахъ въ Каспійское море значить просто давать волю своей фантазіи».

«Плаваніе по широкому морскому пути въ Исландію, а изъ Исландіи въ Гренландію, было довольно легкимъ дѣломъ въ сравненіи съ рѣчными походами по обширному матеріку, гдѣ надобно бороться и съ огромными волоками, и съ порогами и съ туземными племенами».

«А главное, всѣ эти походы Норманновъ по восточной Европѣ въ IX вѣкѣ, и ранѣе, совершенно гадательны и не подтверждаются ни единымъ историческимъ свидѣтельствомъ, хотя, по словамъ г. Погодина, о нихъ

ковъ. Вспомните рѣчь Мстислава Изяславича, 117.

Въ томъ то и дѣло, что вы должны употребить союзъ *если*. Норманны, Русь, плавали по Днѣпру, такъ свидѣтельствуегъ лѣтопись и подтверждаетъ здравый смыслъ, логическое заключеніе, а касательно походовъ по Каспійскому морю, благоволите обратиться къ новому изслѣдованію академика Дорна.

Плаваніе по широкому пути моремъ въ Исландію, а изъ Исландіи въ Гренландію, было тогда легко въ сравненіи... но нужно ли возражать на такое сравненіе? О какъ тяжело мнѣ пересыпать за такими дѣтскими выходками изъ пустаго въ порожнее! Молодые читатели! оцѣните мое самопожертваніе.

Ужъ не выдумать ли я ихъ! Нѣтъ, см. выше. А главное — я сказалъ, что всѣ лѣтописи Греческія, Арабскія и Русскія полны описаніемъ повсемѣстныхъ Норманскихъ набѣговъ и представляютъ вездѣ со-

свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописи, — Греческія, Русскія и Арабскія».

вершенно одинакіе черты, а г. Иловайскій приписываетъ мою ссылку къ IX вѣку и восточной Европѣ. Къ какимъ приемамъ относится такой образъ дѣйствія? И г. Иловайскій говоритъ безпрестанно о точности, о наукѣ. Нѣтъ, онъ не изъ школы Шлецеровой!

«Г. Погодинъ приводитъ хоть не новое, тѣмъ не менѣе оригинальное соображеніе въ пользу того мнѣнія, что Черноморскіе походы Руссовъ принадлежали Руси Норманской, а не туземной или приднѣпровской. Вотъ это соображеніе: Поляне были племя *тихое и смирное*.

Здѣсь не знаешь, чему удивляться... у Полянъ г. Иловайскій находитъ борьбу съ Готами, Гуннами, Аварами, и даже Древлянами! (Слѣдовательно Древляне не Русь?) Какія же свидѣтельства объ этихъ войнахъ нашелъ г. Иловайскій въ «туманныхъ предшествовавшихъ вѣкахъ»?

Не будемъ говорить объ исторіи Полянъ-Руси въ предшествоващія вѣка, хотя и туманные, однако не совсемъ недоступные людямъ, свободнымъ отъ Норманскаго предрасудка — вѣка, наполненные борьбою съ одноплеменными и иноплеменными народами, каковы Готы, Гунны, Авары, Древляне, Угры и проч.».

Неужели наука потребуетъ возражать на подобные голословныя удивительныя утвержденія? Поляне воевали съ Готами, Гуннами, Уграми!!!

«Уже одно географическое положеніе ихъ было таково, что тихое смирное племя здѣсь давно было бы стерто народными волнами».

с. 116. «Всѣ лѣтописныя извѣстія о поведеніи Полянъ во время борьбы съ Печенѣгами, Половцами и во время княжескихъ споровъ, свидѣтельствуютъ, что это было энергическое, безпокойное и воинственное племя. Прослѣдите внимательно исторію Кіевлянъ отъ человѣческихъ жертвоприношеній Перуну до убіенія Игоря Ольговича».

с. 117. Но г. Погодинъ въ этомъ случаѣ руководствуется извѣстнымъ разглагольствіемъ лѣтописца о томъ, что Поляне «обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыдѣнъя къ снохамъ своимъ» и пр. Здѣсь собственно характеристика брачныхъ и погребальныхъ обрядовъ, и принадлежитъ она не IX вѣку, а XI и XII. Не говоря о явномъ пристрастіи лѣтописца къ Полянамъ сравнительно съ

Да вѣдь не одни Поляне жили на пути всѣхъ восточныхъ движеній на западъ? Здѣсь многія племена, мимо которыхъ и чрезъ которыя пронеслись войны!

Да развѣ о Полянѣхъ говорятъ это лѣтописи? Вѣдь онѣ говорятъ о Руси.

Развѣ Поляне боролись съ Печенѣгами?

Развѣ Поляне боролись съ Половцами?

Что же—въ одновремя вы принимаете лѣтопись и отвергаете?

Здѣсь и г. Иловайскій шутитъ, но неудачно. Руководствуюсь я не свидѣтельствомъ только Нестора о тиxости Полянъ, а общими свидѣтельствами всѣхъ историческихъ памятниковъ объ относительной тиxости всѣхъ Славянъ.

другими племенами и объ ихъ высшей гражданственности. мы думаемъ, что можно имѣть стыдѣніе къ снохамъ и все-таки предпринимать дальніе походы».

«Предвижу напередъ возраженіе норманизма: факты, свидѣтельствующіе объ энергіи и воинственности Полянъ, будутъ отнесены не къ нимъ, а къ насельникамъ Варягамъ, благо въ легендарномъ отдѣлѣ лѣтописи есть какая-то бессмыслица о насельникахъ Варягахъ, хотя эти насельники говорили по-славянски и кланялись Славянскимъ богамъ».

Ну такъ опровергните это возраженіе. Да отдѣлите же легендарный отдѣлъ лѣтописи отъ легендарнаго. По какому праву называете вы бессмыслицею извѣстіе о насельникахъ Варяжскихъ, когда онѣ подтверждаются всѣмъ ходомъ дѣлъ? А что касается до языка насельниковъ, какимъ они говорили, то пусть г. Иловайскій вспомнить, какъ Норманны говорили въ Британіи, въ сѣверной Франціи, въ Италиі.

О Славянскихъ богахъ см. выше.

Я хотѣлъ представить подстрочный разборъ всего разсужденія г. Иловайскаго, но вотъ послѣ восьми страницъ я вижу, что это невозможно, потому что слѣдовало бы написать втрое больше всего разсужденія. Послѣ того, что читатели видѣли сейчасъ о Полянахъ, они могутъ судить, съ какимъ критикомъ они имѣютъ дѣло, и что онъ съ полною наивностью и удовольствіемъ сказать можетъ. Вопросъ выходитъ изъ области научной: это толки XVIII или XVII столѣтія...

Почему нѣтъ въ сагахъ извѣстiя о переселенiи къ намъ Рюрика? Я отвѣчалъ, что это можетъ объясняться случайностью, точно какъ и о поселенiи Роллона въ Нормандiю случайно нашлась сага, безъ которой оно осталось бы неизвѣстнымъ. Можетъ быть и о Рюрикѣ была, или даже и есть сага, до сихъ поръ не найденная. Смыслъ моихъ разсужденiй тотъ, что изъ отсутствiя подобнаго свидѣтельства, указаннаго прежде г. Иловайскаго еще Эверсомъ, не слѣдуетъ отвергать событiя, имѣющаго въ пользу его другаго доказательства.

«...Русь очевидно представляется въ сагахъ великимъ и туземнымъ народомъ, а Русское государство настолько древнимъ, что о его началѣ онѣ ровно ничего не знаютъ?»

Г. Иловайскiй требуетъ, чтобъ И. Константинычъ Вагрянородный представилъ ему извѣстiе о призванiи Рюрика въ Новгородъ, и съ торжествомъ заключаетъ: «одно молчанiе такого свидѣтеля способно уничтожить всю Норманскую систему». Что сказать наукѣ и критикѣ о такомъ восклицанiи?

«Но г. Погодинъ не допускаетъ *argumentum à silentio* тамъ, гдѣ это невыгодно Норманской теорiи. За то очень охотно допускаетъ его тамъ, гдѣ оно хотя немного говоритъ въ ея пользу. Такъ Константинычъ не упоминаетъ о Руси Азовско-Черноморской, и

Не Русь, а Новгородъ, его область, Славянское населенiе, о которомъ см. въ моихъ изслѣдованiяхъ т. V.

Что можно сказать о такомъ разсужденiи? Кѣмъ представляетъ меня г. Иловайскiй? Адвокаты нынѣшнiе могутъ умалчивать объ обстоятельствахъ, невыгодныхъ для ихъ клиентовъ, а мнѣ то что заплатить Норманны за умолчанiе? Какiя свидѣтельства

этого довольног. Погодину, чтобъ отвергать ея ископное существованіе; отсюда у него въ исторіи Русь Тмутараканская появляется также ex abrupto, какъ и всякая другая Русь» с. 118...

Существованіе Руси Тмутараканами подтверждаетъ не одно свидѣтельство», с. 119.

Пропускаемъ разсужденія объ И. Константиѣ и его свидѣніяхъ.

«Г. Погодинъ, столь усердно придерживаясь буквы нашей начальной лѣтописи тамъ, гдѣ она имѣетъ легендарный характеръ,

не затрудняется отвергать ея достовѣрность въ самой достовѣрной ея части — въ договорахъ Олега и Игоря».

объ особой, отдѣльной отъ Кіева, Руси Тмутараканской, нашоу г. Иловайскій?

Тмутаракань, а не особая Русь, является, какъ удѣль, отданный Владиміромъ сыну своему Мстиславу, и получаетъ себѣ князей изъ его рода. Какая же здѣсь особая Русь?

Слова мои, что Перунъ былъ можетъ быть тождественъ съ Торомъ, даютъ г. Иловайскому право сказать, что я не затрудняюсь отвергать договоръ Олега и Игоря, — допускать, что въ лѣтописяхъ оказывается страшный и систематическій подлогъ!

Здѣсь г. Иловайскій признаетъ достовѣрность договора Олега и Игоря — ну такъ одни эти договоры разрушаютъ всю его не систему!

Что сказать тутъ наукѣ и критикѣ, и къ какимъ полемическимъ приемамъ можно

«Право, такого почтеннаго человѣка, какъ г. Погдинъ, мнѣ совѣстно обвинять въ столь произвольномъ обращеніи съ документальными источниками, (каковы договоры), и я это дѣлаю весьма неохотно».

«Кстати норманистамъ не надо забывать того, что указаніе на *Боларскій* переводъ нашихъ договоровъ есть не болѣе, какъ ихъ же собственная догадка, ничѣмъ пока не подтвержденная», с. 120.

«Вотъ *примѣръ* тому, какъ простое предположеніе отъ частаго повторенія получаетъ характеръ факта, и на немъ потомъ строятся новыя предположенія. Такъ постепенно построилась и вся Норманская система».

Смыслъ разсужденій г. Иловайскаго заключается вѣтъ въ чемъ:

«Какъ можно допустить, чтобы Русь еще во времена

причислить подобныя обороты, которые г. Иловайсканчиваетъ вотъ какъ:

Ну это уже слишкомъ! Этого уже ни разбирать, на это ни возражать, ни сердиться, ни смѣяться, невозможно. Развѣ повторить слова г. Иловайскаго: вотъ до какаго соответствія можно договориться, защищая любимую теорію во что бы то ни стало!

Помилюте: на бѣдныхъ Макаровъ шишки валятся: мысль эта принадлежитъ филологамъ — Срезневскому, Бодянскому, и чуть ли не самому Шафарыку.

Говоря словами г. Иловайскаго — *примѣръ* выбранъ неудачный!

Иловайскаго заключается

Славянская письменность сама по себѣ и крещеніе

Фотія имѣла Славянскую письменность, когда уже рѣшено, что эта Русь была **Норманская** и пришла прямо изъ Скандинавіи. (Интересно знать мнѣніе норманистовъ: на какомъ языкѣ получила богослуженіе та Русь, о крещеніи которой извѣщаетъ окружное посланіе 866 года?) с. 121.

121. «Надобно признаться, возраженія г. Погодина ужь слишкомъ несеріозны. Вотъ еще примѣры: по поводу указаннаго мною легендарнаго числа трехъ братьевъ, онъ отвѣчаетъ, что у Адама и Ноя тоже было по три сына; къ чему тутъ примѣшивать предметы религіи?»

Аскольдовой Руси само по себѣ. Письменность для всѣхъ Славянъ начинается **Св. Кирилломъ и Меодіемъ** только около этого времени. Крещеніе Франковъ и всѣхъ Нѣмцевъ, какъ и крещеніе Руси, предполагаетъ тотъ же вопросъ. Были видны какіе нибудь средства, и могло совершаться какое нибудь дѣло, если оно совершилось. Но это вопросъ дѣльный, хоть и не новый, принадлежащій къ тѣмъ вопросамъ, которые критика допускать должна, а рѣшить удовлетворительно никогда не можетъ. Отъ этой затруднительности до права отрицанія далеко.

Поблагодаривъ за снисходительное признаніе, спрошу: къ чему же вы то примѣшиваете религію? Къ какимъ полемическимъ приемамъ надо отнести такое примѣшаніе: неужели это, говоря по нынѣшнему, инсинуація для фельетонистовъ — онъ, де, защищается вотъ чѣмъ? Успокойтесь — примѣры трехбратія взяты съ

исторической стороны, и
объ религiи здѣсь рѣчи
лѣтъ.

«Или: Русь уже потому
не Славяне, говоритъ онъ,
что всѣ Славянскія племена
назывались у насъ во мно-
жественномъ числѣ (По-
ляне, Сѣверяне, Кривичи и
пр.), а чуждыя племена на-
зываются собирательнымъ
именемъ женскаго рода
(Чудь, Ливь, Корсь и пр.).
Въ такомъ случаѣ, отвѣ-
чаемъ мы, Хазары, Пече-
нѣги и пр. суть племена
Славянскія, а Серебъ нашей
лѣтописи должна быть от-
несена къ народамъ не Сла-
вянскимъ».

«Мы указали на то, что
Русью называли себя оби-
татели Приднѣпровья, а
Новгородцы Русью себя не
называли. Г. Погодинъ объ-
ясняетъ это тѣмъ, что «Русь
съ Олегомъ отъ нихъ ушла».

Это замѣчанiе спра-
ведливо: я выразился не
ясно считая себя вправѣ
ожидать пониманiя про-
стаго, безъ придирокъ.

Объ имени Русь, въ фи-
логическомъ отношенiи см.
разсужденiе г. Куника.

Нуда, отъ того, что пред-
ставитель племени, князь,
съ своею дружиною, съ
родомъ своимъ ушелъ, и
центръ тяжести со вла-
стiю перенесся изъ Нова-
города въ Кiевъ, такъ что
лѣтопись даже получила за-
главiе: се повѣсти времен-
ныхъ лѣтъ... откуда есть
пошла Русская земля, ктовъ
Кiевъ нача первѣк княжити, и
откуда Руская земля стала
есть.

«Жаль только, что неяснымъ остается смыслъ самаго призванія Варяговъ: Новгородцы посылали за ними такъ далеко, (чуть ли не въ Мекленбургъ-Шверинскій, судя по нѣкоторымъ намекамъ нашего антагониста); а Варяги только прошли чрезъ Новгородъ, да еще велѣли давать себѣ дань по 300 гривенъ въ годъ. Какую черною неблагодарностію заплатили они довѣрчивымъ Новгородцамъ».

Расправившись со мною, г. Иловайскій обращается къ г. Кунику, «котораго приемы способны поддержать спокойную, логичную полемику»:

«Онъ не забрасываетъ общими мѣстами,

«не увѣряетъ голословно, что наша начальная лѣтопись безупречна»,

Остроту г. Иловайскаго понять здѣсь очень трудно, и связь мыслей неуловима: Новгородцы призвали Варяговъ, а Варяги заставили ихъ платить по 300 гривенъ въ годъ!! Ну да вѣдь призванные Варяги у Новгородцевъ и остались, а дань въ 300 гривенъ мира деля давалась *другимъ* Варягамъ, о которыхъ мнѣнія различны, а мое см. въ изслѣдованіяхъ, т. III, с. 82 и проч. Какихъ еще Варяговъ, «прошедшихъ чрезъ Новгородъ», «велѣвшихъ давать себѣ указанную дань, сочиняетъ г. Иловайскій, это лежитъ уже на его совѣсти.

Укажите мнѣ мои общія мѣста, а если вы частныя мѣста называете общими, то чѣмъ же я виноватъ?

Къ какихъ полемическимъ приемамъ отнести такую напраслицу? То ли, такъ ли говорилъ я? Достоверна вообще, заключаетъ драгоценныя вѣрныя

извѣстія, но не вообще безупречна: я указывалъ многія сказки и т. д.

«или, что Русь въ Арабскихъ извѣстіяхъ суть Норманны», и т. п.

Могъ бы я представить десятки писемъ ко мнѣ г. Куника съ этимъ утвержденіемъ, но не представляю теперь, потому что выходитъ цѣлая книга его вмѣстѣ съ Академ. Дорномъ объ этомъ предметѣ. Въ Руси Арабской видѣли Нормановъ такіе знатоки сѣвера и востока, какъ Кругъ и Френъ.

... Нельзя не отдать справедливости его добросовѣстному отношенію къ дѣлу.

Ужъ не на пенсіи ли я нахожусь упокойныхъ Норманновъ, и не завѣщали-ль они мнѣ малой толики изъ Кіевскихъ гривенъ? Умило-сердитесь, г. Иловайскій, вы, который, относились ко мнѣ, какъ изслѣдователю, всегда съ такою любезностію. Укажите мнѣ мою недобросовѣстность!

(Впрочемъ г. Иловайскій оговаривается):

«Мы собственно не понимаемъ умѣренного норманизма. Что нибудь одно: или Русь пришлое Норманское племя, или она туземный народъ: середины тутъ

Вотъ середина: Русь пришла и поселилась среди Славянскихъ племенъ.

Ока и Волга были двѣ рѣки, но Ока впала въ Волгу, и изъ двухъ рѣкъ составила одна. Сухона и Югъ составили Двину.

не можетъ быть», с. 122. Капля вина разошлась въ стаканѣ воды, или, если примѣръ покажется намъ мелкимъ: ведро вина въ сороковой бочкѣ воды.

Вотъ чего не можете вы разумѣть, г. Иловайскій, и, имѣя въ умѣ отдѣльно нашу Русь и нашихъ Славянъ путаетесь въ своихъ понятіяхъ, и находите затрудненія, гдѣ ихъ нѣтъ.

По предвзятой имъ идеѣ Русь есть исконное имя Славянъ, а на это-то нѣтъ никакого свидѣтельства, и всѣ противъ; нѣтъ никакого повода и заключенія, и всѣ противъ. Всѣ Славянскія наши племена имѣютъ свои имена, и имѣютъ въ лѣтописи одно общее имя Славяне. По г. Иловайскому вышло бы, что онѣ имѣли два общихъ имени: Славяне и Русь! Вѣдь это non-sens.

«Норманская система построена такъ искусственно, что нельзя тронуть никакой и самой малой ея части, тотчасъ все зданіе разсыплется».

«Сказаніе о Варягахъ самъ норманизмъ признаетъ почерпнутымъ изъ народнаго преданія».

Нѣтъ: Норманская система такъ естественна, изъ такихъ твердыхъ камней, взаимно себя поддерживающихъ, составлена, что ее никакими умничаньями поколебать нельзя въ главныхъ ея основахъ, а мелочи, частности, могутъ быть исключаемы, дополняемы, поясняемы.

Я не помню ни за себя, ни за кого изъ своей братьи норманистовъ, чтобъ кто нибудь говорилъ это прямо или безусловно, исключительно.

«Но какое же народное предание способно сохранить хронологическія числа в теченіи цѣлыхъ столѣтій».

с. 122. «Однако попробуйте отнять хронологию до 912 года, то-есть до смерти Олега, (тѣмъ болѣе что эти числовыя данныя не сходятся съ росписью княжений, поставленною въ началѣ лѣтописи). Положимъ, чтобъ объяснить Русь Бертинскихъ лѣтописей (839 годъ), надобно подвинуть призваніе на 30 лѣтъ ранѣе, то-есть отнести его къ 832 году; но что же тогда произойдетъ съ главными дѣйствующими лицами? Рюрику при смерти было бы не менѣе 75 лѣтъ, и однако онъ оставилъ малолѣтняго сына. Олегъ, пришедшій съ Рюрикомъ изъ Скандинавіи, скончался бы столѣтнимъ старцемъ?»!!!

часть: тогда вѣроятность событій пострадаетъ окончательно! За снмъ на цѣлой страницѣ г. Иловайскій потѣшается надъ сочиненной имъ хронологіей, и придумываетъ, что «норманистамъ надобно отодвинуть

На это буду отвѣчать словами самого Г. Иловайскаго, сказанными чрезъ нѣсколько страницъ, см. ниже.

Къ какимъ полемическимъ приемамъ, повторяю еще разъ, можно причислить это разсужденіе?

Русь Бертинскихъ лѣтописей развѣ относится къ нашей Руси? Кто соединялъ ихъ? Изъ Бертинскихъ лѣтописей берется только доказательство, что имя Руси на сѣверѣ было извѣстно прежде, въ 839 г., нѣта Русь принадлежала, по изслѣдованію Франковъ, къ роду Свеоновъ.

Кто и что васъ заставляетъ призваніе Рюрика отнести къ 839 году? Относя произвольно и безответно призваніе къ 839 году, г. Иловайскій оставляетъ смерть Рюрика въ 879 году, и такъ насчитываетъ ему 75 лѣтъ, а Олегу сто, и наконецъ, послѣ еще подобныхъ разсчетовъ, заклю-

пришествіе Рюрика на сто лѣтъ, но тогда Игорь будетъ не сынъ Рюрика: между ними придется предположить цѣлой рядъ князей; Аскольдъ и Диръ, какъ товарищи Рюрика, сдѣлаются невозможными, если имъ оставить предводительство Русью подъ Константинополемъ въ 885 году». Какъ назвать все это иначе, какъ не ребяческою логомахіей. Чувствую, что начинаю сердиться, но терпѣнья не достало при разборѣ всѣхъ этихъ странностей, хоть и выраженныхъ какъ будто синтаксически; съ притязаніями на науку, на критику, на «серьезность»!

Шлецеръ сомнѣвался о принадлежности Аскольдова похода Кіевской Руси отнюдь не по хронологическимъ причинамъ, а воспоминаніе о столбнякѣ, (выраженіе мною можетъ быть худо-употребленное, о недоумѣніи Шлецера), къ какимъ пріемамъ надобно отнести? Столбнякомъ я назвалъ минутное ослѣпленіе, такъ и ослѣпленіе г. Иловайскаго я считалъ острою болѣзнію, но теперь, къ сожалѣнію, вижу, что она хроническая.

Что дѣлаеть г. Иловайскій съ свидѣтельствомъ Бертинскихъ лѣтописей, уму непостижимо. Мы должны привести его здѣсь вполнѣ для ясности: Греческій Императоръ Θεοφιλъ послалъ къ западному Императору Людовику Благочестивому, въ 839 г. пословъ, и съ послами, людей, называвшихъ себя Rhos, приходившихъ къ нему (къ Греческому Императору) для заключенія дружбы отъ царя своего, Сhаsипus vocabulo. Греческій Императоръ просилъ Людовика дать этимъ людямъ Rhos средства воротиться въ свое отечество, поелику путь, которымъ пришли они къ нему въ Константинополь, лежалъ чрезъ мѣста, обитаемыя народомъ жестокимъ и варварскимъ, почему и не хотѣлъ бы онъ, чтобы тѣ люди возвращались онымъ путемъ за сею опасностію. Императоръ прілежно испытывая сихъ людей, открылъ,

что они изъ Свеоновъ». (Misit cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae... causa direxerat, petens... quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent; quoniam itinera per qua ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent redire noluit. Quorum adventus causam Imperator diligentius investigans, comperit eos gentis esse Sveonum.

О какомъ племени, Rhos, идетъ здѣсь рѣчь? О сѣверномъ. Доказательство: люди пришли въ Константинополь съ сѣвера, ибо, не желая возвращаться тою же дорогою, они просили Греческаго Императора, а тотъ Западнаго, на Рейнѣ, чтобъ онъ далъ имъ средства воротиться домой кругомъ. По изслѣдованію эти люди оказались принадлежащими къ роду Свеоновъ. Съ чѣмъ же сообразно, чтобъ эти сѣверные люди, изъ рода Свеоновъ, называли царя своего Хаканомъ, въ нарицательномъ смыслѣ? Да и къ чему же имъ было говорить, что царь, basilevs, rex, на ихъ языкѣ называется хаканомъ? Къ чему была бы эта филологическая вставка? Не довольно ли было имъ сказать, что ихъ царь прислалъ ихъ къ Императору съ дружественными предложеніями и проч.

Положимъ даже, что это было такъ: какая же отсюда польза антинорманстамъ, что сѣверное племя Rhos называло царя своего нарицательнымъ именемъ хаканъ? Ровно никакой. Къ вопросу о происхожденіи Руси это не относилось бы нисколько.

А въ объясненіе можно бы еще сказать и то, что эти сѣверные люди, Rhos, проходя съ сѣвера въ Константинополь, слышали вездѣ на югѣ, подвластномъ тогда Козарамъ, что царь называется у нихъ хаканомъ, и предполагая это нарицательное имя болѣе извѣстнымъ

въ Константинополѣ, чѣмъ ихъ туземное, напримѣръ Копунгъ, перевели его словомъ хакавъ. (Не помню дѣлалъ ли я, или кто нибудь, это замѣчаніе прежде).

Я говорю—можно бы, но по моему вовсе не нужно, и я стою на томъ, отвѣчая «просто», но какъ читатели видятъ не «голословно», что Схасипиу *vesabulo*, значить: царь ихъ, по имени Гакавъ, ибо странно было бы, чтобъ эти люди, правя посольство отъ своего государя къ Императору Теофилу, *не называли его по имени!* Вотъ новое соображеніе, которое въ эту минуту приходитъ мнѣ въ голову.

А уже какъ радуется, какъ тѣшится г. Иловайскій надъ именемъ хакана:

«Если допустить, что въ 839 году, въ Южной Россіи существовалъ народъ Русь, управляемый Хаканами, то Норманская теорія должна быть упразднена» с. 124.

Да какъ же допустить-то существованіе народа Русь въ Южной Россіи, если они изъ Константинополя посылаются на Рейнъ, чтобъ западный Императоръ далъ имъ средства воротиться домой, а по прежней дорогѣ, т. е. по Южной Россіи, они воротиться боятся? Гдѣ же вы видите Южную Русь? Какова критика, какова наука, какова сообразительность!

с. 126. О выраженіи слишкомъ общемъ: земля наша велика и обильна, см. выше с. 296.

Игривое разсужденіе о Вильгельмѣ Телѣ можно оставить безъ большого вреда для рѣшенія вопроса.

127 ...«И такъ чѣмъ болѣе мы сличаемъ сказанія, поставленныя въ началѣ

Все это одинъ слова,—а что сказать объ изобрѣтеніи неисторическаго пути,

исторіи каждаго народа, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что это факты не историческіе, а литературные, и что у насъ было тоже самое, не смотря на увѣренія г. Погодина, будто наша исторія шла какимъ-то инымъ путемъ неисторическимъ».

миѣ приписаннаго? Кто можетъ сказать, что какой бы то ни было народъ шель путемъ неисторическимъ? Всѣ пути—историческіе, но различныя: вотъ этого-то и не понимаетъ г. Иловайскій. Если путь представляется ему инымъ, не похожимъ на другіе ему извѣстныя, то онъ его и отвергаетъ голословно!

с. 127. «Онъ (т. е. г. Погодинъ) спрашиваетъ: что легендарнаго нашелъ я въ извѣстіи о призваніи Варяго-руссовъ? «Оно написано такъ просто, кратко, ясно?» Правда, написано коротко и ясно. Но потому-то и не имѣетъ никакого вѣроятія. Въ басняхъ все совершается очень просто, и всѣ препятствія обращаются ни во что».

Здѣсь только игра словъ, принадлежащая тоже къ особымъ полемическимъ приемамъ,—игра словъ, которую можно оборотить противъ автора, утверждающаго, де, что написанное коротко и ясно... потому-то и не имѣетъ никакого вѣроятія и проч.

Довольно подстрочныхъ замѣчаній: по представленнымъ читателю могутъ судить и о послѣдующихъ: также безотчетность, односторонность, незнакомство съ подробностями исторической литературы.

Въ параграфѣ IV г. Иловайскій отрекается отъ положенія недостовѣрности нашей лѣтописи, и говоритъ:

«Что у него вопросъ идетъ только о нѣкоторыхъ на-

Что же это за достовѣрность, допускаемая г. Ило-

чальныхъ ея извѣстіяхъ, каковы, — мнимая Федерация Славянъ и Чуди, баснословное призваніе Рюрика съ братьями изъ-за моря, баснословный переходъ князей изъ Новагорода въ Кіевъ, и тому подобные рассказы, не засвидѣтельствованные ни Фотіемъ, ни кѣмъ либо другимъ» с. 128.

вайскимъ, при которой одна часть поемлется, а другая въ томъ же событіи отмечается: походъ Руси подъ Царьградъ принимается, а имя Аскольда и Дира отвергается? Олеговъ договоръ принимается, а Русскій пришлый родъ его отвергается, и проч.

Походы Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава, Володимера и Ярослава, тѣсно связаны между собою;

помощь Аскольду и Диру, Олегу, Игорю, Володимеру, Ярославу одна и таже, подается одними и тѣми же Варягами изъ-за моря: какъ же раздѣлять ихъ? Олегъ говоритъ Аскольду и Диру: придите къ намъ, къ родомъ своимъ. А Русская лѣтопись свидѣтельствуетъ въ то же время: отъ Варягъ прозвашася Русью, и въ договорѣ являются посланцы Олеговы, вотъ съ какими именами: Карлъ, Фарлофъ, Вельмудъ, Рулавъ, Стемидъ! Какъ отдѣлить эти Норманскія имена отъ событій, въ которыхъ явенъ характеръ сѣвернаго, приморскаго племени, и событія отъ извѣстій нашей лѣтописи, совершенно согласныхъ съ ходомъ дѣлъ и съ иностранными источниками? Одному вѣрить, другихъ отвергать?

Вы называете приходъ князей, то есть Аскольда и Дира, Олега, изъ Новагорода въ Кіевъ, засвидѣтельствованный лѣтописью, баснословнымъ, а принадлежность ихъ отъ рожденія Кіеву, вами самими, вопреки источникамъ, придуманная, вы выдаете за истину, и требуете, чтобъ мы вѣрили вамъ на слово?

Лѣтопись говоритъ, что Олегъ пришелъ въ Кіевъ изъ Новагорода, и въ ея хронологическомъ введеніи ска-

зано: отъ перваго лѣта Олегова, понеже сѣде въ Кіевѣ, а вы думаете и утверждаете, что Олегъ не приходилъ, а былъ туземный въ Кіевѣ человекъ,—но на какомъ же основаніи?

(А г. Костомаровъ утверждаетъ по Длугошу, на оборотъ).

И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, г. Иловайскій отвергаетъ «подобные баснословные рассказы, не засвидѣтельствованные Фотіемъ, или кѣмъ либо другимъ». Къ чему же тутъ Фотій, отъ котораго никакихъ свидѣтельствъ и требовать нельзя, потому что онъ говорилъ только проповѣдь о Руси, осаждавшей городъ, и потомъ разослалъ извѣстительную грамоту объ ихъ обращеніи.

Далѣе г. Погодинъ приписываетъ мнѣ положеніе: лѣтопись наша сочинена въ XIII или даже въ XIV вѣкѣ, и снова побѣдоносно его отвергаетъ. — ...Но позвольте, у меня совсѣмъ не сказано, будто лѣтопись сочинена въ XIII или въ XIV вѣкѣ. У меня говорится о лѣтописныхъ сводахъ и рукописяхъ. Я говорилъ, что мы не имѣемъ ни одного лѣтописнаго сборника, въ рукописи, которая была бы ранѣе второй половины XIV вѣка, и это всѣми признано».

«О сводахъ говорится, что начальная, или такъ назы-

Развѣ это мнѣніе? Развѣ объ этомъ можно говорить? Нѣтъ рукописей ранѣе 2 половины XIV вѣка. Въдѣ это все равно, что сказать: Москва стоитъ на Москвѣ рѣкѣ. Вотъ такія утвержденія можно назвать въ шутку «побѣдоносными».

Лѣтопись вы признаете древнею, а ея такія-то извѣстія новыми: вотъ какое сочиненіе у меня разумѣлось!

Такое же побѣдоносное мнѣніе, которое можете

ваемая Несторова лѣтопись, въ первобытномъ своемъ видѣ до насъ не дошла, и это признано большинствомъ ученыхъ».

«Я прибавилъ только, что легенда о призваніи князей, по всей вѣроятности, происхожденія Новгородскаго, и въ настоящемъ своемъ видѣ внесена въ тотъ лѣтописный сводъ, который былъ составленъ «не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка».

И это положеніе голословно отвергнуть нельзя», с. 129.

«Разность моего мнѣнія отъ мнѣнія большинства ученыхъ, работавшихъ надъ лѣтописями, заключается въ томъ, что я не отдѣляю Несторовой или Сильвестровой лѣтописи (*Повѣсти временныхъ лѣтъ*) вообще отъ южно-русскаго свода; то-есть признаю ее неотъемлемою частию того Киевскаго свода, который кончается XII вѣкомъ и дошелъ

найти въ 20 мѣстахъ моихъ изслѣдованій. Не объ этихъ утвержденіяхъ вашихъ идетъ рѣчь, а вотъ о слѣдующемъ:

Вотъ въ этомъ-то и дѣло, вотъ въ мнѣніи, что призваніе князей внесено въ сводъ, составленный «не ранѣе 2 половины XII, или первой XIII вѣка», и заключается вся произвольность, безотчетность, несообразность, доказывающая, что авторъ имѣетъ смутное понятіе о лѣтописяхъ, спискахъ и сводахъ.

А утвердить голословно можно?

Здѣсь-то и есть основы вашихъ заблужденій. Поймите вотъ что: во всѣхъ спискахъ, во всѣхъ редакціяхъ, во всѣхъ сборникахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ мѣстныхъ, начало, до 1110 года, одно, сокращаемое, а послѣ 1110 года вездѣ встрѣчается разногласіе: отсюда заключеніе естественное, что это начало, до 1110 года, разо-

до насъ преимущественно въ такъ называемомъ Ипатьевскомъ спискѣ. Однимъ словомъ, редакцію *Повѣсти временныхъ лѣтъ* я передвигаю отъ начала XII на конецъ XII или начало XIII вѣка».

шлось около этого времени повсюду, переписывалось, сокращалось, распространялось и продолжалось въ Кіевѣ, Суздаль, Новгородѣ, Переяславлѣ, Псковѣ, Твери. Этого явленія не могло бы быть, еслибъ лѣтопись первоначальная, послужившая источникомъ и началомъ для всѣхъ прочихъ, была длиннѣе и доходила до 1200 года.

Предлагая положеніе, что редакція начальной лѣтописи принадлежитъ къ концу XII вѣка, г. Иловайскій дѣлаетъ оговорку, что не придаетъ ему значенія, касательно вопроса о происхожденіи Руси и обращается опять къ существу дѣла.

Мы видимъ явственно, что были въ одно время многіе лѣтописатели въ разныхъ мѣстахъ до 1200 года: какимъ же образомъ допустить, чтобъ у нихъ была Кіевская лѣтопись изъ начала XIII вѣка? Это просто *pop-sens*. Какъ можно не раздѣлять ее, когда она сама представляетъ свои составныя части.

Объяснимся подробнѣе. «Я не отдѣляю»,—вотъ въ этомъ-то выраженіи и обнаруживается недостаточное знакомство г. Иловайскаго съ лѣтописями. Онъ перечелъ ихъ можетъ быть по пяти разъ, а я по пятидесяти,—нѣтъ, больше! Понимающіе дѣло могутъ подтвердить такое странное заявленіе: сколько разъ должно мнѣ было перечестъ лѣтописи, чтобъ составить мой формулярный списокъ удѣльныхъ князей? Сколько разъ для того, чтобъ выбрать всѣ собственныя имена городовъ, селъ, урочищъ, для составленія хронологическаго-географическаго словаря? Сколько разъ для того, чтобъ сравнить хроно-

логическія показанія и отыскать, гдѣ одна лѣтопись уходитъ, а другая отстаеъ; чтобъ составить хронологическій указатель событій по всѣмъ лѣтописямъ, (часть его напечатана въ запискахъ Академіи, Андреево время въ особой книжкѣ); чтобъ отыскать вставочныя извѣстія изъ одной лѣтописи въ другую? Сколько разъ, чтобъ выбрать имена мужей и отроковъ? И потому я смѣю сказать, что знаю коротко начальную лѣтопись, и лѣтописи Кіевскую, Суздальскую, Новгородскую. О нихъ могу говорить положительно, и мнѣ смѣшны, досадны бываютъ толки людей, которые берутся, хоть не сразу, (а были и такіе), а съ нѣсколькихъ разъ рѣшать дѣло.

О Воскресенскомъ спискѣ, о Софійскомъ, о Никоновскомъ сборникѣ, хоть я знаю ихъ, что касается до древняго времени, порядочно, но не посмѣю говорить такъ смѣло, какъ о вышеупомянутыхъ.

Вотъ объ нихъ-то я, мимо празднословныхъ разсужденій гг. Костомарова и Иловайскаго, скажу, или повторю здѣсь, для вразумленія читателей, сказанное во многихъ мѣстахъ и при многихъ разныхъ случаяхъ. — съ нѣкоторыми прибавленіями и поясненіями.

Лѣтописи: Кіевская, Суздальская, Новгородская, до начала XIII столѣтія, не представляютъ никакихъ затрудненій: онѣ писаны по мѣстамъ, изъ года въ годъ, и составляютъ особыя цѣлыя, отнюдь не сборники. Лѣтописателя по три имѣла каждая. Кіевская, судя по извѣстіямъ, въ 1123, 1151, 1161, 1171, 1187, 1199, имѣла трехъ лѣтописателей; Суздальская (1174, 1176, 1180, 1185, 1207, 1220, 1227, 1229, 30, 31, 37); Новгородская (1067, 69, 96, 1105, 1117, 1136, 1144, 1156, 61, 83). Дошли онѣ до насъ не въ полномъ видѣ, а съ пропусками, потому что въ Кіевской, напримѣръ, лѣтописи мы находимъ нѣсколько такихъ извѣстій Суздальскихъ, какихъ нѣтъ въ Суздальской, и въ

Суздальской, Новгородской находимъ такія извѣстія Кіевскія, какихъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи.

Лѣтопись по Воскресенскому списку,—вотъ это есть уже сборникъ, или лучше редація: редакторъ имѣлъ подъ руками не тѣ списки, которые дошли до насъ, ибо заключаетъ нѣсколько такихъ извѣстій, какихъ они не имѣютъ.

Разобрать ихъ легко, точно какъ подобныя въ Никоповскомъ сборникѣ, и у Татищева, но начало лѣтописей, то-есть Нестора, (а по голословному утвержденію гг. Костомарова и Иловайскаго, Сильвестра) представляетъ нѣкоторыя затрудненія, которыя разрѣшаются ими слишкомъ опрометчиво и легкомысленно. Объ этомъ говорено у меня много въ изслѣдованіяхъ, куда и отсылаю охотниковъ.

Изъ числа этихъ затрудненій, нѣкоторыя изъ указанныхъ г. Иловайскимъ, с. 131, заслуживаютъ вниманія, а другія явно ничего не значатъ, папрямѣръ 3.

« Поученіе Мономаха , смѣшанное подъ 1096 годомъ съ посланіемъ къ Олегу, и вообще едва ли существовавшее тогда, когда Сильвестръ писалъ лѣтопись ».

Поученіе, вставленное въ средину разсказа совершенно о другихъ предметахъ, явно указываетъ на ошибку писца, который или перемѣшалъ листы своего подлинника, или сталъ списывать особое сочиненіе, ему данное для переписанія, на томъ мѣстѣ въ своемъ списокѣ, гдѣ предъ тѣмъ остановился. Во всякомъ случаѣ эта случайная нелѣпость принадлежитъ писцу, а не составителю. Въ первоначальной лѣтописи, кому бы ни принадлежала она, поученія не было, слѣдовательно и затрудняться

или брать въ расчетъ помѣщеніе поученія подь 1096 г. нечего. Въ этомъ году поученія и не существовало.

4. «Разсказъ о крещеніи Владимира уже такъ далеко отстоялъ отъ самаго событія, что въ его время существовали различныя мнѣнія о томъ, въ какомъ городѣ крестился Владимир».

Черезъ 150 слишкомъ лѣтъ не мудрено оказаться разнымъ слухамъ, которые можетъ быть имѣли и основанія. Такъ напримѣръ, лѣтопись сама рассказываетъ, что Ольга крестилась въ Константинополь, а между тѣмъ у нея былъ уже священникъ Григорій (котораго, вспомнимъ кстати, покойный князь Оболенскій считалъ родоначальникомъ нашихъ лѣтописей).

5. «Въ разсказѣ о посольствѣ разныхъ народовъ къ Владимиру съ предложеніемъ вѣры, Жиды Козарскіе говорятъ, что Богъ разгнѣвался на ихъ отцовъ, расточилъ ихъ, а Иерусалимъ и землю ихъ отдалъ христіанамъ. Это могло бытъ написано только во время Иерусалимскаго королевства, и, судя по тону разсказа, не въ началѣ его существованія; а оно только что сложилось въ началѣ XII вѣка».

Въ тысяча сотыхъ годахъ взятіе Иерусалима христіанами могло бытъ извѣстно въ Кіевѣ, и въ сказаніе могло попасть ихъ имя.

Это замѣчаніе г. Шловайскаго дѣльное, и изъ него мы дѣлаемъ заключеніе, что сказаніе о принятіи христіанской вѣры Владимиромъ несовременное, а сочинено послѣ 1099 года.

Вслѣдствіе сомнѣнія касательно вѣка, («подновленный языкъ» указываетъ де, на позднѣйшую редакцію)

можно, пожалуй, всё летописи приписать одному лицу: чѣмъ языкъ, напримѣръ, летописи Суздальской отличается отъ летописи Кіевской? Следовательно это предположеніе не выдерживаетъ критики.

Не говорю уже о множествѣ вопросовъ, возникающихъ по существу дѣла. Напримѣръ: А когда сочинена въ Новгородѣ легенда о Рюрикѣ и призваніи Варяговъ? Если она сочинена въ концѣ XII вѣка, какъ полагаетъ г. Иловайскій, с. 137, то какъ же и когда она могла попасть къ летописателю Кіевскому, также начала XIII вѣка? Следовательно въ Сильвестровскомъ или Несторовомъ сборникѣ ея не было? Какъ же тамъ Игорь и Олегъ попали безъ Рюрика?

Какъ же эти сказанія конца XII и начала XIII вѣка попали въ сборники всѣхъ временъ? Нечего говорить, что первые 40 листовъ списка Лаврентьевскаго принадлежатъ не ему, не къ XIV вѣку, а развѣ къ XII, или по крайней мѣрѣ XIII. И по сопоставленіи всѣхъ этихъ мнѣній и догадокъ выходитъ такая путаница, которую можно только перенести въ историческую какографію, вмѣстѣ съ парадоксами гг. А, Б, В и проч.

«Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ ученыхъ работахъ, которыя, вопреки мнѣнію г. Погодина, постепенно и неоспоримо доказали, что приписывать Нестору всю нашу начальную летопись до 1110 года, есть плодъ недоразумѣній (такой же старый предразсудокъ, какимъ мы считаемъ призваніе Варяговъ).

Да гдѣ же эти доказательства?

Вы ссылаетесь на г. Бестужева? Онъ говоритъ то, что выше сказалъ я, что сказалъ еще за 50 лѣтъ: «Самымъ важнымъ доказательствомъ о редакціи (въ началѣ XII вѣка) можно считать то, что около этого времени начинаются замѣчательныя разногласія въ

редакціи лѣтописныхъ сборниковъ, свидѣтельствующія о томъ, что съ тѣхъ поръ каждая редакція уже представляетъ собою особый сводъ изъ сводовъ. Согласіе между собою въ общихъ чертахъ всѣхъ списковъ до этой грани служить лучшимъ свидѣтельствомъ того, что у нихъ составителей было въ рукахъ *одно первоначальное произведеніе*; хотя въ различныхъ спискахъ, с. 24. Бестужева.

Онъ даже предположительно думаетъ, что сводъ былъ и въ XI вѣкѣ.

Мы прибавимъ только: если и былъ, то оставался на мѣстѣ, ибо по мѣстамъ пошелъ уже сводъ начала XII вѣка. Вы ссылаетесь на г. Бестужева: ну прочтите въ его обозрѣніи Кіевской лѣтописи ея составъ, и вы увидите, что нельзя искать его цѣльности съ первоначальной лѣтописью.

Но вотъ что всего удивительнѣе должно представиться читателю: г. Иловайскій не отдѣляетъ, какъ мы видѣли, лѣтопись Несторову или Сильвестрову вообще отъ Южно-Русскаго свода, то-есть, повторимъ его слова, признаетъ ее неотъемлемою частію того Кіевского свода, который кончается XII вѣкомъ и дошелъ до насъ преимущественно въ Ипатьевскомъ спискѣ. Однимъ словомъ редакцію повѣсти временныхъ лѣтъ, говоритъ онъ, какъ мы слышали, я передвигаю отъ начала XII на конецъ XII или начало XIII вѣка».

Далѣе въ томъ же смыслѣ онъ говоритъ: «Мы предпочитаемъ мнѣніе гг. Срезневскаго и Костомарова, что этотъ лѣтописный сводъ, оканчивающійся 1110 годомъ, принадлежитъ Сильвестру игумену... о чемъ онъ самъ заявилъ (?) извѣстною припискою. Но и этотъ сводъ не дошелъ» и проч.

Эти положенія повторяетъ г. Иловайскій нѣсколько разъ: «Характеръ нѣкоторой цѣльности (опять-таки за

исключеніемъ позднѣйшихъ искаженій и сокращеній) мы признаемъ только за всѣмъ Кіевскимъ сводомъ, вмѣстѣ взятымъ, и не дробимъ его на двѣ части: до и послѣ 1110 года. Сильвестрова приписка сохранилась здѣсь случайно, и притомъ только въ нѣкоторыхъ спискахъ».

—...«Кіевскій сводъ конечно составленъ въ то время, на которомъ онъ останавливается, то есть въ концѣ XII, или въ началѣ XIII».

За симъ слѣдуетъ изложеніе догадки, что этотъ цѣлый, не дробимый сводъ не составленъ ли архимандритомъ того же Выдубицкаго монастыря, котораго игумену Сильвестру принадлежитъ и первый сводъ? И такъ весь этотъ лѣтописный сводъ не получить ли въ нашихъ глазахъ характеръ нѣкоторой цѣлости и нѣкотораго литературнаго построенія? Такъ какъ повѣствованіе о Русскихъ князьяхъ начинается Рюрикомъ и кончается также Рюрикомъ (!). Другими словами: насколько такое совпаденіе есть дѣло простаго случая? Или: имѣемъ ли право предположить, что Выдубицкій монастырь поусердствовалъ своему благодѣтелю, выдвигая (!) въ лѣтописи на передній планъ Новгородскій домыселъ (!) о призваніи Варяговъ, украшенный (!) именемъ его благодѣтеля».

Не стану останавливаться на той хитрой мысли, что Выдубицкій архимандритъ хотѣлъ польстить благодѣтелю своего монастыря, В. К. Рюрику Ростиславичу Кіевскому, тѣмъ, что выдвинулъ на первый планъ Новгородскій вымыселъ о призваніи Варяговъ съ именемъ Рюрика—Рюрика, о которомъ ни одинаго слова нѣтъ въ лѣтописяхъ въ его славу. Какъ же могъ польстить почтенный архимандритъ такимъ то нкимъ сопоставленіемъ своему патрону? Да и самъ-то Рюрикъ, покрывшій позоромъ свое имя разореніемъ окончательнымъ Кіева въ 1202 г. съ Половцами, (при чемъ вѣроятно

досталось и Выдубицкому монастырю), какъ могъ внушить почтенному архимандриту желаніе только похвалить и похвалить, если тотъ составлялъ свою лѣтопись послѣ 1202 г.?

Но не объ томъ рѣчь, а рѣчь вотъ объ чемъ:

Г. Иловайскій считаетъ этотъ сводъ сдѣланнымъ и по началу, и по концу, въ *Кіевѣ*. А въ первой своей статьѣ онъ приписываетъ его *Новгороду*: «Лѣтописный сводъ, или, какъ его удачно называютъ, лѣтописная мозаика дошла до насъ въ спискахъ, которые не восходятъ ранѣе второй половины XIV вѣка; отъ Кіевского періода не сохранилось рукописи ни одного лѣтописнаго сборника. Своды, дошедшіе до насъ и заключающіе начало нашей исторіи, принадлежатъ собственно Руси Сѣверной, то есть Новгородско-Суздальской, а не Южной, и притомъ относятся къ тому времени, когда лѣтописная дѣятельность въ Кіевѣ уже прекратилась. Возстановить по нимъ начальную редакцію почти такъ же трудно, какъ по былинамъ Владимірова цикла возстановить картину Кіевской Руси и придворно-княжескаго или дружиннаго быта времени историческаго Владиміра: ибо эти былины точно такъ же дошли до насъ при посредствѣ сѣверной обработки и сѣверной передачи; онѣ окрасились въ цвѣтъ, который имѣетъ мало общаго съ древнею Кіевскою Русью».

Нѣкоторыя имена вкладчиковъ въ лѣтописный сводъ и писателей (Нестора, Сильвестра, Лаврентія и пр.) уцѣлѣли случайно, а остальные потеряны навсегда.

«О пришествіи Руси изъ Скандинавіи не говорятъ никакія Европейскія и Азіатскія лѣтописи», 129.

Да ни о какомъ пришествіи въ какую бы то ни было страну не говорятъ чужія лѣтописи, Европейскія и Азіатскія. Развѣ случайно и мимоходомъ.

Каждая говорить право или криво, только о своихъ событіяхъ, наша лѣтопись говорить, что Варяги-Русь пришла изъ-за моря, говорить, напримѣръ, что Угры прошли мимо и заняли потомъ землю Славинскую. Угорская лѣтопись говорить, что Угры пришли такъ-то, а съ какой стати говорить ей о Польшѣ или Россіи.

«Но если бы при недостаткѣ свидѣтельствъ, мы въ своей дальнѣйшей исторіи все-таки видѣли несомнѣнную борьбу въ населеніи двухъ элементовъ, иноземнаго и туземнаго, и находили несомнѣнно чуждую примѣсь въ Русскомъ языкѣ и т. п., тогда легенда могла бы получить какую нибудь достовѣрность. Ничего подобнаго нѣтъ, никакой борьбы разнородныхъ началъ въ населеніи Кіевской Руси мы не видимъ, никакой иноземной струи въ народномъ языкѣ или въ письменныхъ памятникахъ нѣтъ», с. 130.

«Въ самыхъ первыхъ памятникахъ нашей письменности, въ договорахъ съ Греками, Русь является туземнымъ народомъ и не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на Варяжское происхождение».

Какой же борьбы вы хотите? Русь пришла и овладѣла. Такое-то племя покорилось ей безъ сопротивленія, какъ прежде Козарамъ; другое пыталось возмущаться, и было смирено, однажды, дважды, трижды. какъ Древляне, Вятичи, — вотъ и все.

Примѣси въ языкѣ кромѣ нѣкоторыхъ словъ искать нечего, такъ какъ качество должно было уступить количеству. Примѣнялись обычаи, законы, управление.

Къ какой же стати въ договорахъ намекать на происхождение? Туземнымъ является, ибо поселилась, водворилась; но дѣла ея показываютъ, что оно туземнымъ сдѣлалось, а не было. Законы указываютъ

на это пришлое племя; точно такъ и имена.

«Напротивъ въ первомъ своемъ юридическомъ сво-дѣ, то-есть въ Русской Правдѣ, Русь относится къ Варягамъ, какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ», с. 130.

Ну вотъ въ Русской-то правдѣ вы и видите одно изъ сильнѣйшихъ возраженій противъ своего мнѣнія: Русь также различается отъ Словянъ, какъ и Варяги: еще будетъ *Русинь*, либо *гридянь*, либо *купчина*, либо *ябедникъ*, либо *мечникъ*, еще изгой будетъ, либо *Словенинь*...

Варяги остались общимъ именемъ для всѣхъ Норманновъ, что велось до позднѣйшаго времени. См. мои изслѣдованія.

Передъ напечатаніемъ первой моей реценціи (с. выше, с. 273) я получилъ отъ стараго своего товарища, А. Э. Зиновьева, въ гостинецъ, ко дню своего юбилея, слѣдующее замѣчаніе: «Въ Англійскомъ языкѣ есть слово *drudge*, по Французски *valet, goujat, mousse*. Это слово происходитъ отъ глагола *to drudg*, по Шотландски *to drug*, по Ирландски *drugaire*, по Саксонски *draggen*, носить, волочить... какъ имя такъ и глаголь выражаютъ идею службы. Не оттуда ли происходитъ *дружина* Рюрика, Олега и пр.?—...Если эта догадка, хоть скольконибудь покажется вамъ основательною, то и ее можно при-бросить на вѣсы критики въ близкомъ для васъ историческомъ вопросѣ».

Я отвѣчалъ: прибросимъ, прибросимъ,—и она упадетъ на вѣки тяжеленькой гирькой для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя.

Слово дружина, чисто, казалось, наше, я считалъ переводомъ Норманскаго слова, означавшаго княжескую военную свиту, согласно съ мнѣніемъ Сенковскаго. По моему—всѣ наши древнія до управленія, до гражданскаго устройства, относящіяся слова суть Норманское, въ чемъ я вижу и одно изъ крѣпкихъ доказательствъ Норманскаго происхожденія Варяговъ Руси: бояре, тиуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, рядъ, скоть, гривна, стяга... Въ мужахъ княжихъ, отрокахъ и дѣтскихъ, добрыхъ людяхъ, дружинѣ, рабиничѣ, огнищанахъ, закупахъ, слышится переводъ. Есть изсѣдователи, не признающіе норманства въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ, и я согласенъ, что можно благовидно это доказывать; но въ совокупности ихъ съ прочими, безспорными, въ согласіи со всѣми обстоятельствами, онѣ, или понятія, къ нимъ у насъ присоединенныя, представляютъ для меня, ктoby что ни говорилъ, важное доказательство. Прутья изъ пучка можно перервать порознь, а весь пучекъ не подь силу, говоритъ старая присказка.

Замѣчаніе А. З. Зиновьева имѣю честь я представить одному изъ любезныхъ для меня людей, Д. И. Иловайскому, который опять поднимаетъ вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси. Я началъ было просьбою: «да дайте же мнѣ умереть спокойно»... но отвлекся отъ отвѣта послѣдними своими радостями, такъ что до сихъ поръ не могу ничего дѣлать, и только благодаря норманской электризаціи, написалъ эти строки, высылая въ нихъ впередъ на противниковъ приплывшую кетати изъ за моря вспомогательную дружину.

Параграфъ V г. Иловайскій посвящаетъ характеру лѣтописнаго дѣла и разногласію лѣтописцевъ по вопросу о Варягахъ и Руси».

с. 134. Повторять слова о безстрастїи нашихъ лѣтописцевъ — значитъ повторять положеніе давно отвергнутое. Представленіе о лѣтописцѣ, какъ о монахѣ, заживо погребенномъ въ Кіевскихъ пещерахъ, это представленіе годится только для поэзіи, (какъ Пимень Пушкина). Человѣкъ, вполнѣ отрекшійся отъ міра и углубившійся въ себя, не могъ знать того, что совершалось на пространствѣ Русской земли и слѣдить за ея разнообразными событіями».

с. 135. «Откуда напримѣръ (лѣтописатель) могъ имѣть подъ руками такіе документальные источники, какъ договоръ съ Греками или договоры между княжескіе? Эти документы хранились при княжихъ дворахъ. Кто могъ сообщать ему поученія, посланія и вообще грамоты княжескія, подробности битвъ, дипломатическихъ сношеній, совѣтовъ князя съ дружиною, даже помыслы и побужденія того или другаго князя? Какимъ обра-

Мнѣніе объ официальныхъ запискахъ, и даже извиненіе объ употребленіи этого слова, заявлено было мною, чуть ли не прежде, чѣмъ родились гг. Иловайскій и Костомаровъ, и цѣлое разсужденіе о томъ напечатано за 25 лѣтъ назадъ. Извольте слушать: Исслѣдованія, т. IV, с. 91. Я увѣренъ, что до Нестора были какія нибудь краткія записки, подобныя Новгородскому лѣтописцу, состоящему, особенно въ началѣ, изъ самыхъ краткихъ простыхъ извѣстій, хоть подобныя записки, кои ведутся помѣщиками въ провинціяхъ при календаряхъ. Безъ такихъ записокъ нельзя бы назначить Нестору время для происшествій, начавшихся за 200 лѣтъ до него. Конечно, есть лѣтописатели, которые разсказываютъ, что случилось за 1000 лѣтъ до нихъ, но нашъ, добросовѣстный, не идетъ въ сравненіи съ ними, и для меня невозможно вѣрить Шлецеру и Карамзину, чтобъ онъ назначалъ эти годы наугадъ,

зомъ онъ могъ слѣдить за всѣми передвиженіями князей старшихъ и младшихъ съ одного стола на другой? и т. д. Ясно, что все это не могло быть писано безъ вѣдома и соизволенія самихъ князей. Г. Костомаровъ въ своемъ очеркѣ русскихъ лѣтописей, по нашему мнѣнію, вѣрно указалъ на официальное значеніе лѣтописей. Но вообще эта сторона вопроса до сихъ поръ не была достаточно обслѣдована. Слово—официальность—конечно тутъ не должно быть понимаемо въ настоящемъ его смыслѣ. Въ наше время официальная литература почти не оставляетъ самостоятельности и свободы для редакціи, но въ тѣ времена еще наивныхъ литературныхъ приемовъ такой строгой дисциплины не могло быть». с. 135.

приноравливая свою хронологію къ хронлогіи Византійской. Замѣтимъ, что Византійскія происшествія въ Несторовой лѣтописи прекращаются еще въ половинѣ 10 вѣка. Въ одномъ 11 столѣтіи была сотня происшествій, — не говорю уже о концѣ 10. Какимъ же образомъ можно угадать имъ числа? Сія числа подтверждаются не однѣми Греческими лѣтописями, но и западными и сѣверными, напримѣръ Дитмаромъ, Ламбертомъ и проч.

Рѣшительно у насъ были записки до Нестора. Изслѣдованія мои т. I, с. 92. А вотъ изъ IV т. с. 6.

Есть ли въ лѣтописяхъ промежутки между годами, то есть, есть ли годы не описанные?

Нѣтъ.

Изъ этого явленія мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ; слѣдовательно было возлагаемо всегда на извѣстное лице,

и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было не кому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро,

Слѣдовательно лѣтописи наши имѣли характеръ оффиціальныи.

Вотъ второе заключеніе, выводимое нами изъ разсматриванія лѣтописей.

Нѣтъ ли ему подтвержденій положительныхъ?

Есть. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ позднѣйшему времени, но безъ сомнѣнія, могутъ быть отнесены и къ древности.

Важнѣйшимъ, драгоцѣннѣйшимъ, считаю я слѣдующее. Лѣтописецъ, описавъ подъ 1409 годомъ наше-ствіе Едигеево на Москву, прибавляетъ: *... но и первии наши властодержцы безъ гнѣва повельваюци вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати*, да и прочіи по нимъ образы явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Мономазе онаго великаго Селиверста Выдобыческаго не украшая пишушаго, да аще хоцеша, прочти тамо прилѣжно, да почетъ почиши.

И такъ лѣтописи наши *оффиціальны*, что касается до наружнаго ихъ происхожденія.

Съ котораго времени начинается ихъ такой оффиціальныи характеръ? Откуда произошелъ такой обычай?

Начало этого обычая, вѣдущагося непрерывно въ продолженіи перваго періода, современно, думаю, первымъ князьямъ, которые принесли его, разумѣется, изъ своей родины, съ мартомъ мѣсяцемъ.

Вспомнимъ, что мы прежде говорили о необходимости *записокъ до Нестора*. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ продолжались при немъ, послѣ него, и до позднѣйшихъ временъ, служа главнымъ матеріаломъ для лѣтописателей. Имъ-то собственно и принадлежитъ оффиціальное достоинство въ составѣ лѣтописей. Лѣтописатели жили въ монастыряхъ, а записки велись при князьяхъ, даже въ походахъ, что ясно видно изъ описанія вышеприведенныхъ лѣтъ 1111, 1147 и прочихъ, с. 10.

Къ этимъ словамъ моимъ принадлежатъ страницы доказательствъ и примѣровъ, составленныхъ въ теченіи многихъ лѣтъ труда, а теперь, чрезъ 20 и 30 новыхъ лѣтъ, г. Иловайскій указываетъ мнѣ на вѣрное указаніе г. Костомарова объ официальнойности нашихъ лѣтописей. Каково слушать мнѣ это и толковать объ этомъ! Познакомьтесь, господа, прежде съ лѣтописями, со всѣми источниками, съ литературою вопросовъ, а потомъ уже и принимайтесь спорить и осуждать съ высоты своего величія. Г. Костомаровъ, за котораго сочли вы обязанностію вступиться, получивъ отъ него въ жертву Литовское происхожденіе Руси, считаетъ, на примѣръ, Ярослава хромца хромоздателемъ, а онъ, по лѣтописямъ, Софійскому временнику и Воскресенскому списку, названъ ясно, хромоногимъ, по Эймундовой же Сагѣ, получилъ тяжелую рану въ ногу. И вотъ мнѣ на старости лѣтъ приходится толковать съ такими господами, учащими меня наукѣ, критикѣ, добросовѣстности, точности, и указывать имъ азбуку давно пройденную. Какъ же тутъ не сердиться, и безъ горячности, приписываемой мнѣ г. Гиляровымъ, и безъ живости, признанной г. Страховымъ.

За симъ слѣдуетъ продолженіе разсужденій г. Иловайскаго о хронологіи лѣтописи, о которомъ говорено выше.

Все послѣдующее на 135 с. читатели могутъ найти въ моихъ Изслѣдованіяхъ въ указанныхъ мѣстахъ, на примѣръ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что гражданскія лѣтописи велись по порученію и подъ надзоромъ самихъ князей».

См. IV, с. 8. И такъ лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. «Вся добрая и недобрая прилучившаяся», приказывали они записывать. «Подражая старшимъ нашимъ предшественникамъ», говорить

лѣтописецъ, «мы описы-
ваемъ все по правдѣ, предъ
очами нашихъ князей, при-
лежно намъ внимавшихъ».

«Что князья наши были
знакомы съ лѣтописями, на
это встрѣчаемъ указанія въ
ихъ дѣйствіяхъ».

с. 136. Князья необхо-
димо должны были вос-
пользоваться ими для сво-
ихъ и государственныхъ
потребностей.

Послѣ такихъ словъ г. Иловайскій обращается опять
къ Рюрику Ростиславичу и повторяетъ свое предполо-
женіе, что сводъ могъ быть составленъ при немъ въ
концѣ XII вѣка!!

«Мы не отрицаемъ, что въ
старѣйшей, то-есть Силь-
вестровой редакціи «По-
вѣсти временныхъ лѣтъ» уже
могло быть какое либо тем-
ное извѣстіе о Варягахъ.

«При другихъ обстоя-
тельствахъ это извѣстіе, по-
жалуй, и не получило бы
виднаго знака, а при тѣхъ
условіяхъ, при которыхъ
составленъ сводъ конца XII
вѣка, оно всплыло на по-
верхность и получило видъ
какъ бы историческаго

И собраніе этихъ указа-
ній вы можете найти у
меня въ изслѣдованіяхъ,
т. VII, с. 449.

См. IV, с. 9 и проч.
Найдете вы у меня и при-
мѣры, и доказательства.

Каковъ же темное извѣстіе?
Вѣдь все это только слова.

При какихъ же?

При какихъ же усло-
віяхъ? Что Великій Князь
имѣлъ имя Рюрика?

Предположеніе на пред-
положеніи, излеченномъ

факта. Таково наше предположеніе». с. 137.

«Есть и другіе поводы думать, что легенда о Варягахъ вошла въ сводъ не ранѣе конца XII вѣка, и вошла не въ полномъ своемъ составѣ. Во-первыхъ, какъ мы уже указывали въ первой статьѣ, ни одинъ изъ другихъ литературныхъ памятниковъ, несомнѣнно принадлежащихъ эпохѣ до-татарской, не упоминаетъ о призваніи Варяговъ и не знаетъ Норманна Рюрика, какъ родоначальника Русскихъ князей. Слѣдовательно эта легенда въ тѣ времена еще не была общеизвѣстною.

и въ сборникахъ Рюрикъ вездѣ съ своими Варягами-Русью. Точно также и во всѣхъ родословныхъ таблицахъ. Вотъ изъ Тверской лѣтописи: «Первый князь на Руской землѣ Рюрикъ, пришедъ изъ Нѣмецъ. И Рюрикъ же роди Игоря. А Рюрикъ княжи въ Новѣгородѣ 17 лѣтъ до Олгова княженія».

изъ предположенія на предположеніи.

Въ какомъ же литературномъ памятникѣ, кромѣ лѣтописей, желали бы вы найти извѣстіе о призваніи Варяговъ и о Норманнѣ Рюрикѣ, какъ родоначальникѣ Русскихъ князей? Доместику Кирику было не до Рюрика: онъ спрашиваетъ только: достойтъ ли глиняну сосуду молитву даяти оскверныюся, или только древяну, а инѣхъ избивати? Кирилль Туровскій заботился о нравственномъ и духовномъ состояніи народа. Мономахъ рассказывалъ свою жизнь. Симонъ и Поликарпъ посвятили свои сочиненія Кіевскимъ пещерамъ съ ихъ угодниками. Ну, а въ лѣтописяхъ

Что сказать о ссылкахъ на Длугоша и Стрыйковскаго? Отсылаю читателей къ Шлецеру и Нестору, но

замѣчу кстати, что Длугошъ и Стрыйковскій должны бы быть изданы и изслѣдованы въ монографіяхъ.

Лѣтописцы XV и XVI вѣковъ имѣютъ особый характеръ, противоположный древнему правдивому—это —риторы, полусказочники, а на нихъ—то г. Иловайскій и обращаетъ вниманіе, и умничанья ихъ, сказки, приписываетъ ихъ источникамъ, до насъ не дошедшимъ. Они начинаютъ производить Рюрика отъ Августа, а г. Иловайскій и самого Рюрика не признаетъ: какъ же согласить уваженіе его къ этимъ сборникамъ?

Интересно, что скажутъ норманисты противъ этой Новгородской редакціи (лѣтописца патріарха Цареградскаго Никифора), несомнѣнно принадлежащей XIII вѣку».

Тоже, что сказано о нелѣпомъ вариантѣ Лаврентьевскаго списка, на который вы тоже ссылаетесь, и который опровергается всѣми послѣдующими мѣстами того же списка, см. выше.

Чтобъ подкрѣпить важность извѣстія въ Никифоровомъ лѣтописцѣ, вотъ еще что говоритъ г. Иловайскій:

«Она (редакція Никифорова) древнѣе списковъ Ипатьевскаго и Лаврентьевскаго, изъ которыхъ первый относится къ XV вѣку, а второй, съ натяжками, къ концу XIV, ибо нѣтъ доказательствъ, чтобы Лаврентьевскій сводъ дошелъ до насъ въ рукописи самого Лаврентія».

Да вѣдь почерки-то переть вашими глазами. И первые сорокъ листовъ принадлежатъ не только къ XIV, но къ началу XIII, что замѣчалъ еще Тимковскій, и что сдѣлалось теперь для всѣхъ очевидно.

«Эта редакція какъ нельзя лучше подтверждаетъ, что

Если вы теперь, имѣя всѣ списки переть своими

въ тѣхъ древнихъ лѣтописяхъ, которыми пользовались Иоакимовскій отрывокъ, Длугошъ, Стрыйковскій и Герберштейтъ, Русь не смѣшивалась съ Варягами, и изображалась народомъ туземнымъ, а не пришлымъ. А въ этомъ то и весь корень вопроса».

глазами, послѣ полутора-столѣтней литературы вопроса, составленной ученыѣйшими критиками, какъ Миллеръ, Шлецеръ, Лербергъ, Кругъ, Карамзинъ, не можете выразумѣть смысла изъ-за очевидной описки, то что же вы требуете отъ полуиностранныхъ XV и XVI вѣка, которые видѣли передъ собою живую Русь, и для которыхъ не существовало нашихъ вопросовъ?

Корень вопросовъ точно въ этомъ, да только онъ не подтачивается, и не подрубается вашимъ предположеніемъ, что басенники, баснословы обо всемъ въ этомъ руководились пропавшими источниками.

«Какъ только отдѣлимъ Русь отъ Варяговъ, то вся система норманистовъ обращается въ прахъ».

Какъ только соединимъ Русь съ Варягами (а они уже соединены), то вся система г. Иловайскаго обращается въ прахъ. Какъ только докажемъ, что бѣлое бѣло, а черное черно (а это доказано), то вся система г. Костомарова обращается въ прахъ.

Какъ только отдѣлимъ туловище отъ головы, то весь человекъ какъ не бывалъ. Точно, все это правда, ну да вѣдь надо отдѣлнить прежде, а какъ же вы отдѣляете? Вотъ разобралъ я построчно ваше разсужденіе, въ исполненіе вашего желанія, тридцать главныхъ

страницъ и не нашелъ ни единой капли крови на Норманнской системѣ; она даже не опорѣзалась.

За сѣмъ г. Иловайскій начинаетъ дробить вопросъ и, видя невозможность раздробленія, какъ показано выше, заключаетъ:

«Чтобы спасти себя, повторяю, ему необходимо отстаивать легенду въ полномъ ея составѣ и въ томъ видѣ, въ которомъ, при помощи недоразумѣній, выработало ее досужество нашихъ старинныхъ книжниковъ, то есть съ небывалымъ народомъ Варяго-Руссовъ, съ невозможною хронологіей, Оскольдомъ и Диромъ, и пр.—отстаивать во что бы то ни стало, хотя бы съ явнымъ пожатиемъ здраваго смысла», с. 141.

Въ томъ-то и дѣло, повторимъ, что вся система представляетъ одно крѣпкое цѣлое, въ которой всякій членъ необходимъ и поддерживаетъ прочихъ, какъ прочіе поддерживаютъ его.

Послѣднее выраженіе о пожатіи здраваго смысла такими критиками, какъ Шлецеръ, Кругъ, Крамзинъ, не говоря о новыхъ, не показываетъ скромности и смиренія, которыхъ авторъ требуетъ отъ своихъ возражателей.

§§ 5 и 6. *Филологія норманистовъ. Имена князей.*

Объ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ отсылаемъ автора къ Лербергу, объ именахъ князей и пословъ къ Кунику. О совокупности правительственныхъ словъ Норманскихъ или Славянскихъ съ Норманскимъ значеніемъ говорено было нами выше.

Прибавлю два слова: скоть, скотина,—слова Русскія, но есть ли малѣйшее указаніе въ памятникахъ, пѣсняхъ, языкѣ, чтобъ скотомъ когда нибудь назывались у насъ деньги, скотницею—казна. Такъ можно ли сомнѣваться,

что въ словахъ дѣтописи это слово есть Норманское skat, а не наше.

Отвѣчу на относящееся ко мнѣ лично.

«Г. Погодинъ въ своихъ возраженіяхъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Авторъ старается доказать, что и Русскія названія (пороговъ) можно объяснять изъ Славянскаго языка. Такъ что же бы изъ этого вышло? Что Славянскихъ языковъ было два? Но вѣдь это была бы нелѣпость? Что это за вопросы?—спросимъ мы въ свою очередь. Кому же не извѣстно, что Славянскій языкъ имѣеть разныя нарѣчія и говоры». с. 495.

и тоже! Да и зачѣмъ же Новгородцамъ давать свои имена порогамъ, имѣвшимъ уже имена, вполне имъ понятныя? Геландри (*), Ульворси, Лессити—изъ какого Новгородскаго говора объяснить можно? Вѣдь это, пользуясь словами г. Иловайскаго, можно «отстаивать во что бы то ни стало, хотя бы съ явнымъ пожертвованіемъ здраваго смысла».

Кому же могло и можетъ придти въ голову, чтобъ Русскія и Славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ у И. Константина Багрянороднаго могли относиться къ двумъ Славянскимъ племенамъ? Русское по вашему слѣдовательно должно принадлежать Кіевской Славянской Руси: ну, а Славянскія—то названія какому же могли бы принадлежать племени? Новгородцамъ? Кромѣ Новгородцевъ кого же еще вообразить можно? Но Новгородское Славянское нарѣчіе и Кіевское Славянское нарѣчіе было почти одно

(*) Виновать—г. Иловаискій объясняетъ названіе этого порога: Геландри (Gellende, нынѣ Звонецъ) Русскими формами: Глухандри, Слѣпандри (с. 486). Могу напомнить ему еще форму Садовскаго, употребленную имъ въ разсказѣ о войнѣ 1812 года: Наполеовдра!

Замѣчательно, что онъ говоритъ это съ особенной самоувѣренностію и удареніемъ: «Кому неизвѣстно» и проч. Далѣе онъ еще сравниваетъ употребленіе Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ нарѣчій съ употребленіемъ Славянскихъ нарѣчій, для объясненія названій Русскихъ и Славянскихъ. Но не въ томъ дѣло.

«Интересно, что подобные аргументы выходятъ отъ норманизма, прибѣгающаго для своихъ филологическихъ натяжекъ къ языкамъ не только Скандинавскимъ, но и къ Англосаксонскому, Голландскому и вообще ко всѣмъ языкамъ Нѣмецкой группы». с. 495.

«Далѣе, г. Погодинъ недоумѣваетъ относительно того, что названіе Русь имѣло въ разныхъ извѣстіяхъ и разные оттѣнки, то-есть болѣе тѣсный, или болѣе широкій смыслъ. Такое недоумѣніе со стороны историка намъ непонятно. Кто же не знаетъ, въ какихъ разнообразныхъ значеніяхъ (то-есть смыслахъ) встрѣчаются въ источникахъ, напримѣръ, названія: Римляне, Греки, Скифы, Сарматы, Франки, Нѣмцы, Норманны и проч.»

Вѣдь если бы вы объяснили Русскія названія изъ какого нибудь Славянскаго нарѣчія, точно какъ изъ другаго Славянскія, и если бы норманисты стали оспаривать такое право, вы имѣли бы право указать на употребленіе всѣхъ нѣмецкихъ нарѣчій.

Эти слова г. Иловайскаго относятся къ моему замѣчанію см. выше, на с. 320. Объясненію г. Иловайскаго, выраженному съ такою надменностію, можно только удивляться! Римъ есть Римъ. Во всемъ покоренномъ имъ мірѣ всякій житель есть Римскій гражданинъ или подданный, но никакая другая страна въ Европѣ, Азіи или Африкѣ не называется Римомъ. Другаго Рима нѣтъ. Русь есть Русь, и Камчадалъ, Чеченецъ, Туркестанецъ

могутъ назваться Русскими въ смыслѣ подданства, но другой Руси нѣтъ; а вѣдь по вашимъ изслѣдованіямъ выходитъ, что одна Русь была на югѣ, другая на востокѣ, третья внутри, и проч.

Въ заключеніе г. Иловайскій на семи страницахъ представляетъ шесть голословныхъ отрицаній, относящихся къ Норманской системѣ, и тридцать утверждений съ шестью прибавленіями, относящихся къ его системѣ. Не считаемъ нужнымъ на нихъ останавливаться, такъ какъ всѣ ихъ основанія выше разобраны нами подробно, да и силъ, терпѣнія, уже недостаетъ больше. *Sapienti sat!*

Обратимъ вниманіе только на два слѣдующія мѣста заключенія:

1. «Одно изъ главныхъ положеній исторической науки: въ случаѣ столкновенія разныхъ мнѣній о какомъ либо событіи, должно получить преимущество то мнѣніе, которое объясняетъ наибольшую сумму несомнѣнно историческихъ фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ данному событію, или къ данной эпохѣ». с. 496.

Да, да, это есть непреложное правило, — и приложеніемъ его наитверже укрѣпляется норманнская система. Ею объясняется древняя Русская Исторія самымъ удовлетворительнымъ образомъ для всякаго нейтральнаго изслѣдователя безъ предвзятыхъ идей. Пусть читатели обратятъ вниманіе на мою схему, представленную выше на с. 298. И напротивъ, всякая другая система, а система г. Иловайскаго болѣе, такъ какъ она представляетъ со-

вершенное отсутствіе логической связи и всесторонняго обзрѣнія предмета, представляетъ множество вопросовъ необъяснимыхъ, и совершенное противорѣчіе навѣрнѣйшимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

2. «Въ наукѣ (говоримъ собственно объ исторіи) обыкновенно бываетъ такъ: если исходная точка зрѣнія вѣрна, то всякій новый трудъ, произведенный въ томъ же направленіи, увеличиваетъ запасъ данныхъ и прибавляетъ свѣту для разъясненія минувшихъ вѣковъ».

Если бъ г. Иловайскій хоть мало былъ способенъ относиться къ предмету безпристрастно, такъ онъ, вспомнивъ всѣ историческія открытія послѣдняго времени, удостоился бы въ достовѣрности Норманской системы и удержался бы отъ неосновательнаго ея осужденія. Напомню ихъ ему.

Открыты были проповѣди патріарха Фотія въ Константинополѣ, и онѣ превосходно подтвердили намъ извѣстіе Нестора о походѣ туда Аскольда и Дира, что касается до его сущности, и изобразили намъ живо Норманскую Русь, не имѣвшую ничего общаго съ тихими сухопутными южными Славянскими племенами и совершенно подобную своимъ единоплеменникамъ во Франціи, Англии, Италіи, и проч.

Найдены Арабскія извѣстія о походахъ Руси на берега Чернаго и Каспійскаго морей, и онѣ исполнили намъ наши прочія свѣдѣнія объ этомъ храбромъ, отважномъ племени, въ подтвержденіе извѣстій Греческихъ и нашихъ собственныхъ.

Найдены у Арабскихъ современныхъ писателей извѣстiя о торговцахъ Русскихъ въ Астрахани, и всѣ ихъ обычаи совершенно сходятся съ Норманскими, по свидѣтельству такихъ знатоковъ, какъ Кругъ, что касается до Сѣвера, и Френъ, что касается Востока.

Откапываются въ Россiи монеты древнiя, 8, 9, 10 и 11 вѣковъ, Арабскiя, Норманскiя, Греческiя, и онѣ побѣдноносно подтверждаютъ извѣстiя Греческiя и собственныя о торговлѣ Норманно-Русской съ Сѣверомъ и Востокомъ.

Напечатана Эймундова Сага, и мы видимъ здѣсь живьемъ нашихъ Норманскихъ князей, ихъ отношенiя къ Сѣвернымъ соотечественникамъ, находимъ разительное подтвержденiе извѣстiямъ нашей лѣтописи, что касается, опять повторю, до ихъ существеннаго значенiя.

Вотъ нашъ Архiепископъ Антонiй, недавно изданный отлично г. Саввантовымъ, свидѣтельствуетъ, что онъ видѣлъ въ соборѣ драгоцѣнное золотое блюдо Ольгино, которая принесла въ даръ великая княгиня Русская, когда приходила за данью въ Константинополь.

Вотъ анонимъ Таврическiй, X вѣка, давно извѣстный, но оставившiйся безъ изслѣдованiя, на который посчастливилось обратить вниманiе новому изслѣдователю, (Г. Ламбину), и у него находится драгоцѣнное указанiе на посольство жителями одной Крымской области къ князю, жившему на Сѣверъ отъ Дуная, который назначилъ посла своимъ посадникомъ. Посолъ описываетъ возвратный путь по лѣвому берегу Днѣпра, переправу чрезъ эту рѣку и дальнѣйшiя опасности, и проч.

Наконецъ имѣю честь и счастье представить слѣдующее новое свидѣтельство въ пользу Норманской системы (*).

(*) Это извѣстiе сообщилъ мнѣ г. Кунигъ предъ диспутомъ съ г. Костомаровымъ о происхожденiи Руси, но я не хотѣлъ его употребить тогда, ибо это было бы противно нашему предварительному условiю.

IOHANNIS DIACONI CHRONICUM VENETUM ET GRADENSE.

(USQUE AD A. 1008).

Anno quidem domini nostri Iesu Christi ab incarnatione (*)... Lodovicus Longobardorum rex, una cum conjugē sua, ad locum, qui Brundulus vocatur veniens, apud sancti Michaëlis monasterium ab utroque duce honorifice susceptus est. Ubi cum triduo simul commanent, ad dilectionis seu pacis vinculum corroborandum, Iohannes dux suam de sacro baptismate sobolem regem promovit ut susciperet. Quo peracto rex cum conjugē Italiam, duces vero ad palatium, reversi sunt. Eo tempore Normanorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantinopolitanam urbem a dire ausi sunt. Verum quia nulla ratione inexpugnabilem ledere valebant urbem, suburbanum fortiter patentes bellum quam plurimos ibi occidere non perpercerunt, et sic predicta gens cum triumpho

Въ лѣто отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа... Людовикъ, царь Лонгобардовъ, (855—875) вмѣстѣ съ супругою, на пути къ мѣсту, называемому Брундуломъ, съ почестями былъ принятъ обоими вождями около монастыря Святаго Михаила. Когда они оставались тамъ вмѣстѣ впродолженіи трехъ дней, вождь Іоаннъ, для укрѣпленія союза любви или мира, убѣдилъ царя сподобить святаго крещенія его дитя. По исполненіи сего царь съ супругою возвратился въ Италію, а вожди—во дворець. Въ то же время Норманскіе народы дерзнули приступить къ Константинополю съ тремястами шестьюдесятью кораблями. Но такъ какъ никакимъ способомъ не могли они повредить непобѣдимому городу, то,

(*) A. q. d. n. I. Ch. ab i. post inscripta sunt in lacunam, ut pallidus atramentum demonstrat. Pertz.

Слова... вписаны послѣ въ лѣтопись, какъ это показываютъ чернила, имѣющія видъ болѣе блѣдныи.

ad propriam regressa est. Is etiam diebus (863) Caroli, Francorum regis et Lotharii filii, exitus Lodovico Longobardorum regi denunciatus est. Pertz. VIII, p. 18.

Eodem quidem anno Michahel imperator cum ad expugnandam Bulgarorum gentem aggressus esset, in tantam inimicorum multitudinem perterritus fuit, ut proprio rejecto exercitu, fugam Constantinopolim arripuit. Et quia valde sibi ignominiosum hoc fecisse videbatur, non palacium sed monasterium petiit. Tunc Leo qui illius exercitus dux et signifer erat, pugnam patrare minime timuit et Deo favente cum triumpho urbem reversus est. Quem imperatorem omnes fieri conlaudaverunt. Postmodum vero Constantinum, suum filium, socium habere in hac dignitate voluit. Pertz. VIII, p. 15.

мужественно нападая на городскія предмѣстья, перебили здѣсь весьма многихъ, и такимъ образомъ съ торжествомъ возвратились во свояси. Въ это также время Людовикъ, царь Лонгобардовъ, былъ извѣщенъ о смерти Карла, царя Франковъ, и сына Лотаря.

Въ тотъ же годъ императоръ Михаилъ, прибывъ для завоеванія народа Болгарскаго, такъ былъ уstraшенъ множествомъ непріятелей, что, оставивши собственное войско, бѣжалъ въ Константинополь. И такъ какъ этотъ поступокъ казался ему безчестнымъ, то онъ удалился не во дворецъ, а въ монастырь. Тогда Левъ, бывший вождемъ и знаменосцемъ его войска, нисколько не уstraшился открыть сраженіе, и, при помощи Божіей, съ торжествомъ возвратился въ городъ. Всѣ одобрили избрать его императоромъ. Однако же онъ захотѣлъ раздѣлить власть съ сыномъ своимъ Константиномъ.

Наиважнѣйшее, наидрагоцѣннѣйшее извѣстіе, выше извѣстія Бертинскихъ лѣтописей, выше Лиутпранда и Дитмара! Оно одно разбиваетъ въ прахъ систему, какъ г. Иловайскаго, такъ и г. Костомарова: не смѣшными ли представляются толки перваго объ Аскольдѣ и Дирѣ, какъ туземныхъ Русскихъ князьяхъ, и толки втораго объ ихъ прибытіи, о сказкахъ Длугоша, и проч. и проч.

Normannorum gentes!

Но вотъ чему должны удивиться читатели: я получилъ это извѣстіе отъ академика Куника, предъ началомъ диспута съ г. Костомаровымъ, но не воспользовался имъ, потому что, повторяю, см. с. 373, дѣло шло тогда уже не о наукѣ, и притомъ мы дали другъ другу слово не говорить ничего лишняго, кромѣ условленнаго. Съ тѣхъ поръ я забылъ о немъ, и оно оставалось въ моихъ бумагахъ. Дописывая разборъ приложенный, когда дѣло дошло до вновь находимыхъ источниковъ, я вспомнилъ объ извѣстіи, и только теперь оцѣнилъ его значеніе. Нечего говорить, сколько Норманскаго удовольствія оно мнѣ доставило, но скажу, какую же и досаду на себя я почувствовалъ: зачѣмъ же я трудился, и, приемовъ въ двадцать, написалъ эту длинную, утомительную статью! Довольно бы привести это извѣстіе, и сказать только, что Чичиковъ не могъ быть Копейкинымъ, потому что у Копейкина отстрѣлена была нога, а у Чичикова цѣлы объ. Довольно бы сказать, что вотъ, въ дополненіе всѣхъ прежнихъ доказательствъ, свидѣтельство Западнаго лѣтописателя, X вѣка, представленное за долго до сочиненнаго г. Иловайскимъ нашего свода въ XII вѣкѣ, которое говоритъ, что *Normannorum gentes* нападали на Константинополь, въ 866 году, и слѣдовательно извѣстіе о поселеніи Норманской Руси у насъ въ IX вѣкѣ подтверждается великолѣпно! *Oleum et operam perdidit!*

XVIII

ГОСТИНЕЦЪ Г-НУ КОС ТОМАРОВУ.

*Много причиняю я досады, сознаюсь, Г. Костомарову эту книжкою, впрочемъ соразмѣрно съ огорченіями, которыя имѣ мнѣ причинены своими кривотолками и выходками противъ любезныхъ, дорогихъ лицъ Русской Исторіи: за то въ заключеніе, къ свѣтлому празднику, представляю ему въ гостинецъ неожиданное имѣ красное яичко.

Прежде всего я долженъ однако-жь оговориться, чтобъ изъ моего гостинца не было сдѣлано злоупотребленія противъ меня.

Варяговъ-Русь я считалъ сначала моей дѣятельности на историко-критическомъ поприщѣ, и считаю до сихъ поръ, Норманнами, приводя тому доказательства, чужія и, свои, кои представлялись мнѣ при изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ. Точно также съ самаго начала, т. е. съ университетской диссертациі на степень магистра въ 1825 году, я опровергалъ или возражалъ на тѣ мнѣнія, по коимъ назначалось имъ то или другое обителище. Всѣ мнѣнія, старыя и новыя, мнѣ казались неудовлетворительными.

Всего яснѣе я выразилъ эту мысль (1846) въ своихъ Изслѣдованіяхъ о Русской Исторіи, томъ 11, с. 166.

«Кто были именно Варяги-Русь и гдѣ они жили, не рѣшено до сихъ поръ съ достовѣрностію, и едва ли когда нибудь будетъ рѣшено, за недостаткомъ свѣдѣній.

Я не считаю даже этого вопроса слишком важным: намъ нужно знать, кто были Варяги-Русь, какого племени, чтобы понять, какое вліяніе могли они имѣть на Славянъ, среди которыхъ поселились, какой элементъ внесли они въ составъ основаннаго ими государства: а въ какомъ углу Сѣвера, или древней Скандинавіи, они прежде обитали, это почти все равно для главной задачи».

Приводя эти слова въ разборѣ мнѣнія г. Гедеонова о происхожденіи Варяговъ и Русч, я прибавилъ въ поясненіе:

•Варяги-Русь—племя Норманское.

Имя Русь принадлежало этому племени, т. е. племени Норманновъ-Варяговъ, которые назывались Русью, какъ другіе Шведами, Англичанами и проч.

Откуда происходитъ имя Руси—открытое поле для догадокъ. Гдѣ жили первоначально Русь,—*открытое поле для догадокъ*. Точно такое же открытое поле для догадокъ о происхожденіи имени Варяговъ. Догадки эти излагалъ я исторически, *не принимая ни одной положительно, и соглашаясь съ тою или другою вѣроятностію*. с. 7.

Изъ всѣхъ мнѣній вѣроятнѣйшимъ казалось мнѣ, что Варяги-Русь жили въ углу Балтійскаго моря, а прежде Вагрія, (нынѣ Голштинія), Славянская страна, гдѣ жило много Славянъ и Датчанъ, см. выше, с. 297. Манило меня туда имя Вагрія, подобозвучное съ Варягами, и близкое сходство и даже сосѣдство Славянъ и Норманновъ, по которому языки должны быть знакомы другъ другу, а слѣдовательно и нашимъ Словенамъ.

Значительное возраженіе на такое мнѣніе состоитъ въ томъ, что Вагрія или Голштинія находится въ наибольшемъ отдаленіи отъ Словенъ Новгородскихъ, и мудрено предположить какъ знакомство, такъ и столь продолжительное плаваніе къ нимъ.

Не жили ли Норманны—Варяги—Русь, въ эпоху призванія, именно въ устьяхъ Нѣмана, какъ предполагалось однимъ изъ старыхъ мнѣній? т. е. Не поселились ли они когда нибудь въ устьяхъ или низовьяхъ Нѣмана, какъ послѣ поселились въ устьяхъ Невы, и еще позднѣе въ верховьяхъ Двины?

Должно сознаться, что вопросъ историческій смѣшивался по большей части, до сихъ поръ, въ этомъ случаѣ, въ этомъ именно спорѣ, съ вопросомъ географическимъ; изъ-за историческаго вопроса о происхожденіи, изслѣдователи смотрѣли на географическій, о мѣстѣ обитанія, отъ чего и происходило замѣшательство и недоразумѣніе. Одни по мѣсту обитанія утверждали происхожденіе, другіе по происхожденію отвергали мѣсто обитанія.

Ломоносовъ вслѣдъ за Степенною книгою видѣлъ Варяговъ—Русь въ устьяхъ Нѣмана, и считалъ ихъ Пруссами—Славянами. Миллеръ — какими то *Роксоланами*, въ смыслѣ географа Равенскаго. Костомаровъ объявилъ ихъ *Литовцами*, изъ Жмуди, въ болѣе верхнихъ частяхъ Нѣмана. А считавшіе Варяговъ—Русь Норманнами, возражая на происхожденіе ихъ отъ Пруссовъ—Славянъ. Литовцевъ или Жмуди, въ виду преимущественно происхожденія, обращали мало вниманія на обиталище.

Между тѣмъ какъ это вопросы совершенно различныя: 1.. Кто были Варяги Русь и 2., Гдѣ они жили?

Вопросы эти не должны быть смѣшиваемы, но не могутъ ли они быть соединены съ взаимными уступками?

То есть, въ устьяхъ Нѣмана не поселилось ли издревле Норманское племя, которое прозывалось Русью, и рукавъ рѣки, около котораго оно жило, назывался отъ нихъ, или они отъ него Руссою, а заливъ Русною? Изъ этого племени избрались три брата—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, по вызову Словенъ Новгородскихъ, Кривичей и Чуди, и выселились къ нимъ, какъ прежде выселялись сюда изъ какой-нибудь части Скандинавіи.

При этомъ случаѣ мнѣ вспоминается сдѣлка, предложенная мною въ шутку на диспутѣ съ г. Костомаровымъ: «Худой миръ лучше доброй ссоры. Мы съ вами толковали о вопросѣ географическомъ... Но самое важное здѣсь элементъ Норманскій» —... «Если я сдѣлаю вамъ уступку, то прошу мнѣ не вѣрить, потому что внутри у меня теперь же шепчется, твердится совѣтъ другое; въ сердцѣ моемъ остается убѣжденіе, что въ основаніи Русскаго государства преобладаетъ Норманскій характеръ, хотя между Норманнами могли быть и прочіе жители Балтійскихъ береговъ: Славяне, Чудь, Литва». с. 35.

И прежде въ первомъ разборѣ Литовскаго происхожденія я указывалъ на возможность Норманскаго поселенія въ устьяхъ Нѣмана. (См. выше с. 154).

Обратимся теперь къ великому нашему мастеру, Карамзину, и посмотримъ, какъ онъ относился къ вопросу, насъ занимающему. По глубокому убѣжденію, вообще, онъ почиталъ Варяговъ-Русь Скандинавами, Норманнами. I. с. 44—48. «Но сіе общее имя Датчанъ, Норвежцовъ, Шведовъ, не удовлетворяетъ любопытства историка: мы желаемъ знать, какой народъ, въ особенности называемъ Русью, далъ отечеству нашему и первыхъ государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка страшное для Имперіи Греческой».

За симъ излагаетъ онъ два мнѣнія такимъ образомъ: I. «Историки находятъ основательныя причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали въ королевствѣ Шведскомъ, гдѣ одна приморская область издавна именуется Росскою, Ros-lagen. Жители ея могли въ VII, VIII или IX вѣкѣ быть извѣстны, въ земляхъ сосѣдственныхъ, подъ особеннымъ названіемъ, такъ же какъ Готландцы, коиъ Несторъ всегда отличаетъ отъ Шведовъ. Финны, имѣя нѣкогда съ Рос-лагеномъ болѣе сношенія, нежели съ прочими странами Швеціи, донынѣ именуютъ всѣхъ ея жителей вообще Россами, Ротсами, Руотсами. Сіе

миѣніе основывается еще на любопытномъ свидѣтельствѣ историческомъ», т. е. на извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей, по которому Rhos 839 г. оказываются роду Шведскаго.

II. «Сообщимъ и другое миѣніе съ его доказательствами. Въ Степенной книгѣ XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ изъ Пруссіи, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ Русною, сѣверный рукавъ Нѣмана или Мемеля Руссою, окрестности же ихъ Порусьемъ. Варяги-Русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Рос-лагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, Ульмиганы или Ульмитеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы Скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать. Долго обитавъ между Латышами, они могли разумѣть языкъ Славянскій, и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ Славянъ Новгородскихъ: Симъ удовлетворительно изъясняется, отъ чего въ древнемъ Новгородѣ одна изъ многочислѣннѣйшихъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть отечество Роксоланъ: думаютъ, нашихъ Россовъ, коихъ владѣніе могло простираться отъ Курскаго залива до устья Вислы. Вѣроятность остается вѣроятностію. По крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ Шведскій въ 839, г., слѣдственно еще до пришествія князей Варяжскихъ въ землю Новгородскую и Чудскую, именовался въ Константинополѣ и въ Германіи Россами». с. 48 и 49.

Этими словами Карамзинъ какъ будто хотѣлъ сказать, что Варяги-Русь могли обитать въ устьяхъ Нѣмана въ эпоху призванія, бывъ народомъ Шведскимъ.

Замѣтимъ великую его осторожность и вмѣстѣ искусство изложенія. Увѣренный въ Норманскомъ происхож-

деніи, онъ не беретъ на себя болѣе никакой отвѣтственности; о Шведскомъ онъ говоритъ: *историки находятъ* основательныя причины думать, и проч. О Прусскомъ онъ началъ свое изложеніе: «Предложимъ и *другое* мнѣніе съ его доказательствами», подчеркнувъ слово *другое*. Разсматривая его еще въ 1825 году, я замѣтилъ, что «нельзя сказать навѣрное, какое мнѣніе принимаетъ Карамзинъ». Кажется онъ предпочиталъ Шведское, но заключилъ изложеніе того и другаго мнѣній значительными словами: «вѣроятность остается вѣроятностію». Ясно то, что онъ считалъ ихъ Норманскимъ племенемъ, какъ это подробно у него развито прежде, и полагалъ, что Варяги-Русь могли жить въ Швеціи, но могли жить и въ устьяхъ Нѣмана, т. е. около Пруссіи.

Изагая теперь мнѣніе объ этомъ мѣстопробываніи Варяговъ-Руси, кто бы то ни былъ, не могъ бы выразить его лучше, яснѣе, убѣдительнѣе.

Мы только теперь замѣнимъ въ словахъ заключенія, извлеченныхъ изъ Бертинскихъ лѣтописей, его народъ Шведскій, общѣе и вѣрнѣе, Норманскимъ: т. е. мы знаемъ, что какой-то народъ Норманскій, единоплеменный съ Шведами, въ 839 г. назывался въ Константинополѣ и въ Германіи Россами.

Мнѣнія имѣютъ жизнь. Это какіе-то, какъ я сказалъ въ первомъ разборѣ Лятовскаго происхожденія, гномы, которые имѣютъ свой метемпсихозисъ. Онѣ пропадаютъ, скрываются и опять возникаютъ, помолодѣлыя, принаряженныя. Можно, кажется, сказать еще болѣе: мысли рождаются, зрѣютъ втеченіи времени и у лицъ, и у поколѣній, и у народовъ.

При отдѣленіи вопроса географическаго отъ историческаго, обиталища отъ происхожденія, склоняясь

къ мнѣнію, что Варяги-Русь, въ эпоху призванія, жили, *въроятнѣе*, въ нижнихъ частяхъ Нѣмана, и долженъ съзнаться, что нѣкоторыя изъ прежнихъ мнѣній возраженій, наприм. на ст. 158, должно видоизмѣнить, что и предоставляю молодымъ друзьямъ Исторіи.

Видите, — я предлагаю учиться не только надъ другими, но и надъ собою.

Въ пользу этого мнѣнія можно сказать, что устье Нѣмана гораздо ближе къ Новгороду, нежели какія либо другія части Скандинавіи, тѣмъ болѣе отдаленныя, крайнія по Балтійскому поморью, и потому онѣ могли Новгородцамъ легче сдѣлаться извѣстными.

Воспользуемся еще замѣчаніемъ Карамзина т. I, с. 111. «Имя Prussi сдѣлалось извѣстно въ 997 году: въ первый разъ употребилъ его безымянный сочинитель жизни Св. Адельберта. Всего *въроятнѣе*, говоритъ онъ при этомъ случаѣ, что оно произошло отъ рѣки Русы или Русны, а не отъ сосѣдства съ Россією, какъ многіе толковали. Такъ Поволжьемъ назывались окрестности Волги, Поморьемъ — окрестности моря, и проч. Никогда же не бывало Погреціи, или Почудья, или Понѣмечья».

Не правда ли, что во всемъ этомъ былъ бы сладкій гостянецъ Г. Костомарову, но, увы, я вспомнилъ, что на шутливую мою даже сдѣлку, которая принимаетъ теперь характеръ болѣе положительный, онъ отвѣчалъ рѣшительно: «Какъ Норманскій элементъ? Этого я не говорю». «Я твердо остаюсь въ Жмуди». «Прежде надобно доказать, что Скандинавы не только покоряли и брали дань съ этихъ земель, но тамъ селились и оставались». «Примите пришествіе Русскихъ князей изъ Литвы, примите, что *господствующій элементъ* той колоніи, которая къ нимъ пришла подъ именемъ *Руси*, былъ

Литовскій, а я допущу возможность нѣкоторой, малой подмѣси Норманскаго. Литовская народность дѣлилась на разныя вѣтви; быть можетъ въ эту приморскую и попало нѣсколько Норманновъ».

То есть, г. Костомаровъ соединялъ съ Географіею и Исторію, происхождение съ обиталищемъ.

Этого мало—онъ совершенно отказался не только отъ Исторіи, но и отъ Географіи, и не говоря худаго слова, услышавъ о новомъ мнѣніи г. Иловайскаго, доказывающаго туземство Руси на югѣ, безъ всякаго бою, за одно блюдо чечевицы, т. е. отрицаніе Норманскаго происхожденія, онъ отказался торжественно и отъ Жмуди, и отъ Литовскаго происхожденія, и отъ устьевъ Нѣмана.

Какъ онъ будетъ жалѣть, что поторопился, а то теперь былъ бы ему прекрасный случай воскликнуть: ну вотъ что я говорилъ! я ошибался только въ происхожденіи, но вѣрно указывалъ мѣсто, а что возражалъ Погодинъ? Онъ самъ соглашается и проч.

Разумѣется, я отвѣтилъ бы ему, что я стоялъ за происхождение, а не за обиталище, и оставлялъ этотъ вопросъ открытымъ, надъ чѣмъ еще недавно потрунилъ г. Иловаискій. Вопросъ остается такимъ и теперь, и я думаю только, что Норманскую Варяговъ-Русь вѣроятнѣе искать въ устьяхъ и низовьяхъ Нѣмана, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Балтійскаго поморья.

Противники мои! видите, какъ я поступаю искренно, и какъ объявляю безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей то, что мнѣ представляется среди разсужденій и изслѣдованій, —потому что я ищу истины, а не удовлетворенія своему самолюбію, чего и вамъ желаю.

Апрѣля 7, 1874 г.

СВѢДѢНІЕ О ЛѢТОПИСИ ІОАННА ДІАКОНА.

(изъ изслѣдованій акад. Куника).

«Іоаннъ Діаконъ, Венеціанецъ, современникъ Владимира Великаго, въ 1000-мъ году дожемъ былъ отправленъ къ императору Оттону. По Лебрету онъ также сопровождалъ сына дожа при сватовствѣ его въ Константинополь въ 1004-мъ году. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ присутствовалъ при прїездѣ принцессы въ Венецію и извѣстіе обо всей этой свадебной поѣздкѣ положительно свидѣтельствуесть, что авторъ его былъ очевидцемъ всего этого. Свою лѣтопись (*Chronicon Venetum*) Іоаннъ Діаконъ довелъ до 1008 года. Первое ея изданіе вышло въ Венеціи въ 1765 году, но за предѣлами Італіи почти осталось неизвѣстнымъ».

По поводу извѣстія Іоаннова я съ своей стороны замѣчу еще, что весьма примѣчательно сходство извѣстія о разореніи *предмѣстїя* Константинопольскаго у Іоанна Діакона и въ проповѣдяхъ Фотія.

Г. Куникъ замѣчаетъ при этомъ, что «Венеціане поддерживали дѣятельныя торговыя, а въ особенности ради Аравитянъ, и дипломатическія сношенія съ столицею Византійской имперіи. Вѣсть о нашествіи Росовъ въ 865 году дошла въ Венецію, вѣроятно, еще въ томъ же году. Къ сожалѣнію, Венеціанское извѣстіе не дошло до насъ въ своей первобытной формѣ, а сохранилось только въ сравнительно древнѣйшей редакціи

Венеціанской лѣтописи, содержащей много драгоценныхъ свѣдѣній о Византіи и адріатическихъ Славянахъ».

Г. Куникъ замѣчаетъ, что Іоаннъ Діаконъ перѣдко приурочиваетъ событія однимъ или двумя годами ранѣе или позднѣе.

Компильяціей Іоанна Діакона неоднократно пользовался дожъ Андр. Дандуло (+1354 г.) при составленіи своего *Chronicon Venetum*. Между прочимъ онъ заимствовалъ у него (*Mutatori, Rerum Ital. Scriptores. Tom. XII. 1727. Pars XLI*) извѣстіе о походѣ Аскольда:

Per haec tempora Normannorum gentes CCCLX navibus aggressi sunt Constantinopolim, et suburbana impugnant, multosque occidunt, et cum gloria redeunt.

К О Н Е Ц Ъ .